

You shouldn't see a distinction between winning and losing
Boris Pasternak

И упало слово

Роман

Андрей Шипилов

Часть первая. Человек, уставший бояться.

Государственная медицина гарантирует гражданам своевременное исцеление от всех излечимых заболеваний, включая рак. Граждане обязаны добросовестно и организованно трудиться и довольствоваться только самым необходимым, чтобы скопить ресурсы для своего будущего исцеления. Заболевший раком гражданин считается выполнившим свой долг перед обществом и, после исцеления, отправляется на пожизненный отдых на Безмятежные Острова.

Ст. 3 Конституции Земли

Вступление к первой части

Они облетели Озеро с восточной, подветренной стороны, чтобы не ощущать смрада, который источала зеленоватая, мутная вода водоема.

Когда-то, давным-давно, это место называлось «Озеро Байкал», но сейчас вторая часть названия канула в лету и осталось просто — «Озеро». Но несмотря на гниющую воду, под поверхностью Озера еще теплилась какая-то жизнь, а в многочисленных водоемах-садках по его берегам выращивали рыбу-пангасиус — деликатес для больших столичных начальников.

Поэтому они предусмотрительно держались поодаль от берега, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. В этих местах уже много лет не видели боевых коптеров и на непривычный силуэт несомненно обратили бы внимание.

Проскользнув незамеченными мимо Озера и садков, они оказались над необитаемой территорией. Здесь уже можно было не таиться. Под ними раскинулась тайга, где уже больше ста лет не ступала нога человека, а это небо не бороздили ни коптеры, ни дирижабли. Место лежало вдали ото всех воздушных трасс.

Но, тем не менее, те, кого они ждали, должны были пролететь именно здесь. Риска ошибиться тут практически не было.

— Смотри, — сказал первый, указывая на зеленую точку на экране радара.

— Вижу, — ответил второй.

— Ты не забыл, как это делается?

— Еще чего! — ответил второй, но на всякий случай разложил на планшете инструкцию.

Он защелкал тумблерами, движением рукояток поймал точку в перекрестье и нажал кнопку пуска. Коптер тряхнуло, а на экране показалась вторая точка которая

стала не спеша приближаться к первой. Через некоторое время точки слились и пропали с экрана.

— Ну вот, дело сделано!

— Не забудь, приказано убедиться, что никто не выжил.

— Сейчас подлетим к месту, убедимся! Погоди, — второй озадаченно повернулся к первому, а как же их найти, их же нет теперь на радаре!

— Не знаю, — растеряно ответил тот, — лети просто по направлению там же должен быть какой-то пожар, дым должен быть видим издалека.

Минут двадцать они кружились над тайгой, но так ничего и не увидели.

— Смотри! — второй ухватил первого за плечо.

На экране показалась еще одна точка.

— Что делать будем? — спросил первый, — Ты главный, тебе решать!

— А мы точно в том месте? — забеспокоился второй.

— Откуда же я знаю, ты вел, по твоим указаниям летели.

Первый вытащил карту и стал сверяться:

— Нет, мы точно на месте, — сказал он спустя пару минут, — сбивай!

Коптер трянуло еще раз, и через несколько минут обе отметки пропали с экрана.

— Слушай, — сказал второй, — давай не будем говорить, что их тут двое было, а? Ну, сбили и сбили! И все дела! Задание выполнено!

— Смотри! — крикнул первый.

На экране возникла еще одна отметка.

— Нет, давай назад поворачивать, — забеспокоился второй, — тут явно чего-то не то...

— Слышал приказ? Убрать всех свидетелей, если будут! Какая тебе разница, кто из них объект, а кто свидетели? Стреляй!

Коптер трянуло третий раз и через несколько минут отметки пропали с экрана.

— Ну всё! — сказал второй, — ракет больше нет. Что будем делать если четвертый появится?

— Ничего не будем, топливо тоже на исходе. Разворачивайся!

Глава 1. Сэндвич Сабмарин

В жизни людей порой случается так, что за один день происходит столько событий, сколько до сих пор не было за всю предыдущую жизнь.

Они привели его сюда и сказали: «Это ваша *комната*, здесь вы отныне будете жить».

Он быстро учился, он уже понял, что новое в его лексиконе слово «*комната*» означало — жилое помещение. Но это место меньше всего походило на жилое помещение. Гораздо больше это место напоминало приемную какого-то большого начальника.

Несколько раз в жизни ему случилось попадать в такие приемные, вернее — мимоходом проходить через них, потому никто конечно не позволил бы обычному лагерному работнику задержаться в таком роскошном месте.

И сейчас эта роскошь окружала его, а его словарный запас был очень скуден для того, чтобы описать всю эту роскошь. В нем просто не было соответствующих терминов. Ну каким словом можно, например, назвать освещение, когда в комнате светло, а самого источника света не видно, и из-за этого ничто не отбрасывает теней, и глазам очень приятно, и на тебя сходит какое-то неземное спокойствие.

Как назвать поверхность, на которой он сидит? Стул? Но ведь это не стул, это что-то другое. Стул не обхватывает тебя невиданной мягкостью со всех сторон и не подставляет под твои локти удобнейшие упоры. Таких «*стульев*» тут было три, из чего он сделал вывод, что эта «*комната*» предназначена для троих, и у него будет два соседа.

Наверное, и спальное место, если бы оно тут было, представляло бы из себя нечто необычное и называлось бы как-то иначе. Но спального места тут не было. А разве может быть жилое помещение без спального места?

С того момента, как он остался тут один, его терзало какое-то тревожное чувство, и оно все нарастало и нарастало. И вдруг он понял. Он был один. Еще ни разу в жизни ему не доводилось оставаться в одиночестве, если только не считать камеры томографа на медосмотрах.

Он родился в Лагере и всю жизнь провел в Лагере, а в Лагере, где бы ты ни был, тебя везде окружают люди. За исключением карцера, но от карцера его судьба оберегла. Он еще никогда не оставался в одиночестве, и это одиночество вызывало у него ощущение тревоги.

«Не волнуйся, — приказал он себе, — ты же хотел этого, вспомни, сколько раз ты мечтал о том, что когда-нибудь останешься сам с собой наедине. Томографа же ты не

боишься, хотя у многих закрытая камера томографа вызывает панику».

Вдруг раздался отчетливый стук. Корчак прислушался. Звук шёл от входной двери.

Корчак подошел к двери и открыл ее. За дверью стоял человек с занесенной рукой.

— Это вы стучали? — спросил его Корчак, — что случилось?

— Я просил разрешения войти.

— Просили разрешения? Таким странным образом? Зачем? Разве для того, чтобы войти в жилое помещение надо просить разрешения?

— Тут у нас так принято, считается невежливым входить в комнату без разрешения хозяина. Для того, чтобы дать понять, что вы ходите войти, принято постучать.

— Хозяина? У жилого помещения разве может быть хозяин?

— Да, конечно, ведь вы тут живете, значит вы — хозяин, ну, во всяком случае, пока эта комната закреплена за вами. Но вы все же позвольте войти? Или вы сейчас заняты?

— Конечно-конечно, — проходите, — посторонился Корчак.

— Позвольте присесть?

— Для этого тоже надо спрашивать разрешения? — удивился Корчак? — чтобы сесть в жилом помещении.

— Когда вы у себя — не надо, когда в гостях — принято спрашивать, спросить — считается признаком вежливости.

— Не бойтесь оскорбить меня такой невежливостью, — улыбнулся Корчак, — эти правила мне в новинку, я с ними не знаком, и совсем не замечу, если вы их нарушите. Так что можете их не соблюдать. Хотите сесть — садитесь!

— Спасибо! Тем не менее вам надо будет эти правила усвоить, раз вы теперь в нашем обществе. Уверяю вас, они очень просты и естественны, их не придется заучивать, они будут соблюдаться сами собой. И кстати, мы ведь не знакомы, а те же правила требуют, чтобы мы первым делом представились друг-другу. Ваше имя, я уже знаю, Ян Корчак, а мое — Рабиндранат Тагор, я ваш сосед.

«Ну, конечно, — же понял Корчак, — конечно же такое помещение не могло быть предназначено для одного. Но где же все-таки спальные места?»

Он снова осмотрел помещение.

Сосед перехватил его взгляд и весело рассмеялся.

— *Здесь*, — он подчеркнул слово «здесь» интонацией, — понятие «сосед» означает совсем не то, что в Лагере. *Здесь*, — сосед — это не тот, кто спит рядом с вами на нарах, а тот, кто живет в соседней комнате. Здесь каждому человеку полагается отдельная собственная комната. Моя — прямо напротив вашей. У вас номер пятнадцать, а у меня — четырнадцать. Четные номера с одной стороны коридора, нечетные — с другой. Вот по этому случаю Дабл Ви и попросил меня зайти к вам в гости. Он беспокоится, что вам будет не по себе от непривычной обстановки, он телефонировал мне и выразил опасение, что вам до сих пор еще ни разу не приходилось оставаться в одиночестве, просил помочь вам освоиться.

— Мне действительно было не по себе, но кто такой Дабл Ви?

— Наш *супервайзер*. В Лагере его называют «Комендант». Зовут его Владимир Владимирович. Но это сложно каждый раз выговаривать, и мы зовем его «Дабл Ви». Он — не возражает.

— Дабл Ви, — как символ в техническом жаргоне? Вы знаете жаргон?

— Ну еще бы не знать, — рассмеялся Тагор, только мы называем его иначе, English Language — не знаешь, — заставят выучить. Вам тоже предстоит эта зубрежка.

— Я — знаю технический жаргон, — с гордостью воскликнул Корчак, — еще со школы. Меня с детства готовили в научные специалисты.

— Ну-ну, знаете, так знаете, не буду спорить, — примирительно сказал Тагор, — но все же... я догадываюсь, что Дабл Ви дал вам для ознакомления, ну скажем так, очень детальную информацию про человека, в чью честь вам дали имя, про этого Яна Корчака. И эта информация никогда не пишется обычным языком, она всегда написана на этом самом «техническом жаргоне». И возможно, что эта версия жаргона не вполне вам знакома.

— Откуда вы знаете про документ, что мне дали?

— Нам всем давали читать «житие своего святого», всем кто поступал сюда, это один из элементов подготовки. Кому-то раньше, кому-то позже. Обычно это происходит, когда мы учим «технический», как вы говорите, жаргон, но раз вы его уже знаете, я предположил, что вам могли дать почитать это сразу.

Корчак не стал спрашивать, что такое «житие» и «святой». Он уже понял, что в свое время это узнается

само собой и решил поговорить о более актуальных вещах.

— Как тут жизнь? — спросил он, — если сравнивать с Лагерем?

— В первые дни вам будет казаться, что вы попали на Безмятежные Острова, — улыбнулся Тагор.

— Настолько тут все прекрасно!?

— По сравнению с лагерным бараком — да — прекрасно! А если сравнивать с самими Безмятежными Островами, то здесь — все равно — лагерьный барак!

И, заметив недоумение на лице Корчака, продолжил:

— Сейчас вам этого не понять, сейчас у вас тут ничего кроме восторгов не будет. Но потом, когда вы поживете, пообвыкнитесь, вы начнете это замечать и даже испытывать от этого ущербность. Вот, например, здешний «туалет» после лагерного отхожего места покажется вам чудом. Но он здесь один на этаже, на 9 комнат — один. А на Безмятежных островах у вас будет три-четыре туалета прямо в вашем доме. Только для вас одного!

— Прямо в доме? — ахнул Корчак, — но это же вонь!

— Да что там рассказывать, — встал с кресла Тагор, — проще показать, пойдемте.

Корчак даже не понял, что он — в отхожем месте. Впрочем, тут это называлось, как он уже знал, иначе — «*туалет*». Больше это напоминало кабинет врача, светлым кафелем, чистотой и стерильностью. И запах. Пахло не как в отхожем месте, а как пахнет весной, когда ветер приносит в лагерь аромат цветов с склонов окрестных гор. Но — сильнее!

— Это — *ароматизатор*, — сказал Тагор. — заметив, что Корчак принюхивается. Вот тут, на стенке.

Автоматически, через определенные промежутки времени в воздух вбрызгивается ароматическая эссенция. На Островах вы сами будете решать, какой запах вам нравится: цветы, *ваниль*, *лаванда*, хвоя... все что угодно. А тут... тут мы нюхаем то, что вставит уборщик. Нас — не спрашивают!

— Это... это... — не понял Корчак, — вот это вы считаете проблемой? Да любой работник из нашего барака даже мечтать не смеет об этом!

— Вот-вот! — рассмеялся Тагор, — я же сказал, что после Лагеря вам здесь все будет казаться Безмятежными Островами.

Он объяснил Корчак как пользоваться *унитазом* и *дозатором* мыла в раковине, как работает *смеситель* и провел его к душу.

— Мыться вы можете, когда пожелаете, а не только по субботам, хоть несколько раз в день. Там такой же дозатор, как в туалете на раковине. Вернее, там их два. Состав — разный. Голубой для головы, белый для тела. Впрочем, если перепутаете — ничего страшного, я даже не знаю, чем они отличаются. Можете использовать без ограничений, никто вас за перерасход не накажет. Расход вообще не контролируется.

Белье тоже можете менять не раз в неделю, а когда захотите. Тут, хотя об этом и не говорят, все ежедневно его меняют, это даже принято так делать. Брать — в специальном шкафчике у вас в комнате, я покажу.

И еще один момент. Душ — одна кабинка на весь этаж, на девять человек. Чтобы не мешать друг-другу, вот тут — грифельная доска и мел. Пишите заранее, если вам душ нужен в какое-то конкретное время. Видите, вот моя запись — **14, 7:30**. Я накануне написал, что хочу воспользоваться душем утром, перед деловой встречей, в 7:30, и никто в это время душ не занимал.

Они вернулись в жилое помещение (вернее — в комнату) Корчака.

— Я хочу попить кофе! — вдруг сказал Тагор.

— Я тоже, — засмеялся Корчак, — но придется подождать до воскресенья. Кофе полагается только по выходным, к завтраку. Или тут дают его чаще?

— Не дают, мой друг! Не «дают», а «берут»! «Берут» и пьют, когда захотят. Вот я хочу выпить кофе, и вы меня сейчас им угостите! Вернее, это я на первый раз угощу вас вашим же кофе.

Он отодвинул вверх панель перед маленьким столиком. За панелью стояли какие-то аппараты и было множество ящичков. Привычным движением Тагор выдвинул ящик вытащил оттуда две капсулы и вставил в один из аппаратов. Послышался глухой рокот, и в воздухе разлился невероятный аромат, который сам по себе вызывал чувство какой-то эйфории и ожидания чего-то необычного, какого-то чуда.

— Вам сколько сахара? — спросил Тагор.

— Если я верно понял вашу фразу, — это чудо-аппарат может сделать кофе любой степени сладости?

— Он вообще не кладет сахар в кофе, вы сами должны добавить сколько вам нравится.

— Боюсь даже спрашивать? Класть можно без ограничений?

— Все что подается в вашу комнату и места общего пользования вы можете использовать без ограничений. То, на что у вас есть ограничения, вы будете получать под роспись у менеджера по снабжению. Например, алкоголь.

— Алкоголь же запрещен, его употребление — преступление!

— Там преступление, там — в Лагере. Тут преступление, только если вы в состоянии опьянения явитесь на рабочее место. А в своей комнате — это ваше личное дело. Впрочем, если вы потребуетесь начальству в неурочный час и выяснится, что вы пьяны — неприятности у вас будут. Но только по работе.

Тагор поставил перед Корчаком совсем махонькую чашечку

— Вот, этот кофе называется «эспрессо». Есть еще и другие, вы их потом на досуге изучите, это интересно.

Корчак уже понял, что этот кофе не имеет ничего общего с тем кофе, который им подавали по воскресеньям в лагерной столовой, но, когда он попробовал, реальность сразила его наповал.

— Я понимаю, — тактично заметил Тагор, наблюдая за гаммой чувств на лице Корчака, — вы до сих пор были уверены, что «кофе» — это название напитка из зерен

ячменя, и вам в голову не приходило, что может существовать еще и растение, которое так и называется — кофе!

У Корчака в голове теснилась куча вопросов. Но он понимал, что Тагору их задавать бесполезно. Да и на Дабл Ви их не стоило вываливать кучей, надо было ждать удобного момента. Он решил пока сосредоточиться на чисто практических вещах и попросил Тагора объяснить, где что хранится и что значит «подается в комнату».

Оказалось, что все эти ящички — верхушки лифта, которые отдел снабжения дважды в сутки наполняет всем необходимым. У здешних жителей была привилегия, они могли питаться прямо в своей комнате. Многообразие было не такое «обширное» (как сказал Тагор), как в столовой, но все равно было приятно. Кофе, чай, сахар, печенье — без ограничений, в любое время. Безалкогольные напитки («это не то же самое, что вода, потом попробуйте», — пояснил Тагор). Смены белья, полотенца, салфетки, какие-то гигиенические штучки, назначение которых было пока Корчаку непонятно. Одежда и обувь менялись не раз в сезон, как в Лагере, а по мере необходимости. Достаточно было бросить испорченную или испачканную вещь в специальный контейнер, через полчаса в шкафу появлялась новая.

Спальное место было встроено в стену. Надо было повернуть рычаг, который показал Тагор, и оно опустится вниз.

А был еще «ящик заказов». Внутри ящика была табличка с непонятным словами и флажки на иголочках. Надо было, как объяснил Тагор, воткнуть флажок в слово, обозначавшее предмет, что тебе нужен, нажать кнопку и через несколько минут ящик возвращался с искомой вещью.

— Но я же тут ничего не понимаю, ни единого слова — растеряно сказал Корчак.

— Научитесь. Очень быстро научитесь. Вот, например... кстати, вы ведь не ужинали. Знаете, что такое *сэндвич*? Слышали? Хотя, чего я спрашиваю, я ведь тоже из лагеря сюда попал... Не знаете вы что такое сэндвич. Вот сейчас и узнаете. Я вам компанию составлю, с удовольствием! Вот эта штука, что сейчас приедет, называется «*сэндвич сабмарин*». Попробуете, что это такое.

Пискнул звонок, и Тагор извлек из шкафчика две тарелки, блестящие ослепительно белые пластиковые тарелки, совершенно новые, ни разу не мытые, на каждой из которых лежала белая пшеничная булка. Примерно такая же, из каких нарезают работникам ломти белого хлеба по праздникам, но существенно меньшего размера.

Корчак взял булку, она была горячая и разрезанная пополам. Он понял, что внутри вложена еще какая-то еда.

— Там несколько сортов мяса, соус, овощи, -- словно прочел его мысли Тагор. — Это надо просто откусывать и есть.

Мясо! В будний день! И не просто «мясо», а «несколько сортов»! Разве так бывает?

Корчак откусил кусок булки, — это было невероятное, нереальное ощущение. Ему показалось, что что-то подобное он пробовал во время выпускного визита, но то было полурасстворившееся детское воспоминание, то ли было, то ли нет. А здесь была реальность.

— Позволю вам дать совет, — подал голос Тагор, — у вас сейчас возникнет желание все испробовать, все здесь изучить. Вы можете это сделать в любое время. А сегодняшний вечер потратьте на то, чтобы детально изучить документ, что вам дал Дабл Ви. Он хотя и не приказывал вам его изучать, но завтра наверняка поинтересуется. Хотя вы называете язык, на котором он написан «техническим жаргоном», это не вполне то же самое, что жаргон, которым вы до сих пор пользовались, там и грамматика обширнее и словарный запас. Так что времени у вас уйдет много. Помочь я вам, к сожалению,

не могу, я не должен этого читать, хоть документ и не секретный. Поэтому готовьтесь потратить часть ночи, привыкайте, ночные бдения скоро станут обыденным элементом вашей жизни. Отбоя тут нет, вы вправе спать или не спать, когда вздумаете. Кофе, настоящий кофе — хорошо бодрит, но не переборщите для первого времени, можно нанести вред сердцу. Хорошо помогает контрастный душ. Становитесь под струю и меняете ее температуру: сначала горячая, как можете терпеть, потом холодная, потом снова горячая, — очень хорошо сбивает сонливость...

— А так можно? — хотел спросить Корчак, но не стал этого делать.

Он вдруг осознал, что тот мир, в котором надо было спрашивать разрешения начальства на каждый шаг, остался в прошлом. А в этом мире похоже, можно было делать все, что только не было запрещено явным образом.

Глава 2. Вы поклялись мне!

Визит Рабиндраната Тагора чудесным образом прогнал тревогу. Корчак больше не боялся оставаться один.

Откуда-то из глубин подсознания выплыло понимание, что быть в одиночестве — естественное состояние человека, и ощущение невиданной свободы охватило его.

Он решительно подошел к кофейной машине, вложил в паз капсулу, как учил его Тагор и нажал первую попавшуюся кнопку, на которой было нанесено непонятное слово техническими символами — AMERICANO. Машина послушно зарокотала и выдвинула чистую пластиковую чашку.

Порция на этот раз была большая, такая же, как порция лагерного кофе. Но запах был не лагерный, а тот самый, чудесный запах. Корчак сел в *кресло*, — теперь он знал, что именно так называется эта поверхность для сидения, и осторожно отхлебнул, словно опасаясь, что вдруг вкус на этот раз окажется «не тем», и понял, что этот напиток он может пить бесконечно.

Чувство блаженства охватило его. Он закрыл глаза и подивился, как легко потекли мысли. Как же оказывается легко думается, когда ты в одиночестве! Когда нет этого

постоянного фонового гомона, когда никто не отвлекает тебя ежеминутно.

Память перенесла его назад, и он, будто воочию, увидел картину сегодняшнего утра.

Драм-бам-бам! Драм-бам-бам!

Грохот барабанов стелился над центральной площадью Лагеря.

Драм-бам-бам! Драм-бам-бам!

Ранний августовский морозец лез под легкий летний бушлат, осеннюю сезонную одежду работникам выдать еще не успели.

Драм-бам-бам! Драм-бам-бам!

Свежий ветер слетал с гор, окружающих Лагерь, и трепал большой синий лозунг с девизами Земли: «Стабильность! Законность! Справедливость!» Под лозунгом висел плакат с радостным краснощеким работником, вскинувшим руку в приветствии. Из рта работника вылетали слова призыва: «Трудясь добросовестно, ты обеспечиваешь себе место на Безмятежных Островах!»

Под плакатом стоял бледный, шатающийся человек с землистым цветом лица. Это был Маврос Лазарос, сосед Яна Корчака по бараку. Вернее, уже бывший сосед. Стоящие вокруг него стражники в парадных синих

мундирах, барабанная дробь, глубокая яма, выкопанная прямо посреди площади, все ясно говорило о том, что сейчас здесь произойдет.

Появился Комендант Лагеря. Он прошел мимо стражников, подошел к Лазаросу и что-то тихо сказал ему. Лазарос ответил и, как показалось Корчаку, кивнул головой.

Комендант поднялся на лобное место пододвинул к себе микрофон и начал читать с белого листа бумаги.

«Приговор, по делу бывшего геодезиста пятого отряда Лагеря Бодайбо Мавроса Лазароса.

В ходе следствия по делу Мавроса Лазароса было установлено следующее.

Во время очередного ежеквартального мониторинга у геодезиста Лагеря Бодайбо Мавроса Лазароса было обнаружено онкологическое заболевание — меланома третьей стадии с поражением наружных и внутренних лимфатических узлов, а также внутренних органов. Так как врачу ранее не приходилось сталкиваться с таким запущенным случаем, он заподозрил, что упомянутый Маврос Лазарос совершил административное правонарушение, а именно — скрывал свой рак, для того чтобы тот приобрел серьезный системный характер.

В соответствии с параграфом 35 пункт 4 правил оказания медицинской помощи работникам, врач направил упомянутого Мавроса Лазароса во внутреннюю клинику Лагеря Бодайбо и передал его дело в комитет по расследованию симуляций.

В ходе следствия было выяснено, что упомянутый Маврос Лазарос, имея на своём рабочем месте источник высокоинтенсивного ультрафиолетового излучения намеренно подвергал свою левую руку облучению ультрафиолетом на протяжении 15 лет, имея целью вызвать у себя заболевание раком кожи.

Образование и уровень профессиональной подготовки упомянутого Мавроса Лазароса позволяли ему однозначно понимать риски ультрафиолетового излучения и его связь с раком кожи. Что исключает версию о том, что упомянутый Маврос Лазарос подвергал себя облучению случайно или по неведению.

Вина упомянутого Мавроса Лазароса полностью доказывается показаниями сослуживцев, соседей по бараку, а также скрытыми видеосъемками его рабочего места, которые велись на протяжении последних 15 лет.

Учитывая вышеизложенное, следователь комитета по расследованию симуляций приговорил упомянутого Мавроса Лазароса к высшей мере наказания за

осуществленное намерение вызвать у себя преждевременный рак. Однако с учетом того, что приговоренный полностью признал свою вину и раскаялся в содеянном, было сочтено возможным смягчить наказание и заменить ему высшую меру на казнь через расстрел.

Приговор будет приведен в исполнение по месту прописки упомянутого Мавроса Лазароса, в Лагере Бодайбо, силами местной стражи, в присутствии работников Лагеря, дабы они видели и понимали, какое возмездие следует за нарушения Закона».

Снова ударили барабаны — *Драм-бам-бам!*

Двое стражников подхватили Лазароса под руки и поставили на самом краю ямы. Лазарос тут же обмяк и осел на колени. Его снова поставили, он снова осел. Один из стражников подбежал и что-то сказал коменданту.

— Сил нет? Стоять не можете? — спросил комендант в микрофон, чтобы все слышали. — Маврос Лазарос, каким вы хотите остаться в нашей памяти? Жалким ничтожеством, принявших смерть на коленях, или человеком, который достойно встретил свой конец? На вас сейчас смотрят тысячи глаз. И о вас, о том, что здесь случилось, будут говорить еще долго. Не так часто

рядовым работникам Лагеря дается право выбора. Но сейчас оно у вас есть!

Маврос поднялся и встал прямо. Он пошатывался, но стоял.

— Вы обещали! — вдруг крикнул Лазарос. — Вы поклялись мне!

Грянул залп. По инструкции все винтовки заряжались только трассирующими пулями, чтобы потом можно было отследить по видеозаписи, если кто-то из стражников намерено выстрелит мимо.

Словно светящиеся нити сошлись в узелке на груди Мавроса и протянулись за его спиной. У Яна Корчака на миг возникло ощущение, что Лазарос подвис на огненной растяжке. Поэтому он не удивился, когда Маврос остался стоять на ногах. Время шло, секунда за секундой. Маврос — стоял. Корчаку на какой-то миг показалось, что все стражники промахнулись, ни одна пуля не задела сердце. Но вот Лазарос покачнулся и упал прямо в яму.

Застрекотал бульдозер и через минуту уже ничего не говорило о том, что здесь только что закопали работника.

— Повезло ему, — вдруг тихо сказал Игнатий Лойола, — по закону он сам должен был копать яму для себя. Мне

стражники говорили. Но ему дали поблажку, выкопали экскаватором. Он был слишком слаб, чтобы копать самому, три раза падал в обморок.

— Завидуешь? — сплюнул Корчак. — Вспомни, как ты ночей не спал от зависти, когда он подцепил меланому всего в 33 года.

— Мы все ему тогда завидовали, — огрызнулся Игнатий Лойола. — Ты тоже завидовал, разве нет?

— Завидовал! — угрюмо согласился Корчак, — еще бы не позавидовать, такой молодой, а уже — рак!

— Да уж, — продолжил мысль Лойола, — и потом еще свезло ему, когда решили расстрелять, — помнишь, как Ротшильда тогда к высшей мере приговорили?

Корчак помнил. Хотя дело было десять лет назад, от воспоминаний у него заломило в затылке.

Натан Ротшильд был глуп в отличие от Лазароса.

Лазарос был умен, он продумал все тщательно. Во всяком случае ему так казалось. Корчак знал о делах Мавроса и не раз просил его, чтобы тот не играл в эти игры. Но Лазарос рассмеялся и сказал, что ультрафиолет — не химия, никаких следов не оставляет. Кто же знал, что видеозаписи хранятся по 15 лет!

С Ротшильдом же история была совсем дурацкая. Натан служил в лаборатории, изучавшей канцерогены, и просто глотал бензапирен, который там же и крал. Поэтому, когда он заявил о своем раке печени, то его первым делом направили исследоваться на наличие следов бензапирена в организме. Он был глуп настолько, что упорствовал до конца и отрицал очевидное, за и что получил высшую меру безо всякого снисхождения. Его лишили медпомощи и, в назидание остальным, отправили умирать в лагерь, без обезболивания. Соседи заклеивали ему рот изолянтной, чтобы он не кричал и не мешал стать, но боль была так сильна, что изолянта лопалась от напряжения. Весь барак не спал по ночам в последний месяц жизни Ротшильда.

— Я не понимаю, к чему все эти устрашения, эти публичные казни, — вдруг прошептал Лойола, косясь на Корчака. Все равно будут те, кто решится попробовать. Все равно ходят слухи, что у многих получилось, что их не поймали, и теперь они блаженствуют на Безмятежных Островах.

Корчак тоже думал, что казни не достигают тех целей устрашения, которые перед ними ставило начальство, но Лойола был самым последним человеком, с которым он бы решился обсудить эту тему.

— Ты просил подменить тебя в школе сегодня? — спросил он, делая вид, что на слышал шепота.

— Да-да, конечно, — с готовностью ответил Лойола и вытащил из кармана карточку учёта. — Вот я уже зарегистрировал всё, как положено. Один день моего отпуска — тебе, за услугу. — Говорят раньше, двести лет назад, часть отпуска можно было провести на островах. Думаешь, правда?

— Не знаю, по мне, так теперешний отпуск от работы не слишком отличается, — ответил Корчак и тут же пожалел, заметив, как сверкнули глазки Лойолы.

«Донесет Капо, сегодня же!», — понял он, — ну да ладно, за такую мелочь серьезно не накажут. Хотя их Капо и славился своими придирками, но у него все же было чувство меры.

— Я, понимаешь, тут с одной девчонкой договорился, — вдруг похвастался Лойола, — но она только утром может, по вечерам работает, вот и приходится тебя просить о подмене.

— Мне без разницы, зачем тебе это время нужно, — прервал разговор Корчак, — ты попросил, я согласился, все дела.

Он быстро отправился прочь, опасаясь, что Лойола снова заговорит с ним. Но тот отстал. Корчак рассчитывал

успеть перед школой дойти до откоса, который тянулся за дальним продовольственным складом. Это был глухой уголок, заросший бурьяном и там было «их место», где его никто бы не застукал с Полли. Он знал, что она догадается прийти. После казни всегда оставалось часа три всеобщей суеты, которыми можно было бы воспользоваться для встречи.

Но сегодня не задалось.

Прямо перед складом формировался транспорт на Безмятежные Острова, и конечно же вокруг сновали люди.

Транспорт был большой. Последние две недели всех больных раком задерживали в Лагере, держали в лагерьной клинике и никуда не отправляли, по правилам они тоже должны были присутствовать на Казни. Они перестанут принадлежать лагерному ведомству лишь когда их транспорт отдалится от лагеря на 5 километров. Таковы были правила.

Но тем не менее, все понимали, что это — только условность. И даже стражники утратили обычную строгость и вели себя с больными как медперсонал. Корчак заметил, как стражник не только посадил в автобус изможденную женщину с желто-зеленым цветом

лица и даже посочувствовал ей, заметив, что «уж вас-то можно было отправить и пораньше».

Счастливики ехали налегке. Им запрещалось брать с собой что-либо из лагеря, кроме какой-нибудь одной мелкой вещи личного пользования, которая может уместиться в карман.

«Все равно до Островов этого никто не довозит, — разоткровенничался как-то с Корчаком один из стражников. — Тут трясутся, берегут, вроде как на память, а как от лагеря за пять километров отъедут, так враз все и повыбрасывают! Никто не хочет там лагерь вспоминать, никому такая память не нужна!»

— А вам что тут нужно, — раздался окрик, и Корчак понял, что кричат ему.

— Я имею право перемещаться в пределах зоны своего отряда без ограничений, — вежливо и с достоинством ответил он подошедшему офицеру, и отдал ему честь по всем правилам.

— Почему не на рабочем месте?

— У меня сегодня Школьный час, я на подмене — четко отчеканил Корчак, достав карточку Лойолы.

Офицер смягчился.

— Лучше вам уйти отсюда, дел по работе у вас тут нет, а мне не хотелось бы подозревать вас в том, что вы хотите нелегально прошмыгнуть в транспорт на Острова.

— А если бы я прошмыгнул, это мне помогло бы? — усмехнулся Корчак и пошёл прочь, к школе.

Глава 3. Великая Гибридная

Никто не знал с какой целью работники из лагеря обязаны были дежурить на уроках истории в лагерной школе. Тем, кто интересовался, отвечали: «Это традиция... Начальству виднее... Однажды это может потребоваться». Впрочем, никто и не возражал. Дежурство длилось пару часов, а освобождали от работы на целый день. Да еще давали дополнительный день к отпуску. Всего-то за то, что посидишь с детишками за партой.

Злобная крикливая тетка на вахте не хотела его пропускать.

— Куда лезешь! На карточке что написано? Игнатий Лойола! А ты кто? Ян Корчак!

— Посмотрите, пожалуйста, — вежливо настаивал Корчак, — видите, тут пометка о подмене. Сегодняшним числом.

— А почему печать такая расплывчатая, хлебным мякишем, небось, перекачивал?

Корчак хорошо был знаком с таким типом людей, которые получив в руки самую малую власть стремились раздуть ее до невероятных размеров, чтобы подчеркнуть

свою значимость. Их Капо был таким же. И у Корчака был талант ставить таких людей на место.

— Я не знаю, как перекачивать мякишем печати, а вот вы, похоже, знаете! Откуда?

— Что! — задохнулась тетка! Ты кто такой, любопытный? А ну пошел отсюда!

— Хорошо, хорошо, уйду, — язвительно сказал Корчак.

— Только вот учитель хватится, почему это дежурный на урок не явился, подаст рапорт. В ходе расследования наверняка заинтересуются, откуда вам известно, как переводить печати хлебным мякишем, и где вы этому научились.

— Да кто тебе поверит! — заорала тетка, но уже вполголоса, — Я скажу, что тебя тут вообще не было, что ты прогулял дежурство. Никто тебе не поверит! Угрожать он мне вздумал, грамотный такой нашелся!

— Поверить-то, может быть и не поверят, но ведь расследование всё равно проведут, полностью и тщательно, по инструкции. Меня может и накажут за прогул, я переживу, но заодно и выяснят, куда ты поддельные печати шлепала. Хана тебе, мамаша, — улыбнулся Корчак и пошел прочь.

И тут до тетки дошло, что он и вправду уйдет. Что он не будет тут скулить и умолять, чтобы его пустили, а просто

— уйдет, не боясь наказания за прогул. И урок и вправду будет сорван! И будет расследование...

Она кинулась вдогонку:

— Да ладно тебе, чего такой горячий! Меня тоже пойми, начальство приказало быть строгой, я выполняю!

В другое время Корчак продолжил бы этот спектакль, и «дожал» бы тетку, и даже получил бы удовольствие, но сейчас было не того. Сначала эта утренняя казнь, которая почему-то не давала ему покоя, потом с Полли не удалось увидаться... не было у него сейчас настроения.

Он молча развернулся и, не говоря ни слова, прошел мимо тетки в школу.

Урок был посвящен теме, которая хорошо была знакома Корчаку. Он сам ее проходил в Школе, она входила во все гипнокурсы, да и на расширенных политинформациях, хоть раз в год, но эта тема повторялась.

Речь шла о Великом Вожде и Великой войне.

Давным-давно, — начала рассказ диктор, — Земля была поделена на так называемые *страны*. Жители разных территорий отгораживались от соседей, каждый устанавливал на своей земле собственные правила жизни, и это было ужасно неудобно и тормозило общее

развитие земли. Но ни у кого не было сил, чтобы объединить все земли и заставить всех соблюдать общие правила для всех.

Это был очень несправедливый мир. Некоторые люди, более сильные или хитрые, чем остальные, силой или хитростью захватывали и присваивали себе большую часть общественного продукта, так что в итоге все прочие получали меньше. Тех, кто захватил много общественного продукта, называли «богачами». Это было несправедливо, но государство не исправляло эту несправедливость, потому что богачи делились захваченным общественным продуктом с государственными чиновниками, и те действовали в их интересах.

Это был несчастный мир, в нем люди умирали от множества болезней и не доживали даже до 70 лет. Но медицина постепенно развивалась и в конце концов победила все болезни, кроме рака. И настало время, когда рак стал основной причиной смерти людей. А потом медицина победила и рак. Но лечение рака было сложным и требовало трат большого количества общественного продукта, а его достаточное количество было только у богачей.

И мир стал еще более несправедливым. Богачи могли позволить себе вылечить от рака, а все остальные продолжали умирать от этой болезни.

Но вот жители одной из стран избрали на самых честных и справедливых выборах в свои руководители Великого Человека. Он был настолько велик, что даже имя его вскоре было запрещено произносить, дабы не осквернялось оно человеческими устами. А потому все звали его просто — Великий Вождь.

Великий Вождь подсчитал, что если богачи откажутся от своего богатства в общую пользу, а все остальные откажутся от излишеств и будут довольствоваться только самым необходимым, то высвободившихся общественных ресурсов как раз хватит на то, чтобы вылечить всех больных раком в стране.

И тогда в стране были приняты и одобрены на всеобщем голосовании новые законы, отменяющие богатства и предписывающие всем довольствоваться только самым необходимым: одним комплектом самой простой одежды на каждый сезон, самой простой пищей с научно обоснованной калорийностью, самыми простыми жилыми помещениями.

Чтобы обеспечить выполнение всех этих условий граждане добровольно переселились в трудовые лагеря,

где бы они могли свободно трудиться, а государство обеспечивало бы их самым необходимым.

Это позволило высвободить огромные ресурсы и теперь не только исцеление от рака стало доступным каждому гражданину, но появилась возможность обеспечить тем, кто исцелился, такой уровень жизни, который раньше был доступен только богачам.

Возникло самое справедливое в мире общество. Где первую часть своей жизни каждый работает в трудовом лагере и вносит результаты своего труда в общую копилку, а потом, когда он заболевает раком, государство тратит ресурсы из этой копилки на исцеление гражданина и на то, чтобы остаток жизни он прожил в роскоши, которую заработал своим трудом.

Жители всех остальных стран завидовали, но их правительства, которые контролировались богачами, плевали на нужды своего народа.

И тогда Великий Вождь решил прийти на помощь жителям других стран и начал войну против их правительств.

Другие страны были богаче, у них были лучшие армии и лучшее оружие, но Великий Вождь изобрел гибридную войну, которой никто не мог противостоять.

Он тайно посылал своих героев в другие страны, те взрывали там дома и предприятия, но делали это так, что другие страны обвиняли в этих взрывах друг друга и ссорились между собой, а Великий Вождь оставался не при чем.

Он натравливал страны друг на друга, а когда люди из воюющих стран бежали от войны к соседям, он внедрял своих героев в ряды беженцев, и те начинали разваливать вражеские страны изнутри.

Он давал чиновникам других стран больше общественного продукта, чем те получали от своих богачей, и эти чиновники начинали тайно работать в интересах Великого Вождя.

Его герои, тайно проникшие в другие страны, подбивали их жителей начать бунтовать против своих правительств, и Великий Вождь тайно давал оружие и военную помощь тем, кто взбунтовался.

А когда вражеская страна совсем ослабевала, солдаты Великого Вождя устанавливали в ней Высшую Справедливость.

Гибридная война шла много лет, но в конце концов все страны, одна за другой рухнули под ее тяжестью, и Великий Вождь объединил всю Землю под своей властью. И стала одна единая Земля, и стала Земля

большим трудовым лагерем, и воцарилась на ней высшая справедливость.

Самые лучшие земли — острова на океане, на которых никогда не бывает зимы, были подарены тем, кто уже отдал свой долг обществу и исцелился от рака. Там они живут свой остаток жизни ни о чем не беспокоясь и купаясь в невиданной роскоши.

Урок внезапно прервался. В класс вошла тетка-вахтерша в сопровождении стражника.

— Вот он, — тетка показала пальцем на Корчака.

Сердце у Яна затрепетало и сжалось. Похоже было, что он недооценил эту тетку, и сейчас у него будут серьезные проблемы.

— Вы Ян Корчак? — Спросил стражник.

— Да, это я.

— Вам надлежит сейчас явиться в свой отряд к своему Капо для официальной беседы, — формулировка была стандартная и ни о чем не говорила.

— Самостоятельно или под конвоем? — спросил Корчак, чувствуя, что сердце проваливается в пятки.

— Самостоятельно, — улыбнулся стражник одними краешками губ, — и добавил от себя то, о чем Корчак не спросил, — распоряжение устное.

От сердца отлегло. Если самостоятельно и по устному распоряжению, значит это всего лишь административное дело. Видимо Лойола уже успел донести Капо про эту неосторожную фразу про отпуск, потому и вызывают.

«Договорюсь!», — решил про себя Корчак. Их Капо хотя и был гадом из той же породы, что и эта тетка-вахтерша, но ему была свойственна трезвая расчетливость, и с ним всегда можно было договориться. Взятки он не брал, но в обмен на производственные показатели от него можно было выторговать многое. А Корчак как раз знал один приемчик с законами физики, позволяющий росчерком пера вывести отстающую третью бригаду в передовики.

— Распоряжение будет выполнено, — сказал он стражнику, — урок закончится через десять минут, и я сразу же отправлюсь к Капо.

— Это надо сделать немедленно, — сказал стражник, — мне поручено проследить, чтобы вы отправились без промедления.

Глава 4. Прощальный подарок

Капо нарочно поставил свой стол в самом дальнем конце помещения, и любой входящий должен был идти к столу через все внутреннее пространство, ежась под строгим взглядом. Корчак не боялся Капо, но все равно постарался чуть ли не бегом проскочить эти пятнадцать метров.

— Ну, что скажешь? — по обыкновению спросил Капо вместо приветствия.

— А чего тут говорить, — странно это все! Пристали стражника с приказом мне явиться самостоятельно, и он потом меня чуть ли не полпути сопровождал, дескать должен удостовериться, что я без задержек прибуду. Что за дела такие?

— Ну тебе лучше знать, что ты там набедокурил, — нейтрально-расплывчато заметил Капо.

— Донос, что ли был? — поинтересовался Корчак.

— Был, донос, был, — подчеркнуто-ласково заверещал Капо, — про то, кто донес, правила запрещают рассказывать, но ты и сам знаешь наверняка, кто донес и про что донес?

— Лойола?

— И скажи-ка ты мне любезный, чем тебе наш лагерный отпуск не нравится?

— Нравится, — четко отпартовал Корчак. — мне нравится наш лагерный отпуск! Высшим своим благом я считаю ударный труд на благо Родины и потому возможность и обязанность трудиться во время отпуска я воспринимаю, как счастье! О чём и сообщил своему товарищу Игнатию Лойоле!

— За дурака меня считаешь? — осведомился Капо. — Ох и поплясал бы ты у меня завтра перед строем утречком! Ох и раскатал бы я тебя! Да не дано! Не будет тебя завтра здесь!

— Что случилось! — Корчак снова ощутил, как замерло его сердце, уже не первый раз за этот день.

— Тебе лучше знать, что ты там набедокурил!

— Я арестован?

— Бумага на тебя пришла, Ян. Приказом коменданта ты выведен из состава работников лагеря! Уже выведен. Ты больше не лагерный работник!

— И что это значит?

Капо пожал плечами.

— Пять раз на моей памяти такое было, никто не знает, что это значит, и чем это кончается. Из этих пятерых трое бесследно исчезли, будто и не было их. Одного потом, говорят, в стражниках на дальнем кордоне видели, но это только слухи. А один — большой шишкой стал, в администрации лагеря подвизался, но потом — тоже исчез. Так что не знаю, то ли мне радоваться за тебя, то ли горевать о тебе.

— Ну если тот работник в администрацию попал, может у него легкий рак был?

Капо снова пожал печами и скорчил гримасу.

— А может у меня легкий рак? — с надеждой спросил Корчак, — О нем же, если легкий, не обязательно на медосмотре уведомляют. Я слышал, просто переводят работника в администраторы и лечат амбулаторно.

— А что, были какие-то признаки? — поинтересовался Капо.

— Ну-у, в общем да, болит у меня в последнее время в промежности.

— Давно?

— Полгода!

— Скрывал! — засмеялся Капо и так хлопнул в ладоши, будто поймал Корчака с поличным.

— Ну да, скрывал, а кто не скрывает-то! Легкий рак — это перевод на административную работу. Тяжелый рак — отправка на Острова. За сокрытие легкого рака, пока он не станет тяжелым — всего-навсего административная ответственность. Имеет прямой смысл.

— Нет, Корчак, — вздохнул Капо. Будь это по медицинским показаниям, в бумагах стоял бы штамп амбулатории. И сами бумаги были бы медицинские. А тут — просто листок с приказом коменданта и во всех графах прочерки. Вот я и спрашиваю, чего ж ты такого набедокурил?

— Но там хоть написано, что дальше? Куда мне явиться, или приедут за мной?

— Прямо к коменданту, к 15:00. Так что время у тебя пока еще есть. Со мной по душам поговорить.

— И меня по этой бумаге выпустят с зоны?

— А вот такое ты когда-нибудь видел? — Капо плюхнул на стол пластиковый пакет.

Из пакета на Корчака смотрела его фотография. Фотография была закатана в пластиковую карту, на которой было написано: «Удостоверение гражданина Земли. Януш Корчак Бодайбо».

У Яна перехватило дыхание. Этого просто не могло быть. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Он никогда не видел подобного документа, только слышал о подобном. Название лагеря в его имени могло появиться только в двух случаях: либо он отправляется на Безмятежные Острова, либо приговорен к казни.

Каждый гражданин Земли при рождении получал имя в честь какой-нибудь известной персоны из прошлого. И полученное имя во многом определяло характер его земной жизни. Персоны прошлого могли быть, как «плохими», так и «хорошими». Если персона была «плохой», то считалось, что часть ее грехов перетекала вместе с именем на новорожденного, и он был обречен потом эти грехи исправлять и еженедельно отчитываться перед куратором о проделанной работе в этом направлении. У каждого был индивидуальный план исправления, к контролю за соблюдением которого начальство относилось со всей серьезностью. Наказывали за срывы этого плана по-настоящему.

Но тем, кто носил имя «хорошей» персоны прошлого, приходилось еще тяжелее. Они должны были всем своим поведением подтверждать, что не зря носят имя великого человека. И каждый поступок, каждый промах расценивался именно в этом ключе — как попытка

опозорить великое имя и, следовательно, за любой пустяк можно было получить очень серьезное наказание.

Яну повезло. Этот Януш Корчак, чье имя он носил, был плохим человеком. Он выступил против государства и попытался избавить от заслуженного наказания малолетних преступников, за что и был казнен.

Но людей на Земле было больше, чем известных персон прошлого. И потому в каждом земном лагере были свои Яны Корчаки, свои Игнатии Лойолы, свои Исааки Ньютоны и Джоны Ленноны. Проблем это не создавало. Родившись в Лагере, человек был обречен оставаться в нем до самого отъезда на Безмятежные острова. В каждом Лагере был только один Джон Леннон и только один Ян Корчак, компьютер следил, чтобы имена не дублировались.

Но на Безмятежных островах или в центральных столичных клиниках запросто могли оказаться и несколько Джонов Леннонов из разных лагерей. Поэтому во избежание путаницы любой, кто выходил из учета лагерного ведомства, получал третье имя — название лагеря, в котором он родился.

Третье имя так же давали тем, кто шёл на казнь, потому что все экзекуции учитывались строго централизованно, в столицах.

— С этой карточкой, Ян, ты можешь свободно ехать в любую точку Земли, — мечтательно сказал Капо. И ни один стражник, ни один офицер, ни одна лагерная административная шишка, к тебе даже приблизиться не смеет! Ты больше не в их ведомстве. А в каком именно, про то только комендант ведаёт.

— А если это направление на казнь?

Капо демонстративно огляделся и выдохнул:

— Чего-то я не вижу тут конвоиров!

— А я ведь откупиться от тебя хотел, Ньютон, — сказал вдруг Корчак, — думал будешь ты меня по доносу Лойолы гнобить, а я откуплюсь.

— Продолжай, — заинтересовался Капо.

— А теперь вроде, мне это и не к чему, не властен ты больше надо мной, выходит!

— А, ты все равно откупись, тебе-то ведь уже все равно не нужно то, чем ты откупиться хотел.

Корчак засмеялся.

— Ладно, будет тебе от меня подарок на прощание. Подпиши распоряжение для третьей бригады, чтобы она породу на ночь внизу оставляла, а на склад ее поднимала бы только утром.

— А смысл? Работники меня проклинять будут. С утра только один лифт на подъем работает, зашьются!

— Смысл в том, что влажно там внизу, ручей там протекает, а порода гигроскопичная, влагу из воздуха тянет.

— Ну голова, — восхищенно ахнул Капо. — Породу мы на вес сдаем, а влажность при сдаче не нормируется. Она процентов пятнадцать от своего веса за ночь впитает. Так ведь?

— Все тридцать, я посчитал. Станете передовиками враз.

— Я тебя всегда ценил, Ян, — вдруг сказал Капо, — Орать — да, орал на тебя, но ты вспомни, за те двенадцать лет, что я здесь, я тебе хоть раз что-то по-настоящему плохое сделал? Тоже хочу тебе кое-что подарить. В бараке сейчас народу мало, и Лойола — там. Если ты вдруг решишь набить ему морду, то я ничего не увижу, и свидетелей не будет, обещаю.

— Не до того мне сейчас.

За окном дневальный ударил в рельс.

— Пообедаешь? — спросил Капо, — Напоследок. Кто знает, успеют там тебя к ужину оформить или нет.

Они пошли в столовую.

Капо хотя и были самыми важными начальниками для работников, к административному персоналу не относились, спали вместе со всеми в бараке и питались в общей столовой. Единственная привилегия, которую Капо мог себе здесь позволить — отдельные нары и отдельный столик у окна.

Работники расступились при виде начальства, Ян увязался за Капо и тоже проскочил без очереди. Повар плюхнул им в котелки по комку вареной комбикрупы и положил сверху по маленькой, но целой, вяленой рыбке.

— Нормы белка на всю зиму увеличили, очень хороший улов в этом году, — сообщил он.

— Вот видишь, Корчак, — сказал Капо, — такая роскошная жизнь начинается, а ты нас покидаешь.

Это слышали несколько ближайших работников.

— В другой отряд переводят? — спросил один из них.

— Вроде того, — ответил Корчак.

Они сели с Капо у окна за его столиком, и это не ускользнуло от внимания работников. На них посматривали с любопытством.

Тут в столовую вошел Лойола, и его лицо вытянулось от удивления.

Капо вдруг подмигнул Яну и громко обратился к работникам.

Вы обратили внимание на то, что я пригласил за свой столик Яна Корчака?

Это теперь такая новая форма поощрения. Она не официальная, от меня лично. Теперь, если кто сделает что-то хорошее или правильное, но недостаточное для того, чтобы я подал рапорт наверх, я буду приглашать такого человека за свой столик. Чтобы все видели, что человек сделал что-то хорошее, и я его поощрил.

Что же такого хорошего сделал Януш Корчак, спросите меня вы?

Я поощрил Яна за патриотизм. Сегодня Ян сказал на построении, что отпуск у нас в лагере не отличается от работы. Кто-то, может быть, усмотрел бы в этом паникерство и распускание вредных слухов. Но Ян объяснил мне, что он имел в виду. «Высшим своим благом я считаю ударный труд на благо Родины и потому возможность и обязанность трудиться во время отпуска я воспринимаю, как счастье!» — сказал мне Ян, и я понял, что он настоящий патриот Земли.

А потому хочу так же выразить благодарность Игнатию Лойоле за то, что оперативно

проинформировал меня о патриотическом высказывании Яна и дал мне возможность поощрить его.

Десятки налившихся свинцом глаз скрестились на Лойоле. Тот побледнел и выскочил из столовой. Ян физически ощутил, как в воздухе запахло «темной».

Раскрывать информацию о доносчиках категорически запрещалось. Это знали все. Но ведь совсем иное дело публично похвалить того, что сообщил о патриотическом поступке товарища. Это было не только разрешено, это поощрялось.

Потрясенный Корчак смотрел на Капо и не понимал, как он раньше не смог распознать истинную суть этого человека.

Глава 5. «С блэкджеком и шлюхами».

Комендант Лагеря является самым высшим существом, с которым может столкнуться работник. Безусловно, все понимают, что где-то там, в столицах, наверное, есть какие-то еще более высокие начальники, которые могут отдавать распоряжения самому коменданту, но у лагерных работников не было даже гипотетических шансов увидеть когда-нибудь тех высоких начальников и даже узнать, как называются их должности. А комендант был тут, и его власть на территории лагеря была безграничной.

Нынешнего коменданта не любили, боялись и уважали. Он вошел в должность три года назад и заметно отличался ото всех предшественников. Жизнь в лагере при нем резко изменилась.

Сразу и резко улучшились условия жизни работников: еды стало вдоволь, впервые стали выдавать полную норму белков и витаминов. Пропали цинга и пеллагра. Сезонные смены одежды теперь были тщательно выстираны и заштопаны, обувь выдавали только новую, и валенок впервые стало хватать для всех. Бараки отремонтировали, и, наконец, провели паровое отопление, теперь работникам уже не надо было каждый

вечер тащить на себе дрова, возвращаясь с работы в барак.

Но жить легче не стало, наоборот. Контроль на производстве возрос и стал предельно жестким. Отлынивать от работы или трудиться спустя рукава больше не получалось. Фельдшеры перестали выдавать липовые справки освобождения по болезни. С мастером нельзя было договориться о более выгодном наряде — все строго по очереди. Контролировался каждый шаг, не только на производстве, но и в личное время. Дисциплинарные взыскания стали даваться строго по инструкции. Раньше мастер съездит тебя по морде в сердцах, и все — свободен. А теперь на любой чих — следствие, суд, преysкурant наказаний, даже если в конце тебя признавали невиновным, само прохождение этой цепочки было сущим наказанием.

Комендант никогда ни на кого не орал, говорил всегда негромко и очень вежливо. Но находил при этом такие слова и выражения, что душа человека проваливалась в пятки от страха, и ноги сами несли его выполнять приказ коменданта.

Корчак пришел заранее. Он знал, что если в бумаге написано 15:00, то опаздывать хоть на минуту, ей-богу, не следовало.

Так и случилось. Ровно в 15:00 комендант пронесся по коридору и, проходя мимо Корчака, сделал приглашающий жест рукой.

— Он вас позвал, бегом за ним! — шепнул Корчаку один из стражников.

Корчак нерешительно вошел в кабинет.

— Ян Корчак? — спросил комендант. — Чего топчетесь в дверях? Садитесь.

В руках у него была папка с личным делом.

— Вы прекрасный работник, Корчак, — сказал комендант скучным вежливым голосом. — За все время работы — ни единого производственного взыскания, только поощрения и благодарности. Правда дисциплина у вас хромает, но вам прощают, ведь специалист вы отличный. Ваше начальство вас очень ценит. У меня тут два часа назад были начальник вашего управления с главным инженером. Умоляли не забирать вас от них.

Новость сразила Корчака наповал. Он был уверен, что начальник управления с главным инженером даже не подозревают о его существовании.

— Но разве они могут возражать, если у меня рак? У меня ведь рак? — осторожно поинтересовался он. — Иначе бы меня не вывели из лагерного ведомства.

— Рак? — недоуменно спросил Комендант, — и впервые посмотрел на Корчака с интересом. — Да, да, конечно у вас рак, какая-то очень редкая и не опасная форма, я даже не помню, как называется, да и вам это знать не надо. Это вас вообще не должно занимать, вы даже не заметите, как вам его вылечат. Сделают несколько инъекций, и всё! Это амбулаторно лечится.

Он вытащил из личного дела какую-то справку.

— Вот тут написано о вашем рацпредложении, будто вы придумали упрощенный способ расчетов направленного взрыва, который дает нехудшую точность по сравнению со стандартным. Это так?

— Не совсем так. Это не упрощенный метод, а метод исключаящий грубые ошибки. В стандартном методе, если вы по ошибке подставите неверные исходные данные, то и результат будет ошибочным, и это может вызвать серьезные негативные последствия. Знаете, это часто бывает, либо вес перепутают, либо десятичный ноль не туда вклеят. А в этом методе если поставить ошибочные значения на входе, ну те, что выходят за разумные границы, просто решение не сойдется, ошибка сразу будет видна.

Комендант шлепнул рукой по столу:

— Так вот почему на пятой отчетность по взрывным авариям нулевая! А мы приписки у них искали!

Впрочем, он тут же подавил эту свою эмоциональную вспышку, но тон разговора с Корчаком с этого момента изменился. Из речи коменданта вдруг исчез этот пренебрежительный начальственный оттенок.

— Эта ваша новая формула, Корчак, выходит за рамки обычного рацпредложения, — пояснил он. — Ваше прежнее начальство обязано было распространить этот опыт на все лагеря. А вас — поощрить. Очень серьезно поощрить. Вы математик, вы можете себе представить, сколько ресурсов можно было бы сэкономить и сколько жизней спасти, если бы эта ваша формула применялась бы сейчас не только в пятом управлении, но и по всей Земле. Если конечно, вы сами не ошиблись, и ваша формула и вправду так хороша. Но это легко проверить. Очень легко! Чтобы вывести формулу, нужен выдающийся математик, а чтобы найти в ней ошибки, достаточно просто любого внимательного математика. Не так ли, Корчак?

Он подумал еще минуту и нажал кнопку связи.

— Здесь Дабл Ви. Пошлите криптосигнал на блокировку архива в пятое управление. Выемка документации, ревизия, категория 1, обработка предметными

специалистами. Первых лиц переместить в зону Б, полномочия приостановить. Управление передать второму уровню, временно лишить всех полномочий по принятию кадровых решений. Все кадровые решения по пятому управлению пока принимаю я сам. Контроль — через пять дней.

Он повернулся к Корчаку.

— Вот, видите, только вы дошли до моего кабинета, как уже помогли разоблачить... — он сделал паузу и задумался на мгновение. — Нет, это конечно никакой не заговор. Это элементарная глупость и недальновидность. Глупцы наносят больше вреда, чем заговорщики. Они просто захотели воспользоваться вашей формулой для улучшения своих производственных показателей. И им даже в голову не пришло, какую пользу она могла бы принести всей земной экономике, которая сейчас пребывает в тяжелом положении.

Корчак внутренне усмехнулся про себя. Уж он то точно знал в *каком именно положении* находится сейчас земная экономика. И знал это даже лучше, чем мог знать комендант лагеря.

Однако эта «внутренняя» усмешка видимо как-то отразилась на его лице, потому что комендант пристально посмотрел на него.

— Кстати, о положении в земной экономике. Вы, небось, гадали, с чего бы это сам комендант пригласил вас ни с того ни с сего на личную аудиенцию? Ваше бывшее начальство так расхвалило ваши математические способности, что я решил привлечь вас в качестве эксперта. Мне хотелось бы знать ваше мнение об одном математическом расчете именно экономического характера.

Небрежным движением он бросил на стол перед Корчаком синенькую картонную папку.

В глазах у Корчака помутилось. Это была *та самая* папка.

Комендант внимательно следил за ним и конечно же заметил всю гамму чувств, прошедших через лицо Корчака.

— Вам знакома эта папка? Вы раньше видели ее?

Отпираться было бесполезно, он невольно выдал себя. Но услужливое подсознание уже подсказывало Корчаку выход из ситуации, у него еще был шанс ускользнуть из расставленных сетей.

— Да, я уже видел раньше эту папку, — как можно безразличнее сказал он. — мне ее давал Маврос Лазарос, ему тоже, как и вам, было интересно мое мнение.

— Тот самый Лазарос, которого с утра казнили? — осведомился комендант.

— Да, именно он.

— Ну, надо же! — покачал головой комендант, — выходит казнили важного, а может быть даже единственного свидетеля.

— Выходит так!

— И что вы сказали Мавросу по поводу этого расчета?

— Ну, наверное, то же, что и вам скажу. Очень интересный метод, необычный, нестандартный подход. Но математически все верно, метод работает и пригоден для прогнозирования.

— Это по математической части. А что вы скажете относительно вывода, который сделан на основании этого расчета?

— А там есть какой-то вывод? — как можно безразличнее спросил Корчак

— Конечно, вот он прямо словами записан в конце.
«Лagerя производят общественного продукта существенно больше, чем требуется для лечения всех заболевших раком и для их пожизненного обеспечения. Это огромное количество излишнего продукта, который производит экономика Земли, можно было бы

использовать для существенного улучшения условий жизни работников. Однако этот продукт до работников не доходит и невольно возникает вопрос, а не может ли так быть, что этот излишний продукт незаконно присваивается кем-то на верхних уровнях власти».

— Если там такое написано, то это похоже на необоснованное обвинение властей — прямой призыв к бунту и нарушению стабильности, — сказал Корчак.

— *Если* написано? — комендант подчеркнул слово «если». — Там это написано, Корчак, и вы не могли не видеть эту надпись.

— Наверное видел, но не обратил внимания. Я же математик, меня интересуют только цифры. Любой математик вам подтвердит, что пробежать глазами формулы и не обратить внимание на фразы, естественное поведение для нас.

— Такое ощущение, Корчак, что вы пытаетесь оправдаться, — сказал комендант.

— Именно это я и делаю. Ведь вы обвиняете меня в том, что, имея перед глазами документ, свидетельствующий о заговоре, я не донес куда следует.

— Вы забыли с кем вы разговариваете! — резко отчеканил комендант, — если бы я вас в этом обвинял,

вы бы сейчас сидели не передо мной, а перед дознавателем. И разговаривали бы с вами совсем другим тоном! Я вас пригласил как эксперта, вот и ведите себя как эксперт!

— Что именно вы хотели знать? — спросил Корчак, чувствуя, как внутреннее напряжение потихоньку отпускает его. Похоже — пронесло, но все равно, надо быть настороже.

— Я хочу знать, кто автор этого документа! Или хотя бы услышать обоснованные, я подчеркиваю, обоснованные предположения, где его искать!

— Я полагаю, что создать такой метод одному математику не под силу. Тут поработал целый коллектив, и полагаю, не в лагере, а в одном из столичных институтов.

— Этот документ был создан здесь! В лагере Бодайбо! Знаете, почему я в этом уверен? Вот этот экономический коэффициент! Автор использует его для глобальных расчетов, а это наш, внутренний, лагерный коэффициент. Для любого математика в столицах это очевидно, но здешним математикам не известно, что есть разные коэффициенты. Они думают, что лагерный, это и есть — глобальный.

— Ой! Да это же совершенно не существенно! — воскликнул Корчак, — это вообще не имеет никакого значения! Этот коэффициент взят для примера. Сюда вообще можно ставить любое произвольное значений из валидного диапазона. Этот коэффициент влияет только на точность вывода, но не на его значение. Будь вы математиком, я мог бы объяснить вам это на пальцах.

— А вы попробуйте! Я хоть и не математик, но образование у меня хорошее и базовый курс высшей математики мне знаком. Во всяком случае, чем отличается определённый интеграл от неопределённого, я понимаю. Этого будет достаточно?

— Давайте попробуем, — улыбнулся Корчак, взял лист бумаги и начал на нем писать, — мы исходим из предположения, что все исходные данные зависимы друг от друга...

Через пять минут они уже, забыв табель о рангах, сидели с комендантом на одном стуле впрытык, чуть ли не в обнимку.

— Это все конечно очень утрировано и упрощено, — объяснял Корчак, — но суть понятна. Мы можем поставить сюда любое допустимое значение, но на выходе, как вы видите, это отразится только на точности вычисленного значения, но его порядок будет

правильным. Это верно и для одного параметра, и для нескольких. Главное, чтобы хотя бы две трети исходных параметров были реальными.

— Погодите-погодите, — перебил его комендант. — Если я верно понял, то это означает, что если у вас не хватает каких-то исходных данных для расчетов, то вместо них можно поставить в эту вашу формулу какие-то произвольно взятые значения, и результат все равно будет верным? Пусть и огрубленным, неточным, но — верным?

— Ну конечно! — воскликнул Корчак. — В этом и есть суть метода. Он позволяет получать верные выводы, даже если у вас не хватает всей необходимой информации.

Комендант вскочил и прошелся из угла в угол.

— Таким образом, авторы этого метода расчета сумели получить полную картину о состоянии экономики Земли, даже не имея всех необходимых для этого данных?

— Именно так!

— И этот вывод о том, что значительная часть общественного продукта, по сути, присваивается неизвестно кем, этот вывод верен?

Корчак пожал плечами:

— Математика не может ошибаться!

— А скажите, — на лице коменданта появилась заинтересованность, — а вот можно ли использовать этот метод для того, чтобы вычислить этого самого «неизвестно кого»? Может ли он установить, куда именно утекают эти излишки общественного продукта? Может они и не утекают вовсе, а просто теряются вследствие халатности и чьей-то глупости?

— Не думаю, это все же не единицы процентов, а гораздо больше. Впрочем, это легко проверить. Метод можно видоизменить, он же универсальный.

— Вы можете это сделать?

— Любой сможет, я покажу как.

Запищал сигнал связи, и на экране возникло лицо офицера. Его мундир был похож на мундир стражника, но цвета были красный и зеленый. Корчак не видел раньше такой формы.

— Дабл Ви, тут капитан Уильям Кидд, я сейчас в пятом управлении, думаю вам надо... — начал говорить офицер и осекся, заметив Корчака.

— Пусть вас не смущает, что он в одежде работника, — сказал комендант, перехватив взгляд офицера, — это — наш новый сотрудник, Ян Корчак. Именно благодаря его показаниям мы вышли на эту шайку в пятом управлении.

— Так вот, — продолжил офицер, — я думаю вам самому надо приехать и все увидеть своими глазами. У меня недостаточно опыта. Похоже, они тут незаконно присваивали себе большие объемы общественного продукта. *Слишком большие!*

— Что за чушь! — рассердился комендант, — как его можно присваивать тут, в Лагере? — куда тут денешь эти *большие* излишки и как их будешь использовать! Все же на виду!

— Шахты, Дабл Ви! — Разве кто-нибудь из администрации когда-нибудь спускается в шахты? Они тут устроили себе на глубине свой филиал Безмятежных Островов.

— С блэк-джеком и шлюхами? — спросил комендант.

Офицер рассмеялся:

— Мы ждем вас. Пока не начинаем!

— Вот, видите, — сказал Корчак, — возможно вам и не потребуется моя формула.

Комендант резко повернулся к нему. От былой любезности не осталось и следа. Перед Яном слова стоял всемогущий хозяин Лагеря.

— Ян Корчак, — сказал он строгим официальным тоном, — я вынужден прервать наш разговор, но он не окончен.

Мы вернемся к нему завтра, и, учтите, что именно завтра состоится *основная* часть разговора с вами.

Пока же официально уведомляю вас, что с сегодняшнего дня вы выведены из состава управления Лагерей и переведены в мое персональное распоряжение с испытательным сроком на три месяца. Это значит, что вы не относитесь более ни к категории работников лагеря, ни к составу лагерной администрации, а переходите в распоряжение центральной администрации Земли. О деталях этого статуса вы будете проинформированы по истечении испытательного срока, если вы пройдете его.

С этого момента только я являюсь вашим непосредственным и единственным начальником, и вы не должны выполнять ни чьих указаний и распоряжений, кроме моих, от кого бы они не исходили. Исключением являются только указания медицинского характера, исходящие от медицинских работников, и указания хозяйственно-бытового характера, исходящие от управляющего вашим общежитием.

С сегодняшнего дня у вас появляется третье имя. Отныне вас зовут Ян Корчак Бодайбо и именно так вы должны представляться за пределами Лагеря. В нашем кругу и на работе вы по-прежнему будете просто Ян Корчак.

Вас сейчас отведут на место вашего нового жилья. В Лагерь вы больше не вернетесь.

Вопросы есть?

— Да, — ответил Корчак, — а что такое «с Блэк-джеком и шлюхами»?

Весь гонор мигом слетел с коменданта. Он плюхнулся на стул и расхохотался.

— Ну вы даете Корчак! С вами просто невозможно!

Он снова сделал серьезное лицо, подошел к шкафу и достал брошюру.

— Вы ведь, как математик, должны знать английский?

— Что?

— Вам знаком технический жаргон?

— Да, я знаю его в совершенстве.

— Ну и отлично. Вот тут текст про человека, чье имя вы носите. Я хочу, чтобы вы прочли этот текст. Он написан на техническом жаргоне.

— Зачем? Я учил биографию Яна Корчака и в школе и потом, в порядке индивидуального плана.

— Иногда важны детали, Корчак. Иногда, вы видите вроде все то же самое, а приглядишься к деталям,

совсем не то! Здесь — детали! Потом мы с вами обсудим это. Но именно потом! Когда между нами не останется белых пятен.

Глава 6. «Человек, уставший бояться»

С утра его разбудил громкий стук в дверь. Стучал Рабиндранат Тагор.

— Я вчера забыл объяснить вам, как пользоваться будильником, так что пришлось взять на себя неприятную обязанность разбудить вас. Надеюсь, вы не возненавидите меня за это? Особенно если вчера допоздна засиделись.

— Засиделся, — улыбнулся Корчак, — много думал, много пил кофе, вспоминал. Но вас я не возненавижу. Если ненавидеть из-за таких пустяков, мир рухнет. К тому же вы сделали это из заботы обо мне, а я на удивление хорошо выспался. Это спальное место — просто чудо какое-то.

— *Кровать*, — поправил его Тагор.

— Что мне полагается делать? Куда идти? К какому времени?

— После завтрака справитесь на вахте, нет ли для вас распоряжений. Если нет — просто ждите у себя в комнате, вас вызовут. Осваивайтесь, и не забывайте про документ, что вам дали.

— Я пытался прочесть его, не получается, у меня очень много вопросов.

— Прочтете еще раз после завтрака, на свежую голову. Дабл Ви уехал до обеда, и время у вас, скорее всего будет свободное. Но меня об этом не спрашивайте. Я вам с чем угодно помогу, но не с этим документом, вы его сами должны переварить.

Они дошли до лифта в холле. Еще вчера Корчака удивило, что здание высотой всего 6 этажей оснащено лифтами — очень расточительно с лагерной точки зрения.

— Не дождемся, — сказал Тагор, — сейчас все к завтраку едут, пойдемте пешком, по лестнице, тут всего один пролет.

На лестнице вкусно пахло. Не чем-то конкретным, а просто — вкусно. Корчаку тут же страшно захотелось есть.

На полпути до них донесся смех, и обойдя поворот на площадке они увидели группу людей, стоящих полукругом вокруг человека, рассказывающего какую-то веселую историю.

— И вот представьте себе, Дабл Ви напускает на себя всю это свою суровость и грозным голосом начинает объяснять этому парню все траблы испытательного срока. И ждет, что тот сейчас описается от страха. А тот молча выслушивает, не проронив ни слова, и когда Дабл

Ви в конце грозно вопрошает: «Вопросы есть?», вдруг так лениво зевает и спрашивает: «А что такое блэк-джек со шлюхами?»

Грянул новый взрыв хохота.

— Да ладно! — пискнула какая-то девушка. — Так не бывает! Скажи, что ты это сейчас сам придумал!

— Да вот же он, — крикнул кто-то.

— Вы стали героем дня, — шепнул Тагор.

Их окружили. Каждый жал руку, называл свое имя, и Корчак с ужасом понял, что не в состоянии всех запомнить.

— Это правда? — спросила девушка, — то, что сейчас Стар рассказал? Вы правда ничуть не боялись?

— Очень боялся! — честно ответил Корчак, — Но я вчера так много и так сильно боялся, что в конце концов я просто устал бояться.

— Человек, уставший бояться, — сказала девушка, это же просто название для книги.

— И я правда не знаю, что такое «Блэк Джек со шлюхами»!

Новый взрыв смеха был ему ответом.

Очереди в столовой не было. Еда была разложена на огромных блюдах в центре зала, и каждый подходил свободно, брал на свою тарелку что хотел и сколько хотел. Корчак понял, что никогда не видел такой еды, из всего, что тут лежало, ему были знакомы только хлеб и фасоль.

Впрочем, он тут же понял, что общество взяло его под свою опеку. Каждый, кто проходил мимо (а многие проходили, он понял, нарочно) деликатно и ненавязчиво давал совет.

— Это мед, он сладкий, мажьте на хлеб.

— Это колбаса, из мяса, попробуйте кусочек.

— Положите себе омлет, делается из взбитых яиц.

— Возьмите совсем по чуть-чуть, но всего, — шепнула давешняя девушка, которую звали, он уже знал это, Шарлотта Бронте.

Он так и поступил. Кофе он нашел сам. Автомат в центре зала напоминал тот, что был в комнате, просто был крупнее.

Вскоре Корчак понял, что пожадничал. Когда он заходил в столовую, он был голоден, страшно голоден, и ему казалось, что он может съесть, все, что тут было разложено на тарелках. Но организм его, видимо, устал

от количества новых ярких впечатлений и перестал вообще реагировать на них.

Доедал он с трудом. Он бы даже оставил на тарелке все эти деликатесы, но ему было стыдно. Ему казалось, что все смотрят на него и потешаются над его жадностью.

Пошатываясь от незнакомого ему чувства переедания, он вышел из столовой. Он не знал, куда идти и что делать. Рабиндранат Тагор куда-то убежал. Где тут проходит утреннее построение? Во сколько оно должно начаться?

Вахта — вспомнил он! Тагор сказал, справиться на вахте.

— Меня зовут Ян Корчак! — сказал он пожилому вахтеру.

— Где тут утреннее построение и во сколько оно начнется?

— Это излишне, — ответил вахтер, — нам на вахте ваше имя знать без надобности — просто номер комнаты, и все.

— Пятнадцатый, — ответил Корчак.

— Знаю, — ответил вахтер, — вас тут уже все знают, вы — знаменитость. Построения тут не бывает, у каждого тут свой начальник и, если ему надо вас построить, он сделает это на работе. А тут люди просто живут. Для вас оставлено распоряжение. Вам надо быть у вашего начальника в 15:00. За вами заедут. Будьте у себя в

комнате. Здание общежития вас просили не покидать. Это всё! Если у вас имеются какие-то вопросы по быту, обращайтесь ко мне или к моему сменщику. Спускаться для этого не обязательно, можно протелефонировать из номера, просто нажмите кнопку на аппарате.

Корчак вернулся в свой номер и заметил там перемены. На столе лежала брошюра, раскрыв которую он понял, что это что-то вроде инструкции по пользованию жилым помещением. Во всех ящичках теперь лежали карточки с пояснениями, и даже на кофейном автомате лежал листок, в котором объяснялось какие бывают виды кофе, в чем преимущества и недостатки каждого.

Кто-то проявил о нем заботу, а может быть, как знать, просто исправил просчет, и сделал то, что надлежало сделать вчера. Но Корчаку все равно, было приятно.

Он снял трубку телефона и нажал кнопку.

— Вахта слушает!

— Это пятнадцатый номер, мне нужен блокнот и несколько карандашей разных цветов.

— Если вам нужно то, чего нет в меню ящика заказов, просто положите туда записку с описанием. Снабженцы найдут, если это возможно, конечно.

Корчак так и сделал. Минут через пять звякнул звоночек, и Корчак извлек из ящика линованный блокнот очень белой и гладкой бумаги и одну-единственную авторучку, необыкновенно толстую. Внимательно разглядев ее, Корчак понял, что ручка может писать разными цветами, они переключались селектором наверху.

Он сел в кресло, положил перед собой блокнот и задумался. Вчера ночью он был слишком перегружен впечатлениями, чтобы понять текст. А понять было нужно. Прав был Тагор, этот язык, которым написан текст, не был заурядным техническим жаргоном. Слова были те же, и отдельные простейшие предложения были понятны. Но в целом слова не складывались в осмысленные фразы.

Он вновь зацепился взглядом за предложение, на которой застрял.

They are not going to be waited for.

Если переводить по словам получалось нелепое: «Они есть не идущие быть ждали для». Очевидно, это была какая-то грамматическая конструкция. Но какая?

Он почувствовал, что на него навалилась головная боль. Очень некстати!

Интересно, а не входит ли в число здешних привилегий и доступная медицинская помощь? В лагере можно было

заявить о болезни только на утреннем и вечернем построении, и про обычную головную боль никто бы и слушать не стал. Но здесь все было иначе, почему бы нет.

Он подошел к справочнику. В самом низу списка значилось: «Аптечка (медицинские препараты для самопомощи при несерьезных медицинских акцидентах)».

Обычная головная боль — это ведь несерьезно?

В аптечке было отделение «обезболивающие». Он открыл его и увидел две упаковки. В одной был флакончик спрея, который надлежало брызгать на рану или место ушиба в случае травмы, надпись на другой гласила, что это «средство от похмелья» и в скобочках была расшифровка этого термина — озноб, головная боль, тошнота.

«Сгодится, — решил Корчак, — у меня видимо и есть это «похмелье».

Он растворил таблетку в воде согласно инструкции, выпил шипучий раствор и сделал себе кофе американо.

Головная боль ушла. Он снова взялся за работу.

Итак, если этот язык отличался от технического жаргона только грамматикой, то очевидно, что грамматические конструкции должны были повторяться в тексте. И значит

их можно было выявить, систематизировать, и попытаться понять их смысл.

Он стал выписывать в блокнот непонятные фразы, стараясь подчеркивать одним цветом те, которые имели общие признаки.

Все оказалось на удивление несложно. Уже через полчаса он знал, что в этом языке было просто несколько способов выразить прошедшее время, несколько способов для выражения будущего и как минимум два способа для выражения настоящего. Разные формы глагола «быть» — to be в половине случаев вообще никак не переводились, а были просто были индикаторами, показывающими присутствие той или иной грамматической конструкции, например, пассивного залога.

Корчак еще раз перечитал текст. До детального понимания было еще далеко, но смысл стал понятен. Смысл самого текста, но не тех событий, которые этот текст описывал.

Малолетние преступники, которых пытался спасти Януш Корчак, не были преступниками в обычном понимании. В тексте они назывались «евреи», и это, насколько понял Корчак, могло означать, что они просто родились в

другой стране, скорее всего — в стране, с которой воевала страна Януша Корчака.

И в этом случае стремление Януша Корчака предотвратить казнь этих детей было вполне понятно, разумно и рационально. Это был хороший и правильный поступок, а не плохой, как учили Яна в школе.

И почему Януш Корчак пошел вместе с детьми на казнь, хотя вполне мог ее избежать? Ведь его гибель не помогла предотвратить казнь детей, она вообще не могла ничего изменить. Он просто пошел добровольно и принял казнь вместе с этими детьми. Это казалось совершенно бессмысленным поступком, но Ян понимал, что смысл был, и что поняв этот смысл, он одновременно поймет что-то очень-очень важное.

Он вдруг испытал прилив гордости оттого, что носит то же самое имя, что и этот человек.

Запищал сигнал *интеркома*, и на настенном экране появился Дабл Ви.

— Вы нужны мне, здесь, Корчак, в вашем... в бывшем вашем пятом управлении. Сейчас за вами заедет *фельдъегерь*. По дороге он завезет вас в ателье, где вы получите форму. Вы должны быть здесь в официальном форменном мундире.

Глава 7. Я вас запомнил

Из зеркала на него смотрел строгий красивый офицер, совершенно непохожий на прежнего Яна Корчака. Мундир был такой же, красно-зеленый, как у того капитана, что вчера разговаривал с Дабл Ви по Интеркому. И даже были погоны. Ян не стал спрашивать у фельдъегеря, что они означают, решил, что это выглядело бы странно. Потом узнается, само собой.

— Сидит тютелька в тютельку, — заметил фельдъегерь, — это они умеют, размеры, небось, из вашей медкарты брали.

Дабл Ви ждал их в приемной пятого управления, и с ним был еще один человек, увидев которого Корчак едва не впал в ступор. Это был Такэда Сокаку III — юрист-ревизор регионального управления, самый страшный человек, с которым можно было столкнуться в жизни. От него зависели судьбы всех. Одним росчерком пера он мог отправить любого человека на казнь или наоборот, вернуть к жизни. Он не входил ни в какую административную структуру, у него не было подчиненных и, может быть даже начальников.

Он толковал законы и инструкции.

Любое непонятное место, любые сомнения в формулировке, любые неоднозначные выводы, которые

можно было сделать из того или иного пункта закона, решались только на основании мнения этого человека.

Юрист-ревизор был единственной «высокой персоной», к которому мог напрямую воззвать любой лагерный работник и даже штрафник. Достаточно было просто вслух провозгласить формулу: «Слово и Дело Государственное!», как об этом случае в обязательном порядке ставился в известность Такэда. Но если Такэда считал, что дело, по которому его побеспокоили недостаточно серьезное и важное, то провозгласившего «Слово и дело» могли сурово наказать. Поэтому в Лагерях прибегали к «Слову и Делу» крайне редко.

— Мы ждали именно этого лейтенанта? — спросил Такэда.

— Да, его имя Ян Корчак, и, если мой план сработает, с его помощью сегодня же дело будет закрыто.

— Это имя мне ни о чем не говорит, — констатировал Такэда. — И лучше бы, если бы ваш план сработал, Владимир Владимирович. Пока что у меня нет никаких формальных зацепок, подтверждающих ваши обвинения по отношению к руководству управления. Их оправдания выглядят разумными и совпадают во всех деталях. Хищения были организованы руководителями среднего

звена, а высшее руководство виновно только в халатности и недостаточном контроле.

— Слушайте меня внимательно, Корчак, — Дабл Ви повернулся к Яну, — и, если вам будет непонятна хоть какая-то мелочь, вы лучше пять раз меня переспросите. Мне нужно, чтобы все прошло без малейшей запинки, и с первой попытки. Возможности повторить у нас не будет. Вы хорошо знаете начальника хозотдела пятого управления, и знает ли он вас?

— Я встречался с ним не реже раза в неделю, на протяжении четырех лет.

— Тогда слушайте, сейчас мы пройдем в помещение, где находится всё руководство управления. Среди прочих там будет и завхоз. Вы должны показать мне его, но так, чтобы все окружающие это видели хорошо и отчетливо. Я спрошу, а вы покажете, на него пальцем и скажете: «Это он!» Поняли!

Они прошли коридором и вышли к комнате для совещаний.

Корчак вошел в помещение, залитое ярким светом. Все начальство управления сидело за столом, сбившись в кучку в окружении лагерных стражников. Корчак встал у стола, его появление не вызвало интереса.

— Корчак! — окликнул его от дверей вошедший следом Дабл Ви.

Услышав его фамилию, несколько человек подняли голову, и ситуация в переговорной резко изменилась. Его узнали и, конечно, не ожидали увидеть его в таком качестве. Корчак увидел, как мгновенно посерело и покрылось капельками пота лицо главного инженера.

— Лейтенант Корчак, — повторил Далб Ви, делая упор на слове «лейтенант», — кто именно?

— Вот, он! — сказал Корчак тыкая пальцем в завхоза.

Тот взвыл и одним прыжком оказался у ног Такэды.

— Внимание! — закричал он, — Внимание! Я заявляю о сотрудничестве со следствием! Я — сделал заявление!

— Я хочу сообщить о преступлении этого человека, — крикнул начальник шахты, показывая на завхоза, — официально заявляю, его показания — предвзяты.

Стражники мгновенно развели всех по разным комнатам.

— Bravo, — произнес Такэда, качая головой, — вы меня поражаете раз от разу... Но... почему они так испугались присутствия вашего лейтенанта?

— А вот это Такэда, я вам расскажу чуть позже, я готовлю вам маленький сюрприз.

В дверях они столкнулись с тем самым капитаном, Уильямом Киддом, которого Корчак видел вчера в интеркоме.

— У нас серьезная проблема, — сообщил капитан.

— Какие могут быть проблемы, — благодушно заметил Такэда, — дело, считайте, закончено.

— Мы нашли еще несколько тайных помещений, они держали работниц в сексуальном рабстве, — сказал капитан.

— Какой смысл вы вкладываете в термин «сексуальное рабство»? — спросил Такэда, — секс по принуждению с использованием служебного положения или секс в обмен на часть украденного общественного продукта?

— Пожалуй, ни то, ни другое. Мы нашли двенадцать работниц. Официально, по документам они все мертвы. Все были оформлены как погибшие в результате несчастного случая на производстве. Фактически их похитили, держали взаперти и пользовались ими для сексуальных утех.

Такэда вернулся в переговорную и опустил в кресло.

— И в чём именно вы видите проблему, капитан?

— Что с ними делать? Есть ваш строгий приказ держать произошедшее в тайне. В лагерь мы их вернуть не

можем, это приведет к огласке. На дальний кордон — тоже не можем, там они все равно с кем-то будут контактировать. *Надо их куда-то деть!*

— Я этого подписывать не должен и не буду, — сказал немного подумав Такэда, — Это внутренняя проблема вашего лагеря, Владимир Владимирович, от вас и должен исходить приказ. Мой вам дружеский совет, пусть распоряжение будет устным. Они уже официально мертвы, эти женщины.

— Уточните, Такэда! — сказал Дабл Ви, — вы даете мне карт-бланш и согласны прикрыть глаза, если я отдам распоряжение, ну скажем так, о быстром и простом решении этой проблемы?

Такэда ничего не сказал, но отчетливо кивнул головой.

— Капитан! — сказал Дабл Ви. — Выведите этих женщин во двор и сдайте медикам для отправки в госпиталь, а когда медики сочтут возможным, приказываю вернуть их в лагерь на прежние должности.

— Будет сделано! — радостно прокричал Кидд и умчался прочь.

— Вы с ума сошли! — вскочил Такэда.

— Я сейчас объясню. Корчак, идите сюда, садитесь, вас это отчасти тоже касается, — Дабл Ви повернулся к

Такэда, — Они торговали, Такэда! Вы не заметили? Они — Торговали! Мы, наивные, полагали, что сразу сможем заметить серьезную коррупцию, поскольку в Лагере все на виду, серьезные объемы продукта никуда не спрячешь. А они и не прятали, они просто сплавляли все это за пределы лагеря.

— Продолжайте, — кивнул головой Такэда.

— А чего тут продолжать, вы уже сами все поняли. Это — не единичный случай. Торговля подразумевает наличие системы. Транспортировку, логистику, учет. Это значит — очаги появились и в каких-то других Лагерях. Очевидно они уже есть и на магистралях, иначе не было бы обмена. И на базах! Это Начало Коррупционного Коллапса Купермана! Несколько столетий нам удавалось держать процесс под контролем благодаря перепроизводству общественного продукта, но стоило начаться экономическому кризису — и оно выскочило!

— Не напирайте так на меня. Я тоже допустил возможность того, о чем вы сказали. Мы будем это расследовать. Но как это связано с вашим стремлением придать эти факты коррупции огласке? Вы представляете, что может произойти, когда работники в лагере узнают!

— Они обязательно узнают! И если мы будем скрывать, то узнают не от нас! Информация все равно так или иначе просочится, если процесс пошел повсюду, и мы пока его не контролируем.

— Вы хотите, чтобы работники узнали об этом от нас и были подготовлены нашей подачей информации? — Спросил, подумав, Такэда, — Чтобы, когда это все начнет просачиваться стихийно, у них уже был сформирован нужный взгляд?

— Да, конечно, и это тоже. И мы это обязательно сделаем! Но сейчас речь о другом. Очень легко отдать приказ держать все в тайне! Но как вы объясните работникам и администрации внезапное исчезновение всего руководства пятого управления? Всех внезапно отправили на повышение? Эпидемия неизвестной болезни, поражающей только начальство? Наверняка уже недоуменные слухи пошли и всякие версии возникают! Эти похищенные работницы — подарок судьбы, Такэда. Если бы их не было, их бы стоило придумать!

— Ну что ж, вот это мне понятно, — сказал Такэда, — Никакой коррупции не было, просто извращенное начальство управления похищало и насильно принуждало к сексу своих работниц, — этим будут искренне возмущаться и работники, и администрация, об

этом будут много говорить, и — никакой экономики, никакой политики. Это не вызовет ни волнений, ни бунта. Люди будут одобрять действия администрации, пресекающей безобразие, и поддерживать их. Только один момент, важный. Что могут рассказать эти работницы о коррупционных схемах?

— Это легко проверить. Полагаю, что ничего, кроме того, что их похитили и использовали. Но зато об этом они могут рассказать в красках.

— Я пока не уезжаю. Понаблюдаю. Думаю, где-то неделю. Распорядитесь, чтобы меня разместили подобающим образом. И еще остался один вопрос, на который у меня пока нет ответа: при чем тут лейтенант Корчак? Вы сказали, что это имеет отношение к теме.

— Корчак — математик, автор математической теории, которая поможет нам блокировать наступающий коллапс. Я надеюсь — поможет блокировать. И я потихоньку ввожу его в курс дела.

— Математик? Или лейтенант госбезопасности?

— Лейтенантом я его сделал шесть часов назад, чтобы устроить тот спектакль, свидетелем которого вы были. А до того Корчак работал в этом управлении. Когда руководство увидело его в мундире, они решили, что он

был у них моим агентом под прикрытием и нервы у них сдали!

— Как все сложно! Вы сказали — он работал здесь?
Корчак — вы выбились из работников лагеря?

— Такэда, я обещал вам сюрприз. Время еще не пришло.

— В течение сегодняшнего дня этот человек дважды привлек моё внимание. Я не думаю, что это — простая случайность. Корчак, я вас заметил и запомнил.

Сказав это, Такэда вышел из комнаты. Корчак не знал, бояться ему теперь или радоваться.

Глава 8. Все точки над і

Они остались вдвоем с Дабл Ви.

— Закройте дверь, Корчак, — сказал тот, и располагайтесь поудобнее, — разговор нам предстоит долгий.

Он поморщился, потер виски, потом вытащил из кармана «таблетку от похмелья», растворил ее в воде и выпил.

— У вас похмелье? — поинтересовался Корчак

— Что? — изумился Дабл Ви, — с чего это вы решили? У меня просто разболелась голова.

— Кофе хорошо помогает, после таблетки, — сказал Корчак.

Дабл Ви посмотрел на него с еще большим изумлением.

— Ну, позовите секретаря, он в коридоре, закажите мне и себе. И сэндвичей. На ужин вы не успеете.

Вскоре принесли кофе в большом керамическом кофейнике и корзинку с сэндвичами разной формы.

Дабл Ви встал и сам запер дверь.

— Прежде всего хочу вас уведомить Корчак, что ваш испытательный срок завершен. Вы — в штате!

— Как так?

— Вы обратили внимание на последнюю фразу Такэды?

— Да. Я понял, что она имеет какой-то смысл, но я не понял какой.

— Смысл тот, что я по-прежнему остаюсь вашим начальником, но вот хозяин у вашей судьбы теперь другой. Я больше не властен над вашей жизнью и смертью, как это было еще час назад.

Дабл Ви налил себе кофе.

— Еще сутки назад, Корчак, вы были лагерной пылью, и любой начальник мог вас раздавить походя кончиком пальца. А сейчас вы волею судеб оказались на пересечении важных событий и стали их частью. И никто не может заранее сказать, насколько важной частью. У Такэды профессиональное чутьё, и если он вас «запомнил», значит уже обозначил для вас место в будущих событиях, хотя не факт, что он сам знает, в каких именно.

Я не уверен, что у нас будет в ближайшие дни возможность поговорить, а поговорить нам надо. Как говорится в английском языке, нам надо расставить все точки над *i*. Кстати об английском, вам удалось что-нибудь понять в том тексте, что я дал?

— Рабиндранат Тагор предупреждал меня, что вы сразу спросите об этом.

Дабл Ви вдрогнул:

— Мой вас совет, Ян. Никогда не пересказывайте начальству слова другого человека, если только тот не дал вам внятное согласие на такой пересказ. Впрочем, не надо пересказывать вообще никому, не только начальству.

— У Тагора будут неприятности из-за этого?

— В данном случае — нет! Но в иной ситуации и в иное время — могли бы быть! Ну так вам удалось что-то понять в этом тексте?

— Кое-что понял.

— Вот как? И какие у вас возникли вопросы?

— Скажите, вот этот «английский язык», он был языком одной из стран, с которыми воевал Великий Вождь? Как он превратился в «технический жаргон»? Почему все основные знания описаны на нем?

— Не совсем, это был язык многих стран. Но не только это. Он был языком международного общения и обмена информацией во всем мире. А потому вся база знаний человечества была описана на нем. Так и осталось. Базу не стали переводить. Это был надежный способ

ограничить доступ к информации. Ее мог иметь только тот, кого специально обучили языку. Для узких специалистов была создана упрощенная форма — технический жаргон, чтобы они могли читать специальную литературу, но не имели бы доступа ко всей информации. Но вы не ответили на мой вопрос, что именно вы поняли?

— Я понял сам текст, но не понял смысла событий, что он описывает. Я понял, что именно сделал Януш Корчак, но не понял, почему он это сделал. В тексте ответа на эти вопросы нет. Видимо подразумевается, что людям той эпохи это было понятно без объяснений. Я понял -- то, что сделал Корчак, было не плохим поступком, как меня учили, а хорошим. Но если вы меня спросите, я не смогу объяснить смысл этого поступка.

— А как вы думаете, зачем я дал вам этот текст?

— Чтобы поселить во мне беспокойство о том, что я не понимаю чего-то важного. Чтобы моё подсознание день и ночь трудилось над поиском этого важного, и, в конце концов, нашло бы его. Чтобы мне стало понятно то, что было понятно людям той эпохи

Дабл Ви изумленно посмотрел на Корчака.

— Я никогда не думал над этим в таком ключе, но ваш ответ — он, пожалуй, точнее того ответа, что я сам дал

бы на свой вопрос. Да, можно сказать так, чтобы выполнить те задачи, что стоят перед вами, вы должны во многом стать человеком той эпохи. А еще Корчак, вы меня порадовали, очень порадовали тем, что так быстро смогли решить загадку с языком. По статистике, только 10% людей догадались бы сделать то, что сделали вы — запросить учебник английского языка через ящик заказов.

— Я не запрашивал учебника английского языка, — пожал плечами Корчак, — такая простая мысль не пришла мне в голову, хотя конечно — это идея блестящая!

— А как же вы тогда прочли текст?

— Я провел частотный анализ совпадающих элементов, выявил грамматические конструкции и из контекста определил их значения.

— Чего-о-о-о?

— Я сейчас объясню, вот смотрите, — Корчак начал по памяти восстанавливать фрагменты текста и объяснять, что именно он делал.

Дабл Ви оттолкнулся от стола и отъехал в другую сторону — стулья были на колесиках.

— Не надо, Корчак, ей-богу не надо. Я верю, что вы действительно *это сделали*. Тут, в данной ситуации, уже совсем не важно, *как* вы это делали. Важно лишь то, *что* вы сделали.

— А почему вы обманули Такэду? — неожиданно для самого себя вдруг спросил Корчак.

— Я Такэду? Когда?

— Вы сказали ему, что мир поражен экономическим кризисом. Но ведь вы видели расчет, вы же знаете, что это не так!

— Вы имеете в виду это? — Дабл Ви достал из портфеля знакомую синюю папку, — да, я помню, что математика — не ошибается! Но вот ведь какой парадокс, математика — не ошибается, а вот математики ошибаться могут!

— Что вы имеете в виду?

Дабл Ви распахнул папку:

— Ближе к концу, третья срока снизу!

Корчак внимательно посмотрел:

— И что! Тут все нормально!

— Внимательно, Корчак, внимательно!

— Я внимательно смотрю!

Дабл Ви встал и ткнул пальцем сначала в одно место, потом в другое.

Корчака обдало жаром:

— Пределы интегрирования в правой части перепутаны.

— И что это значит?

— Значит формула ошибочна!

— Да нет Корчак, формула — верна, только в результате

— да, ошибка! Поставьте правильные пределы, и формула будет прекрасно работать и выполнять все, что ей положено. Только результат будет другим.

— Ряд сходится. Экономика в процессе разрушения!

— Вот именно это я и сказал Такэде. Мы сразу заметили ошибку и сделали из вашей формулы правильные выводы. Это ведь ваша папка, Корчак! Это ведь ваша формула! Вы ее автор, вы, а не абстрактный коллектив математиков!

— Вы еще вчера это поняли, — прошептал Корчак.

— А вот и нет! — Дабл Ви вытянул руки над головой и щелкнул пальцами. — Я знал об этом давно. Но вчера я просто не отказал себе в удовольствии поиграть с вами. Я заставил вас при мне заново вывести формулу, а потом

несколько раз «оговорился», сказав «ваша формула». Вы упивались тщеславием и даже не возразили.

Корчак вспомнил, что именно так оно и было.

— Но откуда вы знали?

— Вас выдал Маврос Лазарос. Но правда лишь после того, как я объяснил ему, для чего вы мне нужны, и поклялся, что вам не будет причинено никакого вреда.

— Так это вам он крикнул перед расстрелом: «Вы поклялись мне!»?

— Да, в последнюю секунду жизни он думал о вас и о том, исполню ли я свое обещание.

— И все-таки вы расстреляли его!

— Я думаю, не пройдет и нескольких месяцев, как вы сами узнаете и поймете, почему мы так поступили, и вынуждены будете согласиться, что мы сделали доброе дело. Я мог бы вам и сейчас сказать, но есть вопросы, ответы на которые нельзя получать в готовом виде, их надо искать самостоятельно.

— Еще вы в разговоре с Такэдой упомянули, про Коррупционный Коллапс Купермана! Это ведь тот самый Куперман, великий математик, живший во времена Великого Вождя? Что с ним случилось? Он просто перестал упоминаться с какого-то момента. Сохранились

ссылки на его последние работы, но самих работ вы не найдете.

— Его расстреляли, Корчак! Это была самая величайшая глупость, которую можно было совершить. Но, что поделаешь, решения в ту пору принимались дураками. Умных уже не осталось!

Гибридная война, которую вел Великий Вождь, это была не война силы, это была война разумов. Умные люди с креативным мышлением хорошо противодействовали ей. И тогда какой-то идиот посоветовал Великому вождю объявить войну умным людям.

О, это была охота! Вся разведка, все диверсионные силы Вождя были брошены на то, чтобы подавить интеллектуальную элиту во всем мире, начиная с его собственной страны. Те поначалу не воспринимали действия Великого Вождя всерьез, а когда спохватились и поняли опасность, было уже поздно. Сначала интеллектуалов, людей с креативным и независимым суждением выдавили из госаппарата, из бизнеса, из искусства, а потом началась настоящая травля. В абсолют были возведены серость и невежество, которые превозносились, как добродетели. И в некоторых местах человека могли убить уже просто за то, что он «слишком учёный».

Короче, к моменту победы в гибридной войне, везде, на всех уровнях, царила серая посредственность. Лишь Куперман не пострадал. Он вел жизнь затворника, а по привычкам и стилю жизни настолько отличался от окружающих, что имел репутацию безобидного сумасшедшего. Это спасло его. Но ненадолго.

Когда он наивно опубликовал своё уравнение коррупционного коллапса, гордясь тем, что решил трудную математическую задачу, никто не понял сути этого уравнения, но зато все очень хорошо поняли вывод, который следовал из этой формулы: «Великий вождь ошибся, его экономические и политические шаги приведут не к всеобщей справедливости, а наоборот, к экономической катастрофе». Купермана арестовали и, не особо разбираясь, казнили.

— Вы сказали, Великий Вождь — ошибался? — спросил пораженный Корчак. Поразила его не столько эта формулировка, а то, что прозвучала она из уст человека, который никогда ни при каких обстоятельствах не мог ее произнести.

— Это не я сказал, это формула Купермана сказала. И, обратите внимание, пределы интегрирования он не путал.

— И все-таки!

— Я не знаю, кто там ошибался, Великий Вождь или кто-то другой, кто скверно выполнил его указания. Дело давнее! В любом случае, если бы Купермана не казнили, а приняли его выводы к сведению, и дали бы ему возможность работать... в тот момент еще была возможность откатить всё назад. Все можно было бы еще исправить!

Но через десять лет, когда коррупционный коллапс раскрутился в полную мощь, исправить было уже ничего нельзя. И не только из-за упущенного времени. А еще и потому, что среди посредственностей, которыми была наводнена Земля, не нашлось ни одного математика, способного найти решение уравнения Купермана, а сам Куперман был мертв.

И тогда они сделали единственное, что умели: арестовали и расстреляли всех, кто имел хоть какое-то отношение к делу Купермана: следователей, оперов, прокуроров, судей, даже конвоиров. Но это конечно, ничего не исправило — совершенно глупый акт отчаяния!

— Но кризис все-таки заглох?

— Природа не терпит пустоты. В следующем поколении начало рождаться много умных, креативных людей, его называли «поколением гениев». Уравнение Купермана

было решено для всех граничных условий, но ни одно из этих решений не могло исправить ситуацию, изменения в обществе уже приняли необратимый характер.

Единственное что смогло сделать «поколение гениев» — это остановить кризис и стабилизировать ситуацию. Мы выполняли рекомендации этих гениев несколько столетий. Просто тупо выполняли, даже не понимая их сути. Потому что больше такого наплыва гениев не повторялось.

— А почему сейчас это перестало работать?

— Просто истощились ресурсы. Мы всё время только «проедали» запас прочности, который нам достался в наследство. До начала гибридной войны экономика земли развивалась стремительно. Это была великая цивилизация. Они летали к другим планетам. У каждого в кармане, даже у детей, лежал собственный микрокомпьютер. Весь транспорт был оснащен специальными устройствами, которые точно показывали его положение на карте и автоматически прокладывали по этой карте путь в точку назначения. Их коптеры летали быстрее звука...

Великая гибридная война просто уничтожила эту цивилизацию. Мы больше не развивались. Нам достались в наследство большие материальные ресурсы, готовые технологии и знания. Но мы это не продвинули

ни на шаг и постепенно всё утратили. Единственное, что мы более-менее сохранили — это медицину, вернее, технологии лечения рака. Но и тут мало радостного. Сейчас в мире 50 лабораторий по производству противораковой сыворотки. А сто лет назад их было 150.

Мы сейчас делаем единственное, что можем. Мы ищем талантливых и умных людей по всему миру. Мы создаем для них условия, в надежде, что они что-то придумают. Их очень немного в мире, но кое-кого нам собрать удалось. То место, куда вас поселили, это ваше «общезитие», официально называется «Центр Ч». Подобны центры есть и в других местах, но ваш — это основное место на Земле, где сейчас ищется решение проблемы.

— Ведь у меня нет никакого рака? — вдруг неожиданно спросил Корчак.

Дабл Ви пожал плечами:

— Конечно, у вас нет никакого рака! Это настолько очевидно, что я вчера был очень удивлен, когда вы задали этот вопрос. Конечно, в вашей лагерной карте напишут какой-нибудь диагноз, чтобы был формальный повод, чтобы ни у кого не возникло вопросов, почему вас перевели. Мы всегда так делаем. Но в реальности

никакого рака у вас нет и, я надеюсь, не будет в обозримом будущем.

— Хорошо, что я должен делать, в чем состоит моё задание?

— Было бы в высшей мере глупо с моей стороны, — наклонился к нему Дабл Ви, — указывать вам, что надо делать. Я указал вам цель. А путь к ней — ищите сами. Вам положен собственный рабочий кабинет, но чем меньше вы там будете проводить времени — тем лучше. Ищите! Собирайте информацию, вам дан максимальный допуск. Заводите знакомства, общайтесь с людьми, помните, именно через людей к вам приходит основная информация и идеи. Особенно, если это люди, которые собрались в центре Ч. Шляйтесь, где только можете, суйте всюду свой нос. Единственное место, где вы не должны показываться — это Лагерь. Для тех, кто в Лагере, вы должны исчезнуть навсегда. И, конечно, держите меня в курсе своих находок.

— А я как раз хотел просить вас разрешить посетить мне лагерь, у меня там осталась одна вещь, которая дорога мне как память.

— Зачем вам нужна память о лагере, Корчак? Это гнусная память! Чем быстрее забудете, тем лучше будет для всех.

— Это память не о лагере, это память о человеке.

— О человеке? Человек из Лагеря — это всё равно Лагерь! Вы не должны пускать Лагерь в вашу нынешнюю жизнь!

Дабл Ви на мгновение задумался:

— Разве что вы взяли на себя перед кем-то обязательство, которое осталось невыполненным. Или вы взяли на себя ответственность за кого-то в Лагере? Тогда это — другое дело. Но и в этом случае нет никакой необходимости возвращаться в Лагерь. Назовите имя, и я вам обещаю, я, лично я выполню за вас ваши обязательства и сделаю это так, что вам не придется жалеть о том, что поручили это мне.

— Ее зовут Полли Пламмер, если можно, облегчите ее судьбу.

— Женщина! Я мог бы догадаться! — всплеснул руками Дабл Ви. — Корчак, вы же знаете, постоянная привязанность к лицам другого пола — уголовное преступление!

— А какой смысл в запретах, которые заведомо не будут соблюдаться? — резко парировал Корчак. — Вы сами знаете, что сколько не запрещай, привязанность между мужчинами и женщинами все равно будет возникать, это закон природы. Треть работников в лагере имеет постоянные связи. А оставшиеся две трети молчат и не

доносят, потому что понимают, что завтра и сами окажутся в такой же роли. Да если бы и доносили, вы бы что, треть лагеря бы посадили? К чему запреты, которые дискредитируют сами себя своей бессмысленностью?

— Чтобы держать в напряжении вас, дураков! — ответил Дабл Ви, — Вы называете это постоянными связями? В лагерном мире, Ян, не может быть постоянных связей! Потому что полгода-год, это не постоянная связь. Человек в лагере не принадлежит себе. Сегодня вы рядом, а завтра — перевод одного из вас в другой отряд или даже на другую территорию. Сегодня -- связь, а завтра — трагедия. Или еще хуже, сегодня вы оба здоровы, а завтра у одного — рак. Каково ощущать тому, кто попадает в рай, что его половинка — осталась в аду. Вот вам каково сейчас думать, что вы тут, а ваша Полли — в лагере! Вы правы, у нас в Лагере треть людей имеет постоянную привязанность, но вы не знаете, что одна восьмая пребывает в депрессии или стрессе из-за того, что привязанность эта разорвалась! Это — статистика. А не было бы запрета, 100% лагеря было бы в депрессии.

Корчак оторопел он напора Дабл Ви. Он не думал об этом в таком ключе.

— Не говоря уже о материальных издержках от этой иллюзии, — продолжал Дабл Ви. — Вот мне теперь придется искать здесь какую-нибудь нелепую и

бессмысленную вакансию для вашей Полли, ставить вашу Полли на весьма недешевое довольствие и лишь для того, чтобы вы через полгода поняли -- то, что вас держало вместе в лагере, тут уже не имеет никакого значения. И вы расстанетесь, и вашу Полли уже никуда не выбросишь, и я останусь с совершенно бесполезным работником, потому что к реальному делу вашу Полли не приспособишь. Я не фантазирую, я уже не раз через это проходил!

— Вы не шутите, — вы действительно хотите вытащить сюда Полли из Лагеря ради меня?

— Нет, я не хочу! Но мне *придется* сделать это! Потому что если я эту вашу проблему не решу, то вы, несмотря на все запреты, будете сами ее решать и наворочите таких дел, что дешевле вытащить прямо сейчас вашу Полли. Вы думаете вы тут первый такой?

Дабл Ви открыл дверь в коридор и крикнул секретарю: «Переключите интерком на переговорную».

Замерцал экран, Дабл Ви вызвал отдел кадров.

— Здесь Дабл Ви. Снять работницу Полли Пламмер по всех работ. Подготовить документы к переводу.

— Уже сняли и готовим, — ответили там — послезавтра отправляется на Безмятежные Острова. Рак груди.

— Остановить отправку. Статус поменять на «особую папку».

— Сделано!

Дабл Ви повернулся к Корчаку:

— Надеюсь вы не думаете, что я всё это подстроил?

— Еще вчера я бы так и подумал, но сейчас -- нет. Конечно, нет.

— Я рад, что так все случилось, Корчак. Вот теперь вы на своей шкуре поймете весь смысл этого «бессмысленного запрета».

— Могу я с ней встретиться? С Полли.

— Вы *должны* с ней встретиться! Боюсь, что никто другой, кроме вас, не сможет ей объяснить, почему она должна остаться *здесь*, когда она уже в мечтах перенеслась на Безмятежные Острова. Я прямо сейчас отправлю распоряжение медикам, и они вас вызовут, в самое ближайшее время. Проинформируйте меня о результатах встречи.

Дабл Ви потянулся.

— Полагаю, всё! Я устал, и вы устали! Поднимайтесь на крышу, скоро прилетит коптер, доставит вас прямо в

Центр Ч. Завтра отдыхайте и думайте. У вас, полагаю, есть сейчас много тем для размышлений.

Корчак направился к двери.

— Погодите, — окликнул его Дабл Ви. — Переоденьтесь здесь. Вам не стоит показываться в этом мундире в общезнании. Хотя вы и липовый лейтенант госбезопасности, ваши новые друзья этой формы не поймут и не одобряют. Мундир отдайте капитану Кидду, он закинет его по дороге в ваш кабинет, пусть он там хранится.

— В смысле — липовый лейтенант?

— Этот мундир — как священная корова. Его нельзя надеть просто так, ради шутки или представления, — это криминал. Для того, чтобы разыграть сегодняшний спектакль мне пришлось издать *настоящий приказ* о зачислении вас в штат госбезопасности. Так что мундир у вас настоящий и удостоверение в нагрудном кармане — настоящее. Но вы там только *числитесь*, а не работаете.

— Так может и ну его, этот мундир?

— А никто и не заставляет вас его носить. А вот удостоверение вам пригодится, когда будете информацию собирать. Этот маленький кусочек пластика распахнет перед вами любые двери и развяжет

чиновничьи языки лучше любого предписания. Так что пользуйтесь, но не афишируйте.

Ян поднялся на крышу. Капитан Кидд был там.

— Коптер запаздывает, будет через 15 минут, — сообщил капитан.

Корчак вдохнул полной грудью свежий таежный воздух. Солнце село и сумерки почти уже обратились в ночь. Небо у горизонта светлело от отблесков лагерного освещения, и на фоне светлого неба проступал силуэт спасательной вышки ближнего поста.

Корчак вдруг вспомнил, где он видел такую же вышку. Память подхватила его и унесла на пятнадцать лет назад.

Ранее утро, тайга, жуткий холод, и детское тельце, прижавшееся к нему под ватником. Он только что осознал, что они не дойдут. Вышка проступала на фоне неба у горизонта. Но у него уже не хватит сил донести ее до спасательной станции. Если бы он шел один, шансы были бы. Но тридцать килограмм, которые весила девочка, этих шансов ему не оставляли.

— Не бросай меня, — вдруг прошептал ребенок, словно почуяв, о чем он думает.

— Ну-ну, ты что, как я могу тебя бросить.

— У тебя ведь больше нет сил нести меня, я вижу.

Через несколько секунд она вдруг сказала со своей обычной рассудительностью.

— Я маленькая, и скоро умру, — тогда ты сможешь дойти без меня. Но пока я не умру, пожалуйста, не оставляй меня, побудь здесь, со мной.

Корчак развернулся и помчался назад, оставив недоумевающего капитана. Он догнал Дабл Ви в коридоре.

— Что случилось! — отшатнулся тот от неожиданности.

— Я понял! — Сказал Корчак, сглатывая комок в горле, — я понял, почему он пошел на смерть с этими детьми.

— Не объясняйте, — ответил Дабл Ви, пристально глядя на него — я вижу.

Глава 9. Я отпускаю тебя

«Есть вопросы, ответы на которые вы должны найти самостоятельно» — сказал комендант.

Да, вопросов у Корчака было много. И он не сомневался, что задай он эти вопросы Дабл Ви или соседям по общежитию, он бы тут же получил ответы, и ответы эти были бы правильными.

Но Корчак понимал, что эти ответы будут слишком «простыми». Получая готовые ответы на сложные вопросы, он упустил бы то огромное количество деталей и нюансов, которые постиг бы, если бы шел к ответу самостоятельно. И как знать, вполне возможно именно в этих нюансах и заключалось самое главное.

«Я попал сюда из лагеря, так же, как и вы», — сказал Рабиндранат Тагор.

«Вы выбились из лагерных работников?» — спросил его Такэда.

Значит — сюда можно было попасть не из лагеря. Но откуда? Такого места «вне лагеря», в мире, который до сих пор окружал Корчака, не существовало!

Мир, в котором до сих пор жил Корчак, был устроен просто и понятно. Лагерь был центром мироздания и его сутью. Человек рождался в Лагере, жил в Лагере, и

единственным способом покинуть Лагерь при жизни — было заболеть раком и отправиться на Безмятежные Острова.

Но Острова, хотя сами и не являлись Лагерем, были неразрывно связаны с ним, ведь попасть туда, минуя Лагерь было невозможно. Во всяком случае так было в том мире, где жил Корчак.

И сейчас вдруг перед Корчаком возникли очертания некоего места, которое не было Лагерем, но не являлось, очевидно, и Безмятежными Островами.

Дети, родившиеся в лагере, не знали своих родителей. Женщины и мужчины хоть и жили в разных бараках, но работали бок о бок и свободно общались между собой. Постоянные связи были запрещены, но случайные сексуальные отношения, наоборот, всячески поощрялись. Лагерю были остро нужны дети, будущие работники. Забеременевшая женщина получала множество льгот, перевод на легкую работу, сокращенный рабочий день и специальную обильную витаминизированную диету.

Ребенка она видела только в момент родов, он отнимался от матери и передавался в руки квалифицированных медиков-воспитателей. Но за

матерью после родов льготы в порядке поощрения сохранялись еще полгода.

После яслей, детского сада и школы у ребенка были только две дороги, и они не особо отличались.

Подавляющее большинство попадало на заводы, шахты, в службу, короче — в простые лагерные работники. Но те, кто проявил у себя какой-нибудь талант, при наличии благоволения школьного руководства, могли пройти дополнительное обучение и стать «специалистом»: медиком, инженером, завхозом или производственным руководителем: мастером, бригадиром, прорабом. Последних в среде работников звали «начальники», именно так, с суффиксом «чк», в отличие от администрации — «настоящих начальников».

Хотя «специалисты» и «начальники» и имели определенные бытовые привилегии, они относились к тем же лагерным работникам, и в административной табели о рангах ничем от них не отличались. Впрочем, упомянутых «бытовых привилегий» им формально тоже не полагалось, просто большинство из них использовало служебное положение и служебные возможности, чтобы «неофициально» облегчить себе жизнь, и на это прикрывали глаза.

Например, Корчак, будучи в управлении ведущим специалистом, обустроил у себя в лаборатории

«нелегальное» спальное место, собранное из старых столов, и обычно ночевал там, а не в душном вонючем бараке. Все об этом знали, но относились с пониманием: и работники, и начальство. Однако платой за это удобство была необходимость вставать на 40 минут раньше и бежать к своему барaku на построение. И там, на построении, рядом с ним стоял в строю старший врач лагерной амбулатории — точно так же прибежавший на построение, как и Корчак.

Настоящими начальниками были представители лагерной администрации. Они одевались в хорошую одежду, хорошо питались, жили в благоустроенных помещениях. И, самое главное, у каждого из них была абсолютная власть над любым из лагерных работников. Но попасть в лагерную администрацию минуя лагерь, также было невозможно. В лагерную администрацию попадали те работники лагеря, кто заболел легкой формой рака, недостаточной для отправки на Острова, и другого способа попасть туда — не существовало.

А еще было мировое правительство и мировая администрация. Они формировались из людей, которые будучи отправлены на Безмятежные Острова, добровольно, во имя всеобщего блага, отказывались от отдыха и брали на себя административные функции

мирового управления. Во всяком случае так учили Корчака в школе на уроках Конституции.

В этом мире, в этой системе невозможно было существование людей, которые никогда не были в Лагере. И вот буквально в течение суток Корчак получил по крайней мере два, хотя и косвенных свидетельства, что такие люди — существуют.

Он взял лист бумаги и начертил схему общественного устройства Земли. И слева вверху над этой схемой нарисовал облачко, которой должно было символизировать место, где обитают такие люди. Подписал его «Тайный мир». И задумался.

Был еще один факт. Оказываются существовали еще и люди, которые попадали в администрацию лагеря или даже в структуру мирового правительства не потому, что заболели «легким раком», а потому, что просто потребовались там. Этот факт не требовал доказательств. Корчак сам был таким человеком.

«Конечно в вашей лагерной карте напишут какой-нибудь диагноз... Мы всегда так делаем», — признался Дабл Ви. Но слово «всегда» в этой фразе могло иметь два смысла. «Мы это делаем всегда, когда возникает в этом потребность» или «Мы делаем это всегда *вообще*».

Поразмыслив, Корчак признал, что второй смысл — всего ближе к истине. Как математик он вдруг сразу понял, безо всяких расчетов, что количество сотрудников лагерной администрации намного больше, чем возможная статистическая частота заболевания «легким раком». Он удивился, как такая простая мысль не пришла ему в голову раньше. Еще немного подумав, он вообще усомнился в существовании такого заболевания, как «легкий рак». Ведь механизмы развития любого рака — одинаковы. И если серьезный рак требовал создания для каждого больного очень дорогой индивидуальной вакцины, нацеленной именно на его раковые клетки, то вряд ли более легкие формы излечивались всего несколькими таблетками.

Как бы то ни было, вся история о «переводе заболевших легким раком в лагерную администрацию» очевидно была мифом. А раз одно звено известной Корчаку мировой административной системы оказалось враньем, то где гарантия, что и другие окажутся правдой?

Он еще немного подумал и написал в облачке «Тайного мира» два имени: «Дабл Ви» и «Такэда». И тот, и другой, Ян был уверен в этом, никогда не были лагерными работниками. Но и доказательств у него пока не было. Поэтому он поставил напротив имен два жирных знака вопроса.

Раздался писк и замигала лампочка пневмопочты. Корчак достал цилиндр с посланием. Медицинское управление приглашало Януша Корчака в любое удобное для него время посетить клинику С-34 для беседы с пациенткой Полли Пламмер.

Он сбежал вниз по лестнице и спросил у вахтера, как добраться.

— Это далеко, — ответил тот, справившись по книге, — я сейчас вызову для вас коптер. Кстати, вам дали неограниченный абонемент, можете пользоваться коптерами, когда хотите, хоть даже чтобы долететь до соседнего корпуса.

Уже через 15 минут Ян был в клинике. Полли взволновано бросилась к нему навстречу:

— Что происходит, Ян? Меня не хотят отправить на Острова, говорят, что из-за тебя!

— Ты можешь отправиться на Острова, когда захочешь, милая, — обнял ее Ян. — Но в этом уже нет необходимости. Мы теперь можем быть вместе там, где почти так же хорошо, как на Островах.

Он стал рассказывать ей о своем новом статусе, о том, что он теперь работает на мировое правительство. Об условиях жизни в Центре Ч, и о том, что ей там тоже найдут место и подходящую работу.

— Работу, Ян? Я же заслужила отдых на островах.

— Это не лагерная работа, Полли. Это вообще не работа в нашем понимании. Ты будешь заниматься тем, что тебе по душе.

— Я не хочу ничем заниматься, Ян, я хочу отдыхать! Неужели я не заслужила?

— Хорошо! Я добьюсь, чтобы тебе ничем не пришлось заниматься, я думаю, что мне пойдут навстречу. Я слишком важен для них, чтобы мне не сделали такую уступку.

— Ян! Это же все равно не будут Безмятежные Острова! Как бы ни хорошо было в этом месте куда ты меня зовешь, это — не Острова!

Ян замолк, не зная, что ответить.

— Если ты теперь такой большой начальник, Ян, то зачем тебе такая простая работница, как я? Ты можешь найти себе множество других женщин, лучше меня. Зачем ты держишь меня здесь?

— Я не держу тебя, ты можешь ехать на Острова, Полли. Просто я думал, что ты любишь меня и захочешь быть со мной.

— Я люблю тебя, Ян, я очень тебя люблю. Но ведь это Острова, Ян! Это то, ради чего вообще человек живет на

свете. Только один раз в жизни бывает шанс попасть туда, не отнимай его у меня, Ян!

Когда он вышел, за дверью его ждал начальник госпиталя.

— Какие будут распоряжения, относительно этой работницы? — спросил он, — у меня помечено, что это вы должны принять решение. Но я хочу предупредить, если вы не разрешите отправлять ее на Острова, то она может прибегнуть к «Слову и делу», она грозилась. Мне бы не хотелось доводить до этого.

— Пусть она принимает решение сама, — ответил Ян, — действуйте в соответствии с ее пожеланиями.

Глава 10. Исцеление

Когда он вошёл на ужин, боль вдруг резко отпустила его.

Он разложил на тарелке еду, сел за столик, внимая тихой фоновой музыке, и вдруг понял, что этот новый мир, который окружал его, был теперь его жилым домом. И в этом доме Полли уже не было места. Она была уместна в качестве легкого светлого воспоминания, в виде портрета в рамочке на стене. Но переместить сюда ее саму было решительно невозможно, она была бы здесь чужеродным элементом.

Те душевные связи, которые были между ними в лагере, тут не имели никакого значения. Он вдруг понял — то, что держало его в напряжении в эти дни, не было этими связями. Было просто чувство ответственности за судьбу некогда близкого человека.

И теперь у Полли все было хорошо, она не страдала, она была счастлива, и он осознал, что в том новом счастье, которое пришло к Полли, ему уже тоже не было места. Просто Полли поняла это раньше, чем он. Он больше не был нужен ей, она больше не была нужна ему.

— Можно разделить с вами ваш столик? — подсела к нему Шарлотта Бронте, с ней была незнакомая ему девушка.

— Конечно, милые дамы, компания — это как раз то, что нужно мне сейчас.

— Я — Анна Клевская, — представилась спутница Шарлотты.

— Мы все знаем, — сочувственно сказала Шарлотта, — тут ведь у нас ничего не скроешь. Только не обижайтесь, пожалуйста, на мои слова, но то что случилось, это лучшее, что могло бы произойти. Если вы ее действительно любили, вы должны понять, что здесь она не была бы счастлива. Она бы страдала здесь.

— Я это понял, — сказал Корчак, — я отпустил ее.

— Может быть я скажу банальность, — заметила Анна Клевская, — но вы ведь еще не знаете, как будут разворачиваться события здесь, и, как знать, может быть тут вы найдете новое счастье, и оно будет настоящим?

— На что ты его подбиваешь, — толкнула ее Шарлотта. — Постоянные связи — это преступление. Нет, Ян, уверяю вас, тут вам никаких постоянных связей завязать не удастся. Да вы и не будете к этому стремиться. При таком выборе, как у нас. Вам какие женщины больше нравятся, как я или как Анна?

Они действительно принадлежали к противоположным типам женщин.

Шарлотта была маленькой смуглой брюнеткой, с подростковой, немного даже инфантильной, фигурой. Отчасти она даже смахивала на мальчика, однако все ее естество, мимика, каждый жест источали такую женственность и сексуальность, что было очевидно, любой мужчина кинется выполнять малейший ее каприз, стоит ей поманить его пальчиком.

Анна была статной, крупной блондинкой. Тем не менее, она, благодаря высокому росту, выглядела стройной и изящной. Это был тот самый тип женщин, при взгляде на который у мужчины возникает животное стремление спариться, так как именно такой тип самки соответствует «идеальной матери» для его детей с биологической точки зрения.

— Ну я даже не знаю, — искренне признался Ян, — тут пока не попробуешь...

Шарлотта восторженно взвизгнула и хлопнула в ладоши.

— Вы слышали? Вы слышали, как он сказал? Пока не попробуешь! Какая прелесть!

Она бросила свою тарелку и умчалась к соседнему столу поделиться впечатлением.

— Кажется, я сказал, что-то очень пошлое и похабное! — смущенно сказал Ян Анне, — извините пожалуйста. Мне

очень стыдно. И особенно стыдно, что я не успел удержать Шарлотту, и об этом сейчас узнают все.

— Просто вы в очередной раз станете местным героем, — улыбнулась Анна, — мужчины зауважают вас, потому что вы сказали то, чего они сами никогда не скажут. А женщины... посмотрите, как на вас смотрят женщины из-за соседних столиков, это не просто любопытство, а любопытство доброжелательное.

— Но вы не обиделись?

— Моя профессия — психостатистика. Это значит, что я знаю, о чем думают люди, а иногда и умею читать их мысли. Вот сейчас я читаю мысли женщин в зале и знаю, что они думают про вас.

— Расскажите!

— Между нами, любая женщина мечтает о том, чтобы ее «попробовали». Но ей совсем не безразлично, в каком качестве ее будут пробовать. Одно дело, если вы пробуете женщину как тайну, как загадку, чтобы приобщиться к этой тайне и отгадать загадку. Любая женщина совсем не против, чтобы стать предметом такой тайны. И совсем иное дело, если вы хотите попробовать женщину словно сэндвич, чтобы просто удовлетворить чувство своего сексуального голода. Мысль о том, что она всего лишь «жратва» —

омерзительна любой женщине. И вот сейчас, Ян, Шарлотта оповестила всех женщин о том, что в зале находится рыцарь, стремящийся разгадать их тайну. В иное время, в иных условиях, ваша эта оговорка, могла быть воспринята по-разному, но сейчас все женщины узнали о ней именно так, как ее услышала Шарлотта.

— Вы провели такой глубокий анализ всего это за несколько секунд, — изумился Корчак.

— Это моя профессия, а я свою профессию очень люблю.

Примчалась Шарлотта.

— Мы, собственно, почему к вам подсели, — сказала Анна, — у нас вечеринка, мы хотели вас пригласить.

— Это как раз напротив вашей комнаты, у Рабиндраната Тагора, — уточнила Шарлотта, — идете?

— Почему бы нет.

— Тогда с вас — вклад, две бутылки шампанского. Вы ведь еще не получали свою норму спиртного? Зайдите поле ужина к завхозу, вам полагается шесть бутылок в месяц, возьмите две.

— Мы будем пить алкоголь? — ужаснулся Корчак.

— Вы можете не пить, — сказала Анна, — но шампанское — это часть ритуала игры. Без него игры не получится.

— Вечеринка будет с блэк-джеком и шлюхами! — многозначительно пообещала Шарлотта.

После ужина, Ян зашел к завхозу — за шампанским. Тот подмигнул ему: «Играть будете? В первый раз? Удачи, парень!»

У Тагора собралось десять человек. Пять мужчин и пять женщин. Кого-то Корчак знал: Шарлотту, Анну, Тагора, Ринго Стар, Елену Глинскую, другие были ему знакомы внешне, но имен он их не помнил, хотя они и представлялись ему в первый день. Так что вечеринка была кстати, Корчак решил потихоньку, по ходу дела узнать и запомнить имена всех.

Кресел было только три, но Тагор вытащил из шкафа мягкие коврики и все с комфортом расположились на них.

— Внимание, — провозгласил Тагор! — играем пять на пять, но у нас — один новичок!

— Четыре на четыре, — сказала вдруг Анна, — Пусть Корчак первый раз только смотрит, так он лучше усвоит правила. Тем более, по мне, так смотреть интереснее, чем играть.

— Но женщин — пять, — возразил Стар.

— Я тоже не буду играть. Корчак будет смотреть игру, а я буду смотреть на Корчака. Подглядывать за подглядывающим — самое интересное. Буду объяснять ему правила по ходу дела.

Рабиндранат Тагор, достал из *кулбара* одну из бутылок шампанского и ловким движением сорвал обертку с горлышка. Раздался хлопок.

— Пейте, — сказала Анна, — это не то же самое, что гнусный лагерный самогон, но не переусердствуйте, это очень коварный напиток.

Напиток напоминал *содовую* и был очень приятен на вкус. Опьянения не последовало, но Ян ощутил, что все стеснение, сковывающее его, улетучилось. Его больше не смущали откровенные разговоры и намеки, звучащие вокруг.

Им с Анной предоставили в распоряжение два кресла, «как зрителям».

Анна стала объяснять правила игры. Кидаются четыре кубика с нанесенными на грани цифрами. Первая пара кубиков определяет случайным образом пару, которая будет в игре: мужчину и женщину. Между ними по условиям игры должно произойти «*нечто*». Это «*нечто*» — «всегда довольно невинно, но всегда очень возбуждающе», — пояснила Анна.

Вторая пара кубиков, определяет задание, какое именно «*нечто*» должна сделать пара.

Однако «*нечто*» в одетом виде не получится. Поэтому игра делится на два этапа — на раздевание и собственно игру. На первом этапе, если какой-то предмет одежды мешает совершить «*нечто*», обладатель должен этот предмет снять, после чего ход переходит к следующей паре. И так до тех пор, пока не останется предметов одежды, мешающих делать «*нечто*».

-- Раздевание — самое интересное, — пояснила Анна. Потому что, когда все уже разделись, то «мозги уже ни у кого не включаются». А на этапе раздевания, существуют тактики и стратегии, хитрые уловки и приемы, позволяющие остаться одетым, когда другие уже разделись.

— Зачем? — удивился Корчак.

— Кто первый останется без одежды, тот на следующую игру «проставляется», всё шампанское за его счет.

— И вместо кого я сегодня выставил шампанское? — поинтересовался Корчак.

— Вместо меня. Но не жмотничайте, это тоже традиция, новичок проставляется всегда.

Этап раздевания был веселым. Кто только как не ухищрялся: Многие надели несколько слоев одежды. Существовали правила. Например, два одинаковых предмета одежды один поверх другого были запрещены. Периодически возникал смех и шутливые споры. Бюстгальтер на мужчине считается? А шорты под юбкой? Кулон и бусы — это два разных предмета одежды? Вообще не предмет? Все эти шутки очевидно были частью ритуала.

— Смотрите, вам не кажется, что Шарлота нарочно проигрывает?

Действительно, на Шарлоте оставались одни трусики. И она вновь проиграла.

Все заиграли на губах какой-то марш, изображая оркестр. Шарлота вскочила на свободное кресло и исполнила изящный танец, постепенно снимая трусики, которые стала потом раскручивать над головой. Это было красиво. И вдруг Шарлота развернулась и швырнула трусики прямо в лицо Корчаку. Он опешил, но раздавшиеся аплодисменты показали, что так и должно быть.

— Вас выбрали, и вы принимаете у себя в комнате следующую игру, — прокомментировала Анна, — забирайте и прячьте их в карман, это ваш трофей.

Корчак так и сделал под общий смех.

Шарлота прыгнула и расположилась сзади за креслом Корчака. Меж тем, следующая пара была видимо уже достаточно обнажена, чтобы сделать это самое *«нечто»*.

— Начинается, — прошептала Шарлота.

То, что происходило перед ними, было довольно далеко от «невинного, но возбуждающего», обещанного Анной. «Невинностью» тут и не пахло. Корчак испытал неловкость, ему казалось, что все сейчас провалятся под землю от стыда. Но нет, ничего подобного, все с жадностью смотрели на происходящее безобразие, и Корчак постепенно подался общему возбуждению.

Внезапно, его кресло покосилось, это Шарлотта вскочила коленями на подлокотник и потянулась, опершись о его плечи, чтобы лучше видеть. Ее грудь коснулась его щеки.

Ян потерял голову. Он сам не понял, как это произошло. Поднырнув под грудь Шарлоты, он взвалил ее на плечи, и быстро понес в свою комнату.

Вслед ему раздалось восторженное улюлюканье.

Корчак ногой захлопнул за собой дверь, подцепил локтем рычаг, и швырнул Шарлотту через голову на опустившуюся кровать. В полете она закричала, но это был крик не страха, а восторга.

Глава 11. Это блаженное «Где-то»

Этой ночью он впервые узнал, что существуют «стихи».

Шарлотта ушла под утро.

«Нельзя вместе проводить всю ночь целиком, это сочтут за привязанность», — пояснила она.

Но что это, если не «привязанность», — то что произошло между ними. Он испытал невероятное наслаждение, недоступное в прежней лагерной жизни, а потом они проговорили всю ночь. Это было намного большее, чем «просто разговор».

И уже под утро, когда между ними было сказано очень многое, она шепнула ему:

— Вот, послушай, Ян, — и стала читать полупшепотом:

*...И в тех пререканиях важных,
Как в цепких объятиях сна,
Все три поколения присяжных
Решили: виновна она.*

*Меняются лица конвоя,
В инфаркте шестой прокурор...
А где-то темнеет от зноя
Огромный небесный простор,
И полное прелести лето*

*Гуляет на том берегу...
Я это блаженное «где-то»
Представить себе не могу.
Я глохну от зычных проклятий,
Я ватник сносила дотла.
Неужто я всех виноватей
На этой планете была?*

Самые обычные слова, упакованные в ритмический строй и связанные между собою перекличкой рифм, вдруг приобрели волшебную силу и невероятный вес. Они проламывали этим весом хрупкое ночное сознание Корчака и, опускаясь в самые глубины подсознания, расцветали оттуда, словно гигантскими цветами, невероятно точными и емкими смыслами.

Ему не были знакомы слова «Прокурор», «Присяжные», но это ровно ничего не значило. Стихи были написаны от лица женщины, но это тоже было неважно, Корчак понял, что эти стихи — и про него тоже.

Стихи с невероятной точностью воспроизводили все его мысли и искания последних дней, и он вдруг осознал, что не только его мысли. Этот вопрос, «Неужто я всех виноватей?» имел право задать любой лагерник.

Корчак понял, что, если бы его сейчас спросили, он бы ответил: «Я хочу жить насыщенной полноценной и яркой

жизнью, а смерти в конце — все равно не избежать, и какая разница — от рака она будет или нет». И он знал, что точно так же ответило бы большинство лагерных работников, если бы их об этом спросили. Но их никто не спрашивал, их просто «обвинили» в будущем раке и наказали по этому обвинению, пообещав в конце призрачную амнистию в виде Безмятежных Островов. И он вдруг с ужасом осознал, что для кого-то эта амнистия так никогда и не наступит!

Он вдруг понял, что это место, с темнеющим от зноя небесным простором, и есть то самое место, которое он изобразил на своей схеме, место где живут счастливые люди, никогда не знавшие Лагеря. И это место больше не было «тайным», оно приобрело очертания. И хотя его еще предстояло отыскать, он теперь твердо знал — оно существует.

И существуют люди, которые в этом месте живут.

И Шарлотта была обительницей этого места, она была первым человеком «не из лагеря», которого он встретил на своём жизненном пути. Он знал это точно.

Всем лагерным девочкам в возрасте пяти лет делали «операции по коррекции стыдливости», им хирургическим путем удаляли девственную плеву и клитор. Шарлота не подвергалась этой варварской

операции, ее «пуговка» была на месте. А значит, она выросла вне лагеря.

— Если есть страшные стихи, то, наверное, есть и добрые? — спросил он ее с надеждой.

— Слушайте, Ян:

*А где-то там, куда нам не вернуться
В далеком детстве, в юности, вдали,—
По-прежнему ревнуют, и смеются,
И верят, что придут корабли.*

*У возраста туда не отпроситься,—
А там не смяты травы на лугу,
И Пенелопа в выгоревшем ситце
Всё ждет меня на давнем берегу.*

*Сидит, руками охватив колено,
Лицом к неугасающей заре,
Нерукотворна, неприкосновенна,—
Как мотылек, увязший в янтаре.*

И он воочию увидел эту картину. Это невероятное место, где можно было смеяться и верить, и где девушки могли свободно сидеть на берегу, на фоне заката.

Это было то самое, «блаженное где-то».

— Эти стихи о том мире, откуда ты пришла? — спросил он.

— Эти стихи о том мире, который существовал, пока в него не пришел Великий Вождь, — ответила она.

— А у меня ведь тоже есть своя «Пенелопа», — вдруг сказал он. — и она тоже ждет меня. Я знаю, она меня ждет.

Вместо ответа она вдруг несколько раз нежно провела ладонью по его голове, от макушки до затылка. И этот простой жест вдруг возымел невероятное действие. Он вдруг разрыдался, и она прижала его к своей груди не как любовница, а как женщина прижимает плачущего ребенка...

Наступило утро.

Ян решил, что он не пойдет на завтрак. Ему надо было привести свои мысли в порядок и подготовиться к одному важному делу, догадка о котором пришла в его голову этой ночью.

Несмотря на то, что ночь была почти бессонной, голова его была ясна, и спать совсем не хотелось.

Ян сделал себе кофе и заказал сэндвичи.

Потом он положил перед собой листок со своей схемой, зачеркнул надпись «Тайный мир» и написал: *Блаженное*

«где-то». Теперь, когда он точно знал, что это место и в самом деле существует, он дал ему новое имя.

Потом он написал под этим заголовком слово «Шарлотта» и поставил рядом три восклицательных знака. Таким образом, это место получило первого обитателя.

Потом он задумался и написал там же «Пенелопа».

Подумал еще немного, зачеркнул «Пенелопа», решительно написал «Белоснежка» и поставил вопросительный знак.

Потом подумал еще немного, зачеркнул вопросительный знак и поставил жирный восклицательный.

Раздался стук в дверь.

— Заходите! — крикнул Ян, и в комнату к нему ввалилась целая делегация: Анна, Тагор и Елена Глинская.

Корчак окинул их *новым взглядом*.

Часть ночи Шарлотта уделила тому, что посвятила Корчака в детали обо всех знакомых ему обитателях Центра Ч, кто чем занимается, кто чем дышит, какие у кого с кем отношения.

Елена Глинская была «выдающимся историком», вернее обладала уникальным даром: исходя из реальных или

вымышленных событий прошлого предвидеть события в будущем и принимать совершенно безошибочные решения в настоящем.

Рабиндранат Тагор был «компьютерным гением», единственным человеком здесь, кто имел полный доступ к мировой информационной сети. «Но ему его никто не давал, он сам себе его предоставил», — прокомментировала Шарлотта.

Анна Клевская... Корчак вдруг понял, что про Клевскую Шарлотта ничего не сказала. Как, впрочем, и про себя. В ответ на попытки Корчака спросить о ее профессии и чем она занимается, Шарлотта очень мягко, но решительно уходила от ответа.

Зато она довольно много рассказала про Дабл Ви.

«Я знаю, вы сейчас очарованы им, но будьте настороже. Ваше очарование понятно: он умен, и не мерзавец. Он никогда не будет делать пакости просто так, без крайней необходимости. Если ему ничего не стоит сделать кому-то добро, он сделает добро. Если он видит в вас личность, он будет с уважением относиться к этой личности, что после лагеря — очень импонирует. Все эти черты в нем естественны и не фальшивы, что также может впечатлить очень сильно. Пока вы служите его делу, он будет стоять за вас стеной и защищать вас без

страха и упрека. Но если во имя его великого дела ему потребуется уничтожить вас, он сделает это без колебаний. Если он сочтет, что вы — выгодная разменная фигура в его игре, он разменяет вас, не поморщившись».

«И вообще, — добавила она, — тут у нас постоянно ведутся всякие тонкие игры, от которых вам, пока вы во всё не вникли, лучше держаться подальше. Потому что даже не всегда понятно, кто на чьей стороне играет, и человек, на которого вы смотрели, как на союзника, может неожиданно оказаться противником. А еще лучше, в любой непонятной ситуации советуйтесь со мной».

«А вам я могу полностью доверять?» — вроде как в шутку спросил он.

«Тут, Ян, есть только два человека, кому вы можете полностью доверять, и которые вас никогда не предадут».

«Один из них — вы?»

«Да, я. А другой человек — Анна Клевская».

Тагор прервал его воспоминания:

— Не глупите, Корчак, — сказал он, — спускайтесь к завтраку.

— Мы понимаем, что вам, наверное, неловко после вчерашнего, — добавила Елена Глинская, — вы просто не привыкли, но тут все эти вещи — норма. Во всяком случае, это не повод, чтобы избегать показываться на публике.

— Вы снова — герой! — сказала Анна. — И поклонники на завтраке с нетерпением ждут вашего появления.

Корчак недоуменно переводил взгляд с одного на другого, не понимая, о чем они говорят, и вдруг до него дошло. Он не думал о ситуации в таком ключе, но сообразил, что если бы он пошел на завтрак, то да, ему, пожалуй, было бы жутко неловко после вчерашнего приключения, тем более все уже видимо, были в курсе.

— Я честно, говоря, не думал об этом, — сказал он откровенно. — К завтраку я не пошел по другой причине, мне надо собраться с мыслями. Но знаете, да! То, о чем вы говорите, это ведь тоже важно. Если вы устраиваете такие вечеринки регулярно, это же должно как-то влиять на ваши отношения. Какими глазами вы потом смотрите друг на друга?

— Мы смотрим на это, как на неизбежную издержку нашего положения, — сказал Тагор. — Эти игры стимулируются руководством, и все просто принимают их как данность, которой нельзя избежать или изменить.

Там наверху считают, что это профилактика постоянных связей.

— Но здесь же — не Лагерь, — воскликнул Корчак, — Дабл Ви объяснил мне, почему привязанность запрещена в Лагере, но тут же все по-другому. У вас же тут — свободные люди.

— Тут иные причины, — ответила Анна, никак не реагируя на вырвавшихся у него «свободных людей», — *они там* опасаются, что возникшая привязанность перерастет в *заговор*. Один гений, даже работающий на систему — уже представляет для нее опасность. А два гения, образовавших доверительный союз — это намного больше, чем просто два гения. Это всегда угроза.

— Мы тут все — гении, если вы еще не поняли, — улыбнулась Елена.

— Идемте на завтрак, Ян, — сказал Тагор, — вас ждут, нас послали за вами. С вашими мыслями вы можете разобраться и потом. А может быть и ваши мысли сами разберутся с вами, пока будете завтракать, так тоже бывает.

— Хорошо, пойдемте, — согласился Корчак.

— И наденьте что-нибудь обтягивающее, — добавила Анна, — чтобы была видна мускулатура. А то кое-кто

сомневается, что вы способны забросить даму на кровать по воздуху через всю комнату.

Глава 12. Поиски наугад

Тагор был прав. Пока Корчак завтракал, ловя на себе любопытные и оценивающие женские взгляды, его мысли «собрались сами собой» и из смутной догадки оформились в четкий план действий.

«Этот маленький кусочек пластика распахнет перед вами любые двери», — сказал Дабл Ви.

И этот кусочек пластика сейчас лежал у него в нагрудном кармане. Маленькая чипованная карточка с его фотографией и номером 74668. Ни фамилии, ни имени на карточке не было: простым смертным, для демонстрации которым предназначалось это удостоверение, не полагалось знать имена небожителей — офицеров госбезопасности.

Специалисту центральной земной администрации Янушу Корчаку вход в лагерь был строго настрого заказан. А как насчет лейтенанта госбезопасности 74668? Ян был уверен, что пересечения проходной лагеря офицерами госбезопасности не фиксируются в журналах. В любом случае он мог бы специально приказать не фиксировать его проход, мотивируя бы это требованиями секретности.

Попробовать в любом случае стоило. Если бы план не задался, он мог бы просто отказаться от его осуществления на любом этапе. И даже если бы о его

попытке стало бы известно Дабл Ви, этот проступок был не таким уж значительным, чтобы повлечь серьезное наказание.

Ян оделся посолиднее по лагерным понятиям, чтобы сразу было видно *начальника*. Захватил тонкое кашне из *настоящей шерсти*. Он планировал закрыть им нижнюю часть лица, когда будет в Лагере. На случай, если встретит знакомых. Уже вовсю дул ледяной осенний ветер и замотать лицо было вполне естественным поступком для изнеженного начальника.

Он вызвал вертолет до северо-западной проходной — этот пропускной пункт был самым ближним к школе. Время было между рабочими сменами, и проходная была пуста — очень кстати. Ян приложил свое удостоверение к площадке турникета — сработало. Загорелся зеленый разрешающий сигнал, и, видимо, одновременно на пост ушел сигнал о «важном» посетителе потому, что с вахты выскочил испуганный стражник, одергивая на ходу гимнастерку.

— Мой визит в лагерь должен оставаться в тайне, — сказал Ян, — никаких записей в журнале регистраций.

— Само собой разумеется, — ответил стражник, — *ваши* — не фиксируются.

Путь к школе лежал мимо того самого продовольственного склада, за которым был поросший бурьяном откос, где они встречались с Полли. Странно, это хорошо знакомое место, при виде которого у него раньше теплело на душе, на этот раз не вызвало никаких эмоций. Оно вообще не казалось сейчас *знакомым*. Да и сам лагерь изменился. Величественные еще несколько дней назад административные здания, основательные и огромные производственные строения, аккуратные ряды бараков — все это утратило былую величественность, основательность и аккуратность и представлялось сейчас чем-то совсем мелким, жалким, грязным и несерьезным.

Конечно, лагерь остался прежним, изменился он сам — понял Корчак.

На вахте школы сидела давешняя тетка-вахтерша. Корчак поднял повыше кашне, но это была абсолютно излишняя предосторожность. Тетка даже не посмела поднять на него глаза, и увидев удостоверение, уменьшилась в размерах в два раза, и севшим слащавым голосом пообещала немедленно вызвать сопровождающего. Корчак молча отодвинул ее рукой, он знал, куда идти.

Директор школы подобострастно взвился ему навстречу из-за стола, его уже успели предупредить. Он старался держать себя в руках, но нижняя губа у него предательски дрожала.

— Я по совершенно секретному делу, — начал с порога Корчак, — о моем визите никто не должен знать. Вы вообще должны забыть, что я был у вас, как только я покину этот кабинет.

— Конечно, это само собою разумеется, нешто мы без понятия, что такие гости просто так не приходят, — сладко пел директор.

— Пятнадцать лет назад в вашу школу доставили ребенка, уцелевшего после катастрофы в тайге... — начал Корчак.

— А-а, вот в чем дело, — по лицу директора расплылось облегчение. — Это было не при мне, еще при прежнем руководстве.

— Мне нужна полная и детальная информация об этом ребенке!

— Ну так я же уже отвечал, на все предыдущие запросы.

— Были еще запросы об этом ребенке?

— Конечно, каждые два-три года запрашивают! Официально! Я, собственно, потому и помню эту историю, что все время на запросы отвечаю. Так бы я вообще не знал. Эту девочку забрали отсюда, когда я тут еще не работал.

— Ее забрали? Куда? Я хочу взглянуть на ее личное дело.

— Так ведь нет личного дела, я об этом в ответе на каждый запрос пишу. Личное дело было изъято вместе с этим ребенком. И полностью поменяли после этого администрацию школы. Не знаю, связано ли это с изъятием ребенка, но думаю, что связано, так как все личные дела прежней администрации так же были изъяты. Все эти детали я каждый раз указываю, когда отвечаю на очередной запрос. Я сейчас распоряжусь сделать для вас копии. Только ведь деталей-то нет никаких. Я правда ничего не знаю. И ни одного человека, который хоть что-то бы знал, в школе не осталось.

Корчак пролистал принесенные копии ответов. Они были идентичны и не оставляли никакой надежды. Хотя нет, надежда была. Теперь у него в руках были номера запросов, которые присылала администрация лагеря о ребенке. И по ним можно было установить кто именно и с какой целью подавал эти запросы. Нет, не всё еще было потеряно.

— Спасибо, — сказал Корчак, — пожалуй это всё. Напоминаю, что о моем визите сюда никто не должен знать.

— Физкультурные занятия старшеклассниц посмотреть не желаете? — угодливо улыбнулся директор. — Я сейчас распоряжусь!

— Физкультурные занятия? Зачем? — удивился Корчак.

— Ну-у, в Лагере они быстро увядают и *изнашиваются*. А у нас тут свеженькие и юные, очень симпатичные!

Корчак не сразу понял, о чем идет речь, а когда понял, гнев захлестнул его:

— Почему вы думаете, что меня может это заинтересовать? — резко чеканя слова, спросил он у директора.

— Ну, вы же лично сюда пришли, собственной персоной. Так сказать, — растеряно пробормотал тот.

— Я пришел сюда лично, потому что это секретное дело! А вы, вижу уже забыли...

— Извините, пожалуйста, — скукожился директор, — я и вправду поступил глупо. Я должен был сообразить, что *человеку вашего уровня* ну никак не к лицу лично ходить по таким делам, вам же стоит только пальцем пошевелить и вам тут же всё доставят. Но кто попроще, из лагерной администрации, так те ходят лично. Очень, очень довольны! Мы даже оставляем самых популярных девочек сверх срока, на «дополнительное физкультуробучение, так сказать», — противно захихикал он.

Корчак вышел на улицу кипя гневом. Первым его побуждением было дойти до вахты и провозгласить «Слово и дело». Но он сразу сообразил, что трудно себе представить более нелепую картину, чем офицера госбезопасности, апеллирующего к «Слову и делу» перед простым стражником.

Подумав, немного он понял, что торопиться, не разобравшись, не стоило. Очевидно, что масштабы происходящего были такими, и в них было задействовано такое количество сотрудников администрации и школьного персонала, что уж великой тайной это точно не являлось. Похоже это было тайной только от рядовых лагерных работников.

Интересно, а Дабл Ви, а Капитан Кидд об этом знают? Он видел их реакцию на сексуальное притеснение работниц шахты, и эта реакция была негативной и искренней. Он мог бы рассказать об этом Дабл Ви, и он был уверен, что тот отреагирует «правильно», но тогда пришлось рассказать и о своем нелегальном визите в Лагерь.

Немного поразмыслив, он понял, что обязательно найдет способ оповестить о происходящем и Дабл Ви и Такэду, никак не раскрывая себя, и немного успокоился.

Он вдруг вспомнил о своем первом сексуальном опыте. Здесь, в школе. Мальчики и девочки учились отдельно,

жили в разных корпусах и видели друг друга только несколько раз в неделю, на некоторых совместных занятиях.

Но с 15 лет их контакты резко интенсифицировались. Проводились совместные спортивные праздники, летние спортивные лагеря, совместные праздничные концерты, подготовка к которым требовала много времени проводить совместно. Тогда-то всё и происходило. Урывками, в раздевалках, хозпомещениях, за кулисами лагерного клуба, или просто в зарослях, окружавших летний спортивный лагерь.

Еще тогда он обратил внимание, что некоторые девочки были весьма и неожиданно опытные в таких делах.

Девочка, с которой он потерял невинность, была весьма искушенной. Она похвасталась ему: «А я умею получать удовольствие от этого, многие девочки ничего не ощущают, а я научилась». Именно тогда он и узнал об этой калечащей операции, которой подвергают всех девочек.

И вдруг его сердце словно обожгло кипятком. «В лагере они быстро увядают и изнашиваются», — сказал Директор. Корчак вдруг осознал, что его долгие и многотрудные поиски могут в конце концов привести его к изможденной и преждевременно состарившейся

лагерной работнице, которую уже ничего в этой жизни не интересует. Но он отогнал от себя эту мысль. Логика и здравый смысл были против. Не для того человека вытаскивают из лагерной школы, тщательно зачищая все следы, чтобы потом просто запихнуть в лагерьный барак.

В кармане у него лежали все номера запросов о ребенке, поданные в школу. Предстояло найти способ выяснить, что это были за запросы, не раскрывая своего визита в лагерь. Корчак подумал о Тагоре. Компьютерный гений должен знать все нюансы работы лагерной информационной системы. Правда Корчак не представлял, что он будет говорить Тагору о цели своего исследования, но ведь Тагор не обязательно спросит о ней.

Так и оказалось.

Тагор был у себя в комнате и, едва взглянув на список Корчака, даже не задав ни единого вопроса, закачал головой.

— Это все старые номера, Ян. Тут их уже нет, они в центральном архиве. Если будете запрашивать официально, ждать не меньше месяца. Реально — около двух. Они там все вручную ищут, представляете? Но если — неофициально, то я просто могу запросить файл, где они хранятся, скажу, что мне нужно для тестирования

базы. Придет через несколько дней, максимум через неделю. Вот такая у нас организация. Если для реальных нужд — два месяца, а если как болванку для прогона, то несколько дней.

— Вы можете это сделать для меня? — спросил Корчак с замиранием сердца.

— Почему бы мне это не сделать для вас, если мне это ничего не стоит, — две минуты, чтобы послать письмо и всё.

— Тогда пожалуйста, вытащите из этого максимум информации, который только возможен, — попросил Корчак.

Выйдя от Рабиндраната, Ян решил не откладывать в долгий ящик и другое обязательство, которое взял на себя сегодня.

«В любой непонятной ситуации — советуйтесь со мной», — сказала ему Шарлотта.

Почему бы нет! Это была как раз та тема, которую он мог безбоязненно доверить Шарлотте.

Она выслушала его молча, и он лишь видел, как постепенно темнели от гнева ее глаза по мере повествования.

— Идемте, — сказала она, — только один человек тут понимает то, что нам с вами — сложно понять, Елена была в Лагере, как и вы. И она училась в этой школе.

И снова Ян рассказывал эту историю про девочек и школу и наблюдал, как менялось лицо Елены Глинской. У Елены были огромные, невероятно огромные глаза. И по мере того, как он вел свое повествование, они заполнялись слезами, а потом они переполнились, и слезы потекли по лицу. Но она, казалось, даже не заметила этого.

— Спасибо, Ян, — сказала она, когда он закончил.

— За что? — удивился Корчак

— За то, что я вижу на вашем лице боль, а не «понимающую ухмылку». Знали бы вы как мало «честных и порядочных мужчин» способны удержаться от такой ухмылки. Даже здесь, у нас.

— Ты знаешь, как можно помочь этим девочкам? — спросила Шарлотта.

— Никак! — ответила Глинская, — там нет никого, кто ждет помощи. — Все прекрасно понимают, что если девочку заставлять делать то, чего она не желает делать, то рано или поздно кто-то из них провозгласит «Слово и дело». Поэтому все, что там происходит с девочками, делается с их полного и осознанного согласия.

— Неужели им это нравится? — недоуменно спросил Корчак.

— Нравится? — крикнула Елена, — мне это «нравится» до сих пор снится по ночам, и я просыпаюсь с криком! У них просто нет иного выхода, Ян. Это «осознанная необходимость», как любит выражаться Тагор. Они цепляются за эту возможность, как за единственный способ отодвинуться от надвигающегося на них Лагеря. Кто-то — чтобы попасть на «дополнительное физкультурное обучение», и хотя бы на год-другой продлить «детство», а кто-то — чтобы получить шанс вырваться.

— Я была прилежной ученицей, — продолжила она после минутной паузы — я три года продержалась на «физкультурном допобучении», и мне невероятно повезло. Меня взяли в качестве «коллективной секретарши» в заводоуправление. Ну, понимаете, чтобы не бегать, каждый раз в школу, если вдруг «приспичит». Но они даже подумать не могли, что у их сексуальной игрушки могут быть мозги, и эти мозги могут более развиты, чем все их птичьи извилины вместе взятые. В итоге я — здесь, а они все — в штрафбате. Если бы не моё «допобучение», Ян, я бы сейчас погибалась на лагерных работах. Оно дало мне шанс. Не отнимайте этот шанс у других девочек!

Когда они с Шарлоттой уходили, Елена вдруг остановила их.

— Ян, — окликнула она. Слёзы на ее глазах просохли и на них смотрела прежняя рыжая бестия. — Я не Анна Клевская и не вижу людей насквозь, но моя профессия — видеть будущие события чуть раньше, чем их начнут предполагать остальные. Так вот, Ян, когда вы начнете играть собственную игру, позовите меня в свою команду. Более преданного союзника вам не найти.

Глава 13. Игры разума.

Они сидели у него в комнате и пили чай.

«Вы слишком пристаились к кофе, Ян, — сказала она, — попробуйте, у чая не меньший потенциал, вам понравится».

Ему действительно нравилось. Он уже сожалел, что сразу не попробовал здешний чай.

Это чай отличался от лагерного еще сильнее, чем отличался от лагерного здешний кофе. А разнообразие сортов в чайном ящичке было куда обширнее, чем кофейное разнообразие. Ян уже предвкушал будущие открытия.

— Всё-таки вы самый обычный человек, — вдруг сказала Анна.

— А что, были сомнения?

— Были Ян, и настолько веские, что Дабл Ви попросил меня исследовать этот вопрос. Я вам уже говорила, что я — специалист по психостатистике?

— Говорили, но я не предполагал, что тоже являюсь вашим подопытным кроликом.

— Наши с вами предметные области немного пересекаются. Только вы имеете дело с чистой,

абстрактной математикой, а я — с математикой, наложенной на человеческий мозг. На поведение человека.

— Которое — непредсказуемо.

— Это только так кажется на первый взгляд. На самом деле предсказуемо до такой степени, что я бы могла работать в лагерной концертной бригаде, демонстрируя работникам на спектаклях чудеса телепатии. У человека есть свобода выбора, но выбирает он почему-то всегда только из 3-4 вариантов, заранее известных. И зная хоть немного о человеке или проведя краткое наблюдение, можно всегда точно предсказать, как он поступит. Но вот с вами этот номер не проходит.

— Почему?

— Да потому что, столкнувшись с документом на незнакомом языке, который требует прочесть начальство, Шарлота Бронте пустила бы в ход все свое обаяние, чтобы кто-то из мужчин выполнил за нее эту работу, Ринго Стар доложил бы начальству, что возможности выполнить работу нет, и потребовал бы дополнительных указаний, Рабиндранат Тагор догадался бы, что в библиотеке должен быть учебник этого языка и затребовал бы его — вариантов, как видите немного, всего три. И только Ян Корчак проводит статистический

анализ текста и расшифровывает незнакомый ему язык. Не потому, что оказался в безвыходной ситуации, а потому, что ему так удобнее, потому что для него это естественно. Так вот Ян, статистика неумолима, и она достоверно известна. Доложили бы начальству 60%, искали бы помощь 30%, запросили бы учебник 10%. И вам в этой статистике — места нет. Так как вы, поступил бы один из миллиона, из десятков, из сотен миллионов. Эта величина лежит за пределами возможности измерить ее.

— Все-таки я математик, Анна, и это мой конек.

— Да, ладно! А где место математики в этой истории, когда вы спросили Дабл Ви про блэк-джек со шлюхами? Вы ведь до сих пор не понимаете, почему она стала местной легендой. Ведь не понимаете?

— Не понимаю, — согласился Корчак, — все смеются, но что тут смешного?

— Да потому, Ян, что 98% людей, тех, кто услышал о таких резких переменах в свой жизни, обязательно задали бы хоть какой-то вопрос, потому что вопросов в такие моменты возникает множество, и все они крайне важны. И лишь 2% ответили бы, что вопросов у них нет. Но не потому, что их не было бы на самом деле, а потому что из-за важности момента они не смогли бы вопрос

сформулировать. И эта, весьма достоверная, статистика не предполагает, что может существовать человек, который в такой ситуации задаст вопрос по блэк-джек и шлюх. Это понимают все, кроме вас. Потому что для вас — задать такой вопрос — это вполне естественное поведение.

Вас опасаются, Ян, потому что не знают, чего от вас ждать. Всего за несколько дней вы умудрились несколько раз поставить в тупик самого Дабл Ви. Вы, наверное, и сами заметили, что в Лагере в целом, ваша жизнь была более комфортной, чем у окружающих вас работников. Знаете, почему? Потому что с вами инстинктивно боялись связываться и создавать вам проблемы. Даже тут, всего за несколько дней, вы уже успели стать самым известным человеком. И вовсе не из-за этого анекдота с блэк-джеком, а потому что, сами того не замечая успели поставить в тупик чуть ли не каждого. В вашем личном деле...

— Вы видели моё личное дело? — в изумлении воскликнул Ян.

— Кто ж мне его покажет! Но все уже каким-то мистическим образом осведомлены о каких-то невероятных рапортах, которыми набито ваше личное дело.

— Тем не менее, откуда вы знаете о моей лагерной жизни? Вы ведь не были в лагере!

Анна замолчала, ее лицо стало непроницаемым. Через минуту она спросила:

— Почему вы так уверены, что я не была в лагере?

— Вы не подвергались одной специфической хирургической операции, которой подвергаются все девочки, родившиеся в лагере.

Она закрыла глаза и задумалась. Потом сказала.

— Вы правы Ян, я *не должна была быть* в лагере. Но я там *была*. Выше наблюдение верно в целом, но не в моем случае. Я — единственное исключение из того правила, о котором вы догадались.

Она закрыла глаза и было видно, что в ней происходит какая-то внутренняя борьба. Потом она сказала

— Сейчас не время об этом говорить. Прошу, давайте вернемся к прерванному диалогу. Хотя, впрочем, я уже все сказала.

— То есть, говоря языком математической статистики, я не человек, а генератор случайных поступков?

— Определение точное, — улыбнулась она, но — нет! Вы самый обычный человек, и всего час назад я сама могла

убедиться в этом. Лично для меня вы больше не загадка, Ян. В давние времена в психологии существовал термин — «синдром Джекила-Хайда». Если обстановка не требует от вас принимать решения, связанные с анализом цивилизационной среды, вы ведете себя как обычное животное вида Хомо Сапиенс. Вы повели себя в душе ровно так же, как повел бы себя любой самец. Вы — не отклонение, Вы — вариант нормы. Просто вы очень умны. И именно поэтому логика вашего поведения не всем понятна. Мне — понятна. Потому что я тоже умна.

— Так там, в душе, — зашелся от возмущения Корчак, — это был просто эксперимент?! Вы просто выполняли задание Дабл Ви?

— Вот видите, — улыбнулась она, — я хотела вызвать у вас эту реакцию, и вызвала. Вы точно так же предсказуемы и управляемы, как и все остальные. Надо просто понимать, за какие ниточки дергать. Нет, Ян, это не было заданием. То, что произошло между нами в душе, это... это Шарлотта Бронте сделала вам такую рекламу, что... Короче, если вам станет скучно Ян, то выйдите в коридор, и напишите на грифельной доске время, когда планируете быть в душевой кабине. Уверяю, что явившись к назначенному времени вы еще не раз станете объектом подобного эксперимента. И не с моей стороны.

Ян перенесся в воспоминаниях на час назад.

Еще с утра он забронировал на грифельной доске время на 8:00, но зайдя в душ, понял, что кабинка занята. Он выглянул в коридор, чтобы проверить, не ошибся ли он, указывая время, и увидел, что кто-то стер надпись.

— Эй, кто там, — крикнул из душа женский голос, — мне нужна помощь!

— Что случилось?

— Спина, у меня защемило нерв, межпозвонковый диск, это у меня бывает, ничего страшного, но не могу пошевелиться.

— Сейчас вызову вахту, чтобы прислали медика.

— Вы с ума сошли! Чтобы потом все общежитие неделю пересказывало эту историю, как анекдот?

— А что делать?

— Помогите. Надо просто надавить на позвонок и диск встанет на место, я знаю как, я объясню, идите сюда.

— Минутку, возьму сейчас полотенце, чтобы прикрыть вас.

— Боже мой, Ян, не стойте из себя ханжу, даже если вы меня еще не видели без одежды, увидите на ближайшей вечеринке.

Когда она назвала его по имени, он узнал голос Анны Клевской.

Он вошел в кабинку душа и невольно улыбнулся. Поза, в которой пребывала Анна, меньше всего ассоциировалась с необходимостью медицинской помощи, а навевала совсем другие мысли.

— Эх, вас угораздило! Что надо делать?

— От лопаток вниз, на пару сантиметров, двигайте ладонь вниз, еще чуть-чуть, стоп, здесь. Теперь толкните резко, но несильно.

Он толкнул. На него сверху обрушился поток воды, и он вмиг стал мокрым до нитки.

— Ой, извините, Ян, — вдруг засмеялась она. — как нелепо. Я держалась за смеситель, когда вы толкнули.

Нет, так не выйдет, если просто толкать, вы меня опрокинете. Сделаем так! Упритесь одной рукой мне в живот, а другой надавите на спину. Ой! Липнет!

Противно! Вы можете скинуть с себя эту мокрую одежду?

Ну, давайте! У меня уже руки отнимаются, сейчас упаду!..

Вот так, толкайте. Теперь левую руку выше, мне на грудь, правую на позвонок. Подбородком надавите мне на плечо сверху, и прижмитесь ко мне, толкайте! Ритмично, Ян, ритмично! Так, так, так..., Полегчало, отпускает... Уже

совсем хорошо! Хорошо! Теперь животом к спине, обе руки мне на грудь! Выше! Обхватите их с боков!

Ян вдруг понял, что его язык шарит за ухом Анны, а то, что он делает, никак не укладывается в понятие медицинской помощи...

— Вспоминаете? — улыбнулась Анна, — Я вижу, вы снова готовы!

Он перехватил ее взгляд и смутился.

— Продолжения — не будет! — вдруг твердо сказала Анна, и, взглянув на него, снова улыбнулась, — *вот прямо сейчас* не будет, я имею в виду.

— Вы и вправду читаете мысли! — сказал он.

— Немудрено читать мысли мужчины, когда он думает об *этом*, — засмеялась Анна. — Это умеет делать любая женщина, а если не умеет, то грош ей цена! Отложите эти ваши грязные мысли на потом, Ян. Во-первых, вам не следует переусердствовать, иначе вы быстро пресытитесь. А во-вторых, у нас сейчас есть дела поважнее, нам с вами необходимо организовать заговор!

— Заговор? — засмеялся он, — Анна, употребите какое-нибудь другое слово, — я уже столько раз слышал за последние дни это слово «заговор», причем —

совершенно в разных значениях, что даже не знаю, в каком качестве его воспринимать.

— О, насчет этого не волнуйтесь, — улыбнулась она, — сейчас я вам кое-что покажу, и вы начнете воспринимать его так, как и положено.

Она вытащила из сумочки брошюру и передала ему.

— Хочу сразу предупредить, я туда — туда даже не заглядывала. Просто запросила в библиотеке и принесла сюда.

Он пролистнул брошюру. Это был сборник тестов, при помощи которых специалисты сдают экзамены на усвоение материала. Серии по 30 вопросов на разные темы, на которые надо было ответить «да» или «нет», проставив соответствующие галочки.

— Зачем это?

— Помните, я говорила, что могла бы выступать в лагерной концертной бригаде, показывая чудеса телепатии? Вот я вам сейчас такое чудо и продемонстрирую. — Найдите в справочнике задание по математике, из области, которая вам знакома, но которую я точно не знаю.

— С топологией вы, полагаю, не знакомы? Вот тут есть тест на топологию.

— Отметьте, Ян десять верных ответов, только десять, не больше, и дайте брошюру мне. Я отвечу на остальные двадцать, не зная темы.

Он передал ей брошюру с отмеченными десятью ответами. Она за несколько секунд, почти не глядя поставила галочки карандашом, и вернула тест ему. Из 30 вопросов 29 были отмечены правильно — это была оценка «отлично».

— Что скажете? — спросила она

— Пока ничего, — ведь математику вы все же знаете. Могли догадаться. А если это будет, к примеру, тест по химии?

— Пусть будет химия, никаких проблем.

Он отыскал тест по химии, нашел в проверочном ключе 10 верных ответов, пометил и передал брошюру ей. И снова ее карандаш стремительно пробежался по ответам, и она вернула ему тест. Он проверил по ключу, 28 верных ответов из 30.

Следующим был тест на металлургию. 30 правильных ответов из 30.

Горное дело. 27 из 30.

— Как вы это делаете? — наконец спросил он

Она достала маленький кружочек металла:

— Вы знаете, что это такое, Ян.

Он знал. Это был «статистический диск», — простейший старинный генератор случайных чисел, которым, видимо, пользовались еще древние математики. Он представлял собой диск из сплава цветных металлов. На одну сторону таких дисков всегда была нанесена цифра, — это сторона называлась «решка», а на другую сторону, которая называлась «орел», обычно был нанесен какой-нибудь рельефный рисунок.

Диск полагалось подбрасывать вверх и он, при падении давал абсолютно случайный результат: орла или решку.

— Как думаете, Ян, какова вероятность того, что у меня выпадет пять решек подряд? — спросила Анна. — Не надо точного числа, просто в сравнении с другими комбинациями!

— Вероятность, что выпадет пять решек подряд будет ровно такая же, как и вероятность любой другой комбинации из пяти бросков, — ответил, подумав, Корчак, — нет никакой разницы.

— Однако вы ответили мне не сразу, вы задумались, — засмеялась Анна, — хотя любому математику должно быть сразу понятно, что разницы нет. Но вы не только

математик, но еще и человек, а человеку свойственно мыслить иначе.

Человек отличает комбинацию из пяти решек на фоне прочих комбинаций, потому что пять решек или пять орлов легко заметить и запомнить. Все остальные комбинации для него «на одно лицо», а эти — особенные. И потому он делает вывод, что все прочие комбинации случайны, а вот эти — не случайные, и следовательно, должны выпадать намного реже, чем остальные.

— Да, — согласился Корчак, — вы правы, я сейчас прикинул как математик, если кидать диск случайным образом, то пять орлов или пять решек подряд должны выпасть в первые же две минуты, ну в крайнем случае — три. Но если я думаю об этом как обычный человек, то мне кажется, что для того, чтобы они выпали надо бросать очень долго.

— Тесты составляются людьми, — сказала Анна, — составитель тестов стремится, чтобы «да» и «нет» в ответах у него были перемешаны случайным способом. Случайным с его точки зрения. А комбинация из нескольких, стоящих подряд «да» или «нет» кажется ему не случайной, и он неосознанно избегает такой комбинации, думая, что это может послужить подсказкой для студента.

— То есть, в ответах на тесты мы никогда не встретим пять подряд стоящих «да» или «нет»?

— Скажу больше, Ян! Вы почти никогда не встретите там даже *трех* подряд стоящих «да» или «нет»!

— Кажется, я начинаю, понимать. Можно теперь я попробую ответить на тест? Анна, теперь вы пометьте мне десять правильных ответов.

Анна выбрала тест по ветеринарии и пристроилась рядом с Корчаком. Тот комментировал свои действия вслух.

— Вот тут у нас стоят подряд два «нет». Значит ни до, ни после них еще одного «нет» быть не может. Ставим на эти места «Да». Теперь у нас вот тут образовалось два «да» с пустым местом между ними. Еще одного «Да» там быть не должно, значит — ставим «нет».

Он пробежался карандашом по всем клеточкам. Оставалось еще десять незаполненных.

— Что дальше? — спросил он, — тут больше не осталось подходящих комбинаций.

— Оставшиеся заполните ответами «Да», — ответила она ему.

— Почему не «Нет»? — иронически спросил он.

— Потому, Ян, что мозг человека от природы настроен на позитив, если вы проведете ваш любимый «частотный анализ» всех ответов в этой брошюре, то вы увидите, что ответы «да» встречаются намного чаще, чем «нет». В соотношении примерно 3 к 2. А значит, в ответах на ваш тест будет примерно 10 ответов «нет» и примерно 20 ответов «да». 9 ответов «нет» у вас там уже отмечено. Значит подавляющее большинство оставшихся ответов — «Да». Вот и ставьте везде «Да». Вы, конечно, ошибетесь несколько раз, но тест сдадите.

Ян так и сделал, результат оказался 28 из 30.

— Надо же, как всё просто! — воскликнул он.

— Просто? — иронически спросила она, — а что же вы сами тогда не додумались?

— А если взять более сложный тест? — спросил он. — Не тот, где только «да» или «нет», а где предлагается по несколько вариантов ответов.

Она насмешливо посмотрела на него, и вытащила еще одну брошюру. Там были сложные тесты: по пять вариантов ответов на каждый вопрос.

Продолжая насмешливо улыбаться, она раскрыла брошюру наугад и мгновенно поставила галочки в квадратиках. На этот раз она даже не просила его отметить несколько верных ответов.

— Проверяйте, Ян.

Он проверил. 17 верных ответов из 20. Это уже было не «отлично». Но тест все равно был сдан.

— Какая там была тема? — спросила она.

— Вы что, даже тему не посмотрели?

— Зачем? Для того, чтобы правильно ответить — тема не нужна!

— Как? Как вы это сделали? — спросил он.

— Ну так что насчёт заговора? — спросила в ответ она.

— Да! — ответил он. — Я понял, что вы имели в виду. Если мы объединим наши усилия...

Он представил перспективу и задохнулся от восторга.

— Мне даже в голову не приходило, что в математических выкладках надо учитывать психологию людей. Что она имеет подчас решающее влияние. Если ваше понимание этой психологии, сложить с моими способностями обрабатывать эти данные, мы с вами... нашему могуществу не будет предела!

— Ой, глупец! — вдруг тихо сказала она. — Ты забыл, слово «заговор» имеет еще одно значение.

Она вдруг нежно обняла его сзади и прошептала ему на ухо:

— Там, в душе, ты овладел мной как женщиной. Теперь же не мешай мне овладеть тобой как мужчиной...

Глава 14. Один раз — не обмылится

Корчак спустился к обеду совсем опустошенный. Анна выжала его всего, до последней капли.

— Теперь у тебя не останется сил шлаться по бабам! — с шутливой грубостью, и как ему показалось, с некоторой ревностью сказала она.

Она предъявила свои права на него с такой неотвратимостью и с таким чувством собственной правоты, что он не мог сопротивляться. Да, честно говоря, не хотел. В какой-то момент ему вдруг даже показалось, что он знает Анну давным-давно, целую вечность. И что она все-время жила где-то в глубинах его подсознания, а сейчас вдруг вырвалась оттуда и полностью овладела им на правах «старой жилицы».

Он лежал рядом с ней и не понимал, как он мог раньше жить, без этой женщины. Он осознавал, что возможно это ощущение потом уйдет, но сейчас ему было очень хорошо, и он качался на волнах самого настоящего счастья.

Он вдруг начал понимать:

— Тогда во время игры, ты ведь не спроста настояла, чтобы я не играл. И чтобы ты не играла. Мы сидели рядом, ты объясняла мне правила... Ты ведь понимала,

что игра в конце концов утомит всех, и тогда останемся только мы вдвоем... Я, наверное, причинил тебе боль, когда внезапно уволок Шарлотту в свою комнату?

— Ничего страшного! Один раз — не обмылится! — ответила она.

— Только не обижайся на Шарлотту, она тут не при чём. Мне бы не хотелось, чтобы вы поссорились из-за этого. Она к тебе очень-очень хорошо относится, я знаю.

— Мы с Шарлоттой — как родные сестры! Как близнецы!
— ответила она, и — ты слишком самонадеян, если думаешь, что твоя персона может бросить какую-то тень на наши отношения.

— А Шарлотте, я думаю, будет приятно узнать, что ты в такой момент подумал и позаботился о ней, — добавила она минуту спустя.

— Ты расскажешь ей, что между нами произошло? — удивился Ян.

— Не всё! Но кое-что расскажу. У нас с Шарлоттой почти нет тайн друг от друга... Боже мой! — Вдруг засмеялась она, взглянув на него. — Ты ревнуешь! Ты ревнуешь меня к Шарлотте! Уже ревнуешь! Какая прелесть!

Ян вдруг понял, что ему сейчас действительно было неприятно узнать, что у Анны есть близкие

доверительные отношения с кем-то, еще кроме него. Он в своих мыслях уже владел Анной единолично и никого не хотел пускать в эти отношения.

— Ах ты, мой собственничек! — она обняла и поцеловала его. — Не бойся, вся та моя часть, что предназначена тебе — она твоя навеки, и никакой Шарлотте не достанется. Шарлотта — это другое. Она ведь тоже рассказала мне, что между вами было той ночью. Всё! Кроме того, о чем не следует знать даже лучшей подруге. И я очень благодарна Шарлотте за то, как она использовала время, проведенное с тобой. Когда-нибудь ты узнаешь и поймешь: она сделала для тебя этой ночью то, чего я сама не могла бы сделать за месяцы.

Не бойся за Шарлотту, Янек, я ведь не такая дремучая собственница, как ты.

Он улыбнулся, вспоминая это неожиданное — Янек. Никто, никогда не называл его так, и это слово ложилось на душу какой-то особой мягкой теплотой.

Он вдруг обратил внимание, как много всякой еды положил на свою тарелку. Изнуренный организм требовал возмещения утраченных калорий, витаминов и микроэлементов. Ян сел за столик и снова погрузился в приятные воспоминания.

Внезапно его мысли прервал Тагор, он подсел к Корчаку и сразу, без вступлений сказал:

— Вы вязались в какую-то опасную историю, Ян. Скорее всего, вы сами об этом даже не подозреваете, а потому просто хочу вас проинформировать, вы — в опасности!

— Что случилось?

— Если бы вы не мне передали эти номера, а сами бы направили по ним запрос, официально, у вас были бы сейчас немаленькие проблемы.

Сердце Корчака упало:

— Это как-то повредило вам, я вас подставил?

— Нет, — улыбнулся Тагор, — мне это не повредило. Но мне приятно, что вы спросили в ответ обо мне, а не о себе. Нет, мне лично это не могло никак повредить. Я запросил файл для настройки своей системы, мне прислали файл. Никто даже не интересовался, что там внутри файла. Да это и нереально интересоваться, там больше миллиона записей. Просто хронологическая последовательность входящих-исходящих учетных номеров с одного из коммутаторов. Это обычный, открытый, не секретный файл. Никому ни при каких обстоятельствах не может прийти в голову, что кто-то спрятал внутри секретную информацию. Это лучший способ спрятать тайну — положить ее на виду.

— Так те исходящие номера, что я дал вам — секретные?

— Упаси боже! Обычные исходящие, без какого-либо грифа. Да и суть запросов абсолютно невинная и несекретная — запрос в школу предоставить сведения о ребенке. Но вы сказали мне: «Узнайте все, что можно об этих запросах», и я решил пройти по всей цепочке до конца. Сам по себе текст запросов был бы вряд ли вам интересен. А интересно было то, что на протяжении 12 лет разные ведомства, никак не связанные между собой по службе, посылали в школу один и тот же запрос. Я хочу подчеркнуть, не «запрос на ту же тему», а буквально «один и тот же запрос», совпадающий буква в букву, запятая в запятую, и даже содержащий одну и ту же грамматическую ошибку.

— Это действительно выглядит странно!

— А потому я прошел по всем цепочкам, и понял, что у всех запросов на самом деле один и тот же отправитель. Который, используя имеющиеся у него неформальные рычаги, просил или вынуждал работников ведомств делать этот запрос. Источник такой «просьбы» отследить было нельзя из-за ее неформальности, а вот к кому на самом деле стекаются все ответы, отследить было можно.

— Кто это?

— Такэда Сокаку!

— Юрист-ревизор?

— Нет, Корчак, не юрист-ревизор, а человек по имени Такэда Сокаку. Потому что первые запросы он отправлял, когда еще не занимал эту должность.

— Но какой в этом смысл? Еще на самый первый вопрос он наверняка получил ответ, что этого ребенка в школе нет, и никаких документов о нем не имеется.

— Именно так и было. Все ответы, которые он получил, были именно такими?

— Тогда в чем смысл, он вам понятен? Зачем спрашивать повторно?

— Да, мне смысл был понятен. С точки зрения обычной жизни такие действия бессмысленны, но в нашей компьютерной науке регулярный опрос состояния той или иной контрольной точки — дело обыденное. Именно это и происходило в данном случае — регулярный опрос контрольной точки. Но опрос не с целью определить состояние этой точки, а с целью узнать, кто еще обращался с запросом. Я просто знал, что и где искать.

— И вы нашли?

— Нашел! Но то, что я нашел, мне очень не понравилось. Во всех коммутаторах Лагеря стоит автоматическое

задание: отслеживать появление запросов о любом из номеров вашего списка, и при появлении такого запроса, экстренно проинформировать об отправителе юриста-ревизора. Это ловушка, Корчак. Любому, кто поинтересуется в школе этим ребенком, сочувствующая администрация даст номера всех предыдущих запросов. Но стоит только сделать запрос о любом из этих номеров, как Такэда тут же об этом узнает и конечно же узнает, кто сделал запрос. И ваше счастье, Ян, что вы обратились ко мне, а не пошли официальным путем.

— Какой во всем этом смысл?

— А Смысл такой. Это означает, что человек по имени Такэда Сокаку охотится за человеком по имени Ян Корчак.

— Но почему именно за мной? Вы же сами сказали, что за любым, кто будет интересоваться.

— А кто-нибудь поинтересовался за 14 лет, кроме вас? Я полагаю, что и за следующие 14 лет никто не поинтересуется. Эта информация, кроме вас, никому не нужна, а значит Такэда охотится именно на вас.

Ян был ошеломлен.

— Скажите, — поинтересовался он, — а не может ли так быть, что и отправка этого «технического файла» так же находится под контролем Такэды?

— Вряд ли. Почти никто не знает, какая информация хранится в каком файле. Там такая специфика хранения, что имена файлов явным образом вообще не используются. Кроме меня знают только 3-4 человека, да и те — неофициально. Хотя... Никто не знает, что такое Такэда, и чего от него можно ждать. Но... вряд ли.

— Рабиндранат, — а почему вы рассказали об этом мне, ведь вы могли бы оповестить и Такэду? Я думаю, у вас даже есть какие-то инструкции и предписания, которые обязывают вас сообщать ему или Дабл Ви о таких случаях. Но вы рассказали об этом мне, а не им. Я думаю, что такой поступок наверняка даже связан с определенным риском для вас.

— Есть инструкции, есть и риск! Но Ян, я — не машина по выполнению инструкций и избеганию рисков. Я не знаю, какую игру вы начали, но я знаю, что если вы в этой игре выиграете, то выиграю и я, выиграем все мы. Я не спрашиваю вас пока, что это за игра, просто хочу, чтобы вы знали, я буду играть на вашей стороне.

— А если я проиграю? — спросил Ян.

— Вы не представляете, какое это счастье проиграть, будучи свободным человеком! — Тагор положил ладонь на плечо Корчака и вышел прочь.

Ян поднялся в свою комнату и рассеяно опустился в кресло. Он не понимал, что происходит. «Начнете свою игру — позовите меня в команду», сказала ему Глинская несколько дней назад. «Вы начали свою игру, и я играю на вашей стороне», — сказал сейчас Тагор.

Корчак был в недоумении. Он не начинал никакой «игры», и не планировал ее начинать. Он даже не представлял себе, что это может быть за «игра».

«Тут ведутся всякие игры, и вам лучше держаться от них подальше» — предупредила Шарлота.

Но как, скажите, можно держаться подальше, когда он вообще не понимает, о каких играх идет речь, а все окружающие при этом уверены, что он организовал и возглавляет одну из этих игр.

Спросить Шарлотту? Или Анну?

Он достал лист со своей схемой и стал его рассматривать. И вдруг сделал то, чего не собирался делать и даже сам не понял, зачем он это сделал. В правом нижнем углу он написал «Моя команда», и под ней столбиком вывел:

- Шарлотта
- Анна
- Елена
- Тагор
- Я сам

Это не внесло никакого понимания, но ему полегчало. Он решил просто плыть по течению, и оно в конце концов само собой вынесет его туда, где будет все понятно.

И тут он заметил мигающий огонек приемника пневмопочты. В контейнере лежало послание с грифом канцелярии юриста-ревизора. Такэда приглашал Януша Корчака приехать для беседы «когда ему будет удобно».

И в этот миг Корчак вдруг понял, что он и вправду является участником какой-то игры, которая уже началась, и в которой он оказался помимо своей воли и незаметно для себя. И ему в этой игре отведено значительное место.

Он решил ехать к Такэде немедленно.

Глава 15. Главный подарок Капо

— Спасибо, что приехали, — Такэда был необыкновенно любезен, — я хочу побеседовать с вами по одному делу, в котором всплыло ваше имя, — Нет-нет, — улыбнулся он, — заметив беспокойство на лице Корчака, — это дело вас никак не касается! И когда вы только избавитесь от этого своего лагерного страха.

Один из работников вашего лагеря воззвал ко мне по «Слову и Делу». История темная, но я рассчитываю, что вы поможете мне ее прояснить, как человек хорошо знающий лагерную жизнь изнутри и лично знающий всех фигурантов этого дела.

У меня к вам несколько просьб.

Если какие-то детали будут казаться вам неважными или несущественными, все равно расскажите о них.

Если вдруг вам кажется, что, сообщая какую-то информацию о человеке, вы повредите ему, утаивать такую информацию не надо, вполне возможно, что эта информация, наоборот, спасет его.

Вы это поняли?

— Да, конечно.

— Тогда приступим. Не было ли между вами и Капо вашего барака, Иссаком Ньютоном, каких-нибудь *особых* отношений.

— Смотря, что считать «особыми» отношениями. Мои отношения с Капо имели кое-какие особенности. Я хорошо знаю такой тип людей, как Капо, и понимаю, как ими манипулировать. Играя на этом понимании, я часто *использовал* Капо в своих интересах, чтобы получить какие-то преимущества или уйти от наказания. Мне это хорошо удавалось. Впрочем, я догадываюсь, что и Капо тоже частенько *использовал* меня для каких-то своих дел, но так, что я даже не подозревал об этом.

— Я говорил о других особых отношениях, — уточнил Такэда, — не было ли между вами отношений интимного характера.

Заметив недоуменное выражение на лице Корчака, он улыбнулся и покачал головой.

— Нет-нет, я вовсе не то имел в виду, о чем вы подумали. Я хотел спросить, не было ли между вами особо-доверительных отношений, когда вы можете доверить человеку то, от чего зависит ваша жизнь и безопасность.

— Между нами *могли бы* возникнуть такие отношения. В самый последний день, когда больше не было никакой необходимости притворяться, мы как-то приоткрылись

друг другу, что ли. Я обнаружил в Капо новые черты, которых даже не предполагал в нем. Думаю, он во мне тоже. С тем новым человеком в лице Капо, который перед мной открылся, у меня возникли бы такие доверительные отношения, но для этого не оставалось времени.

— Не было ли у Исаака Ньютона особой неприязни к работнику Игнатию Лойоле?

— Была, но особой эту неприязнь нельзя назвать. Потому что к Лойоле неприязненно относились очень многие. Про него догадывались, что он доносчик, и подозревали в крысятничестве.

— В крысятничестве?

— Тех, кто ворует у своих товарищей в Лагере зовут «крысами».

— Это мне известно. Как вы думаете, насколько обе эти догадки были обоснованы?

Корчак на минутку задумался, говорить или нет. Потом решил все же сказать. Наверняка Такэда был уже в курсе. Он детально поведал, как Капо «подставил» Лойолу в последний день, выдав в нем доносчика всему бараку.

— Чем это грозило Лойоле?

— Это гарантировало ему «темную».

— Расскажите как!

— Вы наверняка знаете! Подкарауливают, накидывают на голову мешок или одеяло, чтобы тот ничего не видел, и бьют!

— Убить могут?

— Нет! Бьют больно, по точкам, но так, чтобы не оставалось следов, — отвечать за доносчика никто не хочет.

— А за крысятничество?

— Бьют открыто и от души! Крысятник жаловаться не пойдет, потому что администрация его тоже накажет, за присвоение вещей товарища вы сами знаете — в штрафбат.

— Убить могут?

— Вряд ли, — если только не нарочно, в гневе.

— А у Лойолы могло быть неприязненное отношение лично к вам?

— Ко мне? Вряд ли. Я старался поддерживать со всеми хорошие отношения. Ну разве что в самый последний день. Лойола в общем-то из-за доноса на меня пострадал, когда его Капо подставил...

Внезапная догадка осенила Корчака.

— Он пострадал? Лойола? С ним что-то случилось?

Вместо ответа Такэда положил на стол маленький предмет.

— Вам эта вещь знакома?

Два маленьких деревянных диска, соединённых перекладиной, перемотанной ниточкой.

У Корчака перехватило дыхание.

Пластиковая тарелка с печеньями, стоявшая на столе, разлетелась на куски — в момент вопроса Ян как раз брал печенье и неосознанно сжал тарелку.

— Вижу, что знакома, — сказал Такэда, — это предмет называется Йо-Йо. Древняя детская игрушка.

— Эта вещь — моя! — Сказал Корчак, — она все время была у меня при себе, но перед самым уходом из лагеря вдруг пропала. Я чуть не сошел с ума разыскивая ее, но не нашел. Капо обещал отыскать ее и найти способ передать ее мне, но мы оба понимали, что шансов нет.

— Она представляет для вас ценность?

— Это память об одном человеке, — всё, что от него осталось. Да, эта вещь очень ценна для меня! Я несколько раз пытался вернуться в лагерь, в надежде

отыскать ее. Дабл Ви думал, что я пытаюсь вернуться из-за Полли, но я хотел найти эту вещь.

— Из-за этой вещи был убит Игнатий Лойола!

— Что?

— Как вы и предположили, той же ночью Игнатию Лойоле устроили «темную». Ваш Капо, видимо содействовал этому, какое-то время делая вид, что не замечает происходящего. Потом он все же исполнил свой долг и разогнал нападавших. И в этот момент из кармана Лойолы выпала эта вещь. И капо убил его. Одним ударом! На глазах у всего барака!

— Я уверен, он нечаянно.

— Это ничего не меняет. Вместо того, чтобы защитить работника, Капо убил его. Это — ЧП. Ньютон сразу во всем признался, ничего не отрицал, но провозгласил «Слово и Дело». Его доставили сюда. К моему изумлению, он даже не интересовался своей судьбой. Он умолял меня найти вас и передать эту вещь вам. Он кричал, что это очень важно, он объяснял мне, понимаете, мне объяснял, что я смогу узнать у начальника лагеря, куда тот вас направил.

— Что его ждет теперь?

— Что может ждать Руководителя, убившего подчиненного без какой-либо видимой причины?

— А крысятничество — разве не причина?

— А разве он похитил вещь самого Ньютона? Поймав работника, как вы выражаетесь, на «крысятничестве», Капо должен был позвать стражников и отдать Лойолу под суд. И ему ничто не препятствовало это сделать. А он вместо этого — убил работника. Это, Корчак, самосуд, причем самосуд, осуществленный начальником! Это намного серьезнее, чем просто убийство без причины! Так что приобщив это Йо-Йо к делу, мы только усугубим ситуацию. Для всех! Будет хуже и для вашего Капо, и для администрации. А потому, забирайте эту вашу драгоценность, Корчак и мы все будем делать вид, что ее не было!

Ян жадно схватил Йо-Йо.

— Эта вещь действительно настолько важна для вас? — удивился Такэда.

— Важна! — признался Ян.

— Хорошо, больше я вас не задерживаю.

Корчак сделал шаг к двери, и вдруг его осенило.

— Извините, у меня появился вопрос. А если бы эта игрушка принадлежала самому Исааку Ньютону, это как-нибудь изменило бы эту ситуацию?

— Де юре, мало. А де факто — да, поменяло бы сильно. По какой-то необъяснимой причине, уж не знаю, по какой, отношение у администрации и следователей к «крысятникам» такое же, как и у лагерных работников. Я не сомневаюсь, что если бы ваш Капо убил бы Лойолу из-за своей собственной вещи, следователь бы квалифицировал это не как расправу начальника над работником, а как драку владельца вещи с «крысой», пойманной с поличным, и полагаю даже постарался бы усмотреть тут убийство в состоянии аффекта.

— Я хочу сделать заявление! — сказал Корчак, — перед тем как покинуть лагерь, я подарил эту вещь Капо Исааку Ньютону на память о себе. Соответственно, в момент убийства Игнатия Лойолы, Капо являлся ее собственником.

— Корчак, вы понимаете, что в этом случае вещь станет вещественным доказательством, и будет изъята для приобщения к делу?

— В конце концов — память о человеке хранится в сердце, а не в вещах!

Такэда вызвал секретаря и официально оформил заявление Корчака. Ян расписался.

— Погодите, не уходите, — остановил Такэда секретаря, — еще одно распоряжение. Лейтенант Корчак, я направляю вашему руководству просьбу поручить вам охрану данного вещественного доказательства. Вы должны хранить его в надежном месте, чтобы его можно было предъявить следователю, если тот сочтет нужным. Завтра вы получите соответствующий приказ от Дабл Ви. Но вещь вы можете забрать прямо сейчас, чтобы два раза не ездить. Ну, забирайте же, забирайте!

Глава 16. Белоснежка

Всё говорило о том, что его поиски приблизились к концу.

Корчак сидел в кресле у себя в комнате, вытянув вперед руку и под его ладонью порхало Йо-Йо. Точно так же, как оно порхало под ее ладошкой, тогда, в осенней тайге, пятнадцать лет назад.

Все многочисленные пути, по которым он ходил долгие годы в ее поисках, сегодня днем свелись в одну точку, к одному человеку, к Текэде Сокаку.

И вечером этого же дня, этот самый человек, Такэда Сокаку пригласил его, и вручил ему потерянный Йо-Йо.

Её Йо-Йо!

Это не могло быть простым совпадением.

Как бы правдиво ни выглядела эта история, рассказанная Такэдой, про Игнатия Лойолу, укравшего игрушку и про Капо, вернувшего ее — таких совпадений в жизни не бывает. Не бывает, и всё!

Корчак сидел в кресле и понимал, что находится в одном шаге от самого финала истории. Что его отделяет от этого финала лишь тоненькая корочка хрупкого льда — протяни руку, и корочка сломается. И он вдруг с ужасом

осознал, что он не хочет протягивать руку и ломать эту корку. Пятнадцать долгих лет он шел к этой точке времени и пространства и, оказавшись здесь, вдруг понял, что не готов сделать последнего шага.

Он не был готов пустить маленькую Белоснежку в свою новую взрослую жизнь.

Он понял, что хочет, чтобы это светлое воспоминание о странном ребенке, с которым его свела судьба, и которое согревало и придавало ему силы все эти годы, так и осталось просто светлым воспоминанием.

Он понял, что искал все эти годы свою маленькую Белоснежку, но той маленькой Белоснежки больше не существовало. Она превратилась за эти годы в совершенно незнакомую ему взрослую женщину, и он не был уверен, что готов впустить эту женщину в свою нынешнюю жизнь.

Здесьняя его жизнь была всецело заполнена Анной, и той, другой, незнакомой ему женщине тут уже места не было.

Память подхватила его и понесла назад.

Она не знала элементарных вещей, известных любому ребенку. Ей не были знакомы понятия «Зона»,

«Построение», «Пайка», и в то же время она обладала совершенно неожиданными знаниями, которые совсем не были нужны в обычной жизни, но представляли бы интерес для узких системных специалистов.

Одно из этих знаний спасло им жизнь.

— Было бы короче по низу, — ответил он как-то ей, на вопрос, зачем они лезут наверх — но тогда мы потеряем из виду сопку, по которой я ориентируюсь.

— Но ведь можно ориентироваться по звездам, — возразила она.

— Звезды не стоят на месте, Белоснежка, — засмеялся он, — они — вращаются. А сопка — стоит.

— Одна звезда не вращается, — возразила Белоснежка, — «полярная» звезда всегда стоит на месте и указывает строго на север.

Это звучало нелепо, но, когда стемнело, он убедился в ее правоте. Она показала ему как найти полярную звезду по звездному ковшу, — соединить воображаемой линией две крайние звезды, и они упрутся в полярную. Полярная звезда и вправду стояла на месте — вокруг нее вращался весь небосвод.

Он сразу и безоговорочно поверил ей. Если звезда и вправду стояла неподвижно, то значит правдой было и

то, что она указывала на север. Он проверил, выходило они уже сбились с курса и шли не туда. Он скорректировал направление и это, в конце концов, спасло их.

Теперь они снимались со стоянки рано, до восхода солнца и несколько часов шли при свете луны, ориентируясь по звездам.

Другой раз она поразила его, когда отказалась есть.

У него был с собой таежный паек, очень калорийный. Ребенку его могло хватить дней на десять.

— Почему ты сам не ешь? — спросила она его в первый вечер, когда он отрезал ей кусочек.

— Я очень устал, и хочу спать. У меня сейчас нет сил.

Однако на утро его объяснение «Мне просто не хочется», уже не устроило ее.

— Ты отдаешь мне свою еду, это неправильно, — констатировала она.

— Я взрослый, я так решил, — коротко ответил он.

— Взрослые тоже могут совершать глупые поступки! — воскликнула она. — Подумай сам, наше спасение от тебя зависит. Если ты потеряешь силы от голода, мы погибнем. А если я потеряю силы от голода, то ты все

равно донесешь меня до спасателей, и мы выживем. Поэтому ты будешь есть, а я есть не буду. Человек может прожить без еды много дней, если он не двигается и не тратит силы.

Он удивился, как такая простая и очевидная мысль не пришла ему в голову. Но, в конце концов он уговорил ее, что она тоже будет есть, «совсем чуть-чуть».

Если кто-нибудь еще два дня назад сказал бы ему, что он заделается спасателем и будет идти по тайге многие километры, неся на себе ребенка, он бы просто рассмеялся над такой нелепостью.

Но все спасатели погибли во время взрыва газа. Коптер, на котором они летели, оказался в зоне поражения. Их бригаду на шахте, которая была близко к эпицентру взрыва, спасло видимо только то, что они были внизу, в забое.

Бледный комендант лагеря, примчавшийся на коптере, нервно ходил перед их строем, если можно было назвать строем восемь сбившихся в кучу испуганных молодых людей, вчерашних школьников и нынешних шахтеров:

— Спасательные бригады с севера будут через пять часов, — вещал комендант хриплым сорванным голосом,
— Но у нас нет этих пяти часов. Если кто-то из детей уцелел, то у него нет ни теплой одежды, ни навыков

выживания. Связи нет, мы ничего не знаем, кроме того, что был объемный взрыв газа и там в этот момент находился транспорт с детьми. Это не просто дети. Это *особые* дети. Этих детей собирали по всем лагерям. Вы — единственные, кто рядом. Если кто-нибудь из вас спасет этих детей. Хотя бы одного ребенка. Я, слышите, лично я, буду должником этого человека.

Они наскоро прочли инструкции по работе со спасательным оборудованием, получили аварийные комплекты, залезли в спасательный коптер, вылетели в эпицентр взрыва и там погибли. Все погибли, кроме Корчака.

Пилот заметил огонек костра, мерцающий внизу и стал примериваться, чтобы зайти на посадку. Но это был один из пилотов коменданта. В какой-то миг он забыл, что управляет длинным спасательным аппаратом, а не двухместным персональным коптером, и зацепил уступ скалы. Корчака спасло то, что он был возле самой двери и уже отстегнулся, готовясь к десантированию. Его вышвырнуло взрывом вместе с дверью, и он, пролетев по воздуху около 50 метров, упал на землю по касательной, точно под тем же углом, под каким был наклонен склон горы и заскользил по этому склону вниз, по свежевypавшему октябрьскому снегу, который постепенно погасил скорость.

Уже внизу он ощупал себя и с удивлением понял, что он — абсолютно цел, если не считать легких ушибов. И — главное, похоже, что был цел рюкзак со спасательным оборудованием.

Огонек костра, что погубил их, мерцал совсем близко. Снега выпало еще недостаточно для того, чтобы он мешал идти и Корчак пошел к костру напрямую. То, что он увидел, поразило его, наверное, даже больше, чем его чудесное спасение. Такую картину в таком месте и в таких условиях было застать невозможно.

На фоне развороченного взрывом, но более-менее уцелевшего четырехместного коптера горел маленький костерок. У костра тихо и спокойно сидела девочка, укутанная в несколько одеял. Она выставила вперед одну ручонку и под ней порхал словно бабочка, поблескивая в лучах пламени, какой-то похожий на шарик предмет. Как будто кто-то оставил ребенка на минутку и отошел. Но вокруг никого не было.

— Все погибли, — сказала девочка, — заметив, что он оглядывается кругом. Я одна осталась. Сначала я плакала, а потом не смогла плакать.

— Ты цела? — спросил он, — ты не ранена?

— Нога болит, — ответила она, — сначала она просто болела, но я могла ходить, а сейчас опухла, и я уже не могу на нее наступать.

Он сел рядом с ней.

— Ты спасатель? — Спросила она, — там только что был еще один взрыв, — может кто уцелел?

— Я уцелел, — ответил он, — это был мой коптер.

Ее звали Белоснежка.

— У меня есть другое имя, настоящее, — пояснила она, — но оно мне не нравится, зови меня Белоснежка.

Она так и осталась для него Белоснежкой, он так и не спросил ее настоящего имени, за что потом проклинал себя.

Иногда у испытавшего шок человека, включаются глубинные механизмы выживания, которые заставляют его инстинктивно делать то, что он не сделал бы в трезвом рассудке. Именно это и произошло с Белоснежкой.

Она не знала, как и почему она осталась жива. Просто очнулась на земле, в своем кресле. Она оставалась пристегнутой и даже не раненой, только болела нога. Она отыскиала коптер, он был разбит, но не загорелся. Все, кроме нее погибли. Увидев, что из пробитого бака

вытекают остатки топлива, она собрала его в канистру — «чтобы было чем развести костер», собрала все одеяла, «чтобы не замерзнуть». Потом она вдруг поняла, что все погибли и долго плакала. А потом плакать не смогла. Она развела костер и села ждать, когда ее спасут.

Он осмотрел ее ногу. Она действительно опухла, но не выглядела ужасающе. Будь он настоящим спасателем, он бы, наверное, разобрался, что это: вывих, перелом или растяжение. И может быть, даже смог бы оказать правильную помощь. Но он не был спасателем и сделал лишь то, чему его учили в школе на уроках выживания — соорудил самодельную шину и накрутил поверху импровизированный валенок из одного одеяла.

Он прикинул. Если судить карте, что ему показывали перед вылетом, то они находились километрах в двадцати от северной резервной спасательной станции. Она не пострадала от взрыва, но была необитаема, находилась в состоянии консервации. Вновь прилетевшие спасатели должны были оказаться там к утру.

Он раскрыл рюкзак в надежде найти там карту местности. Но карты — не было. Не было и половины оборудования. Отсутствовал фонарик и файеры. Зато аварийных сирен было аж четыре штуки. Но две были

неисправны. А вот аварийный таежный паек был на месте и даже не был просрочен.

Значит у них был шанс дойти до станции.

Он выбросил из рюкзака все лишнее: лодку, спасательные жилеты, ракетницу, к которой не было зарядов, неисправные сирены. Прорезал отверстия для ног и выстелил все внутри одеялами. Получилась теплая переноска для ребенка. Была еще канистра с топливом, которую тоже надо было нести с собой, — около 10 килограмм, а с Белоснежкой — все сорок. «Дойду», — решил он.

Наутро они двинулись в путь. Идти сначала было легко, но вскоре он понял, что придется делать привалы каждый час-полтора. Она обхватила его сзади руками и шептала ему, как она говорила, *сказки*, странные и чудесные истории, в которых звери разговаривали, словно люди, а люди бесцеремонно нарушали законы природы и называли это «чудесами».

— Это чтобы тебе было легче идти, — сказала она.

И действительно — помогло. Сказки отвлекали его от усталости и от мрачных мыслей. Но на ночлег они расположились, когда солнце еще не село. Он больше уже не мог идти.

На следующее утро он совсем опустошил рюкзак, оставив в нем только аварийные сирены, паек и Белоснежку.

А днем она вдруг начала плакать. Видимо шок окончательно отпустил ее и до нее вдруг только сейчас дошло, что случилось, и она рыдала не переставая. И теперь уже он рассказывал ей сказки, чтобы отвлечь. Он пересказывал ей то, что слышал он нее вчера, а когда ее сказки закончились начал сочинять свои собственные. Но, удивительное дело, этот процесс сочинения сказок дал ему новые силы, и они шли почти до самой темноты.

А на третью ночь поднялся ураганный ветер и задул их костерок, они успели спрятаться за уступом, но порывом ветра опрокинуло и унесло в расщелину канистру с остатками топлива. К утру они замерзли. Утешало то, что по его прикидкам оставалось идти только один день.

Но он просчитался. Он угадал направление, но ошибся с расстоянием. Спасательная вышка маячила перед ними, на фоне вечерней зари, но дойти до нее уже не было возможности. Будь у них файер или хотя бы фонарик они бы были спасены. В темноте их сигнал заметили. Но у него даже не было зажигалки, которую унесло вместе с канистрой.

Он отыскал под скалой углубление, где они могли бы разместиться вдвоем, завалил его ветками и присыпал сверху снегом. Какое-никакое все же утепление. Октябрьские морозы были еще не сильными.

Но под утро он осознал, что они не дойдут. Последние силы ушли ночью вместе с холодом. У него уже не хватит сил донести ее до спасательной станции. Если бы он шел один, шансы были бы. Но тридцать килограмм, которые она весила, не оставляли никаких шансов.

— Не бросай меня, — вдруг прошептал ребенок, словно почуяв, о чем он думает.

— Ну-ну, ты что, как я могу тебя бросить.

— У тебя ведь больше нет сил нести меня, я вижу.

Через несколько секунд она вдруг сказала со своей обычной рассудительностью.

— Я маленькая, я скоро умру, — тогда ты сможешь прийти без меня. Но пока я не умру, пожалуйста, не оставляй меня, побудь здесь, со мной.

В ответ он только крепче прижал ее к себе.

Отсюда из их укрытия было видно, как мачта спасательной станции стала постепенно проступать на фоне светлеющего неба. Она была уже так близко, но все же недостаточно близко для того, чтобы звук аварийного

сигнала донесся до нее. И все же он решил задействовать его как станет светло: каким бы ни был призрачным шанс, что звук долетит до станции, ничего другого сделать было нельзя.

И вдруг он увидел Спасение. От их площадки шла вниз пологая и удивительно гладкая лощина, которая заканчивалась как раз у просеки, ведущей наверх к станции. Оттуда бы сигнал слышали.

— Белоснежка! — сказал он.

Она не ответила. Он в ужасе ухватил ее за плечи. Она была жива, просто крепко спала.

— Белоснежка, мы спасены! — закричал он.

Она медленно пришла в себя.

— Мы сейчас разделим рюкзак на две половины, получатся санки, и мы съедем вниз, — сказал он, и снизу они услышат наш сигнал.

— Мы разобьемся, — возразила она. — спусти вниз один только сигнал. А другой запусти здесь, когда спасатели будут внизу. Так она второй раз спасла им жизнь.

Несколько больших пробных камней съехали вниз, обозначая траекторию спуска и он понял, что Белоснежка снова оказалась права: в реальности лощина была совсем не такой гладкой и пологой, как казалась сверху.

Но, очевидно, достаточно пологой для того, чтобы санки с аварийным сигналом попали в место назначения. Он со щелчком соединил половинки рюкзака, накрепко привязал сигнал, нажал кнопку включения. У них заложило уши от звука сирены, и санки помчались по склону. Но еще до того, как они оказались внизу, он увидел на склоне несколько фигурок — падающие камни привлекли внимание спасателей.

— Нам, пожалуй, пора прощаться, Белоснежка, — сказал он, чувствуя, как сжимается его сердце, — мне — на мою шахту, тебе — в твою лагерную школу. Больше мы, наверное, не увидимся.

— Я не хочу в лагерную школу, — сказала она, — я не хочу в лагерь. Я не должна быть в лагере...

Словно удар тока перебросил его из прошлого в настоящее. Он промчался по всем его нервам и обернулся мурашками, бегущими по коже. Он ощутил, как на его загривке встала дыбом несуществующая шерсть.

Как она сказала ему сегодня? «Я не должна была быть в лагере, — но я там была».

Он — понял.

Два самых драгоценных для него образа, стоящих у него перед глазами, двинулись навстречу друг-другу и слились в один.

Каким же он был дураком! Как он мог не заметить! Все эти дни она была рядом с ним! Она посылала ему сигналы, один за другие, а он был слеп!

Он сорвался с кресла и помчался вперед по коридору. Он даже не взглянул на лифт и взлетел по лестнице на шестой этаж на одном дыхании. Ему было страшно! Страшно, что он застанет в конце своего пути пустую комнату. Что в эти последние мгновенья, отделяющие его от заветной двери, произойдет что-то неотвратимое, что разлучит их.

Он без стука распахнул дверь и влетел в ее комнату. Она сидела в кресле, вытянув вперед руку. Под ее ладонью порхало Йо-Йо, точно такое же, какое было зажато в его кулаке.

— Я слышала, как ты бежишь по коридору, — сказала она, — Я знала, что ты вспомнишь и догадаешься. Я сидела тут каждый вечер и ждала тебя.

Часть вторая. Я создал вас

Предисловие ко второй части

Солнце клонилось к закату, освещая огромную плоскую равнину со стадами пасущихся антилоп. Внимательный наблюдатель, приглядевшись, мог бы увидеть среди вытянувшихся теней от редких баобабов двух крадущихся гепардов, которые потихоньку подбирались к отставшей от стада антилопе, чтобы сделать последний бросок.

Но никаких наблюдателей не было поблизости. Вот уже несколько сотен лет на эту бескрайнюю равнину не падал глаз человека.

Когда-то, в давние времена, эта земля носила название «Серенгети» и принадлежала людям чернокожей расы. Но однажды сюда пришли солдаты Великого Вождя и забрали всех людей в трудовые лагеря. Местные жители отчаянно сопротивлялись, но их было мало, а солдат Великого Вождя — много, и они были лучше вооружены.

Потом еще несколько раз в течение десятилетий здесь появлялись военные экспедиции, чтобы отловить немногих уцелевших местных жителей, и, в конце концов, на этой земле не осталось людей.

А потом и солдаты Великого Вождя перестали сюда заглядывать. Эта земля стала принадлежать своим изначальным хозяевам — стадам травоядных и охотящимся на них хищникам. И так было сотни лет.

И вот сегодня что-то поменялось. Сначала на фоне заходящего солнца появилась маленькая темная точка, которая медленно и беззвучно перемещалась. Никто из пасущихся животных не обратил на нее внимания — мало ли птиц летает над саванной. А гепардам тем более было не до нее, всё их внимание было поглощено охотой.

Но это была не птица, точка стремительно увеличивалась в размерах, и скоро стало понятно, что она намного больше любой птицы. У нее тоже были крылья, но мчалась она быстрее самой быстрой ласточки, в мертвящей тишине, и ни один звук не сопровождал ее движение.

И вдруг, совершенно неожиданно, страшный удар грома обрушился на саванну. На небе не было ни тучки, откуда бы мог исходить этот гром, и никто не связал его с гигантской птицей, промчавшейся над бросившимися врассыпную стадами и вздрогнувшими, вжавшимися в землю гепардами.

А гигантская птица, распугав все живое на просторах Серенгети, вдруг резко изменила направление и почти вертикально стала набирать высоту, разбрасывая вокруг волны грохота.

Если бы тут был человек из двадцатого столетия, он бы, возможно, узнал в силуэте этой птицы знаменитый истребитель-бомбардировщик Fantom F4. Но не было тут такого человека. Не было никого, кто мог бы понять, что только что произошло над этой равниной. Не было никого, кто мог бы спросить, как здесь появился воскресший Fantom, последний экземпляр которого был утилизирован столетия назад.

И лишь гепарды сокрушенно смотрели вслед убегающей добыче, еще не понимая, что именно в эту секунду мир, в котором они живут, изменился навсегда.

Глава 17. О дивный новый мир!

Еще несколько дней назад он догадался, что Белоснежка была пришельцей из того чудесного мира, в котором жили люди, никогда не знавшие лагеря. И он поместил ее на своей схеме в то самое «блаженное где-то».

И вот теперь Белоснежка, его Белоснежка, лежала рядом, и обняв его, рассказывала ему истории об этом дивном мире, как когда-то там, в тайге, рассказывала сказки.

Но истории эти совсем не напоминали сказки, они не были ни волшебными, ни веселыми, эти истории.

И тот мир, который они описывали, нельзя было назвать ни «чудесным миром», ни «блаженным где-то». Она звала его «свободным миром», но в этом мире, так же, как и в лагере, не было ни свободы, ни справедливости.

Главное отличие свободного мира от Лагеря было в том, что люди в том мире принимали участие в воспитании своих детей, дети знали своих родителей и жили вместе с ними в *семьях*.

Его можно было бы назвать «семейным миром», поскольку возник он именно благодаря семьям.

Сразу после Великой Гибридной Войны, когда люди всей земли добровольно переселились в трудовые Лагеря

(«Только вряд ли, конечно, это действительно было добровольно», — заметила Анна), на свободе, за пределами лагерей остались чиновники земной администрации, управляющие лагерной системой.

«Потому что нельзя управлять системой, находясь внутри ее, управлять можно только находясь снаружи», — пояснила Анна.

Но у многих чиновников были дети. А поскольку, по новым законам, вне лагеря могли жить только чиновники, то этих детей «в виде исключения» тоже назначили на какие-то чиновничьи должности, «с отсрочкой исполнения обязанностей до совершеннолетия».

Но у тех детей стали рождаться свои дети, и у тех детей тоже родились дети. *«Но кто же, будучи в здравом уме и твердой памяти, отдаст своего ребенка в Лагерь».* Поэтому младенцев стали приписывать к тому или иному ведомству и назначать на должность с момента рождения.

Сначала это делалось неофициально, поскольку *«все всё понимали и прикрывали на это глаза».* Но скоро должностей уже не стало хватать, возникла потребность в введении новых штатных чиновничьих единиц.

И тогда были приняты законы о «чиновничьих кастах». Теперь любой ребенок, родившийся в семье чиновников, автоматически, по закону, становился чиновником и свободным человеком. Чиновничьи должности стали наследственными. А все чиновники были разбиты на девять должностных каст. Три высшие касты занимались управлением. Они имели право принятия решений. Три средние касты занимались непосредственным исполнением решений, принятых чиновниками высших каст. А три низшие касты занимались исключительно обслуживанием быта высшей и средней каст.

Собственно, нижние касты не были чиновниками в традиционном понимании, они по сути были обычными работниками, просто их «должности» назывались по-чиновничьи. Шофер назывался «управляющим транспортным средством», уборщик «заведующим гигиеной помещений», садовник «управляющим ландшафтным дизайном».

Конечно, на роль obsługi можно было брать и работников из лагеря. Так и пытались делать в первые годы, но ни к чему хорошему это не приводило. Лагерные работники, узнав, что в реальной жизни не все люди живут в лагерях, как их учили с детства, понимали, что их нагло обманули, пытались устраивать бунты,

работали из рук вон плохо, а слухи о существовании свободного мира — просачивались в лагерь.

Поэтому вскоре оба мира, лагерный и свободный, были тщательно изолированы друг от друга, а роль obsługi в свободном мире легла на чиновников низших каст.

Но жили эти «работники» свободного мира, конечно, не в пример комфортнее лагерных работников. Каждая семья имела отдельное жилое помещение, разной степени комфортности, в зависимости от касты. Низшим кастам полагалось две комнаты на семью общей площадью 30 квадратных метров, а высшие касты жили в особняках со многими спальнями и гостинными. Низшие касты питались в общих столовых, где еда была обильная, но простая, без кулинарных изысков. Высшим же кастам по рангу полагался собственный семейный повар.

Рабочий день был ограничен восемью часами в сутки для низших каст и свободным графиком работы для высших.

И каждый имел право отдыхать на Безмятежных Островах. Низшие касты имели право на две недели в году, высшие же касты практически жили там постоянно, там же и работали, «дистанционно», выезжая только по необходимости.

Заболевших раком чиновников на Острова не отправляли, их излечивали и возвращали на рабочее место. Но зато после 70 лет все поголовно выходили на пенсию и имели право жить на Островах всю оставшуюся жизнь.

Поскольку все должности были наследственными, переход из касты в касту был практически исключен. Единственным способом сменить статус — были мезальянсы или межкастовые браки. В первые годы они запрещались, но потом медики спохватились, что браки внутри замкнутых каст быстро приведут к генетическому вырождению. Сюжет о любви юноши или девушки из высшей касты к представителю низшей касты быстро стал самым популярным в литературе и кино.

Но даже в этом, жестко регламентированном мире жили люди, которые были вне каст.

Юристы-ревизоры не принадлежали ни к одной чиновничьей касте, они были вне системы. Они никому не подчинялись, а их права и их возможности были даже более обширными, чем у высших чиновничьих каст. Это не всем нравилось, но ревизоров терпели как единственную силу на Земле, которая гарантировала справедливость и беспристрастность в любых конфликтах и при любых неясностях. Само ревизорское сообщество тщательнейшим образом следило за тем, чтобы ни у кого

не возникало даже тени сомнений в честности и беспристрастности принимаемых ревизорами решений, потому что эта честность была единственным условием и гарантией существования клана.

Ревизоры были первыми, кто стал передавать свои должности по наследству. Это случилось уже в первые годы после Великой Гибридной Войны, когда между разными чиновничьими группировками разгорелась настоящая война за контроль над ревизорским сообществом. Чтобы поставить «своих» ревизоров, «чужих» зачастую просто устраняли физически. Это привело к тому, что должность ревизора стала самой опасной, а средний срок жизни ревизора на посту составлял несколько месяцев.

В конце концов это вынудило ревизоров в первую очередь озаботиться собственной безопасностью. Они объединили свои усилия в этом стремлении, смогли договориться между собой и забыть все распри. Все решения стали выноситься не в чью-то пользу, а только в пользу справедливости и беспристрастности. Любой «ставленник», пытавшийся «сыграть» в чьих-то интересах, безжалостно устранялся самим ревизорским сообществом.

Ревизорские должности стали передаваться по наследству. Ревизор сам назначал своего преемника из

числа своих детей или близких родственников и постоянно держал его при себе, чтобы тот был в курсе всех дел. Устранять ревизоров с целью поставить «своего человека» стало бессмысленно.

Но даже при такой системе защиты, даже сейчас, спустя столетия после Великой Гибридной, должность юриста-ревизора оставалась опасной.

Порой, когда становилось очевидно, что ревизор склоняется к тому, чтобы обвинить какого-нибудь могущественного чиновника в серьезном преступлении, виновник мог пойти на то, чтобы физически устранить и ревизора, и его наследников.

Именно это и произошло с семьей Белоснежки. Ее мать была юристом-ревизором южно-азиатского региона. Пробыла она в этой должности всего две недели, после убийства ее отца, от которого она получила ревизорское место вместе с одним очень опасным делом.

Это не был взрыв газа, как гласила официальная версия. Это был залп ракет воздух-воздух.

Семью Белоснежки, которая летела в северную столицу, подстерег над тайгой старый боевой коптер, найденный в хранилище и расконсервированный по такому случаю. Заговорщики рассчитывали, что никому не придет в голову опасаться такого экзотического способа

покушения и они были правы. Все давно чувствовали себя в воздухе в полной безопасности. Боевые коптеры были изъяты из арсенала и отправлены на консервацию столетия назад, за отсутствием необходимости в них.

И вот один из таких древних монстров с наскоро обученным экипажем висел над тайгой и ждал, пока на локаторе не появится цель. Но едва-едва обученные стрелки плохо понимали смысл сигналов на экране и потому били по всему, что появлялось в воздухе. Заговорщики сначала уничтожили аэробус с детьми из «спецкласса», потом вылетевший на место происшествия коптер спасателей, и лишь третьим залпом была уничтожена аэрояхта с семьей Белоснежки. Кресло ребенка было оснащено индивидуальной катапультной, и изрешеченный осколками пилот успел дернуть за спасительную ручку перед тем, как потерять сознание.

— Остальное ты знаешь, — прошептала Анна. — Во всяком случае знаешь до того момента, пока мы не расстались.

— Я искал тебя, — ответил он, — я всматривался в каждую девочку, которая попадалась мне на пути, а потом, когда прошли годы, в каждую женщину. И с Полли я сошелся лишь потому, что она отдаленно напоминала тебя. У меня было мало возможностей для поиска. Какие возможности у лагерника. Но я искал!

— Я знаю, — ответила она, — первое, что ты сделал, получив свободу, — помчался в лагерную школу за информацией.

«Откуда, ты знаешь?», — хотел спросить он, но догадался, что ей, видимо, сказала об этом Шарлотта.

— У тебя не было возможностей искать, но ты нашел меня, — сказала она. — А вот тебя искало все ревизорское сообщество Земли и не могло найти.

Глава 18. Женщины Минамото

— Меня искало всё ревизорское сообщество? —
удивился он, — искало обычного лагерного работника?
Зачем?

— Прежде всего потому, что ты был нужен мне. Потому
что этого хотела я. Потому, что я просила их тебя найти. А
во-вторых, потому что ты и сам был нужен им.

— Я? Ревизорскому сообществу?

— Да, Ян, ревизоры — не обычные люди. За столетия мы
выработали чувство коллективной интуиции. А интуиция
не признает случайностей. С самого детства маленьких
ревизорчиков учат: ничто не происходит случайно. Во
всем, где другим видится случайность, ты должен
выискивать закономерность. Ревизорское сообщество
решило, что, если судьба свела нас в одной точке
времени и пространства в таких невероятных и
невозможных обстоятельствах, значит в этом есть какой-
то важный смысл. Путь он пока непонятен, но он есть!

И они искали тебя, как человека, невероятная история
которого указывала на то, что этому человеку отведена
какая-то важная роль в каких-то будущих событиях. И,
конечно, они искали тебя для меня. «Тебе повезло,
девочка, заранее познакомиться с отцом твоих будущих

детей и влюбиться в него», — шутили взрослые, но я видела, что относятся они к этому серьезно.

— Они видели в жалком лагернике отца ревизорских детей, серьезно?

— У нас нет кастовых предрассудков, и ревизоров не касается «рекомендация о мезальянсах». Ревизорам вообще запрещено жениться в своем кругу. Нас ведь очень мало и все мы — родственники. Мы обязаны брать отцов и матерей для своих детей из других слоев общества и не важно из каких — главное — чтобы это были самые достойные люди.

Она вдруг выскочила из постели и гордо-изящно прошла по комнате обнаженной

— Ну как? Говори? Я красивая?

Она и вправду была чертовски хороша!

— Не отвечай, — засмеялась она, — я читаю ответ в твоих глазах. — Так вот, Ян, женщины фамилии Минамото — самые красивые на Земле. Потому что в наших жилах течет кровь лучших представителей человечества на протяжении столетий. Это евгеника!

— Минамото?

— Да! Минамото — это моя настоящая фамилия. Минамото — самый большой ревизорский род. Если бы

я стала юристом-ревизором, я бы сменила свое нынешнее имя на родовое, и меня бы звали Минамото Ои IV. Древние предки рода Минамото были рыцарями-самураями, людьми азиатской расы, но моей внешностью меня наградили не они, а мои скандинавские прадеды. А вот в одной моей кухне отразились ее африканские пра-прабабушки и она внешностью похожа на древнеегипетских цариц. Хотя мы — близкие родственники.

— Но ты не стала юристом-ревизором?

— Я была в лагере, Ян. Ревизорское жюри решило, что человек, хлебнувший рабской жизни, не сможет быть объективным. Ревизорское место моей матери было сохранено для моих детей... для наших с тобой детей. А пока они не родились и не выросли, место блюдут по очереди регенты из нашего рода.

— Но как ты оказалась в лагере? Ты — дочь ревизора!

— Я боялась, Ян. Я была всего лишь испуганным ребенком, и я боялась, что в лагере, куда меня доставили, будут враги нашей семьи, убившие моих родителей. И я не сказала, кто я. А они приняли меня за уцелевшего ребенка из «спецкласса», чей аэробус тоже был сбит. И я — не возражала. Я рассчитывала, что

пройдет немного времени, и все выяснится само собой, ревизорское сообщество быстро отыщет меня.

Но меня никто не искал. Разбитый коптер моих родителей тоже не искали, потому что никто не знал о том, что его сбили. Никто не знал, что они вылетели в столицу, они хранили свой полет в тайне.

Спасатели в тайге отыскивали разбитый аэробус спецкласса, разбитый коптер спасателей. Ваш разбитый шахтерский коптер. Никто даже не думал о том, что надо искать еще один. Его и не нашли, хотя он был совсем рядом.

Я и мои родители просто исчезли из этой жизни. Все понимали, что произошло что-то ужасное, но никто не понимал, что именно случилось, и куда мы подевались.

Тот самый спецкласс, это были талантливые дети, которых собирали для вашего будущего центра Ч, они все погибли, а с ними погибли и учителя, и руководитель проекта. Поэтому проект сразу свернули, и со мной никто не разбирался. Меня просто отправили в вашу обычную лагерную школу. В той спецгруппе была девочка по имени Анна Клевская, кто-то решил, что она —это я, а я, как обычно, не возражала.

И лишь оказавшись в вашей школе, я поняла в каком кошмаре очутилась. Мне потом говорили, что для

лагерных работников школьные годы кажутся самыми светлыми и легкими годами их жизни. Но для меня это был самый настоящий ад. Через два месяца я не выдержала и решила, что пусть меня лучше убьют враги моей семьи, чем такая жизнь. Я добилась встречи с директором школы и рассказала, кто я. Меня на месяц отправили в карцер, за «неуместные и вредные фантазии».

— Как же ты выбралась?

— Через год на медосмотре врач обратил внимание на мою «анатомическую особенность». «Откуда ты, девочка?» — удивленно спросил он. И я рискнула еще раз, и все рассказала ему. Он куда-то убежал, и как я потом узнала, он добежал до канцелярии и провозгласил «Слово и дело». Уже через полчаса в школу примчались начальник лагеря с юристом-ревизором, а через час появился лучший друг моего отца. Он увидел меня, схватил на руки и расплакался. Я впервые узнала, что мужчины могут плакать.

Я рассказала нашу историю, и тебя тут же кинулись искать. Я не спросила твоей фамилии, но я знала имя, и то, что ты был шахтером, и что всю вашу бригаду отправили нас спасать. Этого было достаточно, чтобы тебя найти.

Но тебя не нашли. По документам вся ваша бригада погибла при взрыве коптера. По документам меня спасли подроспевшие спасатели, а не ты. От тебя не осталось никаких следов. Через год уже и не было свидетелей событий, заговорщики были достаточно влиятельны, чтобы зачистить все следы. Так им тогда казалось.

Тебя искали среди всех шахтеров, не только среди Янов, среди всех. Ничего не нашли. Была даже версия, что ты тоже стал жертвой заговорщиков, заметавших следы, но ее мало кто воспринимал всерьез, потому что наша коллективная интуиция говорила, что судьба не будет спасать человека в таких невероятных обстоятельствах, лишь для того, чтобы принести его в жертву.

— Меня спас комендант, — сказал Ян. — В последнюю нашу ночь я обморозил ноги. Речь шла об ампутации пальцев. Но врачи сохранили их. Медиков тоже впечатлила наша история, и они на совесть сражались с моими болячками.

Однажды вечером ко мне в палату пришел сам комендант Лагеря. Я лежал в отдельной палате — комендант распорядился об этом ранее. Он выгнал весь медперсонал и сел на краешек моей койки.

— Я лично, своей личной клятвой, поклялся отблагодарить человека, который спасет хотя бы одного ребенка, — сказал он мне. — Но я не могу сделать для вас, Корчак, то, что планировал сделать. Послезавтра я покидаю свою должность и отправляюсь на другой материк. Кому-то очень надо чтобы все поскорее забыли, что тут произошло. И я не уверен, что лагерные работники, бывшие свидетелями происшествия, находятся в безопасности. Поэтому я подарю вам то единственное, что еще могу подарить — надежду.

— Я смотрел ваши документы, — сказал он, — вас должны были направить после школы на математические спецкурсы. Вы показывали большие способности, и уже в школе вы начали проходить математический факультатив. Как вы оказались на шахте?

— У меня были проблемы с дисциплиной, и были проблемы в отношениях с директором школы, — ответил я.

— Я почему-то так и думал, — ответил он.

Затем он достал папку и показал ее мне.

— Это ваше личное дело, — сказал он и добавил. — Ваше *старое* личное дело. Согласно этому личному делу, вся ваша бригада, включая вас погибла, вылетев на

спасательную операцию. Девочка из спецкласса была спасена подроспевшими спасателями. Вас там вообще не было Корчак.

— А это — ваше *новое* личное дело, Корчак, — достал он другую папку. — согласно этому личному делу, ученик Ян Корчак, закончивший математический факультатив школы месяц назад, был направлен на математические спецкурсы для подготовки специалиста-математика, но из-за болезни не успел явиться по месту назначения и был помещен в госпиталь. После выписки из госпиталя Яну Корчаку надлежит явиться в указанное учебное заведение и приложить все силы, чтобы ликвидировать возникшее отставание в учебном материале. Вот все, что я могу сделать. Я сделал все для того, чтобы эти две папки никогда не сошлись в одном месте, и они не сойдутся.

— Удачи вам, Корчак, — сказал он и вышел.

Больше я его не видел.

«Он погиб через неделю в результате несчастного случая, — сказала Анна. — А после того, как меня нашли, то отыскиали в тайге и наш коптер. Там были все материалы следствия, мама везла их в столицу. Заговорщики поплатились за все.

Друг моего отца взял меня в свою семью и воспитал как свою дочь. И когда я узнала, что здесь создается этот Центр Ч, я добилась того, чтобы меня приняли в него. Моих способностей, к счастью, хватило. Ну и происхождение, конечно, тоже сыграло свою роль. Я знала, что ты тоже рано или поздно окажешься здесь. Наша встреча в тайге была настолько необычной, что я была уверена, что ты будешь снова и снова обречен оказываться в самых необычных местах. Моя ревизорская интуиция кричала мне об этом.

Тут нельзя было жить под нашим родовым именем Минамото, и я снова стала Анной Клевской.

А потом настал день, когда Дабл Ви дал мне твою синюю папку для анализа. И я увидела самое необычное уравнение какое только могло существовать. Уравнение, которое мог создать только самый необычный человек. Тот, кого я искала. Как сумасшедшая я кинулась к Дабл Ви и прямо с порога закричала ему «найдите его». Наверное, ему моя реакция показалась очень странной.

Потом, когда стало известно, что автора уравнения нашли и доставили в наш Центр, я не спала всю ночь и утром с трудом заставила себя выйти к завтраку. Я, наверное, не пережила бы, если бы выяснилось, что я ошиблась, и это не ты.

Но это был ты. Я не смогла остаться на завтраке, слезы душили меня. Я добежала до своей комнаты и там разрыдалась».

Так, в разговорах, у них прошла вся ночь, и наступило утро.

Запищал сигнал интеркома. Корчак нырнул под одеяло, а Анна быстро накинула халатик.

Это был Такэда.

— Доброе утро, Ои, — сказал он, — я прошу прощения за ранний звонок, но у меня важное сообщение. Я думаю, оно принесет тебе радость. Ты давно уже просишь клан найти одного мужчину, и вот неделю назад мне стало известно, что некий человек обратился в здешнюю лагерную школу за сведениями о тебе. Это мог быть только тот мужчина, больше никому. Мне удалось не только выяснить, кто это был, но даже установить, где его следует искать.

— Где? — спросила Анна.

— Я полагаю, что он прячется где-то в твоей комнате, — ответил Такэда, — чтобы не попасть в камеру интеркома. Скорее всего, он скрывается под одеялом. Корчак, покажите, то, о чем я хочу сказать, касается и вас.

Ян высунул голову из-под одеяла.

— Ян Корчак и Анна Клевская, — сказал Такэда официальным тоном, — малое жюри, рассмотрев дело о запретной привязанности, возникшей между вами, пришло к следующему выводу. Поскольку правила Центра Ч не имеют обратной силы, они не могут распространяться на отношения, возникшие ранее, до того, как рассматриваемые лица стали резидентами Центра. Таким образом ваша взаимная привязанность не может квалифицироваться как запретная. Однако любая публичная демонстрация вашей привязанности по-прежнему находится под запретом, и вам не разрешается каким-либо образом показывать или давать понять окружающим, что между вами — особые отношения, и тем более, что эти отношения вам официально разрешены.

Экран интеркома погас.

— Жаль, — сказала Анна, — Когда он только начал говорить, я сразу стала предвкушать, как мы сейчас войдем в столовую держась за руки, у всех на виду!

Глава 19. Вначале было слово

— Я не намерен спасать этот мир! — сказал Ян.

События последних суток развивались настолько стремительно, и в эти сутки было втиснуто так много, что он уже потерял ощущение времени.

Когда он мчался по лестнице к двери своей Белоснежки? Вчера? Сегодня? Когда Такэда застал его в комнате Анны? Когда это было? Сегодня утром или нет?

Может быть, бессонная ночь была тому виной, но все смешалось в сознании Корчака, и у него возникло странное ощущение, что его мысли обретают материальность. Стоило о чем-то подумать — и это превращалось в реальность.

Всего несколько дней назад он написал на листке строку «моя команда» и под ней — список имен. И вот этот список материализовался — все эти люди сидели сейчас перед ним.

Тут были Анна, Шарлотта, Глинская, Тагор — точно по его списку. Но был и еще один человек, которого в его списке не было — Ринго Стар. Его привела Елена Глинская. Она вошла в комнату Корчака вместе с Ринго Старом, держа его за руку.

— Если вы прогоните его, я тоже уйду, — сказала она с вызовом, — если вы доверяете мне — то должны доверять и ему.

— Вы — плохие конспираторы, Елена, — засмеялась Шарлотта, — я даже заключила пари с Анной, приведете вы Стара или нет. Я — проиграла!

— Достаточно было посмотреть, как вы стараетесь все время быть вместе, чтобы всё понять, — улыбнулся Тагор.

Ян понял, что от его внимания вновь ускользнуло что-то такое, что было известно всем.

Пять человек сидело перед ним и смотрели на него с ожиданием и надеждой.

А он не мог оторвать взгляд от двух бутылок шампанского, стоящих в углу.

Их принесла Шарлотта.

— Пусть все думают, что у нас *игра*, — пояснила она, — иначе как объяснить, с какой целью мы тут собрались.

А действительно, с какой целью они собрались?

Корчак понимал, что от него ждут каких-то *особых* слов. Но он не знал, что говорить. Ему казалось, что эти две бутылки шампанского в углу гипнотически притягивают

его взгляд, но на самом деле он просто не хотел смотреть в глаза окружающим. Посмотрев кому-то в глаза, он должен будет что-то сказать. А сказать ему было нечего.

— Я не намерен спасать этот мир! — снова повторил он.

— Никто из сидящих в этой комнате, — ответил Тагор, — не намерен спасать этот мир. Нас здесь собралось вместе именно понимание того, что этот мир не достоин спасения. Но при этом нельзя бросать на произвол судьбы тех, кто живет в этом мире. Что нам делать, Ян?

— Вы спрашиваете это у меня? Почему?

Тагор пожал плечами

— Потому, что ты шагнул первым, — вдруг сказала Анна, — такова природа человека, ему очень трудно решиться сделать первый шаг самому. Но если кто-то другой сделает такой шаг, все остальные охотно и без колебаний пойдут за ним. Так получилось, что ты, сам того не ведая, сделал этот первый шаг. Ты нашел эту свою формулу, ты заставил самого Дабл Ви поменять свои планы, ты невольно запустил в движение какие-то такие процессы, что даже Такэда вынужден был забросить все дела и остаться следить за тобой. Хотел ты того или нет, но ты оказался на несколько шагов впереди любого из нас. И

мы просто идем за тобой, в надежде, что ты покажешь нам дорогу.

— А если я заведу вас не туда?

— Не волнуйся, — засмеялась Шарлота, — мы тебя поправим. Не забывай, тут собрались гении. Просто этим гениям трудно было сделать тот самый первый шаг, но коль скоро он уже сделан, благодаря тебе, они с пути не сойдутся, будь спокоен!

— А мы его уже сделали, этот шаг? — спросил Стар.

— Конечно, раз мы уже собрались здесь! Тайно, никому не говоря, изображаем игру за закрытыми дверями, но на самом деле заняты совсем другим. Что это, как не первый шаг?

— Шаг к измене и заговору! — засмеялась Елена. — Ян, расскажите, почему вы не хотите спасти этот мир. У каждого из нас свои резоны, а какие у вас?

— Так вот сразу и не сформулируешь, — ответил Корчак.

— Пока мой мир ограничивался Лагерем, я считал, что так и должно быть. Я не знал, что может быть как-то по-другому. Я воспринимал Лагерь как норму жизни и даже находил в той жизни множество поводов для радости.

И лишь оказавшись здесь, я понял, что все эти лагерные радости, ценности и достижения — ничего не стоят. Я

понял, что мир может быть другим, совсем другим. Свободным, светлым и радостным. И я сделал вывод, что если двигаться дальше и дальше от лагеря, то мир будет становиться все лучше и лучше.

И вдруг оказалось, что это не так. Что и с той стороны, всё то, что окружает лагерный мир, это тоже Лагерь. Он, конечно, другой, он более комфортный, он выстроен иначе, но по сути — там то же самое рабство.

И место, где мы находимся сейчас, этот наш центр Ч, это единственная светлая полоска между двумя темными мирами. Это, видимо, единственное место на земле, где существует хоть какое-то подобие свободы

Но нас здесь выпустили на свободу из рабства лишь для того, чтобы мы сохраняли это рабство и дальше. Это противоестественно. Так не должно быть. Я отказываюсь это делать.

— Ты забыл про Безмятежные Острова, — напомнил Тагор, — там свобода, там нет никакого рабства. Во всяком случае нам так говорят.

— Я не был на Безмятежных Островах, — ответил Корчак, — но я знаю, что они не сами по себе существуют, они — часть этого лагерного мира, а значит, скорее всего, там просто очень комфортная версия лагеря.

— Это не совсем так, — сказала Шарлотта, — в прежней своей жизни я часто и много бывала на Островах, я, собственно, жила там. Там действительно — свобода, там все прекрасно. Но вы, Ян правы, острова — они не сами по себе, они часть этой жестокой системы, они не могут существовать без этого ужасного мира, они паразитируют на нем, и небольшое число людей, живущих на них, счастливы лишь за счет того, что все остальные глубоко несчастны.

— На самом деле, все еще намного хуже, чем вам кажется, Ян, — вдруг подал голос Ринго Стар. — Сказать, что в «свободном мире» отсутствует свобода, это — еще ничего не сказать. Знаете, какие литературные сюжеты популярны у низших каст в этом «свободном мире»?

Это истории о счастливых лагерных рабочих, которых не мучают семейные проблемы, которые, хоть в каких-то пределах, но могут сами влиять на выбор своей будущей профессии и должности. А если повезет, то и попасть на Острова не после 70, а в молодости, всего-навсего заболев раком. И чей статус реально зависит от способностей, продемонстрировав которые можно передвинуться из простых рабочих в специалисты или начальники. Вы даже представить себе не можете, какое количество мелких чиновников, не задумываясь, поменяли бы свой статус «свободного человека» на

статус лагерного работника ради той иллюзии свободы выбора, которая, как им кажется, присутствует в лагере.

Вот вы были лагерным работником, Ян, прежде чем попали сюда, в Центр. А знаете, кем был я?

Я был чиновником шестой касты. Это давало мне право на отдельный дом с отдельной комнатой для каждого члена семьи, если бы она у меня была. Это давало мне право на две недели отдыха на Островах каждый квартал, в сумме — два месяца в году. Это право на персональный автомобиль с персональным «управляющим транспортным средством». Рабочий день — четыре часа. При четырех рабочих днях в неделю. Право на посещения бассейна и спортивного клуба, персональная библиотека и неограниченный доступ к развлекательным фильмам и играм.

Чтобы получить все это мне не надо было ни учиться, ни доказывать свои способности, ни работать. Мне надо было просто родиться в нужной семье, и все.

Был ли я счастлив от такой жизни? О да! Лично я был счастлив.

Один-единственный из всех окружающих меня людей моей касты!

Вы можете представить себе инженера, Ян, который не умеет читать чертежи или не знает четырех действий

арифметики? В вашем, лагерном, мире такое невозможно. А в нашем, свободном, это — норма. Так зачем стараться, спрашивается! Никто и не старается!

Зачем человеку, напрягаться, учиться, работать в полную силу, если его положение в обществе уже определено в момент рождения и никак не зависит ни от его способностей, ни от его дел и поступков. Если он более-менее умен и образован, ему доверят руководить каким-нибудь важным отделом департамента. Если он необразованный дурак, едва умеющий читать и с трудом владеющий четырьмя действиями арифметики, ему ничего не доверят, но дадут какую-нибудь бессмысленную работу, и он все равно будет начальником отдела с теми же правами и привилегиями, что и первый.

Это там, наверху, среди высших каст, у которых есть право решать, идет борьба за полномочия, за власть, за доступ к возможностям. Там они выкладываются на совесть.

А у нас, в средних кастах, лучше оставаться неграмотным дураком и бездельником, так жизнь будет комфортнее.

Но мне повезло, мне нравилось то, чем я занимаюсь. Тут, в Центре, меня называют гением административной работы, но там мне просто нравилось то, что я делаю. Я

был, наверное, единственным человеком во всем департаменте, который понял и разобрался как работает вся эта государственная машина, и в чем смысл происходящих действий.

Меня завораживало это движение огромного и сложного механизма, я получал колоссальное удовольствие от того, что детально понимал все тонкости этого сложного движения и значение каждого самого мелкого винтика. Я был в восторге от того, что сам во всем разобрался, все понял до такой степени ясности, какой не было ни у одного высшего чиновника.

Я ощутил в своих руках такое могущество, что у меня захватывало дух. Ведь моё понимание позволяло мне чуть-чуть надавив в любую точку системы, лишь слегка притормозив или ускорив вращение какого-нибудь мелкого незаметного колесика получить на выходе такие результаты, для которых не хватило бы могущества самых высших должностных лиц.

Конечно, я ничего такого делать не стал. Я лишь привел в порядок дела нашего департамента. Я перестроил всю работу таким образом, что все делалось как бы само собой. Вместо тысяч внутренних документов — десятки, вместо сотен распоряжений — одно-два письма. Несколько курьеров из нижних каст с утра забирали внутреннюю почту и в течение получаса доставляли ее по

адресам, и вся работа на этом заканчивалась. Весь объем работы, которую должны были делать восемнадцать тысяч чиновников в конечном итоге выполнялся всего десятью сотрудниками, которых я сам отобрал за их способности.

Понимаете, десять человек вместо восемнадцати тысяч! И все работало! Работало намного лучше, чем раньше!

Конечно, такое не могло пройти незамеченным. Дело кончилось тем, что эти самые восемнадцать тысяч расслабились до такой степени, что просто перестали появляться на рабочих местах. Когда больше половины департамента одновременно оправилась отдыхать на Безмятежные острова, а дела продолжали делаться сами собой, как будто все они были на месте, на это обратили внимание наверху. Приехало высокое начальство и застало пустые коридоры и пустые кабинеты. И я один на рабочем месте!

Скандал был страшный. У всех чесались руки хорошенько наказать меня, но наказывать-то было не за что, наоборот, формально следовало наградить. Но как можно награждать человека, наглядно показавшего всю нелепость и глупость существующей системы!

Дело кончилось тем, что меня, как «показавшего выдающиеся способности» командировали в этот центр

Ч. Они просто избавились от меня. Они думали, что наказывают меня, наивные. Это оказалась самая лучшая награда, которую я мог бы желать!

— Я слышала краем уха об этой истории, — сказала Шарлотта. — Так это были вы? У вас ведь тогда было другое имя?

— Все мы поменяли имя, оказавшись здесь, — ответил Стар. — Я имею в виду тех, кто попал сюда из свободного мира.

Так вот, Ян, вы говорите, что не желаете спасти этот мир? А я вам скажу, что даже если бы вы и пожелали, вам это не удалось бы. Этот мир нежизнеспособен по своей природе, он сам пожирает себя. Он деградирует от поколения к поколению. Дабл Ви стремится остановить этот процесс деградации, он ищет причины этого в заговорах и коррупции, а все намного проще. Самый главный враг этого мира — он сам!

— Значит нужно изменить сам этот мир, — заметил Тагор.

— Вы знаете как? — иронично спросила Глинская

— Пока нет, но я знаю, что все в этом мире поддается анализу и все можно просчитать. Здесь, с нами — выдающийся математик, здесь, с нами — выдающийся

психостатистик. Здесь собрались шесть гениев, неужели они не найдут решение?

— Найдут! — ответила Глинская, — не сомневайтесь, найдут! Но беда в том, что здесь нет седьмого гения, вернее супер-гения, который подсказал бы остальным шестерым, верное ли они нашли решение, или нет. Как они смогут узнать? Они смогут узнать это только пустив свое решение в ход. И если решение будет неверным — вы сами понимаете...

Такое ведь уже было в истории, и не раз. Я здесь единственный человек, который досконально знает всю историю человечества. Так вот, поверьте историку, весь опыт человечества говорит о том, что каждый раз, когда кто-то решал, что он знает, как улучшить этот мир, и принимал принудительные меры к этому улучшению, это всегда оборачивалось катастрофой. Мир — саморегулирующаяся система. Он не терпит насилия над собой. Общественные законы работают сами по себе, и, если им не препятствовать, они всегда, без нашего вмешательства, направляют человечество к самому оптимальному пути развития.

— Тогда почему они уже столько столетий не работают и не направляют? — спросила Анна.

На ее лице вдруг появилась так хорошо знакомая Корчаку иронически-издевательская улыбка, и он понял, что сейчас произойдет.

— Готов поспорить, у тебя в сумке что-то лежит, *такое*, какой-то из твоих сюрпризов, — сказал он. — доставай, что у тебя там!

Анна с улыбкой вытащила довольно объемную стеклянную банку, в которой копошилось что-то живое. Корчак пригляделся и ему стало противно, в банке были блохи. Огромное количество прыгающих на стенки, копошащихся блох.

А Анна вдруг резко сняла с банки крышку.

Комната мгновенно раскололась на две половины. Те, кто был выходцами из свободного мира, спокойно сидели на местах и недоуменно смотрели на реакцию бывших лагерников.

Глинская завизжала и вскочила на спинку кресла, Тагор отпрыгнул в сторону, и Ян вдруг понял, что сам не заметил, как оказался в другом конце комнаты.

— Вы что? — недоуменно спросила Шарлота.

— Блохи, — крикнула Глинская, — они сейчас разбегутся по комнате, потом не избавишься, вы не знаете, что это такое.

— Погодите, — сказал Тагор. — Там под крышкой еще какая-то пленка или мембрана. Видите, они не выпрыгивают наружу. Что-то их не пускает.

— Они сами себя не пускают, — ответила Анна. — Нет там никакой пленки, выход для них свободен. Но ни одна из них не выпрыгнет из банки наружу, все там так и останутся, даже пробовать не будут. И в конце концов сдохнут с голоду.

— Почему? — удивилась Шарлота

— Это очень старый эксперимент, демонстрирующий феномен, который в древней психологии назывался «выученная беспомощность». Сейчас про него не вспоминают, намеренно не вспоминают, но он существует и, как видите, работает.

В прежние времена старого мира в одной лаборатории изучали условные рефлексы собак. Их запирали в клетку и били несильным электрическим током, который предварялся звонком. Целью эксперимента было выработать условный рефлекс испуга на звук звонка. Сначала собаки пытались избежать удара, метаясь по клетке, а быстро поняли, что это бесполезно, и при звуке звонка просто скулили и ложились на пол. Но однажды по недосмотру лаборанта двери в клетки остались незапертыми и распахнутыми, и ученые заметили это,

лишь когда прозвучал звонок. Они ожидали, что собаки, услышав этот звонок и видя незапертые двери, повыскакивают наружу. Но этого не произошло. Собаки заскулили и покорно легли на пол клеток в ожидании удара током. Ситуация изменилась, путь к спасению от удара током был свободен, собаки видели это, но ни одна даже не попыталась выпрыгнуть наружу.

Они «выучились» тому, что пытаться избежать удара бесполезно и просто «не видели» открытых дверей клеток, вернее не видели в них пути к спасению, в то время как другие собаки, не имевшие такого «опыта беспомощности», прекрасно соображали, что через дверь можно убежать.

Снова и снова повторяли ученые эксперимент в разных вариациях, и результат был неизменен. Выяснилось, что феномену «выученной беспомощности» подвержены все живые существа, независимо от интеллекта. В равной мере ему подвержены и люди, и собаки, и даже блохи.

Если посадить блох в банку и оставить ее открытой, то они все выпрыгнут быстрее, чем за минуту. Но если банку закрыть крышкой и оставить на несколько дней, блохи «выучатся», что сверху крышка, и что если прыгнуть вверх, ударишься об нее. И они перестанут прыгать вверх. И не будут прыгать даже если крышку убрать. Оно будут видеть, что крышки больше нет, но она будет

продолжать существовать для них ментально, и они не будут даже пытаться.

— Кажется, я понял, — сказал Стар, — ты намекаешь, что вокруг есть разные выходы из нашей беспомощной ситуации, но мы их просто не видим? У нас эта самая выученная беспомощность?

Анна засмеялась.

— Нет, Стар! У нас с вами уже нет! Те, кто понял, что *этот мир не надо спасать* — они уже вылечились! Ведь мы собрались здесь именно для того, чтобы искать выход. Ничто не помешает нам выйти через открытые ворота, когда мы их увидим! У нас с вами больше нет этой беспомощности, но весь мир поражен ею. Он обречен ходить по кругу и не видеть путей спасения. Любой из нас может выйти, но мы не сможем вывести остальных, пока они больны.

— Ты знаешь, как их исцелить?

— Знаю, — ответила Анна, — исцелить их можно словом. Просто — словом. Но это должно быть не простое, а особое слово. У вымученной беспомощности есть одна подлая черта, человеку бесполезно показывать на распахнутую дверь и кричать «выходи здесь». Открытую дверь он и так видит, без вашей помощи. И если вы объясните ему, что дверь открыта, ничего не изменится.

Болезнь заключается в том, что у него на уровне логики будет заблокирована возможность связать эту дверь со спасением. Я знаю, как подобрать слова, которые сняли бы эту блокировку, но для этого мы сначала должны найти саму эту дверь.

— Вначале было слово! — Вдруг сказал Глинская.

— Что?

— В одной очень древней книге, наверное, самой древней из написанных людьми, написано, что весь этот мир начался с одного-единственного слова. «Вначале было слово!» — этими словами начинается книга.

— Значит, наша с вами задача, — сказал Корчак, — это отыскать нужную дверь, а задача Анны, подобрать нужные слова, которые открыли бы эту дверь для всех. Выглядит несложно, но боюсь, что на нашем пути окажется слишком много лишних, ненужных дверей, и нам придется заглянуть за каждую, чтобы убедиться в этом.

— За некоторые лучше не заглядывать, — вдруг сказала Шарлотта, — мне довелось однажды заглянуть за одну из этих дверей, и я бы очень хотела, чтобы вы никогда не узнали о том, что там происходит.

— Боюсь, Шарлотта, что нам в наших поисках придется узнать много такого, о чем лучше не знать. Но иного пути

к выходу, кроме как распахивать все эти двери поочередно у нас нет.

— С чего вы предлагаете начать? — спросил Тагор.

— Я предлагаю начать с того, чтобы выпить все то шампанское, что стоит в углу! Не забывайте, все думают, что мы тут играем, а значит бутылки должны остаться пустыми!

Глава 20. Архипелаг ГУЛАГ

Дежурный на вахте виновато улыбнулся и развел руками:

— Не получится коптер вызвать, метель. Ветер, в трех метрах ничего не видно. Погода совершенно нелетная.

Корчак вдруг понял, что он так глубоко ушел в работу, что даже не задумывался, какая за стеной погода.

Комфортная атмосфера центра расслабляла, здесь было все необходимое для жизни и работы, всё под рукой. В большой библиотеке были оборудованы рабочие места, был доступ к компьютерной сети, и не было никакой необходимости куда-либо уезжать, даже выходить наружу. Можно было заказать кофе и сэндвичи прямо в библиотеку, и их принесли бы. Дабл Ви приказал выделить Корчаку отдельный персональный кабинет в здании центрального управления, но Корчак заглянул туда только один раз, на несколько минут, когда переоделся и оставил там свой лейтенантский мундир.

Лишь сейчас он сообразил, что он вообще не высовывал нос за пределы центра последние две недели.

— Что же делать? — растеряно спросил он у вахтера, — мне надо срочно в центральное управление, меня ждет Дабл Ви.

— На вездеходе доберетесь, — пожал плечами вахтер, — ваши коллеги уже вызвали его, ждут, они тоже в главное управление спешат.

— Ян, идите сюда, — услышал он голос Шарлотты.

Корчак обернулся, за столиком у выхода на креслах с комфортом расположились Шарлотта и Елена Глинская. Они пили кофе, на столе стояла тарелочка с печеньями.

— Распорядиться, чтобы вам принесли кофе? — спросил вахтер, — вездеход будет не скоро, снегу намело, расчищать не успевают.

— Да, спасибо, было бы неплохо, попросите принести капучино. И попрошу вас предупредить Дабл Ви, что я сильно опоздаю. Возможно, он захочет перенести встречу.

— Он в курсе, — ответил дежурный, — он уже передал для вас сообщение, чтобы вы обязательно приехали сегодня, с любым опозданием. Они будут вас ждать столько, сколько нужно. И там, кроме Дабл Ви, будут другие важные персоны.

Корчак подсел к девушкам.

— Какой-то у вас слегка ошарашенный вид, — улыбнулась Шарлотта, — что случилось?

— До меня сейчас дошло, как быстро среда меняет человека. В лагере — мысли о погоде, о температуре на улице преследуют тебя постоянно, спишь ты или бодрствуешь. Но стоило мне оказаться здесь, я забыл совсем о погоде. Здесь в этом нет никакой необходимости, и я вообще забыл, что погода существует.

— А в лагере какая необходимость следить за погодой?

— О, в лагере от этого порой зависит жизнь, — воскликнула Глинская. — Температура зимой иногда падает до минус тридцати и даже ниже. — Зимняя одежда у лагерников — так себе, от такого мороза не спасает, далеко не все помещения хорошо отапливаются, а многие даже плохо изолированы от улицы. Если температура на улице минус сорок, а ты не успел на последний транспорт в барак — считай — покойник, пешком не дойдешь. И согреться негде. На улице — минус сорок, в помещении — может быть чуть-чуть выше нуля, только чтобы вода не замерзала, экономят на отоплении.

— А если и не экономят, — добавил Корчак, то все равно.

— В самом помещении может быть и 20 градусов тепла, а внизу — у пола — все равно — минус десять. Все в пимах ходят. Можешь лечь в тепле, а проснуться из-за

того, что на тебя намело снегу через неплотно подогнанное окно или через щель в стене. А летом можешь проснуться из-за того, что ты лежишь в луже дождевой воды. Поэтому в Лагере все планируют свои дела и вообще всю жизнь, исходя из прогнозов погоды.

— Какой ужас, — ахнула Шарлотта, — я не знала об этом! Вот постоянно попадаю в конфузы с этой лагерной информацией. Изучаешь-изучаешь ситуацию, и кажется уже знаешь всё. А потом — Бац! Появляется Ян Корчак и выясняется, что ты на самом деле ничего не знаешь.

— Изучаешь информацию о лагере? — удивилась Глинская. — Зачем это тебе?

— Вы же не спрашивали меня откуда я беру информацию, которой снабжаю вас, — улыбнулась Шарлотта, — вот и об этом не спрашивайте.

О да, Шарлотта умудрялась снабжать их команду такой важной и неожиданной информацией, что без нее, пожалуй, все дело встало бы.

Впрочем, это можно было бы сказать о каждом из них.

С того момента, как они собрались в комнате Корчака и составили свой *заговор*, прошло всего три недели. Но как все поменялось с того момента! И как далеко они продвинулись в своих поисках! Все вместе, полной командой, они с того момента больше не собирались,

но постоянно пересекались в библиотеке, столовой, заглядывали друг к другу на огонек, и, хотя никто никак специально не координировал их усилия, совместная работа наладилась как-то сама собой.

Корчак не уставал поражаться, насколько коллективная работа оказалась эффективнее одиночных поисков. Специальность каждого удачно дополняла квалификацию остальных и на выходе получилось намного большее, чем просто арифметическая сумма их возможностей.

Тагор, поняв суть расчетов Корчака, подготовил за несколько дней компьютерную программу, которая резко упростила ввод и обработку данных. Он называл это «графическим интерфейсом». Теперь не надо было вводить в компьютер бесчисленные столбики чисел и описывать матрицы и массивы. Достаточно было просто ткнуть на экране в нужную точку графика, и все нужные данные вводились автоматически. Вместо огромных таблиц со сведениями по земной экономике, теперь была просто карта земли, где нужные данные уже были привязаны к географическим точкам.

Просто обвел нужный регион на карте — и все — данные пошли обрабатываться. Точно также прямо на карту выводился готовый результат. Не бесчисленные таблицы

значений, которые надо было бы еще обрабатывать, а прямо сразу — графики, диаграммы, готовые выводы.

— Это потрясающе! Вы супергений, Тагор, — восторженно прокричал Корчак, вбежав в библиотеку, забыв даже о конспирации.

— Увы, Ян, — грустно ответил Тагор, — этот супергений, настоящий автор программы носил другое имя и жил много столетий назад. Я даже не знаю, кем он был. Я просто взял древнюю математическую программу, которой люди пользовались еще до великой гибридной войны и портировал ее для нынешней техники. Это тоже было, конечно, очень непросто. Наши нынешние компьютеры сильно уступают тогдашним во всех отношениях. Сейчас, когда вы запускаете ваши расчеты, я сделал так, что к ним через мировую сеть подключаются все самые мощные административные компьютеры Земли и совместно работают над вашими задачами, втайне от своих администраторов. А в те давние времена, эта программа могла работала на одном маленьком карманном компьютере, который был у каждого ребенка. Такая вот у них была техника.

— Не только техника, Тагор, — грустно вздохнул Ян.

Работая с программой, Тагора он вдруг до конца осознал, как деградировала земная цивилизация со времен

гибридной войны. Почти 90% поверхности земного шара на карте было закрашено равномерным серым цветом. Это была Терра Инкогнита, незаселенные территории, покинутые представителями Homo Sapiens много столетий назад. И лишь кое-где, изредка, на этой серости проступали цветными вкраплениями островки цивилизации: Лагеря и Столичные Поселения. Эти вкрапления напомнили Корчаку острова в Океане.

— Небезмятежные острова, — со злой иронией сказал он, впервые запустив программу и увидев эту картину.

— Архипелаг ГУЛАГ, — ответила Глинская, которая присутствовала при запуске.

— Что?

— Так назывались самые первые лагеря, — возникшие еще до гибридной войны. Только тогда в лагерях содержали не обычных людей, а преступников. Они были разбросаны в виде таких же островков среди нормальной жизни. Их звали «Архипелаг ГУЛАГ». ГУЛАГ, это аббревиатура: Главное Управление Лагерей.

Глинская была в их команде «справочником готовых решений».

— Запомните, Ян, — сказала она ему, — прежде чем решать какую-то задачу или искать ответ на какой-то вопрос, вспомните о такой науке, как история. Вполне

возможно, что подобная задача уже была решена в прошлом, и человечество когда-то ранее уже находило ответ на вопрос, который вы ищете. Спросите у меня, Ян, прежде чем решать ваши задачи.

Удивительное дело, она оказалась права. Сколько раз за последние недели он задавал ей вопрос, а она, наморщив лоб, отвечала с забавной серьезностью: «В 1944 году, правительство США (была такая страна) пригласило для консультации математика Абрахама Вальда...», и дальше описывала изящное готовое решение, предложенное этим Вальдом, решение, на поиски которого у Корчака ушли бы недели.

А готовые решения современности хранились у Стара. Точно так же, как Глинская свободно ориентировалась в реалиях прошлого, Стар знал, что и где искать в настоящем. Ян понял, как много он упускал раньше и как много факторов не учитывал, из-за того, что не понимал, как устроена структура управления Земли. Теперь, когда Стар часами сидел рядом с ним, передавая ему это понимание, Ян тоже начинал испытывать то самое ощущение «всемогущества», о котором Стар упоминал раньше. Он вдруг понял, что если когда-нибудь у них вдруг возникнет необходимость сыграть с правительством Земли в хитрую шахматную партию, они смогут это сделать. Анна сформулирует нужный

документ, а Тагор закодирует его должным образом и положит в то место компьютерной системы управления, которое укажет Стар. И винтики государственной машины закрутятся слегка по-другому. Или совсем по-другому. Закрутятся так, как будет нужно их команде.

Его математика, помноженная на психостатистику Анны, стала бесценным инструментом. И дело даже было не только в том, что теперь, когда у них было понимание особенностей человеческого мышления, расчеты давали совершенно иные, неожиданные результаты. Но и в том, что психостатистика позволяла из одного и того же полученного результата делать совершенно разные, порой противоположные выводы.

— Зачем это нужно? — удивился он, когда Анна показала ему, как это делается.

— Не забывай, — ответила она, что мы все же работаем на Дабл Ви, и на правительство Земли. А значит мы должны давать им результаты своих исследований. Причем давать без обмана, настоящие, достоверные результаты. Вот и будем им давать эти результаты с теми выводами, что они от нас ждут, а для себя оставим другие выводы, которые отражают ситуацию так, как нужно нам.

И все же при всей гениальности и слаженности команды, без Шарлотты работа застопорилась бы. Периодически возникали ситуации, когда команда упиралась в тупик. Просто негде было добыть нужные для расчетов данные. Просто потому, что никто не считал эти данные существенными для того, чтобы собрать и обработать их. Их не было ни в одной базе данных.

И тогда Шарлота исчезала из центра, иногда на ночь, иногда на сутки, и возвращалась усталой, изможденной, но всегда с нужными сведениями. Никто не спрашивал, где она была, как, каким образом и откуда добыла информацию. Но данные, принесенные ею, всегда оказывались достоверными и давали возможность продолжить работу.

Подошедший вахтер отвлек Корчака от размышлений:

— Вот ваш кофе, но, боюсь, вы не успеете его выпить. Вездеход уже прибыл, быстрее, чем мы ждали... Но тут такое дело, — дежурный замялся, — он не может ко входу подъехать, все снегом завалено. Мы, извините, двор вообще не чистили, все же с крыши коптерами летают. А тут такое дело. Конечно, это наша вина, хозуправления. Ответственные за это дело будут наказаны, но, если начинать расчищать, то часа два займет. Боюсь, вам сейчас придется пешком пройти прямо по снегу, метров пятьдесят.

— Ничего, — пятьдесят метров, — пустяк, — воскликнула Шарлотта.

Ян с Глинской рассмеялись.

— Пятьдесят метров по снежной целине, подруга, — заметила Глинская, — это порой как три километра по ровной местности.

Они вышли наружу. Это была не просто целина, снегу было буквально по пояс.

— Возьмите этого вашего «ответственного», — Корчак повернулся вахтеру, — а еще лучше двух, и пусть впереди идут, протаптывают дорогу, если вам расчищать некогда.

— Так ведь нет никого, — вахтер чуть не плакал, — я тут один, мне покидать пост нельзя, а всех остальных на авральные работы вызвали.

Ян повернулся к Шарлоте:

— Вы здесь не пройдете, Шарлотта, у вас опыта нет, и вы, с вашим ростом утонете. Вам непременно надо в управление именно сегодня? Может погоды дождетесь?

— Мне надо сегодня там быть, обязательно, — ответила та.

— И мне тоже, Ян, — сказала Глинская, — я, собственно, с вами еду, по тому же делу. Дабл Ви попросил меня присутствовать при вашем докладе. Зачем — не знаю, но он подчеркнул, что я должна быть.

— Ну тогда давайте так, я пойду вперед, дорогу прокладывать, а вы идите следом за мной, так вам легче будет.

Но уже через двадцать метров Шарлотта обессилела и он подхватил ее на руки:

— Цепляйтесь за шею, я вас донесу.

Водитель, увидев эту странную процессию, выскочил из Кабины и стал пробиваться им навстречу. Совместными усилиями они с Яном донесли Шарлотту до вездехода. Елена добралась сама. Внутри кабины было очень просторно и тепло. Когда-то это был старательский десятиместный вездеход, но сейчас он был переоборудован для перевозки начальственных пассажиров, и внутри было довольно комфортно: стояли дополнительные обогреватели, удобные кожаные диваны и был даже бар с какими-то напитками.

Шарлотта молча сняла сапоги, вытряхнула из них комья снега прямо на пол и протянула ноги к обогревателю.

— Там, в баре, есть коньяк, — сказал водитель.

Шарлотта непонимающе посмотрела на него, она все еще никак не могла прийти в себя.

— Нет, ну это невероятно, — ахал Водитель. — Если бы мне еще час назад сказали, что столичное начальство своими изнеженными ножками, вот так напролом полезет в снег и пойдет по целине, я бы не поверил. Если бы я своими глазами не видел такое...

— В другое время я бы сказала вам: «Не фамильярничайте», — прервала его Елена, — но сейчас скажу другое: «Спасибо, что вылезли и помогли».

Водитель был мужчина в годах, лет пятидесяти с пышными усами и волосами пшеничного цвета, он даже не надел шапку, когда выскочил на помощь. Он не был лагерным работником, на нем был надет мундир стражника с погонями сержанта, и, следовательно, он принадлежал к лагерной администрации.

— Вы возите начальство? — спросил его Ян.

— Я никого не вожу, я вообще не водитель, — с некоторой обидой ответил тот, — я вообще-то начальник гаража батальона стражи. А за вами я сам приехал, потому что у меня приказ, — к столичным чиновникам лагерных водителей не подпускать. А не лагерных водителей у меня в распоряжении нет.

Ян немного напрягся. Погода была такой, и снега намело столько, что он предпочел бы сейчас за рулем опытного лагерного водителя, нежели начальника гаража. Но тот вел машину так уверенно и умело, что Корчак понял, что до того, как стать начальником тот не один год провел за баранкой. Видимо, в лагерную администрацию он попал уже в зрелом возрасте, а до того долгое время гонял автомобили в лагере.

— Вы давно из Лагеря? — спросил он в расчете услышать подтверждение этой своей догадки.

Но тот понял этот вопрос по-своему:

— Часа два, как выехал оттуда, — ответил он и тут же начал излагать последние лагерные новости, хотя никто его об этом не просил.

Он поведал, что все только и говорят о негодях из пятого управления, похитивших лагерных работниц для своих сексуальных утех. Ходят слухи, что сам юрист-ревизор настоял, чтобы наказание было публичным.

— Расстреливать надо за такие дела! — с твердой убежденностью вещал водитель. — Я сам, хоть и небольшой, но начальник. А уж коли ты начальство, то от женщин у тебя и так отбоя нет. Зачем похищать-то! Ну да, бывает, что служебным положением пользуются, не без этого, но зачем же силком-то! Коли ты начальник, и тебе

эта женщина нужна, ну так подфартит ей, на работу легкую отправь, посели отдельно, а не в бараке, попроси врача, чтобы ей расширенное питание назначили. У тебя же есть много способов вызвать ее ответную благодарность, так что она сама к тебе прибежит. И уж коли воспользовался женщиной, будь любезен отблагодарить ее. Чтобы все по честности и справедливости!

Ян вдруг увидел удивленно распахнутые глаза Шарлотты. Она уже пришла в себя, но рассуждения водителя, похоже повергли ее в новый шок.

— Я вот, что скажу, -- продолжал водитель. -- Хотя администрацию в лагере часто не одобряют, но вот тут все согласны, и администрация, и лагерники, что все сделано правильно. И что арестовали этих гадов безо всяких рассусоливаний, невзирая на чины, и что работницам по году легкого труда назначили в утешение. Все одобряют.

— А вот еще ходят слухи, — вдруг сказал он, бросив искоса взгляд на Шарлотту, — что какой-то *особый* человек в лагерь приехал. Который и навел там порядок в пятом управлении. Начальник-не начальник, но все начальство его боится. Как глянет, так всё насквозь видит, все нарушения и злоупотребления, и тут же порядок наведет. В лагере говорят, что скоро жить легче

станет, что этот человек плохое начальство поснимает, а оставит только хорошее.

— Я тоже начальник, — продолжил он после минутной паузы, — хоть и небольшой. Но я у себя в гараже идеальный порядок навел, упрекнуть меня, вроде, не в чем. К людям по-человечески отношусь, с женщинами только по взаимной симпатии...

— Да вы, никак, думаете, что один из нас тот самый *особый* человек, — засмеялась Глинская.

— Не знаю, — пожал плечами тот, — но необычно все это. Дыма без огня не бывает. Лагерные слухи на пустом месте не возникают. Если народ говорит, значит что-то такое есть. Значит и вправду был какой-то человек, нездешний, который навел порядок в этом пятом управлении, и которого сам комендант, говорят, боится. А может это и не один человек, а несколько, — он искоса посмотрел на Глинскую.

Они подъехали к управлению. Водитель ловко развернул вездеход. Когда Корчак проходил мимо него к выходу, водитель тихо пробормотал в пространство, вроде как ни к кому не обращаясь:

«Будто я столичных чиновников не видел, обычный столичный чиновник не понесет на себе женщину через сугробы...»

Глава 21. Города эпохи Возрождения

Двор главного управления ничуть не походил на запущенный двор центра Ч. Тут совсем не было сугробов, — два десятка лагерников с лопатами шустро сновали туда-сюда, даже не оставляя шанса густо падающему снегу, вездеходы подъезжали вереницей, выбрасывая из своих утроб пассажиров и всасывая тех, кто выходил из дверей. Вездеход, на котором они приехали, взвыл мотором и через несколько секунд скрылся в клубах снега.

— Не торопитесь, Ян, — сказала Шарлотта, когда они разделись в гардеробе, — Дабл Ви ждал вас несколько часов, подождет еще пять минут. Я вот о чём хотела спросить вас: вы поняли, что сейчас произошло?

— Смотря что вы имеете в виду, если эту историю с нашим прорывом через снежную целину...

— Да нет же, я про нашего водителя. Неужели вы не поняли, Ян? Тот «особый человек», которого он упомянул. Он ведь говорил о вас.

— Да, он что-то такое намекнул, когда я выходил. Но не стоит это воспринимать всерьез. Мы с вами и вправду не выглядим, как столичные чиновники. Поэтому ничего удивительного, что на фоне этих лагерных слухов, он воспринял нас...

— Да я же не об этом, — перебила его Шарлотта, — откуда вообще появились эти лагерные слухи об «особом человеке»? Помните, что сказал водитель? *«Значит и вправду был какой-то человек, нездешний, который навел порядок в этом пятом управлении, и которого сам комендант, говорят, боится»*. Это же про вас, Ян. Именно ваше появление вызвало разоблачение шайки в пятом управлении, и вы сами знаете, Дабл Ви не знает, чего от вас ожидать и потому побаивается вас.

Корчак недоуменно посмотрел на нее.

— Ну хорошо, — вздохнула Шарлотта, — я попробую объяснить. Человеку, Ян, свойственно обращать внимание на важные ключевые моменты и игнорировать то, что не кажется ему важным. «Важное» он будет помнить долго, а «второстепенное» через несколько минут забудет, как будто его не было. Вот если я сейчас спрошу вас, кто присутствовал в пятом управлении во время всех этих событий, вы мне ответите, что там был Дабл Ви, был Такэда, был Капитан Кидс. И всё, если не считать самих обвиняемых.

— Да, именно так и было, — подтвердил Корчак.

«А вот не было так! — воскликнула Шарлотта, — там же была куча народу, Ян! Там был конвой, там были технические специалисты, были связисты, были курьеры,

обслуга, что приносила вам кофе, уборщики в конце концов. Но для вас они были «второстепенными деталями», и вы забыли про них через несколько минут, будто их и вовсе не было. А вот вы сами были для них наоборот, не второстепенной, а первостепенной деталью. Они все запомнили.

Вот задумайтесь и представьте, как все это увидели они.

Сначала внезапная, ничем не вызванная проверка, которой никто не ожидал, и сразу же всемогущее руководство управления, оказывается низвергнутым. Потом все долго, много часов ждут какого-то человека. И вот этот никому не известный человек появляется, и в мгновение ока начальство во всем признается и тут же отправляется в тюрьму. А этот никому не известный человек выставляет за дверь самого Такэду Сокаку, и запершись наедине с Дабл Ви, о чем-то говорит с ним несколько часов.

Вот что они увидели, Ян.

Вот откуда поползли по лагерю слухи об «особом человеке», который пришел навести порядок и восстановить справедливость. Этот особый человек — именно вы, и водитель, очевидно обладающий вашим знаменитым «лагерным чутьем», ощутил это».

— Ты еще скажи, что он ощутил и наш заговор, — засмеялась Глинская, которая до сих пор молча слушала их беседу. — Помнишь, он еще сказал: «...А может это и не один человек, а несколько...»

— А почему нет? — всерьез ответила Шарлотта, — Кажется, мы недооценили лагерников. Мы воспринимали их как инертную, подавленную, махнувшую на всё рукой массу, пораженную «выученной беспомощностью» ... Наверное, каждый из них по отдельности и вправду такой... Но ведь есть еще и коллективный разум. Как в муравейнике: каждый отдельный муравей — безмозглое насекомое, а муравейник в целом ведет себя как разумное существо. Вот так и лагерь в целом, как и муравейник, обладает собственным разумом. Этот коллективный мозг «вычислил» роль Корчака в событиях, почему бы ему не просчитать и существования нашей команды.

— Это интересно, но вряд ли это имеет какое-то практическое значение, — возразил Корчак, — этот «коллективный разум», если и проявляет себя, то пока на уровне очень смутных догадок.

— Я бы сказала — на уровне сказок, — улыбнулась Шарлотта, — ведь что такое история об «особом человеке»? Это, по сути, сказка, вера в доброго волшебника, который однажды явится, взмахнет своей

волшебной палочкой, и зло будет повержено, а добро восторжествует.

— Это сказка может как-то помочь нам?

— Да! Они надеются на чудо, они верят в него. Если показать им хоть кусочек этого чуда, то их слепая вера превратится в реальную надежду. И тогда они пойдут навстречу этой надежде. И мы сможем повести их за собой. Я думаю, что Анна сможет это сделать.

Поговорите с ней, как вернетесь, я, к сожалению, сегодня в центр уже не попаду.

Ян с Глинской поднялись на лифте к кабинету Дабл Ви.

— Шеф отлучился, ненадолго, — сказал секретарь, — но вы все равно заходите, вас там ждут.

В кабинете был Такэда Сокаку.

— Здравствуйте, Корчак, здравствуйте, Елена, — сказал он. — Дабл Ви сказал мне, что вы, Ян, вчера связались с ним и сообщили, что нашли решение проблемы. Это действительно так?

— Не вполне, — ответил Корчак, — это не решение проблемы, это всего лишь полное решение моего уравнения. Я его решил для всех возможных условий.

— Я не математик, — заметил Такэда, — но специалисты, с которыми я общался, уверяли меня, что полное

решение вашего уравнения займет не меньше шести месяцев, из-за огромного объема данных.

— Я нашел способ оптимизировать работу.

Тут в кабинет почти вбежал Дабл Ви.

— Ну наконец-то вы добрались! Что вам нужно для демонстрации? Доска? Проектор?

— Большой экран и подключенный к нему компьютер. Вот тут на карте памяти программа и данные, попросите ваших специалистов установить их.

Дабл Ви поморщился:

— Надо было вам предупредить меня, что потребуется установка программы. Я бы еще и Рабиндраната Тагора вызвал бы. Здешние специалисты, говоря откровенно — аховые.

— Именно Тагор подготовил эту карту памяти, по моей просьбе. Он сказал, что это сможет установить даже стажер. Там есть инструкция.

Дабл Ви вызвал компьютерщика и повернулся к Елене.

— У меня к вам просьба. Сейчас Корчак будет говорить об очень важных вещах, слушайте внимательно и попытайтесь оценить то, о чем он скажет, с исторической точки зрения. Говорят, что история движется по спирали,

так что вполне возможно, что ситуация, аналогичная той, что он опишет, уже возникала раньше в прошлом. Если вы найдете такие аналогии, нам будет проще понимать, что происходит, чем это грозит, и как действовать дальше.

— Хорошо, — улыбнулась Глинская.

Корчак запустил программу и вызвал на экран карту Земли.

— Серым цветом обозначены необитаемые территории, — начал пояснять он, — желтым, — административные центры, красным — Лагеря, зеленые линии — железные дороги, синие — морские сообщения, пурпурный — воздушные коммуникации через дирижабли. Вот эти мелкие белые точки — Безмятежные острова.

Впрочем, все было очевидно и без объяснений, островков жизни в сером пространстве было так мало, что запутаться было невозможно. Узенькая цепочка из редких цветных пятен, опоясывающая только северное полушарие.

Административный центр Гонконг, слева от него Лагерь Шанхай, где было сосредоточено производство всей электроники и автоматики. Еще левее — Куала-Лумпур — земная житница, сельскохозяйственный лагерь и одновременно — южная экономическая Столица Земли.

А на Север от Лумпура — их Лагерь — Бодайбо: добыча полезных ископаемых, стройматериалы, механические и литейные цеха. И далеко на Северо-Запад от Бодайбо — Владимир, центр Земной администрации и Главная Столица Земли. На юг от Владимира — Лагерь Медина, совсем махонький, он ничем, кроме добычи нефти не занимался. Почти рядом с ним — административный центр Александрия, и далее — единственный в Западном полушарии Лагерь Сиэтл — самое крупное поселение на Земле, ее научный и технологический центр.

И всё!

Всего восемь цветных островков в море серости.

Хотя нет, были еще Безмятежные Острова, но они были слишком малы, чтобы как-то изменить общую картину. Они все сосредоточились в заливе, который раньше звался «Средиземное море», и только несколько белых точек примостились слева у пролива, в океане.

Ощущение безнадежности возникло не только у него.

— На вашу визуализацию, Корчак, надо поставить гриф «Секретно», — пробормотал Такэда, — этот серый цвет внушает пессимизм, зачем вы все им залили? И без него понятно, что там ничего нет.

— Погодите, это еще не пессимизм, — ответил Ян. — Настоящий пессимизм начнется сейчас.

Он застучал пальцами по клавишам, и около цветных островков стали появляться цифры — экономические данные. Снизу выросли графики.

— Вот эта белая линия показывает, сколько продукции должно производиться, чтобы экономика Земли была стабильна. А вот эти цветные графики — сколько реально производится.

Ни один из цветных графиков не дотягивал до необходимого уровня. Все они лежали под белой линией были наклонены в сторону падения.

— Мы знаем об этом, — сказал Дабл Ви, — то, что земная экономика неэффективна. Именно это и показала нам ваша формула.

— А теперь смотрите, — сказал Корчак, — он снова застучал по клавишам, и на экране появилась пунктирная линия, она сместилась к Сиэтлу и обхватила его кольцом. Цветные графики внизу вздрогнули, подскочили и оказались высоко над белой линией.

— Что это значит, — спросил Дабл Ви.

— Если я верно понял, — заметил Такэда, то программа показывает нам, что Лагерь Сиэтл, производит общественного продукта намного больше, чем от него требуется.

— Совершенно верно, — согласился Корчак.

Его пальцы снова забегали по клавишам, и пунктирное кольцо обхватило теперь уже Лагерь Бодайбо. Цветные графики взлетели еще выше, а белая граничная линия ушла далеко вниз и почти слилась с осью абцисс.

— Вы хотите сказать, что Бодайбо тоже производит продукции намного больше, чем от него требуется? — спросил Дабл Ви. — Но это же нелепость! Бодайбо — мой лагерь, я знаю, как тут обстоят дела. Мы едва сводим концы концами.

— Это правда, — ответил Корчак, — лагерь едва сводит концы с концами, все лагеря едва сводят концы с концами, но... смотрите!

Пунктирное кольцо переместилось направо и обхватило Шанхай. И снова цветные графики взлетели над белой линией.

— Если продолжить, — везде будет то же самое, — пояснил Корчак, — экономика Земли — в упадке, общественного продукта не хватает. Но если взять каждую часть земной экономики по отдельности, то она будет весьма эффективна и будет производить общественного продукта больше, чем требуется. Это касается не только ЛагереЙ, но всего, что мы только можем измерить. Вот, смотрите.

Пунктирная линия охватила Уральский Филиал Бодайбо, созвездие звездочек-шахт, отнесенных к Бодайбо по административному подчинению, но реально находящихся от основного лагеря на тысячи километров.

— Это изолированный район, тут нет никакого производства, тут только объемы добычи, поэтому рассчитать все просто, — пояснил Корчак.

Пунктирное колечко стало перескакивать от одной шахты к другой и каждый такой скачок сопровождался взлетом цветных линий.

— В среднем каждая шахта добывает продукта на порядок больше, чем нужно земной экономике, — пояснил Корчак.

— Я не понимаю, как такое может быть, — пробормотал Дабл Ви, и вдруг лицо его просияло, он рассмеялся. — Ну конечно, — воскликнул он, — это элементарная ошибка! Вы опять где-то перепутали пределы интегрирования, Корчак.

— Формула та же самая, — ответил Ян, -- что и была, она уже много раз проверена, и мы ее не меняли.

— Я думаю, противоречия тут нет, — вдруг подал голос Такэда, — Вы у себя в лагере видите реальные цифры, у вас достоверная информация, но именно — на уровне Лагеря. Вы не знаете, как ваши цифры соотносятся с теми

данными, что получает центр. И вы не можете проследить дальнейшую судьбу продукта, что ушел из вашего лагеря. А те, кто сидят в центре, тоже видят реальные данные о продукте, что к ним поступил, но при этом у них нет возможности заглянуть на конвейер вашего цеха и посмотреть, что там происходит. Так устроена земная система административного управления. Каждый видит на своем участке абсолютно достоверную, контролируруемую картину. Но не видит целого.

— Вы просили меня найти признаки коррупционного коллапса, — сказал Корчак, — вот они, перед вами.

— То, что вы нам показываете, это не коррупционный коллапс, — возразил Дабл Ви, — если верить вашим расчетам, то кто-то не просто изымает из оборота и присваивает себе общественный продукт. Ваши расчеты говорят о том, что мировая промышленность работает прежде всего для этого таинственного «кого-то», и в распоряжение мирового правительства попадают лишь жалкие остатки. Вы уверены, что в ваших расчетах нет ошибок?

Корчак пожал плечами:

— Вы можете сами все проверить еще раз. Но, повторяю, формула та же самая. При ошибке в исходных данных

результат все равно будет верным, неточным, но верным. Это вы сами знаете. Кроме того, в компьютерную программу встроена функция контроля результата.

— Анна проверяла ваши расчеты?

— Она принимала в них непосредственное участие.

— Потрясающе, — воскликнул Дабл Ви, — Я догадывался, что вы обнаружите утечки общественного продукта, но я представлял себе коррупционный коллапс иначе. Что это когда кто-то перехватывает крошки со стола мирового правительства. А согласно вашей картине, наоборот, это мировое правительство подбирает крошки с чьего-то стола. Выходит, что нам и делать-то ничего особо не надо. Достаточно обнаружить места утечек, вернуть похищенное в общественный оборот, и мировая экономика воспрянет и расцветет. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Не думаю, — снова подал голос Такэда. — Я полагаю, что тот продукт, что утекает из земной экономики, не может быть возвращен в общественный оборот, он не предназначен для этого.

Дабл Ви внимательно посмотрел на него.

— Вы о чем-то знаете, Такэда?

— Пока только догадываюсь. У меня была кое-какая информация, но она казалась невнятной и бессмысленной. То, о чем рассказал Корчак, придало этой информации новый смысл. Но я пока не готов ею делиться. Я сегодня встречаюсь с одним очень важным для меня человеком, мы вместе с ней обсудим мои догадки, а потом я обсужу их с вами, Дабл Ви. А после этого мы снова позовем Корчака и Елену и вернемся к этому разговору.

Дабл Ви всплеснул руками

— Нет, это невозможно! Я, оказывается, тут самый неинформированный человек. Все о чем-то знают или подозревают, и только я — ни слуху, ни духу.

Он посмотрел на Елену.

— А у вас есть какие-нибудь мысли по этому поводу?

— Если вы об исторических аналогиях, то нет никаких мыслей. Вот такая ситуация, когда человечество ютилось бы маленькими островками на практически необитаемой земле, она была только вначале времен. Когда цивилизация только зарождалась. О тех временах мы знаем слишком мало, чтобы проводить какие-то аналогии.

— А в позднейшее время? — поинтересовался Дабл Ви,
— пусть не до такой степени, но ведь у человечества уже

бывали очень трудные времена. Может там отыщется хоть что-то похожее?

— Пожалуй, — задумалась Елена, — в 1453 году по старому летосчислению под ударами дикой орды пала древняя Римская Империя, которая просуществовала две тысячи лет. В последние годы она находилась в страшном упадке и потеряла почти все свои территории. Но вокруг нее все было еще хуже. Вокруг царило так называемое «Средневековье», мрачная непросвещенная эпоха с самыми дикими и нецивилизованными нравами. Древняя Римская Империя была махоньким островком остатков цивилизации среди этой дикости, она всеми силами старалась отгородиться от нее. Но в конце концов она пала.

И тогда жители бывшей Римской империи рассеялись по окружающим их диким странам. Среди них были ученые, художники, врачи, ремесленники, обладавшие передовыми технологиями. Они оседали в разных местах и предавали свои знания окружающим их дикарям. Где-то их принимали, а откуда-то их гнали. Но спустя всего несколько десятилетий те средневековые города, где дали им приют, испытали невиданный расцвет.

Флоренция, Арль, Генуя стали центрами искусства, науки, и центрами производства, производящими в десятки раз

больше общественного продукта, чем прочие заселенные территории.

Тут можно с натяжкой найти хоть какую-то аналогию с нашей ситуацией. Эти города тоже были центрами, производящими намного больше, чем требовала тогдашняя экономика.

— И чем все кончилось? — спросил Дабл Ви.

— Взрывом, — ответила Глинская, — границы этих обновленных городов не смогли сдерживать напор цивилизации, она выплеснулась на окружающие территории и полностью смела старый уклад жизни. Средневековью пришел конец. Оно исчезло, ушло в небытие. Этот период истории называли Возрождением.

— Я читал об этом, — сказал Такэда, — но не в такой неожиданной трактовке. Однако, что тут общего с нашей ситуацией? Я понял ваш намек на то, что мы сейчас пребываем в новом Средневековье. Это грустно, но это похоже на правду. Но у нас нет никакой Римской империи, откуда к нам могли бы прийти эти посланцы цивилизации. Наша цивилизация единственная на Земле. Я не думаю, что это можно назвать аналогией.

— Хорошо, назовем это не «анalogией», а «предчувствием», — ответила Глинская. — Когда в городе Флоренции начался расцвет искусства и всплеск

производства, это первое время никак не сказывалось на окружающем мире. И этот окружающий мир смотрел на Флоренцию в недоумении и не понимал причин такого всплеска. Он не понимал его сути, причин и возможных последствий. Вот и мы, точно так же, сейчас смотрим на всплеск эффективности на наших шахтах и точно так же не понимаем, что происходит. И у меня предчувствие, что оттуда вскоре выплеснется нечто, что уничтожит наш мир.

— У меня такое же ощущение, — вдруг сказал Дабл Ви, — вы, Елена, изъясняетесь слишком запутано, я мало что понял из ваших пророчеств, но у меня есть именно такое ощущение: что-то выплеснется и уничтожит нас. И нам необходимо найти это «что-то», пока оно не выплеснулось, опередить его. Ян, вы можете найти эти точки утечки, через которые уходят излишки общественного продукта?

— Это даже я могу, — сказал Такэда, — вот видите зеленую транспортную линию, соединяющую Бодайбо и Куала-Лумпур. Надо замерить что там поступает на вход и что выходит на выходе. И если цифры не совпадут, значит утечка происходит при транспортировке, ее будет очень просто отследить. А если цифры совпадут, значит утечка непосредственно в Лагере. Тогда надо протянуть

такие зеленые ниточки внутри Лагеря, и мы легко их поймает, во всяком случае здесь, в Бодайбо.

— Я это уже проделал, — ответил Корчак, — ни в Лагере, ни при транспортировке утечек нет.

Все недоуменно посмотрели на него.

— Найдите их, Корчак, — сказал Дабл Ви, — делайте, что хотите, но найдите эти точки утечки. Я вам даю неограниченные полномочия. Все сотрудники Центра с этой минуты в вашем безраздельном распоряжении, любой из них обязан будет отложить текущие дела и работать на вас по первому вашему требованию. Берите любые ресурсы из Лагеря, все что вам потребуются. Но найдите эти точки!

Когда Корчак с Глинской вышли из кабинета Дабл Ви, он остановил ее.

— Эта идея провести аналогию со Средневековьем и Возрождением, — сказал он. — была очень неожиданной. Я даже в какой-то момент пожалел, что рядом с нами нет никакой Римской Империи.

— А вы никогда не задавали себе вопрос о том, что там может скрываться под этим серым цветом на вашей карте? — тихо спросила Глинская.

Глава 22. В зоне особого внимания

Утром, когда Корчак уже был готов спуститься к завтраку, раздался стук в дверь.

— Войдите!

Это был Рабиндранат Тагор.

— Здравствуйте, гражданин начальник, — льстиво сказал он, склоняясь в характерном лагерном поклоне. — Какие будут распоряжения?

— Вы чего это, Тагор?

Вместо ответа тот протянул Корчаку свернутый лист пневмопочты.

— Это сегодня ночью получил каждый житель нашего центра. Всем приказано выполнять любые ваши распоряжения и задания незамедлительно и без возражений, даже если они противоречат основной работе и приказам непосредственного начальства.

— Ну так это прекрасно, Тагор, — обрадовался Ян, — значит теперь мы можем совещаться и работать открыто, никому ничего не объясняя, чем именно мы занимаемся.

— Не будьте наивным, Ян, — поморщился Тагор. — Если мы по-прежнему будем все время собираться только вшестером, то вопросы все равно возникнут. А вот

внимание к вашей персоне привлечено совершенно лишнее. Что вообще случилось, что означает это послание?

Распахнулась дверь. В комнату быстро вошла Анна.

— Ты уже в курсе! — констатировала она, увидев письмо в руке у Тагора. — Не получили это послание только два человека, я и Шарлотта. Всем остальным оно пришло.

— Не понимаю, почему это так вас всех взволновало, — пожал плечами Корчак. — Мне кажется, что это играет нам на руку. Во всяком случае я вас могу теперь официально привлекать к работе, безо всякой конспирации, и ни у кого не возникнет вопросов, с какой целью.

— Боже мой, ты как ребенок, — воскликнула Анна, — Ты не понял, что произошло? Вчера Дабл Ви пообещал тебе дополнительные полномочия. Но как думаешь, почему он выбрал такой странный способ сделать это? Почему он поставил весь центр на уши, да так, что сейчас на завтраке нет иных разговоров, кроме как о твоём стремительном взлете в начальники? А для того Ян, чтобы не оставить тебе никакого иного выбора, кроме того, как играть на его стороне. Он демонстративно сделал тебя своим заместителем в нашем центре. А выскочек, Ян, нигде не любят. Тебя теперь будут

сторониться. Делать работу для Дабл Ви тебе еще будут помогать, потому что некуда деваться, но ты можешь забыть о том, чтобы привлекать людей к нашим делам. Боюсь теперь тебя даже на игры приглашать не будут, а вдруг ты еще и соглядатай!

— Это так, — подтвердил Тагор, — именно так это и будет восприниматься. Не скрою, у меня тоже на какое-то мгновение мелькнули такие мысли, когда я прочел это распоряжение. Если бы вы с Еленой накануне не отчитались бы перед нами о результатах своего визита к Дабл Ви, я бы воспринял этот приказ, как свидетельство того, что вы заодно с ним.

Запищал интерком.

— Это вахта, — донеслось из динамика, — спуститесь, пожалуйста, вниз, вас ждет фельдъегерь.

— Я с тобой, Ян, — быстро сказала Анна, — мало ли что там будет.

— Я тоже, если позволите, — сказал Тагор.

Фельдъегерь был не местный, не лагерный. Ян прежде не видывал таких мундиров. Но судя по ошарашенному и почтительному виду вахтера, курьер был какой-то важной птицей.

— У меня для вас пакет из управления большого совета ревизоров, — сказал курьер. — На словах мне поручено передать вам, что, если вам непонятно содержимое пакета, вы должны обратиться за разъяснениями к Анне Клевской.

— Это я, Анна Клевская, — сказала Анна, — и мне тоже ничего не понятно.

— Я не в курсе дел, — пожал плечами курьер. — Я всего лишь фельдъегерь и передаю то, что мне поручили.

Он достал небольшую коробочку с экраном и обратился к Яну.

— Подтвердите, что получили послание, приложите сюда ваш указательный палец правой руки.

Ян вскрыл упаковку. Там была красивая блестящая цепочка из желтого металла и узенькая лакированная пластинка из красного дерева с рельефными буквами и цифрами. С одной стороны пластинки было отверстие, а с другой — блестел стандартный информационный контакт. Выглядело всё это очень красиво.

— Что это?

— Это Басма́, — почтительно сказал вахтер, — знак особых полномочий, ее полагается носить на цепочке на шее постоянно, и все должны выполнять ваши

распоряжения, как если бы они исходили от того, кто дал вам эту табличку.

Ян вопросительно посмотрел на Анну.

— Это наверняка от Такэды, — сказала она, — больше некому. Фельдъегерь-то ведь был от ревизорского совета.

— Но что все это значит?

— Не знаю! Видимо Такэда тоже счел что твоя работа крайне важна, и решил со своей стороны посодействовать ей. Но не публично, как Дабл Ви, а втихомолку. Вот и думай, Ян, кто тебе друг, а кто нет.

— Но если табличка выдана Такэдой, то значит и мои распоряжения будут исходить как бы от Такэды?

— Не знаю, Ян, я видела такие таблички, но никогда не интересовалась деталями. Ринго Стар должен знать, он хорошо разбирается во всех этих хитросплетениях.

— Позвольте мне, — сказал вахтер. — Там на Басмэ код нанесен, который полномочия указывает. А если кода не знаешь, то через любой считыватель можно посмотреть.

Он достал датчик информационного терминала:

— Поднесите Басмú к контакту.

Пискнул сигнал, и на датчике загорелся зеленый огонек.

— Первый уровень, — благоговейно ахнул вахтер. — Выше только сами ревизоры.

— Вот что, — вдруг подал голос Тагор из-за спины Корчака, — спасибо, дружище, что помогли разобраться, но вы пожалуйста забудьте обо всем этом. И о Басмё, и об этом разговоре.

Вахтер вопросительно посмотрел на Корчака.

— Забудьте, — сказал тот, — не было ничего. И спасибо вам за помощь.

— За какую помощь? — удивленно улыбнулся вахтер, — разве тут что-нибудь происходило?

Едва они втроем вошли в столовую, как гул, обычно царящий здесь, сразу стих. Десятки глаз скрестились на них.

— Ой-ё-ёй, — тихо прошептал Тагор, — ну и влипли, теперь и мне кости будут мыть, что я вроде как угодил в любимчики начальства.

Они выбрали себе свободный столик. В глухой тишине Ян накладывал еду на свою тарелку, ощущая спиной пристальные взгляды. У всех троих возникло чувство, будто они сидят на сцене перед огромным зрительным залом.

Наконец Корчак не выдержал, поднял голову и посмотрел на этот зал с вызовом.

— У меня, что, спина испачкана? Или может, я голый? — громко спросил он.

Из-за одного из столиков встала девушка и пересела к ним.

Чем она занимается здесь, в центре, Корчак не знал, ему было известно только ее имя. Звали ее Мария Склодовская.

— У меня к вам просьба, Корчак, — громко, чтобы все слышали, сказала она, — когда вы захотите *воспользоваться мною*, пожалуйста, предупредите меня за несколько дней, чтобы я могла привести свои дела в порядок перед тем, как забросить их ради вас.

— Хорошо, Мария, — так же громко ответил Ян, — но и у меня просьба, — когда вы в свою очередь захотите воспользоваться мною, тоже предупредите меня заранее, чтобы я мог привести свои дела в порядок перед тем, как забросить их ради вас.

— К сожалению, у меня нет способа принудить вас работать на меня. А у вас он есть, — язвительно парировала Склодовская.

— Похоже, вы хотите заставить меня оправдываться за письмо, которое всем разослал Дабл Ви, — сказал Корчак. — Однако лично я к этому письму никакого отношения не имею и оправдываться не намерен. Его разослал Дабл Ви, причем без моего ведома,

— Но ведь вы вчера специально ездили к нему, чтобы потребовать для этих себя этих особых полномочий!

— Погодите-ка! — вдруг резко оборвал ее Тагор. — Кто вам сказал, что Корчак вчера ездил к Дабл Ви?

— Какая разница, кто сказал, главное, что он ездил, и мы все об этом знаем!

— Э-э, нет, Мария, разница есть! О вчерашнем визите Корчака знали всего лишь несколько человек. Об этом знала Елена Глинская, потому что она ездила к Дабл Ви вместе с Корчаком (вы, как я понимаю, об этом не ведали). Об этом визите знал я, об этом знала Анна. Мы об этом знали потому, что Корчак с Еленой отвозили Дабл Ви отчет о нашей совместной работе. Мы были единственными людьми в центре, которые могли вам об этом сказать. Но никто из нас об этом никому не говорил. От кого вы об этом узнали?

— Ну, все об этом говорят...

— Однако эти «все» узнали о визите от кого-то конкретного? И этот «кто-то», очевидно, не один из нас.

А кроме нас об этой поездке знал только Дабл Ви. И, соответственно, эта информация, кто бы вам ее ни передал, могла исходить только от самого Дабл Ви. Вот, сопоставьте этот факт с этой рассылкой, которую мы все получили!

— Ну, это несложно выяснить, — сказала Склодовская, и привстав на стуле стала выискивать кого-то взглядом в зале.

В дальнем углу раздался грохот. Какой-то мужчина вскочил, опрокинув стул, и быстро выбежал из столовой. Ян не успел даже заметить, кто это был.

Тишина мгновенно взорвалась громким рокотом, как будто кто-то врубил динамик.

— Извините, нам надо обсудить это, — сказала Мария и убежала к своему столику.

— А вы, оказывается, психолог, — сказала Анна Тагору, — как вы все быстро сообразили, налету. Мне бы потребовалось какое-то время, чтобы догадаться.

— В любом случае, спасибо вам, — сказал Ян, — но я теперь боюсь, Тагор, что нашей конспирации пришел конец. Вы ведь перечислили ей почти всех заговорщиков и даже сообщили о нашей совместной работе.

— Ничего подобного, Ян, никаких тайн я не выдал! Дабл Ви знает, что я готовил вам программу, знает, что Анна участвовала в ваших расчетах. Глинскую он сам пригласил. Вот этих четырех человек, включая вас, я и перечислил. Ведь вы же и вправду отвозили Дабл Ви отчет о работе, которую он вам поручил. Ничего, кроме этого, я не сказал.

— Однако, — ситуация резко изменилась, — констатировала Анна. — Ян только что фактически отверг царский подарок Дабл Ви, причем сделал это открыто. Он публично дал всем понять, что Дабл Ви — сам по себе, я он — Ян — сам по себе. А значит, Дабл Ви теперь знает, что Ян ведет какую-то свою игру.

— Чем это грозит нам? — спросил Ян.

— Пока ничем. Ты ведь всего-навсего продемонстрировал свою независимость, а не враждебность. Во враги он тебя после этого не запишет, из союзников тоже не вычеркнет, но вот на особо доверительные отношения с его стороны можешь впредь не рассчитывать. А с другой стороны, нет худа без добра, люди в центре достаточно умны и проницательны, чтобы понять, что ты намеренно пошёл на обострение с Дабл Ви ради того, чтобы сохранить хорошие отношения с ними.

К их столику приблизилась делегация из нескольких человек с Марией во главе.

— Вот, что друзья, — сказала она, — извините нас, мы повели себя глупо. Нам стыдно, что мы купились на такую примитивную уловку. Если вам вдруг потребуется помощь, рассчитывайте на нас.

Глава 23. Восставший из прошлого

Ринго Стар с благоговением вертел в руках Басмú Корчака:

— К ней должна была прилагаться еще и цепочка, Ян.

— Да, была цепочка, вот она, — Ян передал цепочку Стару.

Тот прикинул ее вес на ладони.

— Это золото, Ян! Вы знаете, что такое золото?

— Теперь уже знаю, просвещаюсь потихоньку. В прежние времена это был главный эквивалент ценности общественного продукта. А сейчас — просто очень дорогой и редкий металл для покрытия ответственных контактов и для ядерной физики.

— «Очень дорогой» — это не те слова, Ян! Вот эта цепочка, в ней граммов тридцать. По нынешним временам, это эквивалент одного дирижабля или тридцати вездеходов. Когда-то раньше то место, где стоит наш лагерь, славилось своими залежами золота. Но это было очень давно. Больше тут золота нет. И почти нигде в мире нет, месторождений не осталось. Золото ныне очень редкий и безумно дорогой материал!

— Тогда я не понимаю, зачем его тратить на такую бессмысленную вещь, как цепочка. Цепочку можно ведь сделать из любого металла!

— Для того, чтобы подчеркнуть статус обладателя этой Басмы́. Такова традиция! Вы, кстати, неправильно делаете, что носите все это в кармане. Это вопиющее неуважение, к тому, кто дал вам эту Басму́. Вы обязаны носить ее на шее, на этой цепочке. Так что надевайте, и застегните воротник, чтобы никто не видел. Тут, в центре, этого не поймут.

— Какие права дает эта Басма́ Яну? Что можно сделать с ее помощью? — Спросила Анна.

Они снова собрались вшестером. Впервые за долгое время. И снова две бутылки шампанского стояли в углу, ожидая своего часа.

— Как вам сказать Анна, — тихо сказал Стар, — вот тут номер начинается с букв АБ, это практически высший статус, выше только АА. Если бы в свое время такая Басма́ была бы у меня в руках, я бы горы свернул бы! Я мечтал об этом. Честно говоря, когда я наладил работу в своем департаменте, я рассчитывал получить в благодарность от правительства такую Басму́. Ну пусть не совсем такую, хотя бы с номером ВБ или ВА. Басма́ — это единственный способ вырваться за пределы своей касты,

получить полномочия чиновника третьей, а то и первой касты.

— А какой касте соответствует Басма́ Корчака?

— В моих бы руках она соответствовала бы первой касте, в руках Корчака — никакой не соответствует! Чтобы реализовать ее возможности, надо понимать механизмы работы государственной структуры. Нельзя ведь прийти и просто приказать. Приказ должен подаваться в нужной форме, в нужном месте, в правильное время... там очень много нюансов. Я думаю, что вам Ян, потому и дали такие полномочия, с большим запасом, что знали, что вы ими не сможете воспользоваться.

— Но ведь вы же можете пользоваться моей Басмо́й, — воскликнул Ян, — моя Басма́, плюс ваше умение и знания. Что мешает?

— Там не так все просто. Басма́ — привязана к персоне, всегда идет проверка, кто отдал приказ, обладатель или кто-то другой. Воспользоваться чужой Басмо́й, это все равно, что госизмену совершить. Хотя... может быть Тагор и найдет способ обойти проверку. Но в любом случае это разговор не сегодняшнего дня. Я полагаю, что вам дали эту Басму́, Ян, не для того, чтобы наделить властью, а для того, чтобы предоставить вам доступ к информации... К любой информации! У номеров АБ — высшая категория

допуска, вплоть до сведений, составляющих государственную тайну. Сделать запрос информации — это не приказ отдать, это очень просто. Отравляете запрос с указанием номера Басмы, приезжает фельдъегерь с пакетом, если номер вашей Басмы совпадает, то отдает вам этот пакет. Так что благодаря вашей Басме мы теперь будем знать всё!

— И все же я не понимаю, — воскликнула Глинская, — почему Такэда (если эта Басма и вправду от Такэды) пошел на такой риск, дав огромные полномочия вчерашнему лагернику, человеку, которого он совсем не знал, которого он видел всего несколько раз. Это и очень странно и очень подозрительно.

— Это не так, Елена, — улыбнулась Анна. — Тут-то как раз всё предельно понятно. Корчак — не чужой человек для ревизорского сообщества. Хотя Такэда и вправду увидел его впервые всего несколько недель назад, но ведь он до того искал Яна целых пятнадцать лет. Он знает про него всё! Все ревизорское сообщество знает про него. Ян — отец моих будущих детей. Он как член семьи. Не зря же Яну передали на словах, чтобы он пользовался Басмой с моей помощью.

— Я думаю, тут дело даже не в полномочиях — вдруг сказала Шарлотта, — Такэда дал Корчаку эту Басму,

чтобы обезопасить его. Пока Ян носит ее на шее, ни один волос не может упасть с его головы без ведома Такэды.

— И это тоже, — подтвердил Стар, — без одобрения совета ревизоров к обладателю Басмы́ такого уровня не могут быть применены вообще никакие санкции. Так что да! Вы, Шарлотта, правы! Ян теперь в полной безопасности, ни Дабл Ви, ни даже более высокие чины, не могут ничего сделать с ним без ордера совета ревизоров.

— Мне сейчас пришла в голову мысль, — сказал Корчак, — может эта Басма́ — еще и способ шпионить за нами? Если я буду собирать с ее помощью какую-то информацию, Такэда ведь сможет видеть все мои запросы?

— Он *будет* их видеть, — подтвердил Стар, — но даже если ему и не понравится что-то в наших запросах, мы все равно должны воспользоваться этой открывшейся возможностью. Ситуация складывается так, что мы должны действовать очень быстро, и времени у нас практически не осталось.

Он повернулся к Глинской:

— Покажи, что ты принесла.

Елена достала сверток из ткани и развернула его. Внутри был тускло поблескивающий серый предмет, размером с ладонь, формой напоминавший лопатку.

Корчак взял его в руки. Предмет оказался неожиданно тяжелым. Он был из металла, обработанного каким-то особым способом, а форма его вблизи оказалась весьма замысловатой. Он представлял собой как бы сплюснутую и перекрученную трубку, но толщина стенок и их кривизна и менялись по всей его длине очень сложным образом.

— Я даже не знаю, как такое можно изготовить, — заметил Ян, — формула, описывающая такую кривизну, должна быть весьма непростой, а изобразить такое на чертеже — это, по-моему, тоже невозможно!

— При этом точность изготовления, — добавил Стар, — намного превосходит рамки стандартных допусков. Разброс веса готовых деталей не должен превышать нескольких миллиграммов. Осложняется все еще и тем, что сплав, из которого это сделано, чрезвычайно сложно поддается обработке. Да и сам сплав весьма необычен, и к нему предъявляются крайне жесткие требования по составу и структуре.

— Откуда вы знаете эти подробности, Стар?

— Из документации, Ян, — эта деталь изготавливается в цехе точной механики, здесь, в Бодайбо.

— У нас? У нас способны изготовить такую уникальную деталь? Я бы принял ее за изделие внеземной цивилизации!

— Их делают с великим трудом, на грани возможностей. Я, собственно, обратил внимание на эту деталь, потому что ее не могли запустить в производство в течение полутора лет. Было совершенно нереально соблюсти все требования к ее изготовлению. Департамент водного транспорта, заказавший деталь, браковал все партии из-за малейших отклонений: на микроны, на миллиграммы, браковал из-за десятых долей процента в составе сплава. Одна только переписка и ругань по поводу этой детали занимает отдельную большую комнату в архиве. В конце концов цех вышел из положения за счет вала: деталей изготавливается намного больше, чем заказано, а потом из них уже вручную отбираются экземпляры, соответствующие техзаданию. Сначала был выход годных -- одна деталь из ста, теперь -- уже одна из двадцати. Потихоньку научились делать.

— Но почему такие жесткие требования? Для чего эта деталь предназначена?

— Формально, по документации, это лопасти винтов для курьерских катеров. Но на самом деле это не так. Я разобрался, настоящие лопасти для этих катеров делаются на другом заводе. Они имеют тот же артикул и отличаются от нашего одной буквой, там «модификация С», а у нас «модификация Е». Но там совсем другие детали, совершенно непохожие на наши. На катера ставятся те, а наши производятся якобы для катеров, но, выйдя за ворота цеха, попадают на склад, и дальше их судьбу проследить не удастся.

— Странная история! — пожал плечами Корчак. — У вас есть какие-то мысли для чего могут предназначаться эти таинственные детали.

— Мы знаем для чего, — сказала Глинская. — Когда Ринго показал мне эту лопатку, я вспомнила, что видела подобное на картинке в одной исторической книге. Это лопасть турбины компрессора турбореактивного авиационного двигателя.

— Турбореактивного двигателя? — удивилась Шарлотта.
— Никогда о таком не слышала!

— Их не используют уже несколько сотен лет, именно из-за невозможности обеспечить нужную точность деталей, — сказала Елена, — но до гибридной войны это был основной тип авиадвигателей.

— Скажу больше, — заметил Стар, — после того, как Елена сказала мне, что это за деталь, мне удалось найти в оцифрованных архивах первой половины 20 века оригинальные чертежи этой самой детали.

— Помню, — вступил в разговор Тагор, — я отсылал вам архивы Дженерал Электрик за 1948 год по старому летосчислению. Это оно и было?

— Архивы *военного отделения* Дженерал Электрик, — с нажимом уточнил Стар. — Я выяснил, что эти лопадки использовались в двигателе, который Дженерал Электрик производила для «Сэйбра», самого мощного военного самолета середины 20 века.

— И что всё это означает? Я не понимаю, — сказала Шарлотта.

— Ну, догадаться немудрено, — сказала Анна. — Если в цехе точной механики производятся лопадки турбин для этих двигателей, значит где-то производятся и сами двигатели. А если где-то производятся двигатели, то значит где-то производятся и эти военные самолеты. Но — производятся не официально, а тайком, как и эти лопадки. Я угадала, Стар?

— Почти! — грустно улыбнулся Стар. — Почти угадали, Анна! Но проблема в том, что производство лопаток можно замаскировать, указав в документации, что они

предназначены для катера. А как вы замаскируете производство военного самолета? Укажете, что это багажный отсек для грузового дирижабля? Это смешно! Тайком производить эти самолеты невозможно! И тем не менее — да, они производятся. Когда у меня в руках оказались копии полной документации по этим «Сэйбрам», я точно знал, что искать. И мне удалось выяснить, что магнетроны для его радаров делают в Шанхае, бронезащиту для кабины пилотов делают в сельскохозяйственных мастерских Куала-Лумпура, там они оформлены, как детали плугов. Инфракрасные головки для боевых ракет Сэйбра — делают в Сиэтле! Но самого производства Сэйбров нет ни в одном лагере на Земле.

— Не томите, — сказал Корчак, — я уверен, что вы уже разгадали эту загадку.

— А помните, Ян, — сказала вдруг Глинская, — как я вчера спросила у вас, не задумывались ли вы о том, что может скрываться под этим серым цветом на нашей карте? Так вот, друзья, эта серая зона — не пустая, она обитаемая!

— Вы уверены? — нерешительно спросила Анна

— Уверены! — твердо сказал Стар. — Дело в том, что этот Сэйбр — машина слишком совершенная для нашей

промышленности и науки. Что-то, какие-то части, наша промышленность способна для него производить — на пределе своих возможностей — как эти лопатки или магнетроны. Но большая часть начинки для Сэйбра лежит за пределами наших возможностей. Специальные высокотемпературные подшипники, твердые смазки. Те же конструкционные сплавы в конце концов. Таких сейчас на Земле не делают, и там очень специфический состав. Если бы где-то эти сплавы выплавлялись, обнаружить это не составило бы никакого труда. Но нет, все это производится и собирается где-то за пределами известного нам мира.

Все замолчали, в комнате повисла мертвая тишина.

— А почему никто не поинтересуется, что за самолет, этот Сэйбр? Что он из себя представляет? — вдруг спросила Елена.

— Я интересуюсь, — сказала Шарлотта, — что из себя представляет этот самолет?

— Это самая совершенная машина для убийства, которая сейчас есть на Земле. И нам — нечего ей противопоставить. Хотя она летает и медленнее звука — но вплотную к его скорости. Это больше тысячи километров в час. В два с половиной раза быстрее наших коптеров. Она может подняться на высоту в 15

километров, это — в десять раз выше, чем летаем мы. Сэйбр нельзя поразить из пушек и пулеметов, он вне досягаемости. А на небольшой высоте в него невозможно прицелиться потому, что он летает слишком быстро и слишком маневрен. Если бы мы сейчас расконсервировали все наши боевые коптеры, то они ничего не смогли бы противопоставить Сэйбру. Он просто будет сбивать наши коптеры издалека, как в тире, а их ракеты — не смогут его достать. Он может нести 900 килограммов бомб и самонаводящихся ракет. Всего несколько Сэйбров за два часа беспрепятственно превратят весь лагерь Бодайбо в руины. Не зря современники его называли поэтическим эпитетом «Истребитель Сэйбр»!

— Но это — худший сценарий, — сказала Анна. — Как я понимаю, эти Сэйбры производятся кем-то по крайней мере уже несколько лет. И если бы этот «кто-то» имел намерение превратить Бодайбо в руины, он бы давно уже это сделал. Вполне возможно, что Сэйбры нужны ему не для нападения, а для защиты.

— Это слабое утешение, Анна, — заметил Корчак, — если принять как версию, что этот «кто-то» — те самые коррупционеры, которых так боятся Дабл Ви с Такэдой, то ничего хорошего от них ждать не приходится. Вспомните эту компанию в моем пятом управлении, и то,

как они обходились с работницами. Лагерь — не мед! Но то, что устроили эти ребята — это даже по лагерным меркам за гранью добра и зла. Я очень не хотел бы, чтобы они пришли и навели здесь свои порядки. Возможно, они и в самом деле производят эти Сэйбры для обороны, но если они начнут «обороняться», то не задумываясь превратят наш мир в руины или в подвалы пятого управления.

— Но, в любом случае, если мы знаем об этой угрозе (а они не знают, что мы знаем), то у нас есть шансы противодействовать ей, — сказал Тагор. — Я пока еще не ведаю как, но уверен, что можем. Возможно, мы найдем способ вносить скрытые дефекты в те детали, что делаем для них, наверняка им нужны какие-то полезные ископаемые, которые есть только у нас...

— Погодите-погодите, Тагор, — с улыбкой перебила его Шарлотта. — Еще недавно вы кричали, что не желаете спасти этот мир, а сейчас уже предлагаете планы по его спасению?

— Неужели вас не напугала эта информация? — удивился Тагор.

— Пока я предпочту не бояться. Я полагаю, что опасаться надо только тех вещей, угроза которых очевидна, и совершенно глупо опасаться простой неизвестности. Мы

ведь пока не знаем ничего кроме того, что на территориях, что мы считали необитаемыми, на самом деле есть какая-то жизнь. И пока нам не известно, что это за жизнь, бояться глупо. Они производят оружие? Так его любой будет производить, имея под боком такого соседа, как наши лагеря.

— Я не настроен так оптимистично, — заметил Стар, — но я согласен с Шарлоттой, что не стоит предпринимать какие-то шаги, пока мы не узнаем обо всем этом больше. И тут Такэда сделал нам роскошный подарок, дав Басмұ Корчаку. С ее помощью мы очень многое проясним. Пусть Такэда отслеживает его запросы, но я смогу сформировать их так, что много информации он из них не вытащит.

Глава 24. Приглашение на Казнь

Драм-бам-бам! Драм-бам-бам!

Грохот барабанов стелился над центральной площадью Лагеря.

Драм-бам-бам! Драм-бам-бам!

Осенний мороз до костей пробирал ряды лагерников, построенных вокруг обширного плаца, в центре которого зияла свежевырытая могила.

Драм-бам-бам! Драм-бам-бам!

Барабанный рокот сотрясал не только барабанные перепонки, но и все тело, придавливал к земле. Корчак чувствовал себя крайне неуютно и уязвимо, хотя стоял он на этот раз не в строю лагерников, а на возвышении, предназначенном для начальства, сразу за спиной Дабл Ви, чуть слева от него.

Накануне Дабл Ви вызвал его к себе. Корчак приготовился к неприятному разговору по поводу его публичного демарша против помощи Дабл Ви, но тот даже не затронул эту тему. Речь пошла совсем о другом.

— Такэда настаивает, чтобы вы присутствовали при завтрашней Казни, — сказал Дабл Ви, — я не знаю, какие

тому причины, но раз Такэда настаивает, перечить не стоит. Причины у него должны быть веские.

— Казни? Какой Казни? — удивился Корчак

— Здрасьте! — взмахнул руками Дабл Ви, — вы что, ежедневных сводок не читаете? Совсем заработались? Ведь вы же помогли разоблачить коррупционеров из пятого управления!

— Их казнят?

— Будь моя воля, я бы — казнил, — сказал Дабл Ви твердым голосом. — Такие мерзавцы недостойны жить. Но закон, есть закон, — смертная казнь за такие дела не предусмотрена. Хотя решаю не я, делом занимается ревизорское жюри, и конверта с приговором мне еще не прислали. Но каким бы он ни был, его оглашение будет обставлено, как Казнь.

Он внимательно оглядел Корчака:

— Я временно отменяю свой запрет на ваши визиты в лагерь, но надо что-то придумать, чтобы вас не могли там узнать. Повернитесь-ка в профиль. Может, рыжий парик, усы и заляпать лицо веснушками?

— Не надо веснушек, — возразил Корчак, — да и под шапкой не видно, рыжий ты или нет. Я лучше просто замотаю лицо шарфом до самых глаз. Столичные

начальники всегда так делают, когда зимой в лагерь приезжают, непривычны к морозу.

— Хорошая идея! — согласился Дабл Ви, — и, главное, не вызовет лишних вопросов по вашему поводу. — Мало ли какой столичный чиновник приехал инспектировать казнь, дело обыденное. Вы ведь со столичной модой знакомы?

— Я даже плохо представляю, что это такое, — улыбнулся Корчак.

— Ничего страшного, я прикажу вам прислать пальто из кашемира, в которых любят щеголять высшие чины, и плотную фетровую шляпу потеплее. Будет холодновато для здешнего климата, но это по любому теплее той лагерной одежды, что вы носили раньше. Не замерзнете! Пальто и шляпа будут черного цвета, так что кашне тоже берите черное.

И вот сейчас, стоя за спиной Дабл Ви, Корчак ощущал, что несмотря на специальное теплое белье, которое он догадался одеть, морозец все же потихоньку пробирается под пальто. Но не это волновало его.

Он родился в Лагере. Он вырос в Лагере. Здесь он прибрел свои навыки выживания, поведения и знаменитую лагерную интуицию. Два месяца благополучной и привольной жизни в Центре Ч быстро

развеяли лагерные привычки и загнали лагерные воспоминания в такие уголки сознания, откуда те боялись высунуть нос. Но они не исчезли насовсем. И вот сейчас то там, то сям они начали прорываться наружу.

Он смотрел на ряды лагерников с высоты начальственного помоста, но его подсознание уже вошло в унисон с этими рядами, оно жило с ними одной жизнью, он ощущал мысли этих людей и смотрел на происходящее их глазами.

В воздухе пахло бунтом! Великим бунтом!

Сейчас на глазах этих десятков тысяч людей готовилась вопиющая несправедливость, и они не были готовы с ней мириться!

Корчак прочел все сводки и уже знал, что несчастные работники пятого управления пытались воззвать из подвалов коррупционеров к «Слову и Делу», а те лишь потешались в ответ.

В лагерях было много несправедливости, но каждый работник знал, что у него всегда есть последнее прибежище, последняя надежда: когда станет невтерпеж, когда рухнут все пределы терпения, и несправедливость перейдет мыслимые границы, тогда он сможет воскликнуть: «Слово и дело государственное»

и его случай будет самым тщательным образом расследован беспристрастными ревизорами.

«Слово и дело» было свято. Никогда никому даже в самых безумных фантазиях не могло прийти в голову, что «Слово и дело» можно утаить и не сообщить о нему ревизору. «Слово и дело» было основой лагерной стабильности. Хотя на деле оно звучало очень редко из-за суровости наказания за необоснованное применение, но даже самые отъявленные начальственные мерзавцы не решались переходить те границы, за которыми из уст рядового работника могли прозвучать роковые слова «Слово и дело».

И этот вековой обычай был растоптан мерзавцами из пятого управления. Единственным наказанием за это по понятиям лагерной справедливости могла быть только смерть.

Но сейчас перед рядами лагерников стояло шестеро начальственных мерзавцев, и никто не видел шести вырытых могил. Могила была только одна. И предназначалась она не для них.

Тот, кому предстояло лечь в эту могилу, стоял рядом с ней, отдельно от остальных. Это был капо Исаак Ньютон, который по лагерным понятиям был хоть и виновен, но уж смерти-то точно никак не заслуживал. Потому что

прибить крысу, воровавшую у своих товарищей и пойманную с поличным, — дело правильное и справедливое.

Тем более все знали, он ведь и убивать-то не хотел, куча свидетелей видела, что он только один раз ударил, несильно, случайно так получилось.

И хотя приговор еще не был зачитан, все всем было предельно ясно. Каждый понимал, что могила предназначена не для кого-то из начальников из пятого управления, а именно для капо Исаака Ньютона. А тех в лучшем случае ждал штрафбат, а то и просто какой-нибудь «выговор». Известное дело, у начальства рука руку моет.

В тысячах сердец над площадью сейчас kloкотали такие клубы гнева и обиды, что, казалось, они сгустились над площадью в видимую невооруженным глазом субстанцию. Не ощутить этого было невозможно. Это предверие бунта ощутил не только Корчак, его ощущали все: стражники, которые нервно переминались в ноги на ногу, неловко держа перед собой винтовки, лагерные начальники, нервно сбившиеся в кучки.

Только один Дабл Ви, оставался подчеркнуто равнодушным: то ли он ничего не чувствовал, то ли умело держал себя в руках.

Он взмахнул рукой. Рокот барабанов резко стих. Дабл Ви не торопясь развернул папку с приказом раскрыл ее и замешкался, пытаясь развернуть листочки в перчатках. У него не получилось. Пока он снимал перчатки, пока надевал их, возникла пауза.

И во время этой паузы Корчак вдруг понял, что вся площадь смотрит сейчас не на Дабл Ви, все взгляды скрестились на нем, на Корчаке. Он увидел себя глазами тех, кто стоял в лагерных рядах, и его мысли потекли в унисон с мыслями лагерников.

Он увидел, как будто со стороны, страшную и таинственную черную фигуру, нависавшую сзади над начальником лагеря и как будто диктующую тому, что и как делать. Никто раньше не видел ничего подобного на оглашениях приговоров. И такая вопиющая несправедливость тоже происходила впервые. Корчак понял, что именно он — Ян Корчак, сейчас является виновником происходящего в глазах лагерников. Любой, стоящий в строю, сейчас понимал, что именно эта черная фигура, этот загадочный черный человек принес в Лагерь несправедливость!

Корчак невольно отступил на шаг в сторону, и тут же лагерные ряды отреагировали ощутимым гулом. И Корчак увидел со стороны то же, что увидели они — черный человек приготовился контролировать,

правильно ли будет читать комендант этот несправедливый приговор.

Дабл Ви, меж тем, как будто не слушал нарастающего гула. Он включил микрофон и начал читать громким, четким, но абсолютно монотонным, лишенным интонаций голосом.

«Приговор по делу бывших руководителей пятого управления Лагеря Бодайбо.

В ходе следствия по делу было установлено следующее.

Во время очередной внеплановой ревизии на пятом и шестом подземных уровнях производственных цехов управления были обнаружены скрытые жилые помещения, в которых руководством пятого управления тайно содержались незаконно лишенные ими свободы работницы.

Указанные работницы насильно, против их воли, принуждались руководством управления к сексуальным отношениям. При этом на лишенных свободы работниц были составлены фальшивые акты об их гибели...»

Корчак внимательно слушал. В приговоре не было ни единого намека на факты коррупции — только похищение работниц. Над площадью нарастал шум, и Корчак понял его причину. В приговоре так же не было упомянуто о том, что работницы напрасно пытались

прибегнуть к «Слову и делу», не была упомянута главная, по лагерным понятиям, вина коррупционеров.

Меж тем Дабл Ви уже перешел к заключительной части.

«За данное правонарушение предусмотрено наказание в виде штрафного батальона на срок от двух до пяти лет, однако... — тут Дабл Ви сделал паузу, и гул мгновенно сменился звенящей тишиной, — однако учитывая раскаяние подсудимых и их искреннее желание искупить свою вину добросовестным трудом, было принято решение не отправлять подсудимых в штрафной батальон, а ограничиться разжалованием их в рядовые сотрудники...»

Тишина сменилась угрожающим ревом, ряды на площади заколыхались. Стражники растерянно подняли винтовки и нацелили их на толпу, часовые на вышках опустили стволы крупнокалиберных пулеметов.

Однако Дабл Ви будто ничего не замечал, он только повернул рукоятку, увеличивая громкость звука до максимума и продолжил.

«Каждый из подсудимых будет приписан к одному из лагерных отрядов в соответствии со своей базовой специальностью и направлен для проживания в соответствующий лагерный барак».

Рев толпы рассыпался на осколки и смолк. Потом из глубины ближайших рядов кто-то крикнул в наступившей тишине: «Повторите!»

Стражники кинулись было в направлении голоса, но Дабл Ви остановил их.

«Для тех, кто не расслышал — повторяю, — отчеканил он в микрофон, — уже сегодня вечером, всё бывшее начальство пятого управления будет направлено в лагерные бараки для проживания, в качестве обычных лагерных работников».

Вновь рев вознесся над толпой, но это уже был не угрожающий рев, а рев восторга. И этот восторг передался Корчаку, и он ощутил, что чувствует, что думает толпа.

«Каждый из этих мерзавцев уже вечером будет в полном моем распоряжении! И ты сможешь прикоснуться к нему рукой! И не только рукой! И не только прикоснуться!»

Дабл Ви взмахнул рукой и снова загрохотали барабаны:

Драм-бам-бам!

В течение нескольких минут они не могли перекрыть рев толпы, а когда та наконец смолкла, Дабл Ви достал следующую папку.

«Приговор, по делу капо Лагеря Бодайбо Исаака Ньютона.

В ходе следствия по делу было установлено следующее.

Обнаружив, что Игнатий Лойола, один из работников вверенного ему барака, совершил преступление путем незаконного присвоения вещи своего товарища по бараку, упомянутый Исаак Ньютон пренебрег своими должностными обязанностями, и вместо того, чтобы дать делу законный ход, совершил внесудебную расправу над упомянутым Игнатием Лойолой, которая закончилась гибелью пострадавшего.

Вина упомянутого Исаака Ньютона усугубляется тем, что, будучи обязанным по должности предовращать внесудебные и неуставные расправы в своем бараке, он сам совершил данное деяние.

Вина упомянутого Исаака Ньютона полностью доказана показаниями свидетелей и признанием вины со стороны самого подсудимого. Показания свидетелей о том, что убийство не было намеренным, не имеют по данной статье смягчающего характера».

На этот раз Дабл Ви зачитывал приговор в полной тишине, толпа внимательно слушала и не прерывала.

«Учитывая крайнюю тяжесть содеянного и бесценность утраченной человеческой жизни, следователь по особым

делам вынес в отношении упомянутого Исаака Ньютона единственный предусмотренный за данное преступление приговор, смертную казнь, с приведением в исполнение, согласно инструкции FZ-315/14, по месту прописки упомянутого Исаака Ньютона, в Лагере Бодайбо, силами местной стражи, в присутствии всех работников Лагеря, дабы они видели и понимали какое возмездие следует за нарушения Закона».

Снова ударили барабаны, однако Дабл Ви поднял руку и остановил их.

«Однако, продолжил он, решением юриста-ревизора Такэда Сокаку дело было направлено на повторное рассмотрение по вновь открывшимся обстоятельствам. В ходе повторного рассмотрения было установлено, что похищенная вещь принадлежала самому Исааку Ньютону и он вступил в конфликт с Игнатием Лойолой не как должностное лицо, а как владелец вещи, поймавший вора с поличным.

По данной статье обвинения, показания свидетелей о том, что Исаак Ньютон не имел намерения убивать Игнатия Лойолу и убийство было случайным, имеют силу смягчающего обстоятельства, и дело было переквалифицировано, как причинение смерти по неосторожности на почве бытового конфликта.

Исаак Ньютон, вы приговариваетесь к направлению в штрафной батальон сроком на полгода, с возвращением по отбытии наказания на прежнюю должность».

В звенящей тишине Дабл Ви закончил чтение приговора. В том же безмолвии к Исааку Ньютону подбежали стражники, сняли с него наручники и накинули на плечи ватник.

И лишь когда застрекотал бульдозер и начал засыпать пустую могилу, толпа разразилась криками восторга.

Дабл Ви повернулся к Корчаку и тот оторопел. На него смотрел человек, постаревший лет на десять, с трясущимися губами,

— Скверно выгляжу? — спросил Дабл Ви, увидев реакцию Корчака, — возраст, нервы уже не те! Ничего, посижу в горячей ванне, отосплюсь, приду в норму. Это был риск, но иначе было нельзя, Корчак. Надо было довести их до грани отчаяния, и лишь потом бросить к их ногам справедливость, как высший подарок. Зато теперь они абсолютно счастливы, они верят в торжество справедливости, и им теперь долго не придет в голову бунтовать.

Корчак вдруг всем своим лагерным сознанием ощутил правоту его слов. Он поставил себя на место лагерников и понял, что будь он сейчас в рядах тех, кого пригнали

посмотреть на казнь, он бы сейчас возвращался в барак, переполненный счастливым настроением от того, что справедливость восторжествовала.

Не знал он только одного. Не только вера в высшую справедливость переполняла сейчас сердца лагерных работников. Им еще и кружила головы надежда на перемены, на близкие перемены к лучшему. Потому что ходившие в последние дни слухи об «особом человеке», который пришел, чтобы принести людям счастье, оказались не сказкой, а самой настоящей правдой. Сегодня каждый из них мог видеть этого «особого человека». А кем же еще могла быть та молчаливая черная фигура, стоящая за спиной коменданта и строго следящая за тем, чтобы все было по справедливости!

Глава 25. Скрытая угроза

Еще только вчера, когда они расставались после несостоявшейся Казни, Дабл Ви выглядел изможденным стариком. А сейчас Корчака с Еленой встретил прежний Дабл Ви, сосредоточенный, подтянутый, эффективный.

— Такэда до такой степени интересуется вашим расследованием, Корчак, — сказал он, -- что фактически уже переселился к нам в Лагерь. Он непременно хочет присутствовать на вашем сегодняшнем отчете, так что нам придется подождать его.

— Да, собственно, будь моя воля, я бы не торопился с этим отчетом, — ответил Корчак, -- мы еще только на полпути, но раз вы нас вызвали, будем обсуждать то, что имеем.

— Мы уже много чего имеем! Мне самому удалось кое-что обнаружить, по своим каналам. Такэда мне сообщил, что у него тоже есть интересная информация. Ну а уж вы-то точно продвинулись в расследовании еще дальше. Так что у нас будет, что обсудить.

Он откинулся на спинку кресла.

— Я вот что хотел спросить у вас, Корчак. Еще вчера хотел, но сил уже не было. Вы поняли, почему я так решительно пресекаю любые ваши попытки посетить

лагерь? Не только ваши лично, а всех, кто работает в вашем центре.

— Думаю, да. Стоило мне оказаться в лагере, как я начал ощущать себя лагерником, как будто и не было этих двух месяцев свободы.

— Вот! У вас, Корчак, есть замечательная черта, вы умудряетесь сразу схватывать самую суть. Лагерь — это страшный яд, который поражает человека на всю жизнь. Исцелиться от него невозможно. Вот есть такая болезнь — алкоголизм, слышали про неё?

— Да, знаю, в лагере она тоже встречалась, особенно среди начальства.

— Алкоголизм нельзя вылечить. Человек может не прикасаться к алкоголю годами годами, так что у окружающих создается полная иллюзия его исцеления, но стоит ему взять в рот хоть каплю спиртного, как болезнь мгновенно возвращается, как будто и не было это светлого промежутка трезвости. Вот и вам может казаться, что вы забыли Лагерь, избавились от него. Что выжали его из себя до капли. Вы можете вознестись на вершины славы, власти и благополучия, но стоит вам оказаться в соответствующих условиях, как Лагерь выпрыгнет наружу из глубин вашего сознания, и вы вновь превратитесь в лагерника. Человека из Лагеря

вытащить легко, но невозможно вытащить Лагерь из человека. Берегитесь Лагеря, Корчак! Не приближайтесь к нему! Бойтесь его, даже тогда, когда вам будет казаться, что бояться уже совсем нечего. И если, у вас когда-нибудь будет выбор, Лагерь или смерть, я бы на вашем месте предпочел бы умереть.

Запищал интерком.

— К вам Такэда Сокаку, — сказал Адъютант.

— Пропустите его, — ответил Дабл Ви.

— Он сам прошел, не спрашивая разрешения, — ответил Адъютант, — я просто звоню предупредить.

Такэда появился в дверях.

— Здравствуйте, Корчак, здравствуйте, Елена, — сказал он. — А с вами, Владимир Владимирович, мы уже виделись.

Было видно, что Такэда пребывает в хорошем настроении. Он расслабленно плюхнулся в кресло бесцеремонно пододвинул к себе столик и распорядился:

— Закажите нам всем кофе, Владимир Владимирович. А мне сэндвичи, я не успел позавтракать, у меня была очень важная встреча.

— У вас каждый раз важная встреча, Такэда, когда мы тут собираемся обсудить наше дело, — улыбнулся Дабл Ви.

— В прошлый раз вы тоже на важную встречу торопились.

— О да, — серьезно, сказал Такэда, — в прошлый раз я встречался с тем же самым человеком, что и сейчас, и эти встречи, они как раз касаются нашего дела. У меня — свежая информация, но я прежде хотел бы услышать вас, Владимир Владимирович, ведь это вы так настаивали на сегодняшней встрече.

— Да! — ответил Дабл Ви. — Кажется, я сам напал на след, самостоятельно.

Он включил проектор.

— У меня нет такой прекрасной компьютерной программы, как у вас, Корчак, так что я буду по старинке.

На экране появились слайды каких-то технических приспособлений.

— Вот это деталь, артикул 125.437.642.354. И вот это — тоже деталь 125.437.642.354. И эта деталь — тот же артикул. Отличаются только буквой модификации. Все три детали производятся в разных цехах нашего Лагеря. Все они по документам являются одной и той же деталью — линией ультразвуковой задержки для рыбацких эхолотов. Но вы видите, что даже внешне это

совсем непохожие детали. По моему приказу инженеры подняли всю документацию этого эхолота. Так вот, на самом деле для него предназначена только последняя деталь. Для чего предназначаются две остальные — неизвестно. Их дальнейший путь удастся отследить только до склада, а куда они деваются дальше — непонятно. По документам — все чисто, но фактически эти детали просто испаряются.

Дабл Ви победно посмотрел на присутствующих, ожидая реакции. Но и Корчак и Такэда и Елена остались абсолютно равнодушными.

— Вас это не удивляет? — изумился он, — вы знали об этом?

— Да, мы знаем об этом, — подтвердил Корчак.

— Не могу сказать, что я знал все эти подробности, но я предполагал, что именно так все у них организовано, — сказал Такэда.

— Тогда, может быть, вы еще и знаете, для чего предназначаются все эти «левые детали» и куда они деваются? — резко спросил Дабл Ви. — Может вы знаете еще и о масштабах происходящего?

Он начал листать слайды.

— Я распорядился поискать и другие детали с совпадающими артикулами. И знаете, что оказалось? Несовпадающих совсем нет! На каждую настоящую деталь, которая производится у нас в лагере, приходится как минимум еще 2-3 с тем же номером, которые предназначены непонятно для чего.

— Помните, я в прошлый раз сказал, что когда вы обнаружите утечки общественного продукта, вы не сможете вернуть украденное в общественный оборот? — заметил Такэда, — Так вот, я оказался прав. Вы обнаружили утечки и не знаете, как их можно использовать, для чего они вообще предназначены.

— Вы знали об этом еще тогда, Такэда? — изумился Дабл Ви.

— Тогда я только догадывался. Теперь — знаю, — ответил Такэда.

— Ну тогда, быть может, вы сейчас тоже попытаете догадаться, куда всё это девается? Это огромные объемы «левой продукции». На всей Земле нет столько места, чтобы складировать всё это!

— Смотря какой смысл, вы складываете в слова «на всей Земле», — флегматично ответил Такэда. — Вы, Владимир Владимирович, никогда не задавали себе вопрос о том,

что там может скрываться под этим серым цветом на карте Корчака?

Ян вздрогнул, он быстро обернулся к Елене и наткнулся на ее изумленный взгляд. Вопрос, который Такэда задал Дабл Ви, один в один, слово в слово совпадал с вопросом, который Глинская в прошлый раз задала Корчаку.

Дабл Ви задумался.

— Ну, конечно, — воскликнул он, — мог бы и сам догадаться! Все их склады расположены где-то там, в серой зоне!

— Не только склады, — заметил Такэда, — но и производство. Все эти «лишние» детали, они же должны как-то использоваться. Где-то из них чего-то собирается. Если бы это происходило в наших Лагерях, тогда бы вы, Владимир Владимирович, это бы уже давно обнаружили, по тем же номерам артикулов. Так что у них там свои склады, свои Лагеря. Поскольку наличие производства подразумевает наличие работников, причем работников квалифицированных. Инженеров. Технологов. Администраторов.

— Вы говорите это таким беспечным тоном, Такэда, — сказал ошеломленно Дабл Ви, -- что у меня создается впечатление, что происходящее вас ничуть не пугает.

— Пока я предпочту не бояться. Я полагаю, что опасаться надо только тех вещей, угроза которых очевидна, и совершенно глупо опасаться простой неизвестности. Мы же пока не знаем об этом ничего кроме того, что за пределами лагерей, на территориях, что мы считали необитаемыми, на самом деле есть какая-то жизнь.

Корчак ощутил, как по его спине пробежали мурашки. Такэда сейчас просто дословно повторил слова Шарлотты, сказанные на их последней общей встрече. Причем, Корчак готов был поклясться, что Такэда не просто повторил слова Шарлотты, но и старательно воспроизвел ее характерные интонации.

Не веря своим ушам, он вновь обернулся в Елене и увидел, что та сама смотрит на него своими огромными глазами, широко распахнутыми от удивления.

Дабл Ви повернулся к Корчаку.

— Что скажете, Ян?

— Такэда прав, — коротко ответил Корчак.

— Во время прошлой встречи, — добавила Глинская, — мы говорили о том, что у нас под боком нет никакой «Римской империи». Похоже мы ошибались.

— Ну, нет, — замахал руками Такэда, — какая еще «Римская империя», Елена! Вы еще «цивилизация»

скажите. Нет там ни империи, ни цивилизации, это же очевидно. Как давно они существуют? Всего-то ничего. Несколько лет, десятилетий, максимум!

— Откуда нам знать. Мы не показывались на этих территориях очень давно, совсем не контролировали их, забросили, — возразила Глинская. — Последняя военная экспедиция в Африку была триста лет назад, она нашла только одно совершенно дикое племя в шестьдесят человек, и всё. Племя отправили в лагерь Куала-Лумпур, и на этом экспедиции закончились.

— Они сопротивлялись? — спросил Такэда

— Кто сопротивлялся?

— Племя оказало сопротивление, когда его отправляли в Куала-Лумпур?

— Какое это имеет значение? Но вообще-то да! Сопротивлялись! И еще как! На каждого захваченного туземца пришлось по три погибших солдата, несмотря на то, что оружие у дикарей было самое примитивное.

— Вот! — удовлетворенно сказал Такэда.

— Что вы хотели сказать этим «вот»? — недоуменно заметил Дабл Ви. — Какая разница, как давно они существуют. Тут важен не срок, а динамика. Наша экономика с каждым годом падает, а вот у них, как я

полагаю, растет! Поэтому наша задача — не дать им подняться. Чем раньше мы их уничтожим, тем больше будет шансов, что мы сможем сделать это малой кровью.

— Своим «вот», Владимир Владимирович, я хотел сказать, что если уж племя дикарей так отчаянно сопротивлялось, что нанесло нашим войскам огромные потери, то уж *эти-то*, точно будут отбиваться по всем правилам военной науки. И оружие у них будет не примитивное!

— Оружие? Что скажете, Корчак? У вас есть такие данные? Они могут производить оружие?

— Они его производят, — ответил Ян. — Вы сами без труда поймете, изучив все эти «левые» детали, что многие из них — военного назначения.

— А скажите, Елена, — вдруг спросил Такэда, — как давно армия Земли вела реальные боевые действия?

— Даже не знаю, — пожала плечами Глинская, — если под «боевыми действиями» понимать карательные экспедиции, то очень давно, столетия назад. Если же участие в настоящих войнах, то никогда. Армия Земли была учреждена уже после победы в великой гибридной войне, а потом войн не было.

— Вот! — снова с удовлетворением констатировал Такэда. — Единственные наши военные части, которые

хотя бы изредка стреляют из винтовок, это лагерная стража. А коррупционеры, вот они, готов поспорить, серьезно готовились к войне с нами все это время.

— Вы хотите сказать, что они сильнее нас в военном отношении? — тихо спросил Дабл Ви.

— Не знаю, Владимир Владимирович. Видимо, все же нет! Иначе они давно бы захватили наши Лагеря и установили везде свою власть. Они люди такие — не церемонятся. Они просто делают, что им нужно и всё!

— Откуда вы знаете?

Такэда задумался.

— Вообще-то это под грифом «совершенно секретно», но по сравнению с тем, что мы тут сейчас обсуждаем, это не секрет, а детские шалости. Я думаю, могу вам сказать. Мы, ревизорское сообщество, уже давно знаем об этой организации коррупционеров. Они начали перехватывать нашу секретную переписку десять лет назад. Нагло, бесцеремонно начали отстреливать наших фельдъегерей. И это, собственно — показатель. Нет совершенно никакой необходимости убивать несчастного безвинного курьера только для того, чтобы отнять у него почту. А они убивают, всегда!

— Вы знали про них и ничего не предпринимали? — ахнул Дабл Ви.

— Ну почему же не предпринимали? — пожал плечами Такэда. — Как вы думаете, Владимир Владимирович, почему вам удалось с такой невероятной легкостью развернуть сеть этих исследовательских центров, несмотря на то что почти все правительство выступало против?

Дабл Ви откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

— Так это были вы? — прошептал он, — Это вы прислали мне то самое письмо! Это вы убрали накануне голосования Рокфеллера и Ионеску!

— Не будем об этом, — мягко сказал Такэда, — дела давние, все уже забылось, зачем воскрешать. Давайте лучше думать, что нам делать сейчас. Этим своим «Вот!» я просто хотел дать вам понять, что силовой вариант решения проблемы здесь вряд ли приемлем. Это будет война на износ, которая сметет и их и нас.

— Не будет, — резко сказал Дабл Ви, — когда-то Великому Вождю удалось победить страны, которые намного превосходили его и экономически, и в военном отношении! Они производят оружие? Прекрасно! Но это оружие вряд ли поможет им против гибридной войны!

— Гибридная война? Вы имеете в виду экономические меры? — спросил Такэда, — ну что ж, возможно, мы найдем способ вносить скрытые дефекты в те детали, что

делаем для них, наверняка им нужны какие-то полезные ископаемые, которые есть только у нас.

И снова Ян встретился с Глинской взглядом. Такэда просто дословно повторил слова Тагора на их последней встрече.

Три точных цитаты за вечер, это никак не могло быть совпадением.

— Нет-нет, не только экономически, — ответил Дабл Ви Такэде, — это, конечно тоже, но не только.

Он повернулся к Корчаку.

— Мне нужно, чтобы вы вычислили все кротовые норы, через которые их мир взаимодействует с нашим. Я не спрашиваю вас, возможно ли это, я просто приказываю вам сделать это!

— Это возможно! — ответил Корчак. — Сам характер происходящего показывает, что их люди внедрены на всех уровнях в земную систему управления. Невозможно отследить куда исчезла деталь со склада, но всегда можно выяснить, какой чиновник оформлял заказ этой детали, и пройдя по всей цепочке, найти то самое звено, через которое идет взаимодействие. Кроме того, мы и вправду можем вносить скрытые дефекты в их детали, отсечь их от необходимого сырья. Это чисто техническая задача, но мне необходимо...

— Берите любые ресурсы... — превал его Дабл Ви, и вдруг осекся. — Хотя нет, для начала нам надо прояснить одно недоразумение. — Мне нечасто приходится признавать свои ошибки, но сейчас я сделаю это. Я признаю, что рассылка о ваших полномочиях, которую я сделал сотрудникам Центра, была глупостью. Я сделал это, не подумав о последствиях. Я был неправ, а вы с вашим публичным демаршем поступили правильно. На этом — всё!

Он подошел к столу, вытащил из ящика коробочку и открыл ее. Там лежала тускло блестящая серебристая пластинка на цепочке.

— Это Басма́, Корчак, она дает вам особые полномочия и отныне все в лагере обязаны выполнять ваши приказы, как если бы они исходили от меня самого. Но никто об этих полномочиях не будет знать, пока вы не покажете эту пластинку. А кому ее показать, вы будете решать сами. Таким образом вы не испортите отношений с вашими друзьями.

Он возбужденно прошелся по комнате.

— Война так война! Но мы обойдемся без крови! Они даже не заметят, как проиграют!

Когда Елена с Корчаком вышли за дверь, она крепко схватила его за руку, развернула к себе лицом и прижала

палец к губам. А потом ткнула его пальцем в грудь, туда где висела Басма Такэды и громко отчетливо сказала:

— Я слышала, что в здешней управленческой столовой подают чудесный кофе. Почему бы нам не зайти туда, Ян?

— Туда вход только по пропускам, для работников управления, — ответил Ян.

— Вот и проверим, как работает Басма́, что дал вам Дабл Ви, — громко сказала Елена.

Стражник на входе преградил было им путь, но увидев Басму́ вытянулся по струнке и отдал честь. Елена выбрала столик под самым динамиком, из которого лилась бодрая музыка. Они заказали по чашечке кофе.

Елена жестами попросила Яна расстегнуть воротник и снять Басму́ Такэды. Потом она проделала странные манипуляции. Она завернула обе Басмы́ в несколько слоев салфеток и начала постукивать этим пакетом по поверхности стола.

— Вы что, — удивился Ян.

— Зато *им там* теперь ничего не слышно, — улыбнулась Елена, — вам не пришло в голову, что в этих штучках могут быть запрятаны микрофоны? Ведь стоило вам

только получить от Такэды Басмү в подарок, как он тут же стал дословно цитировать наши разговоры.

— Да, мне такая мысль сразу пришла в голову, по здравому размышлению — вряд ли. Это было бы сверхглупо с его стороны сначала всучить Басмү с тайным микрофоном, а потом, при первой же встрече продемонстрировать, что ему известны наши разговоры.

— Но откуда-то он про них знает?

— Мы называем себя гениями, Елена, но в бытовом плане мы глупы и наивны. Было бы крайне глупо рассчитывать, что при строительстве центра его стены не нашпигуют подслушивающей аппаратурой.

— Значит, — побледнела Елена, — они с самого начала знали все про наш заговор?

— Такэда, — очевидно да, знает. А вот Дабл Ви — вряд ли. Если бы у него был доступ к подслушивающей аппаратуре, ему не было бы нужды рисковать, держать своих агентов и осведомителей среди нас. А они у нас есть, вы сами недавно в этом убедились.

— Но Такэда...

— За все время, пока я тут, в центре, все жесты со стороны Такэды были дружественными. Это конечно не говорит автоматически, о том, что он друг. Но, ведь то,

что он сегодня дал нам понять, что знает о наших разговорах — это ведь тоже посыл от друга, а не врага.

— Нам надо будет обсудить это со всеми, там, в центре,
— сказала Елена.

— Но уже так, чтобы нас никто не подслушал, —
улыбнулся Ян.

Они поднялись на Крышу и сели в свободный коптер. Погода была прекрасная. Солнце заливало ослепительным светом заснеженную тайгу с редкими зданиями, вкрапленными среди деревьев. Основной Лагерь раскинулся у самого горизонта и не нарушал своим индустриальным видом природного великолепия.

Вдруг Корчак вскрикнул от боли. Глинская сильно ухватила его за запястье вонзив ногти в кожу.

— Ян, вон там слева, в отдалении, бетонная полоса! Вы знаете, что это такое?

— Да, я видел на плане лагеря, это строительство испытательного трека для спецавтомобилей.

— Это не трек, Ян, это взлетно-посадочная полоса, для тех самых Сэйбров.

Он в изумлении посмотрел на нее.

— Это только наши коптеры могут взлетать откуда угодно, хоть с крыши, хоть с поляны, Ян. А военным реактивным самолетам требуется специальная бетонная полоса для взлета и посадки. У нас таких самолетов нет. Это для Сэйбров!

Глава 26. Тайна секретной двери.

Шум накатывал волнами. Он то затихал, то почти заглушал разговор, то скатывался к глухому рокоту, то поднимался почти до писка.

Тагор то и дело с гордостью посматривал на неказистый ящик, издававший этот шум. На «глушилку», как его называл. Он сам собрал это устройство по старинным схемам, найденным в архивах 20 века, и был чрезвычайно доволен собой.

Но самое главное, несмотря на эти ужасающие звуки, они могли слышать друг-друга и вести разговор, впервые за много дней. У них накопилось много тем для обсуждения за время вынужденного молчания.

Когда Тагор с Еленой принесли весть о том, что их подслушивают, и Такэде в деталях известны их разговоры, это выбило всех из колеи. Они прекратили всякое общение, а Тагор чуть не впал в депрессию, забросил все дела и ежеминутно ждал ареста. Но шли дни. И никаких карательных санкций не последовало.

И вот однажды за завтраком — столовая была единственным местом, где они позволяли себе тихие разговоры — Тагор передал Корчаку листок бумаги со списком.

— Закажите эти детали, Ян. Мне их не дадут без подробного обоснования, а вам с вашей Басмой доставят без лишних вопросов. Я сделаю из них детектор, позволяющий обнаруживать подслушивающую аппаратуру, я нашел его описание в архиве.

Детали были доставлены в тот же день, но результата это не дало. Тагор исследовал каждый сантиметр пространства в их комнатах. Детектор находил всё. Он обнаруживал работу интеркома и кабели связи, проходящие через этажи, он показывал где прячется в стене система управления пневмопочтой и умными шкафами-лифтами, он даже реагировал на трубы канализации и водопровода. Но ничего кроме этого обнаружить не удалось.

— Возможно там какая-то совсем примитивная система прослушки, — шепнул он Корчаку за ужином, — чем примитивнее, тем сложнее ее найти. Или же, еще хуже, она совмещена с интеркомом, или встроена в управление пневмопочтой. Тогда обнаружить ее невозможно.

— Что будем делать? — спросил Корчак.

— Вот вам еще один список деталей для заказа, я соберу из них глушилку. Которая зашумляет помещение и не дает прослушивающей аппаратуре записать разговор.

— Глушилку? А мы-то сами друг-друга услышим за ее шумом?

— Должны слышать! Человек слышит не только ушами, но и мозгом. Мозг может вычленить в пространстве источник нужного звука и отделить его от шумов. А микрофон не видит звукового пространства, он запишет все подряд, и потом из этой записи нужный звук уже не вытащишь. Во всяком случае так в описании глушилки сказано.

Тагор оказался прав. Глушилка работала. Они проверяли ее всеми доступными способами, записывали свои разговоры на диктофон в ее присутствии, вели диалоги через интерком с включенной глушилкой. В живом общении они друг друга слышали, а в записи или через интерком все забивалось шумом.

И тогда они, наконец, решили собраться вместе и поговорить о своих делах.

— Я не понимаю, — сказал Стар, — зачем Текэде нужно было продемонстрировать, что он в курсе наших разговоров? Ведь понятно, что после этого мы примем ответные меры и так или иначе найдем способ избежать прослушки. И почему, если ему известно о нашем заговоре, он не предпринял никаких мер.

— Ну, к примеру, если цели нашего заговора совпадают с его целями, — сказала Шарлотта, — то ему нет никакого смысла принимать эти меры.

— О каких целях идет речь, если мы сами толком не знаем еще, какие у нас цели, — грустно воскликнул Тагор.

— Ну хорошо, — скажу иначе, — улыбнулась Шарлотта, — если мы идем в том направлении, которое ему выгодно, ему нет никакого смысла останавливать нас.

— Может быть и так, но это не объясняет почему он раскрыл нам, что нас прослушивают, — возразил Стар. — С какой целью он это сделал? Что вы скажете, Анна, ведь вы должны хорошо знать Такэду.

— Я знакома с ним с детства, — сказала Анна, — он был дружен с моими родителями и часто бывал у нас в доме. Я не знаю, что означают все эти события, но я могу сказать совершенно точно — Такэда нам не враг.

— Уточни, это важно, он не враг лично тебе или не враг всем нам? — спросила Глинская

— Ну, я член семьи, и ко мне, конечно, всегда будет особое отношение, — улыбнулась Анна, — но он не враг никому из нас. Я не могу сказать, друг ли он вам всем, но то, что не враг — это точно. Даже если ему надо будет

остановить нас, то он найдет способ сделать это так, чтобы никому не было причинено ущерба.

— Ну так может это и был способ остановить нас? — догадалась Глинская, — он ведь фактически парализовал нашу работу на какое-то время этой своей «откровенностью»! И при этом не причинил никому ущерба. Мы просто боялись общаться между собой, и работа наша встала!

— Может быть! — согласился Стар, — но мы в любом случае это скоро поймем. Сегодня Такэда узнает, что мы воспользовались глушилкой, и, если ему и вправду надо остановить нас, он даст нам понять это другим способом. Если же никакой реакции не последует, значит твоя догадка не верна и права Шарлотта: Такэде выгодно чтобы мы продолжали свою работу.

— Хотя, — Стар задумался и вытащил какую-то папку с бумагами, — мне вот что сейчас пришло в голову. Помните у Яна никак не сходились расчеты по Безмятежным Островам? Мы заподозрили, что в базе данных недостоверные цифры, и Ян, при помощи своей Басмы, затребовал данные из секретного госархива. Они пришли сегодня утром. И действительно оказалось, что есть серьезные расхождения между открытой базой данных и секретным архивом.

— Я еще не видел этих цифр, — сказал Ян.

— Я сам подставил их в ваше уравнение, Ян, и, представляете, результаты снова не сошлись. Более того, они вообще ушли за всякие разумные границы. Вот я и подумал, а не могли ли нам в ответ на ваш запрос намерено подсунуть фальшивые цифры. Еще более фальшивые, чем были в открытой базе.

— Покажите! — Ян, быстро пробежал колонки цифр глазами, — вот тут точно ошибка! Указано, что на Земле 600 лабораторий по производству противораковой сыворотки, тогда как их всего 50.

— Не может быть, — возразил Стар, эта-та цифра как раз совпадает в обоих источниках, и в базе, и в секретном архиве. И там, и там 600 лабораторий.

Корчак в недоумении посмотрел на Стара.

— Но мне сам Дабл Ви говорил, что лабораторий всего 50!

— Ян, даже шестьсот лабораторий едва-едва справляются с производством нужного количества сыворотки. Пятьдесят — не покроют даже десятой доли потребности в ней.

Корчак задумался.

— Нет, я же хорошо помню, что Дабл Ви говорил именно про пятьдесят лабораторий. Я не мог напутать, потому что он упомянул эту цифру в связи с другими, когда рассказывал мне о падении производства на Земле. «Сейчас в мире 50 лабораторий по производству противораковой сыворотки. А сто лет назад их было 150», — сказал он. Не может же так быть, что сто лет назад было 150. А сейчас вдруг стало 600.

— Еще раз повторяю, Ян, если бы на Земле было только 50 лабораторий, 90% больных не смогли бы получить сыворотки и избавиться от рака.

— Есть способ проверить, — заметила Анна. — Твое уравнение имеет ведь обратное решение, Ян. Мы знаем, какие результаты должны быть на выходе. Убрать все лишние параметры, и сразу увидим, при каком количестве лабораторий будет достоверный результат.

— Я могу сделать это прямо сейчас, — сказал Тагор. — У меня там как раз идет расчет, давайте папку, заброшу ваши данные в поток, вернусь с результатом через пару минут.

Он взял папку и вышел.

— Давайте пока отложим эту тему, — предложил Ян. — У Елены есть очень интересная информация.

— Если ты имеешь в виду взлетно-посадочную полосу для Сэйбров, — улыбнулась Шарлотта, — то она уже каждому шепнула об этом в столовой.

— И что вы думаете по этому поводу?

— Мы обсуждали это с Еленой, — сказал Стар, — и я попытался найти документацию по этому объекту, но ее просто нет.

— Как это нет? — удивился Корчак. — Я сам видел план, где этот объект обозначен, как испытательный трек для спецавтомобилей. А значит должны быть утвержденный план строительства и предварительная экспертиза объекта. Без этого строительство не может начаться.

— В наших лагерных архивах стоит пометка, что вся документация хранится в столичном департаменте спецтранспорта. Все что относится к спецтранспорту, идет под грифом секретно. Поэтому никто в лагере туда не лезет и этим объектом не интересуется. Лагерь просто выделил участок под строительство и всё. Формально там всё строит столичный департамент спецтранспорта.

— Ну так давайте запросим эту секретную документацию при помощи моей Басмы, и дело сделано!

— Не имеет смысла, Ян. Номера документации, на которые ссылается архив Лагеря, можно проверить и без Басмы, так вот они не имеют отношения к этому объекту.

Вот такой парадокс, в Лагере никто даже не лезет на этот объект, потому что он секретный и относится к столице, а из столицы сюда никто не показывается, потому что они даже не знают, что у них в Лагере есть этот объект.

— Кто же тогда строит эту полосу? — в изумлении спросила Шарлотта.

— А вот они и строят. Сами. Прямо у нас под боком. Вы, Ян, планируете всякие хитрые схемы для поиска коррупционеров, а вам-то и надо всего лишь доехать до этой взлетно-посадочной полосы, ухватить за ворот любого тамошнего работника, и можете быть уверены, что в ваших руках находится житель той самой серой зоны. Наверняка и вся техника там не наша, и люди! Все — оттуда!

— Что-то Тагор задерживается, — заметила Анна, — уже несколько раз по паре минут прошло.

— Да погоди ты, никуда не денется твой Тагор, — прервала ее Шарлотта. — Я не понимаю, Стар, то есть они уже прямо на нашей территории, нагло, и практически не скрываясь, строят свои объекты?

— Выходит, так!

— Но как такое может быть? Ну, хорошо, допустим, наши туда не лезут, потому что объект столичный.

Департамент Спецтранспорта туда не лезет, потому что

не знает об этом объекте. Но ведь ревизоры спецтранспорта каждый месяц бывают у нас. Неужто им никто не сказал, что вон там — «их объект»?

— Может и говорили, только им какое до того дело. Гриф «секретно», Шарлотта, это страшная вещь. Там, где стоят грифы «секретно», там правая рука не ведаёт, что творит левая. Ну сказали ревизору спецтранспорта: «Вон там строится ваш объект», а ревизор думает: «У меня нет допуска к данным об этом нашем объекте, так что лучше сделать вид, что я о нем вообще не слышал».

Коррупционеры прекрасно поняли уязвимости нашей системы и всю их используют!

— Но для чего им тут строить эту взлетно-посадочную полосу для Сейбров?

— Ответ очевиден. Видимо для того, чтобы они прямо тут у нас садились и взлетали, — улыбнулась Глинская.

— Анна в прошлый раз заметила, что если бы им надо было уничтожить наш лагерь своими Сейбрами, они бы давно сделали это, — сказал Стар, — а ответ, вот он — перед вами. Они не трогают Бодайбо потому, что планируют в будущем превратить его в свою базу.

Распахнулась дверь и вошел Тагор. Он был крайне бледен и было видно, что ему — не по себе. Он молча

прошел к креслу и сел на него. Ян заметил, что руки у него дрожат.

— Пока вас не было, Тагор, мы выяснили ужасную вещь,
— сказала Шарлотта.

— Я тоже! — глухо сказал Тагор. — Их действительно только пятьдесят, всего пятьдесят лабораторий, не больше! — он вскинул руку, упреждая ответную реплику Стара.

— Только не говорите мне, Стар, что это невозможно, потому что «иначе 90% больных не смогли бы получить сыворотки и избавиться от рака». Так оно и есть! 90% больных раком на Земле вообще не получают никакого лечения! Я не только так проверил, как Анна советовала. Я прогнал программу по всем смежным данным. Нам ведь почему-то не приходило в голову проверить, например, количество контейнеров для хранения сыворотки? Количество автомобильных холодильников для ее перевозки? Количество инъекторов для ее введения? Количество лабораторных титров для оценки эффективности лечения? Я сейчас все проверил! Количества производимой сыворотки хватит на лечение только 10% больных раком. Как раз только на тех, кто живет в этом вашем «свободном мире»!

— Я не понимаю, что всё это значит, — растерянно пробормотала Глинская.

— Это значит эфтаназия! Это значит, что «Безмятежные острова» — это такой благозвучный синоним эфтаназии. Во всяком случае — для тех, кто живет в Лагерьях! Я проверил статистику, самые массовые медпрепараты, которые сейчас производятся на Земле, это Нембутал и Т-61. Он же «коктейль смерти». Как раз именно столько, чтобы «усыпить» те 90% больных раком, что не получают лечения!

В комнате повисла недоуменная тишина, прерываемая только завываниями глушилки.

— Ну что вы смотрите на меня! — крикнул Тагор. — Ведь мы же знали! Интуитивно, на подсознательном уровне знали! Не хотели себе признаться, гнали от себя всякие сомнения! Но ведь каждый лагерник хоть раз в жизни задавал себе вопрос: «А не надуют ли меня? Существуют ли Острова на самом деле?»

— А как же выпускной визит? — спросил Корчак. — После окончания школы всем ученикам устраивают демонстрационную поездку на Острова на целый вечер. Они там ужинают, купаются в море, они убеждаются, что Острова и вправду существуют.

— Существуют, но не для лагерников, — ухмыльнулся Тагор, — для лагерников — последний укол, блаженная смерть и могила!

— Нет, я не верю! — крикнула Глинская.

— Тагор — прав, — тихо сказала Шарлотта, — Помните, я как-то говорила вам, что за некоторые тайные двери лучше не заглядывать, что я бы очень хотела, чтобы вы никогда не узнали о том, что там происходит. Но вы заглянули! И узнали!

— Так ты всё это знала! — крикнула Глинская. — Ты все это время знала об этом?

Шарлотта молча кивнула в ответ. И Яну вдруг этот кивок показался чрезвычайно знакомым, как будто он видел точно такой же кивок когда-то раньше, давно, совсем в других обстоятельствах. И это не было связано с Шарлоттой.

— Вы, кто с той стороны! Кто из этого «свободного мира», вы все знали об этом? — гневно крикнула Глинская.

— Я не знала, — тихо сказала Анна, — вернее нет, не так! Я, конечно, не знала, но, если честно, я подозревала, что тут что-то нечисто. Я просто гнала от себя эти мысли!

— Я не знал, — ответил Стар, — я часто бывал на Безмятежных Островах, но... Погодите, — вдруг встrepенулcя он, — там же есть бывшие лагерники. У них отдельные поселки, они с нами не общаются, но они там точно есть, настоящие бывшие лагерники, исцелившиеся от рака.

— Они там есть, — ответила Шарлотта, — но их там совсем немного, как раз ровно столько, чтобы и мы, люди свободного мира, верили в сказку, о счастливых лагерных работниках, заслуживших долгим трудом право исцелиться от рака и поселиться на Островах. Как бы ты сейчас плохо не думала про нас, Елена, но чиновники свободного мира — тоже люди, и их бы очень возмутила правда об Островах, знай они ее. Их обманывают точно так же, как и вас. Какую-то часть лагерников, небольшую, и вправду отправляют на Острова, тех кто был в хороших или особых отношениях с начальством или тех, кому просто повезло оказаться в нужное время и в нужном месте. Ваша Полли, Ян, я уверена, тоже сейчас на Островах, по-настоящему! Дабл Ви — не подонок, он наверняка отправил дело вашей Полли в особую папку.

— Да, я слышал, он приказал переместить его в особую папку, — подтвердил Ян.

— Ну вот, слова «особая папка» — это код, они как раз и означают, что лагерник будет по-настоящему отправлен на острова, а не умерщвлен.

— Откуда ты знаешь про всё это? — подозрительно спросила Глинская.

— Родителей не выбирают, Елена, — мне довелось родиться в семье, в которой хотят того дети или нет, но они узнают об этом, как только достигнут подросткового возраста. Сначала их конечно готовят психологически, а потом они узнают.

— Как ты могла с этим жить?

— Я не могла с этим жить, — ответила Шарлотта просто, — именно поэтому я сейчас здесь, вместе с вами, в Центре Ч, а не Безмятежных островах, как мои братья и сестры.

— У меня была подруга, — сказала Глинская, — мы дружили с раннего детства, сколько себя помним. В лагере у людей не бывает близких отношений, но мы были исключением, мы не могли жить друг без друга, она была моей семьей, а я — её. Она была на год младше меня, но я специально осталась на второй год, и получила клеймо «недоразвитой», чтобы быть с ней в одном классе. Мы даже внешне были похожи, обе рыжие, с вьющимися волосами. Мы вместе прошли

через ужасы лагерной школы, через кошмар «физкультурного обучения». А потом она заболела лейкозом и ее отправили на Безмятежные Острова. Как же я была счастлива за нее, что хотя бы она вырвалась из этого кошмара. Эту радость даже не могло омрачить горе расставания. Я понимала, что надежды мало, но я мечтала, что может быть, когда-нибудь окажусь на том же острове, что и она... А теперь...

Елена вдруг разрыдалась в голос. Стар вскочил с места, обнял ее и стал гладить по голове.

— А я еще искал способы, как победить Коррупционеров! — с горечью сказал Тагор. — Как бы эти ребята ни были плохи, они по крайней мере честны и не строят из себя благородных рыцарей. Лучше я буду с ними, у них по крайней мере без обмана, и сразу ясно, что есть что!

— Вам сейчас плохо и тяжело, — сказала Анна, — нам всем сейчас плохо и тяжело. Но не стоит из-за этого метаться от одной крайности в другую. Почему вы думаете, что вам надо быть «с кем-то», когда нам всем, кто здесь собрался, достаточно быть просто друг с другом. Мы уже достаточно сильны, Тагор, чтобы сражаться на равных и с Земными Властями и с Коррупционерами. Они еще не знают, что на поле боя

появился третий противник, и в этом наше преимущество.

Она повернулась к Корчаку

— Ян, не останавливай меня, я сделаю то, о чем мы говорили вчера. Теперь, когда мы знаем, ты не вправе меня останавливать.

— Я не буду останавливать, я буду помогать, — хмуро сказал Корчак.

— Стар, Тагор, возьмите себя в руки, мне будет нужна ваша помощь, прямо сейчас!

Анна тронула Глинскую за плечо.

— Не плачьте, Елена, скоро у них праздник, День Рождения Вождя. О, уверяю вас, они запомнят этот праздник надолго! Это будет последний День Рождения Вождя, который отпразднуют на Земле.

Глава 27. День рождения Вождя

Дабл Ви встретил их темным хмурым взглядом. Было заметно, что он едва сдерживает гнев. Он славился своим умением управлять эмоциями, но сейчас было заметно, что он едва контролирует их.

— Вот ведь какая история случилась, — начал он тусклым и внешне спокойным голосом, — ко дню рождения Великого Вождя во всех Лагерях проводят для работников праздничные концерты.

Вот и неделю назад, на последнее празднование его дня рождения, тоже везде прошли концерты, во всех Лагерях. Вы знаете традицию? В каждый такой концерт обязательно включается маленькая одноактная пьеска, комедийного содержания, непременно с моралью, в воспитательных, так сказать, целях.

Каждый год сочиняется новая пьеска, на новую тему, с новой моралью. И в этом году тоже была такая веселая пьеска, под названием «Свихнувшаяся мать». И цензорам и устроителям очень понравилась: смешная, свежий сюжет. О том, как лагерная работница вообразила себя специалистом по воспитанию детей и решила, что она может воспитывать своего новорожденного ребенка самостоятельно, пытается спрятать его от медиков. Все, конечно, заканчивается

благополучно, как и положено в таких пьесках. Ребенок не пострадал и передан в руки специалистов, а свихнувшуюся работницу направляют на лечение.

Но вот ведь какое дело, то, что показалось устроителям смешным, у лагерных работниц вызвало совсем иную реакцию. Все концерты оказались сорваны из-за массовой истерики зрительниц. Кое-где ситуация оказалась на грани бунта: работницы едва не штурмовали школы, желая увидеть «своего» ребенка.

С большим трудом удалось взять все под контроль. Психологи до сих пор работают во всех лагерях, днем и ночью, всё вроде стабилизировалось. Но повсюду производительность труда все еще на 20 процентов ниже нормы. Я вас хочу спросить, вы ничего об этом не слышали?

— До меня доходили слухи, — сказал Корчак, — но без подробностей.

— Без подробностей? — взвился Дабл Ви. — Я вам сейчас подробности расскажу! Сразу кинулись искать автора, и, удивительное дело, автор неизвестен. И непонятно, каким образом пьеса попала в цензурный комитет. Вообще непонятно откуда она взялась. Никаких следов!

Ну там хоть и не такие гении сидят, как вы, но и не дураки. Поняли, что единственное место откуда такая пьеса могла просочиться — это система наших исследовательских центров. Вот теперь выясняют, из какого конкретно. На днях к нам комиссия прилетает! И вся наша программа теперь под угрозой закрытия. Вопрос уже внесен в повестку дня.

Дабл Ви встал, подошел к Корчаку и пристально посмотрел ему в глаза:

— А мне вот не надо выяснять, из какого именно центра! Я знаю из какого! Вы знаете, друзья мои, я даже об именах авторов этой пьесы догадываюсь! Короче, — сказал он после минутной паузы, — если я до завтрашнего дня не проведу официальное расследование и не сдам им виновного, нашу программу закроют. Если сдам, то ограничат, но, надеюсь, сохранят. Поэтому вы должны сейчас назвать мне виновного. *Вот кого назовете, тот и ответит за эту пьесу.*

— Я не очень понимаю... — начал Корчак.

— Я объясню! — перебил его Дабл Ви. — Ни вас, ни Анну, я сдавать не намерен, вы — слишком ценные кадры, на вас вся работа завязана. В вашем центре достаточно других людей, не таких ценных. Вот вы мне сейчас и назовете, кого я должен сдать им вместо вас. Кого-

нибудь малоценного. Вы назовете! Вы останетесь целы и невредимы, а тот, кого вы назовете — нет! Пострадает невинный человек и вы, именно вы, сейчас решите кто именно. Это будет ваше наказание и достаточная гарантия того, что вы впредь не позволите себе таких заскоков. Итак, я слушаю.

— Мы уже обдумали этот вопрос, — ответила Анна, вытащила из портфеля папку и положила ее на стол Дабл Ви. — Здесь результаты проведенного *вами* расследования, и здесь уже указаны все виновные в произошедшем.

Дабл Ви посмотрел на нее с изумлением.

— Поскольку читать и вникать долго, я объясню все на словах, — продолжила Анна. — Помните, мы с вами обсуждали программу создания текстов двойного назначения. Таких, которые вызывали бы разную реакцию у разных социальных групп, у лагерных работников одну, а у администрации, например, другую. Программа была утверждена и запущена в работу. В точном соответствии с графиком программы был создан текст образца и отправлен для проверки в столичный департамент информации. На этот документ был поставлен гриф «совершенно секретно».

Все эти пояснения Анна сопровождала распечатками, которые клала на стол Дабл Ви, тот их с жадностью хватал и просматривал.

— И там, в столице, произошла накладка, — продолжала Анна. — Вы же знаете, как все эти организаторы концертов тянут все до последнего момента. И когда до дня рождения Великого Вождя оставалось несколько дней, вдруг обнаружилось, что пьесы нет, не готова. Все кинулись искать выход. Кто-то из этих «искателей», кто имел доступ к секретным документам, увидел наш текст и прочитав его, не нашел в нем ничего секретного, но зато понял, что это именно такая пьеса, которая им нужна.

Короче, по знакомству ли, по глупости ли, какой-то идиот снял с нашего текста гриф «совершенно секретно» и отправил в программу праздничного концерта. А может это был не один идиот, а группа идиотов, принявшая такое решение коллегиально.

Вот так и случилось, что из-за этих идиотов в столице, совершенно секретный документ оказался в концертной программе, что и вызвало такие ужасающие последствия.

Когда виновники произошедшего поняли, что натворили, они стали заматывать следы, потому-то и «автор пьесы

неизвестен» и «источник непонятен». Им несложно было замести следы, поскольку расследование проводят, я полагаю, как раз те люди, кто все это и натворил. А потому, Дабл Ви, я думаю, что будет правильно, если вы отправите этот отчет не им, а Такэде, а еще лучше, потребуете через него созыва Большого Жюри Ревизоров, поскольку в деле, очевидно, замешаны очень высокопоставленные лица.

На лице Дабл Ви отобразилось невероятное облегчение. Он впервые улыбнулся по-настоящему.

— Вы знаете, кто они, эти «высокопоставленные лица»? — спросил он.

— Это *вы знаете*, — ответила Анна. — Вы не раз жаловались, что там в столице у нашей программы много врагов. Вот теперь с ними можно покончить одним ударом. *Вот кого назовете, тот и ответит за эту пьесу*, — добавила она ехидным тоном.

— Погодите-погодите, — поморщился Дабл Ви, — вы меня совсем запутали. Это ведь только распечатки. А оригиналы? Оригиналы есть в компьютерной системе? — вдруг спохватился он.

— Как только вы внесете в эти документы фамилии ваших врагов в столице и поставите под исходящими вашу цифровую подпись, — сказала Анна, — они тут же

станут оригиналами, и появятся в компьютерной системе с правильными исходящими и входящими номерами и датами. Как будто они там и были изначально. Комар носа не подточит.

Дабл Ви ошеломленно посмотрел на них.

— Ну конечно же! Тагор! — воскликнул он. -- Тагор работает с вами, я мог бы догадаться. Кто еще? Чтобы попасть в номера и даты надо было заранее все рассчитать и сделать соответствующий сдвиг. Ринго Стар! Угадал? Сколько вас там?

Он задумался на мгновение.

— Нет, это даже не заговор! — сказал он. — Вы понимаете, что вы сейчас устраиваете настоящий государственный переворот?

— Не мы, *Вы устраиваете!* — мягко сказала Анна. — Вы же один из нас, Дабл Ви. Если бы не ваше благородное происхождение, если бы не семья, в которой вы родились, то вы бы сейчас были бы не здесь в вашем кабинете, а с нами в центре Ч. Это вы собрали нас всех вместе, это вы указали нам цель. А что мы делаем? Это просто идем к указанной вами цели. Вы с самого начала знали, что без того, что вы назвали «государственным переворотом», этой цели достичь нельзя.

— Вы загнали меня в угол, — сказал Дабл Ви. — Думаете я вам это прощу?

— Бросьте! — Анна наклонилась вперед и посмотрела ему прямо в глаза. — Это не рациональное ощущение. Это в вас бурлят эмоции, Дабл Ви! Эти эмоции говорят вам, что вас загнали в угол. Отбросьте их, и ваше рациональное сознание подскажет вам, что вы, наоборот, вырвались на свободу.

Никто вас ни к чему не вынуждает. У вас по-прежнему есть свобода выбора. Вы можете сдать им «жертву», как хотели вначале, и выторговать продолжение работы центров. Вы можете, используя те возможности, что мы вам показали, придумать свою «отмазку» и пустить ее в дело, не совершая, как вы выразились, «госпереворота». А можете поступить по тому плану, что мы вам сейчас предложили.

Но и вы и я, мы оба прекрасно знаем, как вы поступите.

Вас бесит лишь то, что решение это было найдено не лично вами и не под вашим контролем, а другими людьми и без вашего участия. Из-за этого вам кажется, что вы попали в зависимость от нас. Но вдумайтесь, и вы поймете, что это не так.

Последнее слово будет всегда за вами. Без вашей цифровой подписи ничего работать не будет. Мы

бессильны без вашей цифровой подписи, а вы бессильны без наших мозгов. Мы нужны другу — это называется партнерство!

— Однако, вы провернули всю эту операцию втайне от меня, и узнал я о ней не от вас, — сказал Дабл Ви.

— Если мы скажем, что это была случайность, вы поверите? — спросил Корчак.

— Я предпочту не верить в это, — сказал Дабл Ви, — так мне будет спокойнее.

— Ну тогда просто поверьте, что это была глупость, — сказала Анна, — ведь гении тоже совершают глупости, хоть и гениальные. Мы и вправду отправили эту пьесу в столицу для проверки эффекта, только без грифа «секретно». Мы были уверены, и предварительные испытания здесь, в Бодайбо, показывали, что эффект будет едва-едва виден, буквально на грани статистической погрешности. Просто мы делали пробные замеры на маленьких аудиториях, но сейчас нам уже понятно, что эффект зависит от массовости нелинейно. Десять зрителей ничего не ощутят, пятьдесят ощутят на грани погрешности, но уже двести зрителей дадут очень мощную реакцию. Никто такого предположить не мог.

— В это я поверю, — сказал Дабл Ви после минутного раздумья. — Ну, хорошо, у меня два условия по нашему,

как вы выразились, «партнерству». Первое, никаких результатов ни по каким работам в столицу не отправлять вообще, пока они не пройдут полную обкатку тут, в Лагере Бодайбо, и пока я не дам явно выраженное согласие на их отправку.

— Принимается, — сказала Анна.

— Второе условие, я хочу лично встретиться со всеми заговорщиками, с вашей, так называемой «командой», и каждому посмотреть в глаза.

— Принимается, — сказала Анна, — мы сами хотели просить вас об этом. Но если можно, не прямо сейчас, а чуть позже. У нас на подходе один очень важный результат, и мы хотели преподнести его вам лично, всей командой.

— Принимается, — согласился Дабл Ви, — но я пока еще не сказал вам окончательно ни «да», ни «нет». Я хочу еще раз обдумать все, когда останусь один. Когда рядом не будет вас, Анна. Потому что я не знаю, то ли вы меня и в самом деле убедили, то ли это работают ваши гипнотические штучки.

Они оставили его одного.

— Наивный человек, — хитро улыбнулась Анна, когда они вышли из кабинета. — Он полагает, что мои

гипнотические штучки перестанут работать, когда меня не будет рядом с ним.

— Он ничего не сказал про финал пьесы, — заметил Корчак.

— И прекрасно, — ответила Анна, — если уж он не заметил, то значит и никто не заметит!

Основная сюжетная нить, со «свихнувшейся матерью», была лишь дополнением. Пьеса была запущена только ради финального монолога героини.

«Я не хочу на Безмятежные Острова, — кричала героиня в финале, — Я отказываюсь от них! Эй, кто-нибудь, выведите меня из этой тьмы на свет! Я хочу света! Я хочу увидеть, какой бы была моя жизнь, если бы не было этих проклятых островов! Я знаю, наступит день и придет тот, кто выведет меня из тьмы!»

Совершенно бессмысленный бред с точки зрения любого чиновника земной администрации, вполне характерный для сошедшей с ума женщины. Но у каждого лагерника, эти слова должны были вызвать совсем иную реакцию. Это был прямой призыв к тому самому «волшебнику», к «особому человеку», слухи о котором переполняли Лагерь.

Анна предполагала, что этот призыв, попав в души лагерников, спустя какое-то время прорастет, расцветет и даст плоды. Теперь оставалось только ждать этих плодов.

— Ты сказала, что Дабл Ви не из обычной семьи, — спросил Корчак у Анны, когда они поднялись на крышу в ожидании коптера. — Он что из ваших, из ревизорских?

Она недоуменно посмотрела на него.

— Ты разве не знаешь? Дабл Ви — один из потомков Великого Вождя. И у него идея фикс, что он, как правнук, должен исправить то, что наворотил его прадедушка.

Глава 28. Империя наносит ответный удар

Только потом, когда он увидел сорванную с петель дверь, лежащую на полу, Корчак понял, что произошло.

А в первый момент, спросонок, он ничего не успел сообразить. Сильный грохот, и в следующий миг его что-то выдернуло из постели, тело пронзила резкая боль в плече, и он понял, что ему заломили руки за спину, а его лицо крепко прижато к чьему-то колену.

«Специалист-математик пятого управления Лагеря Бодайбо Януш Корчак, — громко и четко сказал чей-то голос. Вы арестованы по обвинению в государственной измене. Так же вам вменяется в вину, что вы незаконно, мошенническим путем, покинули пределы Лагеря и самовольно присвоили себе статус свободного человека. Дальнейшая ваша судьба будет зависеть от вашей откровенности на допросах».

Темная волна лагерного страха накатила на Корчака, призрак лагерной кабалы предстал перед ним, ужас сковал и парализовал его мышцы.

«Если у вас когда-нибудь будет выбор, Лагерь или смерть, я бы на вашем месте предпочел умереть», — сказал ему недавно Дабл Ви. И Корчак осознал, что терять ему уже нечего. Усилием воли он взял свое тело под контроль.

— Я не лагерный работник, — прохрипел он, — я лейтенант госбезопасности, удостоверение во внутреннем кармане куртки, в шкафу.

Хлопнула дверца шкафа.

— Он говорит правду, командир, — сказал один из вошедших, — вот удостоверение.

Руки, державшие Яна, ослабли, и он смог поднять голову.

В комнате было четверо вооруженных полицейских. Один из них, румяный розовощекий майор, видимо тот самый «командир», изучал его лейтенантскую карточку.

— Держать его! — крикнул он, увидев, что Яна отпустили. — Удостоверение выдано ему незаконно. Оно изымается и приобщается к делу.

Яна снова схватили, но уже иначе, хоть и крепко, но без прежнего энтузиазма, он по крайней мере мог теперь видеть, что происходит в комнате.

— Надо бы связаться с местной госбезопасностью, командир, — сказал человек, держащий Яна. — Даже если есть уверенность, что удостоверение ненастоящее, мы все равно не можем изъять его без их участия. Таков закон.

— Ты буквоед, сержант. Слышал приказ? Действовать автономно, местная госбезопасность тоже может быть

тоже завязана в измене. Доставим всех к нам во Владимир, там разберутся.

— В том-то и дело, что только «слышал», письменного приказа я не видел, — пробормотал сержант.

— Ответственность несу я! Выполнять приказ!

— На шее, посмотрите у меня на шее, — сказал Ян
Рука сержанта нащупала цепочку.

— Тут Басма́, — сказал сержант и снова выпустил Яна.

— Держать! — рявкнул майор в голос.

Сержант снова крепко ухватил Яна за локти, но заламывать руки уже не стал.

— Командир, золотая цепочка, с этим не шутят, — сказал один из полицейских.

— Вы что, идиоты? — крикнул майор, — включайте мозги, откуда у него всё это: тут и удостоверение госбезопасности, тут и Басма́ с золотой цепочкой. И почему, спрашивается, такой важный человек живет в этой дыре. Гляньте чего там у него в карманах, может там еще и карточка члена правительства лежит!

Один из полицейских полез в шкаф.

— Тут еще одна Басма́, командир, но местная, от супервайзера лагеря.

— Вот, — удовлетворенно сказал майор, — зачем ему еще эта местная Басма́, когда него уже есть аж с золотой цепочкой. Всё фальшивое!

— Ну это легко проверить, — сказал сержант, — достаточно поднести ее к карманному считывателю.

Раздался шум, двое полицейских втащили в комнату Глинскую, ее рот был заткнут кляпом, а лицо и пижама были сильно перепачканы в крови.

— Это еще что, — крикнул майор, — сказано же — доставить их в целости и невредимости, не калечить!

— Это кровь Себастьяна, — ответил один из полицейских, — эта сука загрызла его.

— Что?

— Она, похоже, прокусила ему артерию. Кровь остановили, но ему надо срочно в госпиталь. — Он замахнулся рукой на Елену. — Так бы и выбил ей зубы!

— Если это надо будет сделать, обязательно позовем тебя, — улыбнулся майор одними уголками губ. — А где еще одна? Был приказ взять еще одну, Анну Клевскую!

— Она скрылась, командир! Не знаю, как так получилось, но она их просто выключила. Мы нашли пустую комнату и двоих наших без сознания.

— Они живы?

— Уже пришли в себя, но ничего не помнят.

— Вы хотели проверить мою Басмý, — напомнил Корчак, — сделайте это, и давайте, наконец, поговорим нормально.

— Сейчас проверим, — сказал майор, — дайте Басмý.

Сержант протянул ему Басмý Корчака. Раздался громкий щелчок, майор переломил Басмý пополам.

— Не было никакой Басмы́, — сказал он и повернулся к полицейским, — никакой Басмы́ не было, понятно?

— Вы только что совершили уголовное преступление, капитан, — раздался знакомый голос.

В дверях стоял Ринго Стар.

— Это еще кто такой — рявкнул капитан, — взять его!

— Ринго быстро выбросил вперед руку с пластиковой идентификационной картой.

— Я — Эдвард Кенеди, начальник департамента нормативных актов министерства внутренних дел, а значит — ваше начальство!

— Бывшее начальство! — ответил капитан, — Я в курсе, вас сослали в эту дыру в наказание за ваши проступки. Он из той же компании, взять его!

— Всем стоять! — крикнул Стар. — Меня никто не лишал ни должности, ни чина! Формально я тут нахожусь в командировке! Мой статус начальника департамента — действующий. Сержант, проверьте моё удостоверение по номеру! На расстоянии! В руки — не дам!

Майор выхватил из кобуры пистолет. Раздался выстрел. Стара с силой отбросило к стене, и он мешком сполз на пол. Глинская рванулась из рук держащего ее полицейского и почти освободилась, на нее навалилось еще двое полицейских.

— Быстро, не мешкать! — крикнул майор. — У нас приказ доставить их во Владимир любой ценой, и мы доставим их любой ценой. Тащите их к коптеру!

Сержант снова заломил руку Корчака, но совсем не больно, при желании Корчак мог бы вырваться.

— Не сопротивляйтесь, — шепнул сержант, — вы же видите, у него крыша поехала. — И добавил секунду

спустя, — в случае чего подтвердите, что я закона не нарушал.

Их с Глинской выволокли через выбитую дверь в коридор и потащили к лифту. Но вскоре их движение застопорилось. Корчак поднял голову. В коридоре были люди, много людей. Они вливались через лестницы с обоих концов коридора и вскоре полностью заблокировали его в обоих направлениях.

— С дороги! — громко крикнул майор. — Мы правительственный полицейский отряд особого назначения, выполняем здесь спецзадание. Не препятствуйте!

— Попробуйте пройти, — сказала спокойным голосом женщина, стоящая в первом ряду.

Корчак узнал ее, это была Мария Склодовская.

— Кто вы такие? — крикнул майор.

— Те же, кто и они, кого вы пытаетесь похитить, — сказала Склодовская, мы все здесь живем и работаем. — Если вы хотите забрать наших друзей, вам придется забрать нас всех. Или — никого.

— С дороги! — вновь крикнул майор. — Или мы будем стрелять!

— Стреляйте, — спокойно ответил ему мужской голос, — на всех у вас патронов не хватит, нас больше.

Майор выстрелил поверх голов. Никто даже не шелохнулся.

— Даже не пробуйте, — сказала Склодовская, — вы не поняли еще, что тут любой предпочтет смерть возвращению в лагерь?

— Вот мы сейчас и проверим, — сказал капитан, беря ее на прицел.

— Они убили Ринго Стара! — разнесся по коридору пронзительный крик Глинской. Ей, наконец, удалось избавиться от кляпа.

Толпа угрожающе загудела и стала неотвратимо надвигаться на полицейских.

— Ваш товарищ жив, — вдруг крикнул сержант, который держал Корчака, — у нас не боевые пули, пластиковые!

— Идиот! — рявкнул майор и вновь выстрелил поверх голов. — Ну, давайте, подходите, кто хочет попробовать! Пластиковые пули калечат не хуже боевых!

— Пропустите, — слышалось сзади, и сквозь толпу вперед протиснулись трое мужчин. В руках у них были винтовки. Корчак узнал О'Нила, коменданта общежития, и двух вахтеров.

— Комендант, прикажите толпе разойтись, — крикнул майор, — вы видели приказ о моих полномочиях. Выполняйте!

— Я растерялся, увидев ваш приказ, — ответил комендант, — а вот он, — комендант показал на одного из вахтеров, -- не растерялся, он вызвал по интеркому управление юриста-ревизора и провозгласил «слово и дело». Приказ, что вы получили, майор, приостановлен, вплоть до того момента, пока ревизоры во всем не разберутся. Сложите оружие и освободите задержанных.

— Ваш юрист-ревизор тоже участвует в заговоре! — крикнул майор. — И супервайзер вашего Лагеря тоже участвует. Он уже арестован, его сейчас везут во Владимир. Когда он начнет давать показания, каждый, кто нам препятствовал, будет сурово наказан.

— Никуда его не везут, — покачал головой комендант, наши лагерные пилоты заблокировали коптер, на котором его пытались вывезти, и не дали ему взлететь. И вы никуда не улетите, майор, я приказал слить топливо из вашего коптера, на всякий случай. И сейчас сюда едет начальник госбезопасности Лагеря с приказом для вас. Опустите ваш пистолет на пол, мы с вами маленькие люди, не нам решать, кто заговорщик, а кто нет, пусть ревизоры во всем разбираются.

Через толпу протиснулся запыхавшийся капитан Кидд. В руках у него была папка с бумагами.

— Я — начальник лагерного отделения госбезопасности, капитан Уильям Кидд, — сказал он. — Я тут один, без оружия и без моих людей, специально, чтобы вас не провоцировать. Я рассчитываю на ваше здравомыслие, майор. Вы можете не доверять никому и подозревать всех в госизмене, но уж печати большого жюри ревизоров должны вам быть известны. И подпись председателя жюри. Возьмите пакет и ознакомьтесь!

— Не подходить! — крикнул майор, — я буду стрелять.

— Попробуйте, — ответил Кидд и направился к майору.

Тот выстелил и удар пули отбросил Кидда прямо на толпу.

Резанул по ушам крик Глинской. Комендант О'Нилл вскинул винтовку:

— Последний раз говорю, положи пистолет, у меня-то пули боевые!

Майор отпихнул сержанта, обхватил Корчака за шею и прикрылся им.

— Вы нас сейчас пропустите, и выделите нам исправный коптер с топливом, не то я снесу ему череп пулей. Хоть она и пластиковая, но у меня получится, — крикнул он.

Киддс поднялся с пола и, пошатываясь, пошел на майора. Тот вскинул пистолет и выстрелил в Кидда снова. И в этот самый момент сержант резко ударил майора по руке с пистолетом и навалился на него сзади. Тут же несколько полицейских бросились к нему на помощь и совместно скрутили своего начальника.

— Мы складываем оружие, мы сдаемся! — крикнул полицейский, который удерживал Глинскую и выпустил ее.

Она выпрямилась, резко развернула полицейского лицом к себе, ударила его со всей силы ногой в пах и, громко рыдая, кинулась в комнату Корчака, где оставался Стар.

Глава 29. Его имя — Вольтер.

Они спустили раненых вниз, на вахту. Тут было просторно, стояли большие кресла, и главное был свежий воздух. Корчак пристроился на столе вахтера и пытался, по просьбе коменданта, написать отчет о произошедшем. Но сосредоточиться не получалось.

Полицейский сержант хлопотал возле капитана Кидда. Он распотрошил свою аптечку, сделал обезболивающие уколы Кидду и Стару, и сейчас пытался пристроить тугую повязку на груди капитана.

— Не хлопчите, сержант, все нормально, ребра целы. — вяло отбивался Кидд, — чему вас учат, если вы даже не знаете по каким точкам надо стрелять.

— Мы никогда и не стреляли по людям, — отвечал сержант, — я не знаю даже, что такое на нашего майора нашло.

— Да в заговоре он участвовал, ваш майор, а вас просто втемную использовали.

Дела у Стара были существенно хуже, около него, всхлипывая, хлопотала Глинская. Стар уже совсем пришел в сознание, но левая рука у него не двигалась и вывернулась неестественным образом. Елена боялась, что ему совсем перебило нерв и Стар теперь навсегда

останется калекой. Кроме того, он, видимо, повредил спину или ребра, когда ударился о стену. Лишь сейчас, после укола, боль начала отпускать его и Стар смог нормально дышать.

— Ты точно чувствуешь прикосновение? — спрашивала Глинская, касаясь поврежденной руки Стара.

— Да чувствую, нормально чувствую, цел нерв, не волнуйся!

— Тогда почему рука не шевелится? — с надрывом воскликнула Глинская и вновь разрыдалась.

Распахнулась дверь и на вахте сразу стало шумно илюдно. Приехали медики, стражники, которые тут же вывели из подсобки полицейского майора и надели на него наручники. Появился Такэда в сопровождении высокой статной женщины, лет шестидесяти, блондинки с короткой стрижкой и с умным, очень привлекательным, несмотря на возраст, лицом.

— Вы уважаемый человек, Сокаку, — выговаривала она Такэде, — и, конечно, ваш авторитет непререкаем, но как вы могли допустить такое!

— Что именно «такое», Кимико? — возражал он ей. — Давайте все же сначала поймем, что именно произошло.

Они прошли к кабинету коменданта.

Капитан Кидд меж тем отбивался уже от медиков:

— Я никуда не поеду, я нужен здесь! Ничего со мной не случилось. Первая пуля попала вот сюда, в грудь, но ребра целы. Вторая — в плечо. Ушиб сильный, но это именно только ушиб. Я более сильные травмы на ногах переносил.

— Вы так говорите, потому что действует обезболивающее, — мягко убеждал его врач. — Надо сделать томограмму, могут быть трещины, могут быть подреберные кровоизлияния, повреждения внутренних органов. Вы можете их сейчас не ощущать, они проявятся через некоторое время. И это может быть очень опасно, если вовремя не принять мер.

— Делайте томограмму прямо здесь! Я знаю, что тут, в Центре, есть томограф, используется при диспансеризации.

С другого конца доносился обеспокоенный голос Глинской:

— У него точно нерв не поврежден?

— Милая девушка, это обычный перелом ключицы. Это очень неприятно и больно, но абсолютно несмертельно. Заживет без последствий, даже следов не останется.

— А спина?

— Надо делать томограмму, но все рефлексы и реакции в норме. Считайте, что ему очень повезло. Стреляли в упор, даже следы пороха на коже остались. Травмы могли быть очень серьезными, а то, что с ним — это все равно, как если бы он просто споткнулся и упал.

Кидда со Старом понесли на носилках к томографу, и Корчак остался один, если не считать сержанта.

— Что мне-то теперь делать? — спросил сержант. — Майора увели, и я даже не знаю, где наши.

— Держитесь поближе к Кидду, — посоветовал Корчак, — вы ему, похоже, симпатичны. А стоит ли вам возвращаться во Владимир, вот в этом я не уверен. Сходите, посмотрите, не нужна ли там ваша помощь.

Сержант пошёл в медкабинет и чуть не столкнулся на входе с Такэдой и той высокой женщиной.

— А я буду настаивать, Сокаку, — выговаривала она Такэде, — что в том, что случилось, есть существенная доля вашей, именно вашей вины. Сто пятьдесят лет межведомственные конфликты на Земле не доходили до стадии перестрелок. Мы столько сил положили, чтобы этого не было, и вот снова началось! — она всплеснула руками.

— Уважаемая Кимико, — с напором возражал Такэда, — а я еще раз говорю вам, что это никакой не

межведомственный конфликт, а самая настоящая попытка государственного переворота. Давайте сначала дождемся отчета, что нам обещал комендант, и только потом вернемся к этому разговору.

— Да уж, Сокаку, без отчета я отсюда никуда не уеду, будьте уверены, даже если мне придется дожидаться его, ночуя вот на этом кресле.

— Я постараюсь побыстрее написать, — сказал Корчак, — я как раз готовлю этот самый отчет.

— Это еще что? — женщина недоуменно посмотрела на Корчака. — Кто вы такой и почему вступаете в наш разговор.

— Да это же Ян Корчак, собственной персоной, — с улыбкой пояснил ей Такэда.

— Ян Корчак? Тот самый Корчак, который «наш пострел везде поспел»?

Женщина с интересом посмотрела на него

— А ну-ка, Корчак, повернитесь-ка в профиль, дайте вас разглядеть хорошенько! Надо же, а по внешнему виду даже и не скажешь, — она повернулась к Такэде. — Правду говорили древние, в тихом омуте черти водятся!

Такэда пожал плечами и снова улыбнулся.

— Вообще-то я не выставочный экземпляр, — тактично заметил Корчак, — чем вызван такой живой интерес к моей внешности.

— А будто вы не знаете? — улыбнулась женщина.

— Он и вправду еще не знает! — сказал Такэда.

— Погодите, — женщина вдруг стала серьезной, — Корчак, почему это вы готовите этот отчет? Какое вы имеете отношение ко всему этому?

— Видимо такое, что меня пытались похитить и вывезти во Владимир.

— Вас? — удивилась женщина, — почему вас? Вы-то тут при чем?

— Корчак, Кимико, — заметил Такэда, — как раз и возглавляет ту самую исследовательскую группу. Это было в сводках, вы просто не помните.

— Я прекрасно помню, — возразила женщина, — но я просто не думала связывать всё это воедино.

Она села на кресло и задумалась.

— А все равно, Сокаку, — сказала она несколько минут спустя, — это только подтверждает версию о межведомственном конфликте. Давайте рассуждать последовательно. Управление лагерей, а фактически, как

я понимаю, это была именно группа Корчака, провело блестящее расследование этой безобразной истории с пьесой и разоблачило виновных. Поскольку там оказались замешаны члены правительства, Владимир Владимирович апеллировал к большому жюри ревизоров и передал нам все доказательства. Мы приостановили полномочия пяти членов правительства до принятия окончательного решения. Но, понятное дело, что и их заместители, и их друзья тоже так или иначе замешаны, иначе быть не могло. Они экстренно послали свой спецназ, чтобы захватить всех ключевых свидетелей по делу, и там, у себя во Владимире, добиться от них нужных им показаний. Или просто они намеревались ликвидировать всех ключевых свидетелей. Потому что бумаги-бумагами, но именно свидетельские показания решают всё. Корчак — самый важный свидетель. Всё сходится! Где тут госизмена? Чисто шкурные ведомственные интересы и ничего больше!

— Подумайте, Кимико, — мягко сказал Такэда, — Дабл Ви передал нам все доказательства вчера утром. Мы приостановили полномочия членов правительства в четыре часа вечера. А уже через двенадцать часов этот спецназ из Владимира был здесь. За двенадцать часов из Владимира до Бодайбо не долетишь ни перекладными коптерами, ни дирижаблем. И за сутки не долетишь. И за двое.

— Вы хотите сказать, что они там, во Владимире, уже несколько дней назад знали, что группа Корчака ведет расследование, и все доказательства будут переданы нам, и заранее послали свой спецназ?

— Я хочу сказать, что этот визит их спецназа вообще никак не связан с результатами расследования по этой пьеске. Просто так случайно совпало во времени. Они там, во Владимире, в принципе не могли знать об этом расследовании заранее. Об этих документах никто не знал до последнего момента. Вы представляете, Кимико, о них даже я до вчерашнего дня не знал. А раз я не знал, то и никто не знал. Корчак, — тут Такэда бросил быстрый взгляд на Яна, — оказался блестящим конспиратором!

— Тогда с какой целью они это сделали?

— С целью захвата власти! Я полагаю, что не Корчак, и не супервайзер Бодайбо были их целью, а мы с вами, Кимико. Ревизорское сообщество давно у них как кость в горле. Мы — единственные, кто сдерживает их амбиции. Но сами мы пока им не по зубам. Зато вот Дабл Ви знает о нас намного больше, чем положено знать человеку его ранга. А уж кто входит в группу Корчака, вы знаете не хуже меня!

— Ну нет! Вы как будто бредите, Сокаку, — покачала головой женщина. — Факты, давайте факты! Я остаюсь

здесь, в Лагере, пока у меня не будет полной ясности. И пусть распорядятся, чтобы меня разместили подобающим образом!

Послышался шум, Кидд со Старом возвращались с обследования своим ходом, уже не на носилках. Рука Стара была перебинтована и как будто поднята в каком-то странном приветствии.

— Что с ними? — спросил Такэда у медика. — Насколько все серьезно?

— Капитану Кидду нужен только покой и обезболивание в течение нескольких дней, а этому, — медик показал на Стара, — предстоит операция, придется поставить пластины на ключицу, но это пустяки, все обойдется без последствий.

— У вас уже есть данные по общим потерям? — спросила женщина.

— Никто не погиб, — ответил медик, — раненых всего пятеро, и все здесь, в этом центре. Вот эти двое, с тупыми закрытым травмами, еще один полицейский с сильным укусом шеи, с ним уже всё нормально. У двоих полицейских гипногенный шок. Для жизни не опасно, а как скажется на психике будет понятно позднее.

— Гипногенный шок? — недоуменно спросила Женщина.

— Я полагаю, что они пытались арестовать Ои, — улыбнулся Такэда, — вот она им и вмазала.

— Арестовать Ои? Это невозможно без нашего ордера! У нее ревизорский иммунитет! Они, во Владимире, прекрасно знают, кто такая Ои.

— Они также знают о том, что Анна Клевская и Минамото Ои — это одно и то же лицо, — сказал Такэда, — но тем не менее я не сомневаюсь, что у них был приказ арестовать Анну Клевскую.

— У них был такой приказ, об аресте Анны Клевской, — сказал Корчак, — я сам слышал, что их майор об этом говорил.

— Вы не путаете? — встревоженно спросила женщина. — Арестовать Ои? Арестовать Минамото! Это неслыханно!

— Кстати, — сказал вдруг Такэда, — иммунитет был не только у Ои, но и у Корчака. Вы сами, Кимико, распорядились выдать Корчаку Басмú, как руководителю исследовательской группы. Корчак, почему вы не догадались воспользоваться Басмóй, чтобы избежать ареста?

— Я догадался, — ответил Корчак, — но их майор сломал вашу Басмú.

— Что? — крикнула женщина так громко, что все замолчали и посмотрели в ее сторону, — Ян Корчак, такими вещами не шутят! Вы сейчас сказали страшную вещь, и если это окажется не правдой...

— Это правда, — сказал Ринго Стар, — я свидетель! — Он залез здоровой рукой в карман и вытащил два обломка.

— Вот, что осталось от Басмы Корчака!

— И я свидетель! — сказала Глинская. — Я это видела!

Лицо женщины стало пунцового цвета.

— Где эти спецназовцы? — глухо сказала она.

— Их майора куда-то увела стража, — ответил врач, — а остальные сейчас в столовой, их кормят. Они ведь сложили оружие и сами сдались.

— Всех задержать, — распорядилась женщина, — не давать им общаться между собой. Я сама, лично сниму показания с каждого.

Тут ее взгляд упал Сержанта.

— А это кто? Почему он здесь? Почему не задержан?

— Если бы не он, меня бы сейчас не было в живых, — сказал Корчак, — это именно он обезвредил и обезвредил своего майора.

— Сержант, подойдите сюда, — сказала женщина, — от того, насколько честно вы сейчас будете отвечать на мои вопросы, зависит дальнейшая ваша судьба.

Предупреждаю, всё, что вы сейчас скажете, будет расцениваться как официальные судебные показания, данные при свидетелях.

— Отвечайте правду, сержант, — сказал капитан Кидд, — вы сейчас стоите перед председателем большого жюри ревизоров Минамото Кимико II.

— Мне нечего скрывать, — прошептал вконец заробевший сержант.

— Сокаку, включите, пожалуйста, диктофон! Итак, сержант, когда, при каких обстоятельствах, от кого и в какой форме вы получили приказ на осуществление этого рейда?

— Это было семь дней назад, нас собрали в управлении, зачитали приказ и больше не выпускали, так как сказали, что приказ секретный. Приказ огласил начальник штаба подполковник Роберт Фокс, приказ был устным, письменного приказа, под подпись, нам, вопреки инструкции, не дали, объяснили это тем, что приказ особо секретный. Я подал рапорт, требуя письменного приказа, рапорт приняли, но письменного приказа мне все равно не показали.

— Если вы не врете, и вы в самом деле подавали такой рапорт, то вам повезло, — сказал Такэда, — это предохранит вас от обвинения в участии в заговоре.

— Зачем мне врать, — пробормотал сержант, — это же по закону так положено, не согласен — подай рапорт! Приказ выполнить обязан, но рапорт о несогласии все равно подай. Это по закону так!

— И часто вы подаете такие рапорты, по закону? — спросил Такэда

— Всегда, когда не согласен, — пробормотал Сержант.

— То-то вы все еще сержант, хотя по возрасту вам уже лейтенантом пора быть, — улыбнулась женщина. — В чем именно состоял полученный вами приказ?

— Нас разбили на три группы. Одна должна была арестовать и препроводить во Владимир супервайзера Лагеря Бодайбо. Они должны были захватить его либо дома, либо по дороге, когда вокруг не будет много народу. Вторая, наша, группа должна была высадиться на крышу этого здания, арестовать и препроводить во Владимир трех человек: Януша Корчака, Елену Глинскую и Анну Клевскую. Нам дали детальные планы здания, с помеченными комнатами, где они будут находиться...

— Погодите, сержант, уточните, фамилия Анны Клевской точно была в этом списке? Вы ничего не путаете?

— Эта фамилия там точно была, наш командир еще очень рассердился, когда ее не удалось захватить, и она скрылась.

— Вот, видите, Кимико, — сказал Такэда.

— Что должна была сделать третья группа?

— Им было приказано захватить лагерную станцию связи и вывести из строя правительственную связь.

— Вывести из строя правительственную связь? — грозно спросила женщина, — вы не путаете, сержант. Подумайте хорошенько!

— Я входил в другую группу, — смутился сержант, — и всех деталей не знаю, но то, что именно такая задача была озвучена для них на инструктаже, за это я отвечаю!

— Им это удалось? — вдруг спохватилась женщина, — связь работает?

— У них была устаревшая карта, — сказал капитан Кидд, — и они захватили прачечную. Потом сами сдались, без сопротивления.

Такэда прикрыл лицо рукой, плечи его стали сотрясаться от смеха.

— Вы что это, Сокаку, — недоуменно спросила женщина.

— Извините, — Такэда постарался принять серьезный вид, — я просто представил, как они штурмовали эти чаны с бельем. Вам не кажется, что это действительно смешно? Один единственный сержант-идеалист и одна-единственная устаревшая карта способны свести к нулю блестяще задуманную спецоперацию.

— Вам смешно, Такеда Сокаку? — нахмурилась женщина, — чуть было не произошел государственный переворот, а вам смешно?

— Вы это только что поняли, Кимико, а я-то, вспомните, сколько времени уже вам об этом талдычу!

— Вы подтверждаете показания присутствующих тут свидетелей о том, что командир вашей группы сознательно и намерено сломал Басмү большого жюри ревизоров? — повернулась женщина к сержанту.

— Подтверждаю! — сказал сержант, — я, собственно, именно в этот момент и понял, что наша группа действует в нарушение закона.

— Вы это поняли и не пресекли? — гневно спросила женщина. — У вас на глазах ломали Басмү ревизорского жюри, а вы бездействовали?

— Я не бездействовал, — сказал сержант, — но в тот момент нельзя было ничего сделать. Меня бы просто

пристрелили, как вон его, — он указал на Стара. — И я бы уже не смог помочь.

— Сержант сразу дал мне понять, что он на нашей стороне, — заступился за сержанта Корчак.

— Как только представилась первая возможность обезоружить нашего майора, — сказал сержант, — я сразу же сделал это. Вот капитан, — сержант показал на Кидда, — мне помог в этом.

— Я следил за лицом сержанта, — вступил в разговор капитан Кидд, — и понял, о чем он думает. Я нарочно провоцировал их майора, чтобы тот выстрелил в меня, и сержант смог бы в этот момент выбить у него оружие. Сержант понял в чем состоит мой замысел и отреагировал верно.

— Как же всё это не просто, у вас, у военных, прямо телепатия какая-то — вздохнула женщина, — насколько я понимаю, Кидд, вы ведь в тот момент уже были ранены? И все равно сознательно пошли под пулю?

— А что! Может мне нравится, когда в меня стреляют, — немного наигранно улыбнулся Кидд.

— Как ваше имя, капитан? — обратилась женщина к сержанту.

— Меня зовут Смит, Грегори Смит, — ответил тот, — только я не капитан, я сержант.

— Свободных вакансий сержантов у меня в ревизорской гвардии нет, — сказала женщина, — есть только вакансия капитана. Так что придется вам, Грегори Смит, стать капитаном, хотите вы того или нет.

— Но для этого, капитан Смит, — добавил Такэда, — вам придется вызубрить намного больше законов, чем вы знали до сих пор. — У нас тут уже есть один законник-буквоед, вроде вас, но с только большим опытом. Обращайтесь почаще за советом к полковнику Кидду, если уж вы так легко находите с ним общий язык.

— Ну коли уже так быстро началась раздача наград и званий, — подал голос Кидд, — не забудьте, пожалуйста того безымянного вахтера, который первым догадался поднять тревогу и без которого неизвестно чем бы всё кончилось.

— Почему безымянного? — удивилась женщина, — его имя — Вольтер, Франсуа Вольтер. Ревизоры, полковник, никогда ничего не забывают.

Она обернулась к Такэде:

— А ведь это только начало, Сокаку, — вздохнула она. — Мы уже лишили полномочий пятерых заговорщиков, а сколько их окажется в итоге по результатам

расследования. Десятки? Сотни? Они хоть заговорщики, но при этом они все на своих местах и делают свою работу. Кем их заменять? Они не балласт, не планктон. Планктон и балласт заговоров не устраивает. Заговоры устраивают самые лучшие. Ну чего вы опять улыбаетесь, Такэда?

— Обернитесь, Кимико, вам никто в этом зале не знаком? Ну кроме полковника Кидда. Ревизоры ведь ничего не забывают? — хитро сощурился он.

Женщина быстро окинула всех взглядом.

— Я видела вас раньше, — сказала она Стару, — вы ведь Эдвард Кенеди, это вы устроили грандиозный скандал в министерстве внутренних дел в позапрошлом году. Мы с вами встречались и решили спрятать вас здесь, чтобы ваше начальство не могло выместить на вас свою обиду.

— Вот вам и ответ на ваш вопрос, — сказал Такэда, — можно ломать голову кем заполнить вакансии арестованных заговорщиков, а можно перестроить работу так, что надобность в этих вакансиях отпадет.

— Ты меня пугаешь, Старый лис, — повернулась к нему женщина, — ты как будто уже заранее знал, что эта проблема возникнет, и заблаговременно подготовил все решения. У меня сейчас даже мелькнула мысль, а не ты ли подкинул заговорщикам эту идею захвата власти

вместе с заведомо неправильной картой, чтобы их заговор провалился, а ты мог бы под шумок провести свои реформы.

— Если бы наши проблемы можно было решить реформами, — грустно улыбнулся Такэда, — я бы именно так и поступил. И вас бы еще привлек, как соучастницу. Но реформами их не решить, и вы это знаете. Так что заговор, к сожалению, настоящий и, видимо, не последний.

Распахнулась дверь и вбежали Анна с Шарлоттой. Они были в абсолютно одинаковых шубках, шапках и сапожках, так что Шарлотта выглядела как уменьшенная копия Анны.

Срывая на ходу шапку и перчатки, Анна кинулась к Корчаку и стала ощупывать его, быстро приговаривая:

— Цел? Цел? Цел?

— Успокойся, все нормально, я выбрался самым невредимым из этой истории, — успокаивал ее Ян.

— А-у-у! — Анна вдруг обхватила Корчака, прижала к себе и громко, в голос, разрыдалась, ничуть не стесняясь окружающих.

— Ои! — строго прикрикнул на нее Такэда. — Держи себя в руках! Тут председатель жюри, а ты нарушаешь запрет.

— Ах, оставьте их, Сокаку, — сказала женщина. — Со всеми этими последними делами прежние запреты уже не имеют никакого смысла.

Глава 30. Враг у ворот

Корчака как током подбросило среди ночи. Сон сразу слетел с него, и он, как это часто бывает от ночных беспокойных мыслей, уже не смог заснуть.

— Ты что? Что случилось? — спросила Анна, которая спала очень чутко и сразу уловила его беспокойство.

— Извини, что разбудил тебя. Мне сейчас вдруг это пришло в голову. Такэда несколько раз упомянул при Кимико про «группу Корчака», а ведь нет никакой такой группы, ее официально не существует.

— Ну и что, он же знает о нашем заговоре. Вот и назвал его словом «группа».

— Они говорили с Кимико об этой «группе Корчака» не как о заговорщиках, а как об официально действующем подразделении. И эту Басму мне Кимико распорядилась выдать именно как «руководителю группы». Понимаешь, мы думаем, что мы — заговорщики, а они не только прекрасно знают о нашем «заговоре», но и, более того, относятся к нему, как к своей рабочей «группе». Такэда даже знал, что это не Дабл Ви, а мы являемся авторами того самого «расследования по пьесе». Несмотря на все наши глушилки.

Анна включила ночник и села на кровати:

— Почему ты мне сразу об этом не сказал?

— Очень много событий в тот момент было, я в суете просто не обратил внимания. А сейчас до меня дошло.

Анна задумалась.

— Нет, — сказала она решительно, — не стоит гнаться за этим призраком. Ну знают они и пусть себе знают! Знают они, очевидно, давно, и если они до сих пор нам не мешали и никак не вмешивались, то и не будем до поры обращать на них внимание. Это пока не опасно для нас, а вот то, что мы собираемся сделать завтра... вот это опасно. Забудь про Такэду! Нам сейчас надо хорошо выспаться, чтобы быть в форме.

— Боюсь, я теперь не смогу уснуть, — сказал Корчак.

— Сможешь, — сказала Анна.

Она выключила свет, обхватила его сзади руками, и он, и вправду, уснул.

После ночного налета спецназа жизнь в общежитии уже не вернулась в прежнюю колею.

Глинская сразу же демонстративно переехала жить в комнату к Стару.

— Делайте, что хотите, — заявила она коменданту О’Ниллу, — но я теперь боюсь оставаться по ночам одна. И кроме того, Стару нужен круглосуточный уход.

Глядя на них, еще несколько пар в общежитии стали открыто жить вместе. О’Нилл, который раньше крайне дипломатично, но очень твердо пресекал любые попытки завязать постоянные отношения, теперь демонстративно не обращал на это внимания. Дабл Ви тоже, похоже, махнул рукой на контроль за жизнью жителей центра. После всего, что произошло, это уже не представлялось ему существенным.

О’Нилл же упивался своим новым статусом: народ общежития, который раньше был с комендантом в состоянии легкого перманентного конфликта, стал теперь относиться к нему как к своему товарищу. И О’Нилл старался всячески соответствовать. Хлопотал с удвоенной силой о бытовых удобствах, добыл где-то зеленые живые растения в кадках, которые расставил по этажам, и даже выбил для всех «молодоженов» на складе дополнительную мебель.

Как-то встретив Корчака в коридоре, О’Нилл заметил:

— Что с шампанским-то будем делать? Сейчас почти никто не играет, завхоз жалуется, что излишки

скапливаются. А напиток — хороший, его и без игр можно употреблять...

— Ну так и выставите мою долю к ужину, — ответил Корчак, — пусть пьет, кто хочет.

Идея всем понравилась и теперь на ужине все время стояло несколько ведерок с бутылками.

А потом как-то само-собой после ужина стали случаться вечерние танцы. Кто-то из прежних жителей свободного мира вспомнил про такое развлечение, оно пришлось всем по душе и вскоре совсем заменило собой прежние эротические игры.

К Глинской явилась делегация соседей и потребовала прочесть лекцию о том, какие были танцы и танцевальные обычаи в древние времена, и какие музыкальные произведения предназначались для танцев. Все ощущали, что имеющийся в радиоузле общежития набор маршей и патриотических песен подходил мало, но плохо представляли себе, как должно быть. Даже те, кто раньше жил в свободном мире, не могли помочь — в их мире особого музыкального разнообразия тоже не было.

Елена нашла столько информации, что хватило на целый цикл лекций, а Тагор, помогая ей выискивать иллюстрации, отыскал в древних архивах целое

сокровище — огромную фонотеку из XX века. Эта находка ошеломила всех. Никто даже представить себе не мог, что музыка может быть такой.

— Ты представляешь, какие возможности мы раньше упускали, не зная про такую музыку! — сказала Анна Корчаку однажды вечером. — Я иногда часами сижу, подбирая сочетание нескольких слов, которое произвело бы нужное впечатление на психику человека. А тут все сразу, мелодия усиливает смысл слов, слова подчёркивают мелодию, а в итоге потрясающий эффект. Вот послушай!

Она нажала клавишу диктофона:

*Перемен требуют наши сердца,
Перемен требуют наши глаза,
В нашем смехе и в наших слезах,
И в пульсации вен
Перемен!
Мы ждем перемен!*

Лилось из динамика.

— Нет, ты ощущаешь? Прислушайся к себе, что ты ощущаешь? — теребила она Корчака.

— Мне не надо прислушиваться к этому ощущению, — ответил Корчак, — оно само рвется наружу. Если эту музыку запустить в Лагеря, как мы запустили ту пьесу, то

начнется великий бунт, они выйдут из бараков, возьмут администрацию за глотку и потребуют этих перемен! Что это? Ты это сама сделала?

— Этой песне много столетий. Человек, который ее написал, погиб за несколько лет до победы Великого Вождя. И знаешь, мне кажется, что, если бы он дожил, его песни, наверное, смогли бы предотвратить эту катастрофу. У меня уже много таких песен, Ян. И, наверное, я найду еще больше. Эти песни — великое оружие! У нас теперь есть такое оружие, какого нет ни у кого в мире!

Они с Анной теперь тоже жили вместе. Ян переехал к ней в тот же день, когда Глинская перебралась к Стару. Комната Анны была намного просторнее, а прежнее жилье Корчака стало использоваться заговорщиками как штаб-квартира и переговорная. Это оказалось очень кстати. Стар теперь проводил там целые часы, беседуя с председателем большого ревизорского жюри.

Кимико вызывала его по видеосвязи по несколько раз в день, требуя уточнить ту или иную специфику административной системы Земли или спрашивая совета о том, как перестроить работу, сделать ее более эффективной. Потом совета стали спрашивать и другие ревизоры, а затем и высшие чиновники.

Однажды вечером Стар пришел в комнату Яна и Анны. Вид у него был совсем измочаленный.

— Я так больше не могу, друзья, — сказал он. — Мне нужен совет.

— Поставьте им жесткие условия! — сказала Анна, — скажите, что вы консультируете столько-то часов в день, и не больше. Пусть сами договариваются между собой как оптимизировать это ваше время. В конце концов вы не обязаны им помогать, вы просто оказываете им любезность.

— Нет, нет, я не об этом, — покачал головой Стар, — сами по себе эти консультации мне не в тягость, это приятная работа. Меня беспокоит результат. Когда ты знаешь, что живых людей вместо Безмятежных Островов отправляют на бойню, и не можешь этому воспрепятствовать, никак не можешь повлиять, это вызывает чувство гнева и бессилия. А когда ты понимаешь, что у тебя появилась возможность влиять на принимаемые решения, но ты по-прежнему не мешаешь отправлять людей на смерть, и, более того, какие-то твои советы могут этому способствовать, то ты ощущаешь себя соучастником. Я и есть соучастник. Если Елена узнает, она возненавидит меня.

— Стар, — мягко сказала Анна, — это у вас только иллюзия того, что у вас есть возможность влиять на решение судьбы этих людей. Эту систему вам не сломать. Если можно было бы ее сломать, сами ревизоры давно сломали бы! Уверена, что у Такэды и у Кимико ровно тот же самый комплекс вины, что и у вас.

— Они не могут сломать, потому что им некуда двигаться вперед. А у нас есть куда двигаться, но мы топчемся на месте последние дни. Все мы прекрасно понимаем, каким должен быть наш следующий шаг, почему мы не делаем его? Сколько времени мы уже знаем об этом объекте коррупционеров, об этой взлетно-посадочной полосе? Почему мы до сих пор не вступили с ними в контакт? Только потому, что это враг, что он прямо у наших ворот? А если не враг? Мы даже этого не знаем. Я думаю, мне стоит поехать туда и попытаться нащупать с ними контакты.

— Вы правы, Стар, — сказала Анна, — я тоже думала об этом, но поедете не вы, поеду я, — у вас нет опыта проведения переговоров, а я — специалист в этом деле.

— Я не отпущу тебя одну, — быстро сказал Корчак.

— А я без тебя и не поеду, — обернулась к нему Анна.

— Погодите, друзья, — сказал Стар, — вы мозг и сердце нашей группы, мы не можем позволить себе потерять

вас. Без вас вся работа остановится и все, что мы уже сделали потеряет всякий смысл. Эта поездка опасна, из нее можно не вернуться. Вы слишком ценный ресурс, чтобы рисковать вами.

— Милый Стар, — улыбнулась Анна, — а разве в нашей группе есть не ценные ресурсы? Вы не заметили, что именно вы, Ринго Стар, вели наши последние заседания и задавали нам вектор движения? По факту, именно вы сейчас ведете нашу группу и руководите ею. Мы с Яном были важны для того, чтобы проложить путь, помочь вам сделать первые шаги, и они уже сделаны. Здесь теперь ваша территория, а нам с Яном надо двигаться дальше, прокладывать дальнейшие пути. Пусть каждый решает свою задачу.

— Я думаю, что нам надо собраться и принять совместное решение, — сказал Стар.

Коммендант О'Нилл занимался своим любимым делом. Когда между хлопотами по общежитию у него выдавалась пара свободных часов, он всегда спускался сюда, в гаражную мастерскую, перебирал и регулировал разные механизмы. Работники гаража относились с уважением к этой его странности, тем более что механиком О'Нилл был и вправду отменным.

Именно тут и застали его Анна с Корчаком. О'Нилл, разложив на большом полотне какие-то детали, любовно промывал каждую бензином и тщательно протирал ветошью.

— Нам надо посетить одно место, — сказала Анна без прелюдий, — но так, чтобы об этом никто не знал.

— Не получится, — ответил О'Нилл, откладывая в сторону железяку, — все уже знают.

— О чем знают? — удивилась Анна.

— О том, что вы и Корчак, собрались совершить опасную поездку, из которой можете не вернуться.

— Кто знает об этом, что еще известно?

— Знает все общежитие, но никаких подробностей, кроме того, что я сказал, никому ничего не известно. Никто и не интересуется. Главное, все знают, что вы рискуете.

— Хорошо, — сказал Корчак, — я скажу иначе. Нам надо совершить поездку, о которой бы никто за пределами общежития ничего не знал. Поэтому мы не можем воспользоваться ни коптерами, ни вездеходами. Что вы нам посоветуете?

— Кроме двух индивидуальных снегоходов, я вам ничего посоветовать не могу, — сказал О'Нилл. — Вот, видите,

готовлю их для вас, чтобы поездка обошлась без сюрпризов. Это очень хорошая техника, я их лично модернизировал и собрал, промышленность таких не делает. И главное, на них есть радиомаячки. Я не спрашиваю вас, куда именно вы собрались ехать, но, если в разумные сроки не вернетесь, мы будем знать, в каком хотя бы направлении вас искать.

Часовой у ворот аэродрома с явным удивлением следил за двумя приближающимися снегоходами.

— Эй, сюда нельзя! — крикнул он, — объект секретный!

— Знаем, — мы приехали с инспекцией, — ответил Ян. — Я лейтенант госбезопасности, у нас у обоих высшая форма допуска. — Вот наши карточки, проверьте!

— Я тут новенький, еще не со всеми правилами знаком, — растерялся часовой, — я вызову начальство, а вы отойдите-ка пока на десять шагов.

Ян с Анной снова оседлали снегоходы и запустили моторы, чтобы не замерзнуть — сиденья были с подогревом. Анна показала глазами на часового, Корчак кивнул. Часовой был одет в форму лагерного стражника, но вот винтовка у него была совсем не лагерного образца. Это, собственно, была даже не винтовка, а какое-то другое оружие, только отдаленно похожее на

винтовку. Более короткое, с пластиковым, а не деревянным прикладом, без штыка и с очень большим магазином, на несколько десятков патронов. Такого оружия на вооружении лагерной стражи не было.

Местный начальник появился быстро. Это был купный мускулистый мужчина в гражданской одежде и со шрамом на лице. Вид у него был, надо заметить, довольно жуткий. Однако, как только тот заговорил, это ощущение пропало.

— Вы уж нас извините, — вежливо сказал он, — была авария, считыватель на вахте — пока не работает. Вы не возражаете, если мы пройдем вовнутрь и там проверим ваши формы допуска?

— Не возражаем, — сказала Анна.

Прямо в будке часового был вход в подземный переход с лифтом.

— Сами понимаете, в здешнем климате поверху не набегаешься, — пояснил начальник, прикладывая свой палец к стеклянной пластинке считывателя — а мы люди столичные, к комфорту привыкли. Вы сами-то откуда к нам с инспекцией будете, тоже из Столицы, из столичного Спецтранспорта?

— Давайте сначала, проверим все документы, а потом поговорим на эту тему, — ответила Анна.

— Да, конечно, — согласился начальник, — я глупость сказал, вы же моих документов тоже еще не видели, нельзя же с первым встречным на такие темы говорить.

Он подвел их к металлической двери.

— Тут у нас, извините, входной тамбур, секретность, сами понимаете. Заходите, а то пока эта дверь не закроется, следующую открыть нельзя.

Они оказались в небольшом предбаннике между двумя дверьми.

— Сейчас открою следующую дверь, — пояснил начальник, он подошел, к щитку у противоположной стены, и, выхватив оттуда пластиковую маску, быстро надел ее на лицо.

В лицо Корчаку ударил тяжелый удушливый запах, и он потерял сознание.

Глава 31. Мистер Октябрь

Приходил он в себя постепенно. Сначала из темной глубины до него стали доноситься какие-то отдаленные нечеткие голоса. Потом голоса приблизились, Корчак начал понимать, о чем они говорят и открыл глаза. Он полулежал в обширном мягком кресле перед большим столом, в помещении, напоминающем склад, во всяком случае, вокруг стояли стеллажи с какими-то коробками. Рядом, в соседнем кресле, обмякла Анна. Она была без сознания. Ее руки, лежащие на коленях, были стянуты тонким пластиковым ремешком.

Корчак посмотрел на свои руки и увидел, что они тоже связаны, таким же ремнем. Несмотря на то, что ремешок выглядел хлипким, он оказался очень прочным, попытка разорвать его не удалась. Зато ноги были свободны, не связаны. Корчак попытался встать и понял, что его туловище пристегнуто к креслу таким же пластиковым ремешком.

Голоса, что он слышал, доносились из-за ближнего стеллажа, оттуда же падал луч яркого света.

— А я говорю, — сказал голос, принадлежащий тому «начальнику», который привел их сюда, — что из него такой же лейтенант госбезопасности, как из меня Великий Вождь.

— Удостоверение настоящее, действующее, — возразил ему другой голос.

— И эта Басма́ тоже действующая, — продолжал «начальник». — И другая Басма́ тоже действующая! Вот в каких ситуациях, скажи мне, на одних руках может собраться такой зоопарк?

— Ситуации разные бывают, — заметил другой, — а вот чего действительно не бывает, так это что любой вменяемый агент, пойдя на задание, захватил бы всё это с собой, а не оставил в сейфе. Либо это дилетант, что невероятно, либо он сюда как к себе домой шел, имея твердые основания полагать, что его не обыщут. А может так статься, что он специально все это захватил, чтобы всё это у него нашли.

— И девушка эта, еще раз говорю, она — Минамото. Я ее в прошлом году в Гонконге видел, такую яркую внешность ни с кем не спутаешь!

— Девушка Минамото с лагерным чипом? Верится, прямо скажу, с трудом! Погоди-ка!

На полосу света упала тень, и из-за стеллажа вышел человек, невысокого роста, с короткой стрижкой и очень худой, едва ли не череп, обтянутый кожей. Он посмотрел на Корчака:

— Вы давно очнулись? Много слышали из нашего разговора?

Не дожидаясь ответа, он сел по другую сторону стола.

— Впрочем, это неважно, все равно, о том, что мы обсуждали там, — он кивнул на стеллаж, -- мы сейчас будем говорить здесь, с вами. Моисей! — крикнул он.

Из-за стеллажа вышел тот самый «начальник», что привел их сюда.

— Очнулись? — спросил он

— Он очнулся, она — пока нет. Давай, разбуди-ка ее.

Моисей достал шприц и склонился над Анной

— Не надо, — открыла глаза Анна, — я не сплю!

— И давно не спите?

— Все время!

Худой вопросительно посмотрел на Моисея.

— Да нет же, — сказал Моисей, — она точно в отключке была, я же сам ее сюда нес. Невозможно так расслабиться, будучи в сознании.

— А вы не боитесь признаваться, что слышали весь наш разговор? — спросил Анну худой. — Вы ведь могли бы

соврать, сказать, что только что в сознание пришли, никто бы и не догадался. С какой целью вы выдали себя?

— Да говорю же, она в отключке была, — начал Моисей, но худой движением руки остановил его.

— Мы просто дилетанты, чего с нас взять — сказала Анна. — я вот не догадалась соврать, а Корчак не догадался оставить свои Басмы́ в сейфе.

— Значит его зовут Корчак? А как вас зовут, милая девушка?

— Я — Анна Клевская.

— А меня можете звать Мистер Октябрь. А имя моего друга, как вы уже слышали, Моисей.

— Октябрь, это как название месяца по-английски? — спросил Корчак

— Вас зовут Корчак, вы знаете английский, и вы ни капли не дилетант! — констатировал Мистер Октябрь. — Потому что сам факт знания английского подразумевает очень глубокую специальную подготовку. Кого попало у вас английскому не обучают.

— Вас зовут Мистер Октябрь, и это не ваше настоящее имя, — сказала Анна. — Вы говорите с заметным акцентом, и этот акцент мне не знаком. А я хорошо знакома с говором Лагере́й Земли. Значит вы родились в

каком-то ином месте, которое не принадлежит ни к одному из ЛагереЙ, ни к свободному миру.

Мистер Октобер засмеялся. И как показалось Корчаку, этот смех был искренним, не показным.

— Не знаю почему, но вы мне оба симпатичны, — сказал Мистер Октобер, — Давайте-ка порешаем вместе, как мне поступить с вами. Собственно говоря, есть только два варианта развития событий. Либо мне придется убить вас обоих по завершении нашей беседы, либо отпустить на все четыре стороны. Убивать вас — нерационально, потому что вы точно не одни, кроме вас наверняка есть еще кто-то, кто знает, зачем вы сюда пошли и вообще знает все то же самое, что знаете вы. Если вас убить, то придет следующий визитер, и с ним такого мирного диалога у нас уже не получится. Но и отпускать вас нельзя. Потому что вы уже успели узнать много лишнего. Ну и что мне с вами делать?

Он внимательно и пристально посмотрел в глаза сначала Анне, потом Корчаку.

— То, что вы не простые шпионы, это сразу стало понятно. Вы вообще, судя по всему, очень непростые люди. Даже не сказав ни слова лишнего, вы дали понять мне очень и очень многое. Вот вы девушка, открыто признавшись, что все время были в сознании, дали

понять, что вам плевать на опасность и запугивать вас бесполезно. Кроме того, вы дали мне понять, что прошли какую-то спецподготовку, которая позволила вам задержать дыхание на длительное время и избежать действия газа. Я, например, так не умею. А вы смогли. Далее, упомянув мой акцент, вы дали мне понять, что вам известно о нас намного больше, чем я мог бы предположить. Что вы знаете о существовании цивилизации, что мы создали за пределами вашего мира.

— А ваша оговорка насчет английского, — он обернулся к Корчаку, — она ведь тоже, я полагаю, была намеренной. Ваши две все Басмы в придачу к удостоверению офицера госбезопасности в кармане — это всё безусловно части игры, имеющие целью показать мне, что ваша миссия выходит за рамки обычного шпионажа, а ваш статус выходит далеко за рамки рядовых разведчиков. Ну, что же, вы начали игру, а продолжать ее буду я. Я сейчас буду высказывать всякие догадки, а вы — будете давать мне понять, невербально, прав я или нет.

— Тем более, как я понимаю, — заметила Анна, — нашего согласия для этого не потребуется.

— Вы схватываете все на лету! — снова улыбнулся мистер Октябрь. — Только две науки продвинулись вперед с того момента, как нацисты захватили власть на

Земле. Психостатистика и психодинамика. Наши предки использовали специальные приборы, которые называли детекторами лжи, а мне будет достаточно тех неосознанных сигналов и знаков, которые вы будете сами того не желая, подавать в ответ на мои слова. Я просто буду говорить и следить за вами.

— Мне включить свет? — спросил Моисей.

— Нет, не надо, этого достаточно.

Мистер Октябрь прикрыл глаза сосредотачиваясь.

— Итак, приступим! Спрашивать, кто вы такие, я полагаю, пока нет смысла. Ответ не будет простым и коротким. Я спрошу по-другому: чьи интересы вы представляете?

Он сделал короткую паузу, пристально посмотрел на Корчака и начал перечислять варианты вопросов, тут же самостоятельно отвечая на них:

— Лагерной администрации Бодайбо? Нет! Это не их масштаб! Правительства Земли? Нет смысла говорить о правительстве Земли, не уточнив конкретную группировку, которые там сейчас грызутся за власть... Им сейчас не до того! Тогда кто вас послал? Ревизоры?.. А вот это вот не исключено!

— Я же говорил, что она — Минамото! — воскликнул вдруг Моисей.

Мистер Октобер гневно посмотрел на него.

— Моисей! Ты можешь помолчать? — строго сказал он.

— А может давайте безо всех этих ухищрений? — сказала Анна. — Давайте по старинке, вы задаете вопросы, мы отвечаем. Или не отвечаем. Ваш товарищ прав, моя фамилия — Минамото. Я Минамото Ои.

— Вы можете это доказать? — спросил Мистер Октобер.

— Не хотите, не верьте! — пожала плечами Анна.

— Кого Такэда Сокаку III назначил своим будущим преемником? Как его имя? — быстро спросил Октобер.

— Такэда Рин!

— Из чего сделан пол в ложе малого высшего жюри?

— Из мрамора! Из розового мрамора!

— Какого цвета ковер в кабинете председателя большого жюри?

— Там нет никакого ковра!

— Вы действительно из рода Минамото! — констатировал Мистер Октобер. — Но с какой целью вам вживили лагерный чип?

— Не понимаю, о чем вы.

— Мы знаем, что у вас у обоих вживлены лагерные чипы, — сказал Мистер Октябрь, — их вживляют всем лагерным работникам, для их идентификации и слежения за ними. У вас они деактивированы, но мы — вот такой сюрприз — умеем видеть даже отключенные. Каким образом у женщины Минамото мог оказаться лагерный чип?

— У меня тоже такой есть, — сказал Моисей, — но я родился в Лагере, и там мне его вживили. А здесь его сразу отключили, как я из лагеря сбежал. А у вас он откуда может быть?

— Я тоже родился в Лагере, — сказал Корчак, — но ни про какой чип я не знаю.

— В Лагере никто не знает, — сказал Моисей, — их тайно вживляют, через иглу, когда прививки делают, потому и достать его сложно, слишком маленький.

— Помолчи, Моисей, — остановил его мистер Октябрь, — ты и так уже выболтал намного больше, чем, требуется.

— Я только хотел сказать, — заметил Моисей, — они ведь и вправду могут не знать, что у них чипы, им тоже могли тайно вколоть.

— Ему, — Октябрь показал на Корчака, — могли. А вот женщине из рода Минамото — вряд ли!

Он пристально посмотрел на Анну.

— Могло такое быть, — сказала она, — были обстоятельства!

— Какие, например?

— Ну, такие, например, что женщины Минамото далеко не всегда пребывают в тепличных условиях и порой могут попасть в руки неприятеля. Вот как сейчас, например.

Она подняла вверх и показала связанные руки.

— Затекли, между прочим.

— Не вижу никакого отека.

Анна вдруг резко хлопнула связанными руками по своим коленям. Раздался хруст и ремешок раскрылся.

— Это капрон, — пояснила она изумленному Октоберу, разминая руки, — очень прочный материал, этот ремешок пару тонн веса запросто выдержит. Но это если его растягивать. А вот к ударным нагрузкам он не стоек, а защелка там у вас тоже капроновая и маленькая.

Корчак тоже подтянул колено к животу и ударил по нему руками. У него тоже получилось, но только с третьей попытки.

— Ну ничего себе, — пробормотал Моисей, — а у нас на этих ремнях — весь такелаж!

— Так! Погоди! — остановил его мистер Октябрь. — Вы очень ловко увели разговор в сторону, Анна. Или Ои? Как все-таки правильно?

— И так, и так правильно! — ответила Анна. Оба имени настоящие. Для него, она кивнула на Корчака, мое настоящее имя — Анна. А для ревизоров настоящее имя Ои!

— Как и у меня, — заметил Моисей, — в Лагере у меня тоже звали по-другому, но когда я стал свободным, я выбрал себе другое имя и стал Моисеем, потому что я теперь, как Моисей, вывожу людей из рабства!

— Спасибо, Моисей, — сказал Октябрь, — твои слова навели меня на мысль, — он вновь повернулся к Анне.

— Видимо, девушка-ревизор по имени Ои, не просто так, не из пустой прихоти, выбрала себе другое имя и превратилась в Анну Клевскую. Расскажите мне Анна-Ои, при каких обстоятельствах это случилось, и не связано ли это каким-то образом с объектом 18.

— Я впервые слышу об этом объекте.

— Я оговорился, по привычке. Объект 18 — это у нас. А у вас он называется «Центр Ч».

— Слова Моисея навели вас на верную мысль, — сказала Анна.

Мистер Октябрь встал и прошелся по комнате.

— Таинственный объект 18, — сказал он, — место, где по слухам из лагерных рабов делают суперлюдей, людей с мистическими сверхспособностями. Я не верю в такие слухи, но никакой другой информации об этом объекте у нас нет.

Он склонился на Анной и вопросительно посмотрел на нее.

— Вы спрашивали, кто нас послал сюда? — сказала Анна.
— Мы сами себя послали. Мы не работаем на мировое правительство, мы не работаем на ревизоров, мы действуем от своего имени. Мы только недавно вступили в эти ваши игры, но вступили в них на правах независимого, самостоятельного игрока. Целью нашего визита сюда является установить с вами контакт и провести предварительные переговоры. И если бы, Мистер Октябрь, вы не начали демонстрировать своё благородство и не разыгрывали бы в этот дурацкий спектакль в «невербальную угадку», я бы вам сразу всё рассказала, с первых слов, нам нечего скрывать.

— Если бы я не начал демонстрировать своё благородство, а Моисей бы действовал бы строго по

инструкции, — жестко ответил Мистер Октобер, — то вы бы сейчас лежали где-нибудь с простреленными затылками, присыпанные снежком.

— Охотно верю, — сказал Корчак, — я знаю, вы не церемонитесь. Достаточно посмотреть, как вы поступаете с несчастными курьерами?

— Какими курьерами? — удивился Октобер.

— Которых вы убиваете, чтобы завладеть секретной почтой ревизоров.

— Что за глупость, — Октобер посмотрел на них с искренним недоумением, — чтобы отнять у фельдъегеря почту, его не надо убивать. Они же у вас совсем не герои, сами отдадут. А если убивать, они начнут сопротивляться и отстреливаться. Зачем это нужно!

— Ты не в курсе, это наши местные дела, — сказал Моисей, — я понял, о чем они говорят. Это не мы, это собственное начальство их убивает. Мы подкупили нескольких высших чиновников в управлении фельдъегерской связи, чтобы они передавали нам секретную почту, вот они и заматают следы, имитируя нападение на своих курьеров.

— При чем тут это? — поморщился Мистер Октобер. — Давайте не будем отвлекаться на посторонние темы.

— Итак, — он повернулся к Анне, — если я вас верно понял, вы говорите, что этот ваш таинственный объект 18 действует в качестве самостоятельной и независимой политической силы, способной конкурировать и с правительством Земли и с Ревизорским сообществом? Возможно, вы сами действительно так думаете, но я позволю себе усомниться в ваших словах. Мы не знаем, что там у вас происходит внутри, но снаружи мы за вами наблюдаем внимательно. Мы знаем, что ваш объект жестко контролируется, как администрацией Лагеря, так и ревизорами. Мы знаем, что вы находитесь в прямой зависимости от них. Мы знаем, что ваши контакты с внешним миром резко ограничены. Я бы даже сказал, что этих контактов совсем нет. Я не думаю, что в таких условиях, вы реально могли бы на что-то влиять и действовать самостоятельно и независимо. Я полагаю, что вас мягко и ненавязчиво подвели к этой мысли, и тот, кто подвел вас к ней, направил вас сюда якобы для переговоров, внушив вам мысль, что это — ваше собственное решение.

Он пристально, посмотрел на Анну:

— Подумайте сейчас, откуда вы узнали, что этот объект связан с нами? Сами вы этого никак не могли узнать! Пройдите по цепочке событий, и вы поймете, что эту мысль вам подкинули.

— А не было никакой цепочки событий, — ответила Анна, — было только одно событие. Мы совершенно случайно увидели этот ваш объект с воздуха, когда летели на коптере и сразу всё поняли.

— И каким же образом, вы это поняли? По каким признакам? — улыбнулся мистер Октобер.

— Вы чрезмерно самонадеяны, — сказал Корчак, — Вы в открытую строите рядом с лагерем взлетно-посадочную полосу для Сэйбров и всерьез думаете, что никто ничего не заметит?

Мистер Октобер отчетливо вздрогнул, как будто его ударило током. На лице его отобразилось смятение.

— Откуда? — спросил он после минутного молчания. — Откуда вы знаете про Сэйбры? О них не знает даже Моисей. Об этом вообще никто не знает кроме очень ограниченного круга лиц. Даже большинство из тех, кто собирает их на заводе, не знают, что именно они производят. И всего лишь несколько человек из тех, кто в курсе, знают само это слово — «Сэйбр». Это его старое название. Остальным он известен под другим, современным, рабочим, именем. Вы понимаете, что после этого откровения вам отсюда уже точно не уйти? Но я вас убивать не буду. Есть еще третий вариант

развития событий, вас вывезут отсюда в то место, где вам придется в деталях рассказать, все, что вы знаете.

— Зачем же вывозить куда-то, — насмешливо сказала Анна, — мы вам и здесь обо всем расскажем, о чем вы только пожелаете. Я же сказала, что секретов от вас у нас нет. О чем вы хотите услышать? О первой партии ваших подводных лодок, которая недавно сошла со стапелей? О ваших неудачных попытках запустить на околоземную орбиту искусственный спутник? Или о циклотроне, который вы пытаетесь запустить уже три года, но, кажется, в конце-концов все же запустите, где-то через полтора-два месяца? А может о ваших последних испытаниях «Фантомов» где-то в центральной Африке?

По мере того, как она говорила, самообладание вернулось на лицо Мистера Октобера.

— Не надо, — сказал он твердым тоном, — я уже все понял. Вы — правы, вы — независимы и вы — отдельно от них. Если бы хоть малая толика того, что вы тут перечислили, была бы известна земному правительству или ревизорам, уже давно бы шла война... Нет, не надо мне рассказывать о том, что вы перечислили, я сам всё про это знаю. Как насчет того, чтобы рассказать мне о том, чего я пока еще не знаю?

— Спрашивайте! — сказала Анна.

— Мы довольно хорошо осведомлены о событиях в ваших лагерях. Но в последние несколько недель, мы перестали понимать, что именно происходит. События последних дней не поддаются логическому объяснению, мы не можем понять причины происходящего и, поразмыслив, пришли к выводу, что корни всех загадок уходят к вам, на объект 18. И вот вы сами, очень кстати, удачно тут появились.

Мистер Октобер вдруг быстрым движением выхватил из ящика стола какой-то предмет и положил его на стол.

— Вы знаете, что это такое?

Это был небольшой кусочек прямоугольного картона, примерно в половину стандартного листа писчей бумаги. Одна сторона картона была покрыта белилами, и там был начерченный углем примитивный рисунок: черный продолговатый силуэт странной формы, из верхней части которого торчало что-то вроде двух изогнутых антенн.

Мистер Октобер пристально смотрел на них, стараясь углядеть их реакцию. Но реакция и Анны и Яна была искренне недоуменной.

— Ничего подобного я не видела и даже не знаю, что это может быть, — пожала плечами Анна.

— А вы? — спросил мистер Октобер у Корчака.

— Аналогично, у меня тоже нет никаких идей.

— Это икона, — сказал Мистер Октябрь. — изображение Бога. Или божьего пророка. Вы знаете, что такое религия? Что такое бог?

— Знаем, — сказала Анна, — но это все в прошлом, со всеми религиями на Земле было покончено сотни лет назад.

— Вот именно, это *было* в прошлом! — с нажимом подчеркнул Мистер Октябрь, — Сотни лет на земле не было никаких религиозных культов, нацисты не терпят конкуренции в борьбе за души своих рабов. Конечно, лагеря изобилуют всякими суевериями, но суеверия — не религия. И вот вдруг буквально за несколько последних недель ни с того ни с сего мгновенно возник и стремительно распространился по Лагерям новый культ, новая, самая настоящая, реальная религия. С обрядами и иконами. Они называют его «Спасителем», они вешают его иконы над своими нарами. Они тайно собираются по ночам и возносят ему молитвы, призывая поскорее прийти и освободить их. Если вы скажете, что не имеете к этому отношения, то я вам не поверю. Даже если вы никогда не видели этих икон, вы должны знать, что это такое. Что это за таинственный «Спаситель»!

— Я знаю, — сказал Корчак, — хотя, как вы верно подметили, я вижу эту икону впервые. Но как только вы только произнесли слово «Спаситель», я догадался. Позвольте посмотреть повнимательнее.

Он взял картонку в руки:

— Вот это, что я вначале принял за антенны, — это поля шляпы. А этот наплыв сверху — сама шляпа. Вот это — лицо, оно замотано черным шарфом, поэтому сложно сразу догадаться, но это — лицо. А это, отдаленно похожее на колокол — черное кашемировое пальто.

— Вы вот прям так и разглядели, что кашемировое? — иронически усмехнулся Мистер Октобер — а почему не кожаное?

— Да потому что это моё пальто, и оно кашемировое! Это я изображен на этой иконе!

Мистер Октобер пристально посмотрел ему в глаза. Потом встал из-за стола и сказал официальным тоном.

— Меня зовут Вальтер Венк. Генерал-полковник Венк. Я команду обороной северо-восточного сектора Конфедерации Вольных Территорий. Сообщите, какие должности вы занимаете и подтвердите, что у вас есть полномочия вести с нами переговоры от имени объекта Восемнадцать.

Глава 32. Несть ни эллина, ни иудея

Дабл Ви держался как всегда, бодро и подтянуто. Однако Корчак заметил у него на лбу глубокую морщинку, которой раньше не было. Он вдруг понял, что Дабл Ви всегда казался намного моложе своих лет, а по сути — на самом деле — он уже довольно пожилой человек.

— Мы выполняем обещание, — сказала Анна. — Перед вами все члены нашей команды, и каждому вы можете посмотреть в глаза, как и хотели.

— Наверное, в этом уже нет необходимости, — сказал Дабл Ви. — Я давно уже вычислил всех поименно, а последние события показали, кто здесь чего стоит. Но, раз уж мы собрались, я думаю, у нас найдется, о чем поговорить.

— Вы просили меня в прошлый раз найти кротовые норы, через которые их мир взаимодействует с нашим, — сказал Корчак. — Мы их нашли.

— Вы знаете, как победить коррупционеров? — быстро спросил Дабл Ви.

— Боюсь, нельзя победить то, чего нет, — ответил Стар.

— Что значит — нет? — удивился сказал Дабл Ви. — Поясните!

— Это нельзя объяснить в двух словах, — сказала Глинская, — я думаю, проще всего будет показать это на примере исторических аналогий.

— Опять? — спросил Дабл Ви с тоской. — Может, как-нибудь попроще, без этих ваших аналогий.

— Вы сами учили нас, что не бывает простых ответов на сложные вопросы, — заметил Стар. — Выслушайте Елену, она права, так будет проще.

— В древние времена на Земле процветало рабство, — начала свой рассказ Глинская, — как и сейчас. Давайте называть вещи своими именами. Мы говорим обтекаемо: «лагерники», «лагерные работники», хотя можно сказать короче и правильнее — рабы!

— Не буду отрицать, вы правы, это именно рабство, — ответил Дабл Ви, — с тем отличием, что все рабы сейчас принадлежат только государству, а не другим людям, как в древние времена.

— А вот вы что можете сказать об эффективности рабского труда? Как руководитель Лагеря? — спросил Стар.

— Вы сами знаете, Стар — грустно вздохнул Дабл Ви, — рабство неплохо работает в мелких хозяйствах, но когда объемы производства становятся большими... рабов невозможно стимулировать. Производительность труда

— крайне низкая. Чтобы производить больше, надо увеличивать число рабов, и тогда на их охрану, на то, чтобы организовать их работу, заставить хоть как-то работать уходит почти столько же ресурсов, сколько они производят. Замкнутый круг!

— Самое развитое государство древнего мира, Римская империя, столкнулось с той же проблемой, — сказала Глинская.

— Я в курсе, — ответил Дабл Ви, — в прошлый раз, когда вы упомянули Римскую империю, меня это заинтересовало. Я выкроил время и изучил этот вопрос. Они стали искать другие экономические модели, они давали рабам землю в пользование и разрешали жить семьями, иметь собственность, государство выкупало способных рабов у хозяев и давало им свободу, чтобы те могли работать во благо Рима. Но результата это не дало, и никто не знает почему.

— Теперь мы знаем почему, — сказала Глинская. — Потому что нельзя было изъять рабство из экономики, не изъав его при этом из мозгов населения. Для населения Рима рабство было основой основ, фундаментом общества. Да и большинство рабов не мыслили свою жизнь без рабства и не были готовы к самостоятельной жизни.

— И какое отношение это имеет к нашей ситуации? — сказал Дабл Ви. — Я никак не пойму куда вы клоните. Поменять сознание людей и сейчас непросто, а в те времена было вообще невозможно, тогда еще не существовало ни психостатистики, ни психодинамики.

— Тем не менее они сделали это, — сказала Анна, — Они поменяли сознание людей. Они воспользовались для этого привычной народу формой — религией. Они собрали рабочую группу специалистов, вроде нашей, и те создали новое религиозное учение: самое гуманное, самое светлое учение, пронизанное любовью к человеку, в котором не было места рабству. Историкам оно известно под названием «Христианство».

— Я знаю, что такое «Христианство», но почему вы думаете, что оно было искусственно создано этими римскими специалистами? — спросил Дабл Ви.

— До нас ведь дошли священные тексты Христианства, — ответила Анна, — Конечно они сильно искажены временем и неграмотными пересказчиками, но в них легко опознаются те методики и те приемы влияния на сознание, которыми пользуемся и мы, в наши дни. Ведь мы сейчас делаем ровно то же самое, мы тоже готовим подобное «Слово», чтобы при необходимости забросить его в мир и изменить сознание людей. И мы используем ровно те же приемы.

— Хочу напомнить, — быстро сказал Дабл Ви, — что мы с вами договаривались, — никаких самостоятельных «забросов», только после согласования со мной. А то мы уже видели, как работает это ваше «Слово», в истории с той пьесой.

Он встал и прошелся по кабинету:

— Это слишком рискованно! — Он повернулся к Елене, — Ведь вы историк! Вспомните, чем все кончилось тогда! Это ваше христианство, как бы прекрасно оно не было само по себе, оно не изменило мир к лучшему. После победы Христианства, и вы сами об этом рассказывали в прошлый раз, наступила самая мрачная эпоха в истории человечества, это ваше Средневековье. Никто не знает, почему это случилось.

— Мы это знаем! — сказала Анна.

— Христианство! — сказал Стар. — предназначалось для нового, светлого мира, избавившегося от рабства. А у них, у римских властей, в конечном итоге не хватило духа и решимости отказаться от рабов. Они не довели дело до конца. В последний момент они не решились и пошли на попятную. Христианство пришло в мир, а рабство — осталось.

— Представьте себе, — сказала Анна, — у вас есть рабы, все ваше хозяйство основано на наличии рабов, а ваша

религия говорит вам, что они — ваши братья и вы должны любить их больше себя самого. Ваша религия осуждает рабство, а ваше хозяйство не может существовать без него. Что вы будете делать?

— Интересный вопрос, — сказал Дабл Ви.

Он задумался:

— Я бы, пожалуй, придумал для себя какое-нибудь логическое обоснование, создал бы какую-нибудь стройную теорию, которая сделала бы для моих рабов исключение, объяснила бы почему именно они должны быть исключены из Христианской морали!

— Именно это они и сделали, — сказала Глинская, — они стали плодить теории, почему христианские ценности не должны применяться к тем или иным людям.

Придумывали для этого самые нелепые причины.

«Варвары слишком примитивны, чтобы считаться полноценными людьми, значит с ними можно обращаться как с животными», — гласила одна теория.

«Черный цвет кожи нехарактерен для цивилизованного человека, значит черные — не люди, они по своей сути предназначены для рабства», — провозглашала другая.

Начав с рабов, они перешли друг к другу. «Они неправильно соблюдают ритуалы, значит они не

настоящие Христиане», «Их бог — ненастоящий, значит они поклоняются дьяволу».

— Вражда, жестокость, бесчеловечные войны, — добавил Стар, — это все было и раньше. Но до Христианства у всех конфликтов была одна-единственная, вполне объяснимая причина — конкуренция за ресурсы. Никому раньше не могло прийти в голову воевать из-за разногласий относительно того, как правильно поклоняться Юпитеру. Или воевать потому, что у противника просто другой цвет кожи или иной разрез глаз. Это стало возможно лишь тогда, когда возник конфликт между гуманизмом Христианства и рабской экономической системой. Количество враждебных групп ширилось, границы вражды проходили уже не только по расовому, социальному или национальному признаку, но и внутри наций, внутри семей. Цивилизация была разрушена, всеобщая ненависть охватила мир, и он погрузился в Средневековье.

— Я понял, куда вы клоните, — сказал Дабл Ви. — Вы хотите предложить мне рецепт спасения мира? Вы предлагаете запустить в массы эту вашу новую идеологию, это ваше Слово, и, одновременно, провести реформу по отмене рабства? Идея прекрасная! В Теории! Но хоть кто-нибудь из вас представляет, как может

выглядеть экономическая система без рабов? После столетий рабства у нас нет ни одного экономиста, который хоть отдаленно представлял бы как это может работать.

— Такие экономисты у нас есть! — вдруг сказал Корчак.

— Более того, у нас даже есть готовая действующая экономическая система, в которой нет рабов.

— И где же эта за система? — иронически спросил Дабл Ви. — Почему про нее никто не знает? Вы можете ее предъявить?

— Она все эти годы, все эти столетия была у вас на глазах, только вы ее не замечали, — улыбнулся Корчак.

— Она лежала прямо перед вами, на поверхности уравнения Купермана. Помните, вы рассказывали мне о «поколении гениев», которое решило это уравнение. Так вот, никакого «поколения гениев» не было, это было очередное «поколение дураков». Возможно, они и выглядели гениями на фоне предыдущего, еще более глупого поколения, но их ума хватило лишь на то, чтобы решить уравнение, но не хватило, чтобы понять смысл найденного решения.

— Там очень простой смысл, — пожал плечами Дабл Ви.

— Уравнение Купермана показало, что экономика, которую создал Великий Вождь, обязательно будет

саморазрушаться и замещаться другой экономической системой, в основе которой лежит стремление обогатиться. Это и есть то, что называется Коррупцией. Какой там еще может быть смысл?

— Это называется не «Коррупция», это называется «Рынок», — сказала Шарлотта. — То, что эти глупцы приняли за угрозу, было спасением! Рыночная экономика — это самая эффективная экономическая система, с которой когда-либо сталкивалось человечество. Именно под управлением рынка человеческая цивилизация достигла максимального процветания и величия.

— Особенно это было хорошо заметно на примере нашего пятого управления, — засмеялся Дабл Ви. — Уж не хотите ли вы сказать, что то, что устроили эти мерзавцы, это и есть «процветание и величие»?

— А вот это-то как раз была именно «Коррупция», а не «Рынок», — заметил Стар. — Эти мерзавцы из пятого управления были обычными лагерными администраторами, которых Вольные Территории подкупили. Они не препятствовали тому, чтобы добываемая руда уходила налево. Они были рабами по своей сути, и вели себя как рабы, вообразившие себя господами.

— Вольные территории? Вы так называете тот мир, который прячется от нас в этой серой зоне?

— Это они сами так себя называют, — ответил Корчак. — Возможно тот мир тоже далек от идеала, но там нет рабства. Производительность труда у них не в разы, и даже не в десятки, а в сотни раз выше, чем в наших лагерях. Их экономика давно превзошла нашу. Они производят намного больше общественного продукта, и это при том, что их мир почти не заселен. У них намного меньше людей чем у нас. Им долгое время неоткуда было брать людское пополнение. Только сейчас у них начался естественный процесс воспроизводства населения, и родились первые поколения, появившийся на свет за пределами лагерей. Но у них еще очень и очень мало людей!

— Отлично, — воскликнул Дабл Ви, — значит мы знаем их слабое место! Мы придумаем, как нанести по нему удар!

— Вы не поняли того, о чем сказала Шарлотта, — с легкой укоризной заметила Анна. — Я повторю, они — не угроза. Они — спасение! Вы сами только что посетовали, что не знаете, как создать экономическую систему без рабства. А её не надо создавать, она уже есть. Она есть у них! Только всего и надо, что дать нашим рабам их экономическую систему, где они будут свободны и

заинтересованы в результатах своего труда. И мир сделает рывок вперед! Цивилизация воскреснет! Надо просто договориться с ними и объединить наши усилия!

— Вы хотите пойти на поклон к врагам? — с изумлением воскликнул Дабл Ви.

— Они не враги! — твердо сказал Стар. — Будь они нашими врагами, наши лагеря уже давно бы лежали в руинах. Все средства для этого у них есть! Может они и не друзья нам, возможно, предстоит еще много сделать, чтобы они стали друзьями. Но они — не враги!

— Вы слишком самонадеяны, — гневно сказал Дабл Ви.

— Вы легкомысленные и самонадеянные болваны. Вы изучили их в теории, по компьютерным моделям, вы не видели их заводов, их поселений, вы не сталкивались с ними в реальной жизни, и у вас нет никаких доказательств, что ваше представление о них соответствует действительности. И, тем не менее, вы уже составили план действий на этом зыбком фундаменте и уже готовы без раздумий запустить его в работу. Я смотрю на вас и всерьез опасаюсь, что вы и вправду запустите, даже если я вам запрещаю это делать.

— А если мы уже сталкивались с ними в реальной жизни? — спросила Анна. — Если мы уже общались с ними, и знаем про них, как говорится, из первых рук?

— Тогда это еще хуже! — глухо сказал Дабл Ви.

Он встал, подошел к интеркому и вызвал дежурного по лагерю.

— Здесь Дабл Ви. Приказываю немедленно отключить центр Ч от всех компьютерных коммуникаций и каналов связи. Оставить только одну линию — со мной. Коптеры и вездеходы предоставлять всем сотрудникам только по моему прямому распоряжению.

Он обернулся к собравшимся:

— Прошу не расценивать эти действия, как враждебные по отношению лично к вам. Это просто мера предосторожности, чтобы вы сгоряча не наделали глупостей. Корчак, попрошу сдать Басмú, что я вам дал. Она вам будет возвращена, когда ваша группа возобновит работу. А пока все вы считаетесь находящимися в творческом отпуске. Отдыхайте!

Глава 33. Я создал вас

Корчак переоделся в туалете аэропорта. В кабинку вошел малозаметный гражданский чиновник, а вышел бравый красавец-офицер, лейтенант госбезопасности. Корчак глянул на себя в зеркало и в очередной раз поразился, насколько сильно форма меняет человека.

На мгновение он снова пожалел, что решился ехать в этой форме. Ему казалось, что так он привлекает дополнительное внимание. Но Анна настояла:

— Когда люди видят человека в мундире, они смотрят именно на мундир, и не запоминают лица. Твой мундир будет хорошо замечен, а сам ты — нет. И кроме того, там, на месте, этот мундир избавит тебя от многих лишних вопросов.

Оставалось только добыть сам мундир. Покидать общежитие без ведома Дабл Ви Корчак теперь не мог. Лейтенантское удостоверение было у него при себе, а вот мундир, упакованный в пакет, валялся в его рабочем кабинете в управлении. Корчак заглядывал туда всего несколько раз за все это время, а мундир вообще больше ни разу не надевал. Теперь мундир был недоступен.

Поразмыслив, Корчак пошёл к О'Ниллу, дал ему ключи от своего кабинета и попросил привести «белый пакет

слева от двери», не привлекая лишнего внимания, когда тот поедет следующий раз в управление.

— Никаких проблем, — ответил О’Нилл, — я теперь туда по два раза в день мотаюсь, за все про все, остальным-то запрещено без разрешения выходить наружу.

О’Нилл честно выполнил просьбу, привез пакет и отдал его, не задавая никаких вопросов, хотя по его взгляду Ян понял, что тот заглянул внутрь пакета, и любопытство переполняет его.

— Только вот такое дело, — сказал О’Нилл, — не привлекая внимания у меня не получилось, меня полковник Кидд видел, когда я из вашего кабинета с пакетом выходил.

— Что он сказал? — спросил Ян с упавшим сердцем, — он спросил, что вы там делаете и зачем вам этот пакет?

— Он вообще сделал вид, что не заметил меня.

— Все равно, Дабл Ви теперь в курсе, простите О’Нилл, что невольно подставил вас.

— Еще чего! Почему это он в курсе! — воскликнул О’Нилл. — Кидд никому ничего не скажет!

— Увы, О’Нилл! Кидд — хороший человек, но он глава госбезопасности, его обязанность докладывать о таких делах.

— Я тоже был обязан доложить, — парировал О'Нилл, — это и моя обязанность. И что, я доложил разве? Я — ваш друг! И Капитан Кидд — ваш друг!

— Да и Дабл Ви — тоже ваш друг, — добавил он, минутку подумав. — И если вы с Дабл Ви поссорились, то другим друзьям в вашу сору лезть не резон! Сами как-нибудь разберетесь!

— Это другое, О'Нилл, это дела службы, а не дружбы, — грустно улыбнулся Корчак.

— Ой, будто я не понимаю, я же не дурак, — покачал головой О'Нилл. — Только неужто вы не замечаете, Ян, что настали другие времена, не те, что прежде. Теперь каждый здесь понял, что голова дана ему, чтобы думать, а не бездумно приказы выполнять. Вот все и думают. Неважно из-за чего вы с Дабл Ви поссорились, важно, что все думают, что вы правы, а он — не прав.

— Почему? — удивился Корчак.

— Потому, что вы хотите перемен! И все хотят перемен! А он не хочет!

О'Нилл посмотрел в окно и тихо добавил, вроде бы ни к кому не обращаясь.

— Все полеты на коптерах и поездки на вездеходах — регистрируются и контролируются, а вот про мои снегоходы Дабл Ви не знает!

Еще раз мысленно поблагодарив О'Нилла, Корчак запихнул пакет со своей гражданской одеждой поглубже в мусорный бак, быстро вышел из туалета и тут же столкнулся нос к носу с Такэдой. И сразу понял, что Такэда стоит тут не просто так, что он ждет именно его, Яна Корчака.

На мгновение Корчак потерял самообладание. Это был провал. Он уже привык к тому, что Такеда находится в курсе их дел, но об этой поездке он точно знать никак не мог. Все коммуникации центра были отрезаны от внешнего мира, и о времени вылета не знали даже все члены команды. Никто не видел, как они с Анной тайно взяли один из снегоходов О'Нилла в гараже, никто не должен был видеть, как они доехали вдвоем до аэропорта. И Корчак был уверен, что никто не обратил внимания, как Анна высадила его у запасного входа и сразу же отправилась обратно.

У Яна перехватило дыхание: а вдруг они поймали Анну?

— Я жду именно вас, Корчак, — сказал Такэда, — давайте пройдемся немножко, до посадки на ваш рейс на Куала-Лумпур еще остается немного времени.

«Откуда вы знаете про рейс?» — хотел спросить Корчак, но сообразил, что юрист-ревизор был вправе запросить и просмотреть списки пассажиров. Возможно, ему даже ежедневно доставляли эти списки для контроля, и именно таким образом он узнал о поездке Корчака.

— Нет, я не запрашивал списки пассажиров, — словно прочел его мысли Такэда. — Я и без этого знаю, куда и зачем вы летите.

— Меня это, сказать честно, не удивляет, — сказал Корчак. — вы уже не первый раз даете мне понять, что знаете: что, куда, зачем и почему.

— И все же думаю, что именно сейчас это вас удивило, — ответил Такэда, — ведь об этой вашей поездке знали только три человека: вы, Анна и Шарлотта. Даже комендант, чьим доверием вы злоупотребили и чей снегоход похитили, об этом не знал.

Корчак промолчал.

— Это правильная тактика, что вы молчите, — засмеялся Такэда, — тем самым вы вынуждаете говорить меня. — Не бойтесь, я не сказал Дабл Ви о вашей поездке, и ваша Анна, наверняка, уже благополучно вернулась, Ян.

— Вы никогда раньше не называли меня по имени, — заметил Корчак. — Что случилось?

— Блестяще, — улыбнулся Такэда, глядя прямо в глаза Корчака. — Вы быстро научились от Анны уводить разговор в сторону. В другое время я бы с удовольствием поиграл бы с вами в эту игру. Но сейчас, — Такэда враз стал серьезным, — до отлета времени мало, а поговорить нам надо успеть о многом. По имени я вас называю давно, но не в лицо, а там, в своем кругу общения, сейчас это не важно. Об этом мы поговорим после вашего возвращения. Вы ведь вернетесь, Ян?

— Почему, вы думаете, что я могу не вернуться?

— Потому что вы сами еще не осознали всей опасности предприятия, что вы затеяли. Погодите, не перебивайте, — Такэда поднял руку. — Я знаю, куда вы летите, я знаю зачем вы летите, с кем вы планируете встретиться и о чем будете говорить. Я это знаю не хуже вас. А вот возможные риски и опасности вашей поездки я представляю намного лучше.

— То есть, вы знаете, что я собираюсь совершить государственную измену, и не препятствуете мне?

— Не прибедняйтесь, Ян, государственную измену вы уже совершили. И даже не один раз. Когда встретились с генералом Венком, совершили. И еще раньше совершили, когда при помощи вашего подлога помогли Дабл Ви снять с постов половину правительства. И еще

раньше тоже совершили, когда запустили вашу пьесу по Лагерям! Я, как видите, обо всем знаю!

— Тогда почему я до сих пор на свободе, если вы всё знаете?

— А как вы думаете, Ян, почему вам с такой легкостью удалось организовать этот ваш заговор? Нет, даже не так! Почему этот заговор сам собой организовался вокруг вас, хотели вы того или нет? Как вы думаете?

— Погодите-погодите, — встрепнулся Ян, — ведь вы тоже самое говорили тогда Дабл Ви, когда открыли ему, что создание наших центров — это ваших рук дело.

— С вами очень легко иметь дело, Ян. Вы все схватываете на лету! Да! Это я создал ваш заговор, это я отобрал самых лучших людей и подтолкнул их к вам! Это я шаг за шагом направлял вас к нужной цели. Хотя нет, не так! Сначала я вас направлял, а потом уже сам не поспевал за вами вдогонку. Творение превзошло творца! Но так часто бывает, я не в обиде.

«Внимание, всех зарегистрированных пассажиров дирижабля, отправляющегося в Куала-Лумпур, просят занять места в салоне! Вылет через пятнадцать минут» — раздалось объявление в динамике.

Такэда быстро выхватил из кармана плоскую серую коробочку, поднес ее к губам и распорядился: «Здесь

Такэда Сокаку. Задержать рейс на Куала Лумпур до особого распоряжения. О задержке не объявлять, пусть все садятся на борт в обычном режиме, но не вылетать, пока я не разрешу».

— Нам надо уладить еще одно дело до вашего отлета. — Повернулся Такэда к Корчаку. -- Я знаю, у вас сейчас куча вопросов ко мне, но отложите все ваши вопросы до возвращения. Поверьте, если я отвечу хотя бы на пару из них, то тогда вам будет уже не до поездки! Я уверен, вы вернетесь, я сделаю все, чтоб вы вернулись.

— Удивительное дело, — сказал Корчак, — когда я увидел вас, я решил, что всё кончено, что моя поездка сорвалась, а вы вроде как даже подталкиваете меня к тому, чтобы я ее совершил.

— А разве раньше я препятствовал вам в ваших делах? — пожал плечами Такэда.

— Только один вопрос! — сказал Корчак. — Откуда вы знали все подробности о наших делах? Это Анна? — ужаснулся он своей догадке.

— Вы с ума сошли, Ян! — взмахнул руками Такэда. — Только не вздумайте ей сказать об этих своих подозрениях, это смертельно обидит ее. Конечно, Анна тут ни при чем. Обещаю, я вам расскажу все, но только

когда вы вернетесь, потому что это знание помешает вам.

— Вы сказали, что нам надо уладить одно дело? — напомнил Корчак.

— Сдайте мне на хранение вашу Басму. Вы ее тут же получите, как вернетесь обратно. Но там, куда вы летите, ее при вас быть не должно. Если она ненароком попадет не в те, но очень умелые руки...

— Я понимаю, не объясняйте, — сказал Корчак, снимая Басму.

— Погодите! Но я не могу оставить вас без защиты, которую вам давала эта Басма. Если вдруг в Куала-Лумпуре или на борту дирижабля у вас возникнут проблемы, любые, даже самые незначительные, немедленно провозглашайте «Слово и Дело». Не ждите, пока мелкие проблемы станут серьезными. Провозглашайте по любому поводу.

— А что я скажу тамошнему юристу-ревизору?

— Скажите, что Такэда Сокаку должен быть немедленно уведомлен об этом случае. И требуйте встречи со мной. В крайнем случае, — тут Такэда сделал паузу, — скажите, что у вас, лично у вас — статус Консорта. Вы запомните? Кон-сорт!

— Я знаю это слово, — сказал Корчак, — это слово из английского языка, — оно означает «Корабль Охраны».

— Вот как? — засмеялся Такэда. — А я не знал этого. Но смысл в чём-то точный!

Он протянул Корчаку руку.

— Ну! Удачи вам, Ян!

И когда Корчак уже подошел ко входу лифта на Дирижабль, Такэда вновь окликнул его.

— Ян! Я хочу, чтобы вы знали! Те девушки, стюардессы на борту дирижабля, они из Лагеря. Они рабыни! Это единственное исключение из правил, когда лагерных работниц допускают в свободный мир. Потому что назад они уже не никогда вернутся. Вы понимаете, о чем я? Сто лет назад правительство протащило закон об этом исключении, чтобы высокие чиновники не скучали во время долгого полета. Не знаю, зачем я вам об этом сказал...

И резко развернувшись, Такэда не оглядываясь пошел к выходу.

Часть третья. И упало слово.

Вступление в 3-ю часть

По глубокой тропинке, протоптанной в снегу, шел человек в лагерной одежде со старым ржавым ломом в руках. За ним в нескольких шагах шел стражник с винтовкой наперевес, а по бокам от тропинки, по насту, семенили две крупные сторожевые собаки, внимательно наблюдая за идущим впереди человеком.

И вот в какой-то момент они вдруг одновременно притормозили свой бег и глухо зарычали.

— Даже не думай, — равнодушно сказал стражник, — они сразу почуют, как только ты лом перехватишь. Думаешь ты первый такой умный, с ломом на винтовку.

— Мне, вообще-то, терять нечего, — глухо сказал конвоируемый, — какая разница, тут или там. — он вдруг остановился, уронил лом на тропинку и обернулся.

— Но-но, — грозно крикнул стражник, — вскидывая винтовку.

Собаки напряглись, приготовившись к броску, ожидая сигнала конвоира.

— Так ведь не положено, — почти крикнул лагерник, — должно же быть хоть какое-то следствие, должен быть приговор, нельзя ведь просто так...

— Это в лагере, следствие и приговор, — ответил стражник, — а на штрафной зоне все просто, начальник приказывает пристрелить, и все дела. Он в своем праве.

— А если Данте оклеветал меня? А если я не намеревался бежать? Данте и вправду предлагал мне побег, но я не согласился, я отказался. Куда бежать-то, когда куда не беги — везде Лагерь!

— Мне до того дела нет, — сказал стражник, — моё дело приказ выполнить, а не разбираться, что к чему! Ну давай, иди, что ли!

— Никуда я не пойду, стреляй здесь!

— Пойдешь, — сказал, стражник, — они вон, — он кивнул на собак, — знают, что делать. Ты думаешь, ты тут первый герой такой. Ты лучше не артачься... Давай, давай, иди, не порти себе последние минуты...

Штрафник поднял лом и пошел по тропинке.

Они вышли на берег реки.

— Вот там лед потоньше, — сказал конвоир. — долби там.

— Зачем?

— В лагере — могила. А тут — прорубь.

— А если я откажусь долбить? — спросил штрафник. —
Что будешь делать?

— Я думал, что ты не торопишься умирать, — сказал
стражник. — Кто знает, может пока ты долбишь, капитан
остынет и отменит приказ.

— А что так бывало?

Стражник пожал плечами.

Штрафник взял лом и начал долбить лед. Стражник
достал из-за пазухи небольшую бутылочку и стал
перекатывать ее в ладонях — видимо там была горячая
вода, и он грел таким образом руки.

— Еле идет! Тут намерзает быстрее, чем я долблю, —
сказал штрафник

— А ты куда-то торопишься? — спросил стражник.

Штрафник снова с остервенением начал долбить лед.

— А вот это хорошо, это правильно, — констатировал
стражник, — так ты точно не заоченеешь.

— Сволочь ты, мразь! — мрачно ответил штрафник, — у
тебя что, тоже приказ, шуточки такие отпускать?

— Достаточно! Опустил лом в прорубь и отойди на три шага назад! — крикнул стражник.

— Не готово же! Тут еще долбить и долбить!

— Вода показалась, я вижу

— Ну и что, что показалась, тут отверстие — только мыши пролезть!

— Опустил лом в прорубь и отойди на три шага назад! Ну, быстро!

Штрафник подчинился.

— Это правда, что ты его знал? — вдруг спросил стражник.

— Кого знал? — не понял штрафник

— *Ego!*

— Да, это правда!

— И какой он?

— Самый обычный человек!

— Стой на месте, — конвоир быстро подошел к проруби, сорвал крышку с бутылочки и вылил ее содержимое на края проруби. Лед окрасился в грязно-красный цвет.

— Прощай, — сказал стражник и, свистнув собакам, быстро пошел прочь.

— Эй! Ты куда? — крикнул штрафник.

— Ты хочешь, чтобы я вернулся и выстрелил? — обернулся стражник.

— Не знаю, — растерянно сказал человек у проруби, — я же тут через час насмерть замерзну.

— Не замерзнешь, — ответил стражник, — Данте сказал тебе правду! Оглянись!

Человек быстро обернулся назад. По поверхности замерзшей реки к нему мчались несколько темных точек — сани в собачьей упряжке.

Глава 34. Идем со мной

Когда Корчак вошел в кают-компанию дирижабля, то сразу поймал на себе множество недоуменных и разочарованных взглядов. Он догадался в чем было дело. Кают компания видимо гадала над причиной задержки рейса без объявления причин и решила, что они ждут какого-то важного, особого пассажира. А вошел обычный, ничем не примечательный лейтенант.

Во всяком случае, ничем не примечательный для этих пассажиров. Тут собрались только чиновники самых высоких рангов — рейс был «пассажирским».

Дирижабли уже сотни лет были главным средством воздушного сообщения. Они бывали трех видов: грузовые, грузо-пассажирские и просто «пассажирские». Первые, понятное дело, возили только грузы, вторые — тоже возили грузы, но небольшие партии, а основным их назначением была все же перевозка пассажиров, простой массовой публики, в простеньких многоместных каютах без особых изысков.

А вот просто «пассажирские» дирижабли предназначались для самых высших каст и были, по сути, летающими дворцами, с роскошной отделкой, большими персональными каютами, с ваннами, кинотеатром и изысканной кухней. Попасть на такой дирижабль

случайному пассажиру было невозможно. Ян смог зарегистрировать тут место только при помощи ревизорской Басмы.

И вот сейчас все эти важные пассажиры собрались для предполетного инструктажа в огромной кают-компании отделанной ценными сортами дерева, с большими мягкими диванами обтянутыми настоящей кожей. Корчак впервые оказался в окружении такого количества важных персон, которых легко можно было распознать по вызывающе роскошной одежде и по характерному, надменно-презрительному выражению на лицах.

Почти все были с женами, и Корчак сразу понял причину этого. Юные стюардессы, что сновали между столиками, разнося кофе и закуски, почти не были одеты. Чрезвычайно короткие юбки, с разрезом до пояса, фирменные кители с вырезом почти до пупка. Не оставалось никаких сомнений, какова основная цель пребывания этих девушек на борту. И предосторожность жен, не рисковавших отпускать мужей в такие поездки без сопровождения, была вполне понятна.

Одиноких пассажиров было, собственно, только двое: Корчак и какой-то пожилой, заплывший жиром чиновник со злыми жабыми глазками. Он посматривал на Корчака с нескрываемым раздражением, видимо видя в нем единственного конкурента за доступ к бортовому гарему.

Остальные же мужчины смотрели на двух счастливец-одинок с плохо скрываемой завистью.

Впрочем, девушки быстро исчезли, оставив кофе и закуски и уступив место помощнику капитана, который начал читать длинный нудный инструктаж по технике безопасности на борту. Его почти не слушали. Остальные были видимо, опытными пассажирами, и знали этот текст чуть ли не наизусть, а Корчак погрузился в размышления о стюардессах.

Зачем Такэда обратил на них его внимание? «Они — рабыни!» — сказал он. Это, объяснение, конечно сразу помогло многое понять. И откровенные наряды, и то с какой целью этих девушек держат на борту. Но зачем Такэда это сказал? Не для того же, чтобы Корчак поразвлекся в дороге! Чтобы вызвать возмущение Корчака? Сочувствие к девушкам? Это произошло бы и без пояснений Такэды! Так зачем? Безусловно посыл Такэды имел какой-то скрытый смысл.

Инструктаж уже закончился, помощник капитана пожелал пассажирам спокойной ночи, а Корчак все еще был в раздумьях. Он поднялся в свою каюту и остановился на пороге, ошеломленный роскошью отделки, обстановки и простором помещений.

«Так вот как живут чиновники первого класса и члены правительства!», — подумал он. И в этот момент его осенило.

Конечно же! Высшие чиновники, члены правительства летают этими дирижаблями, используют этих девушек «по назначению» и не воспринимают их, как живых людей. Рабыни, они и есть рабыни! Так, предмет обстановки, бездушная кукла для сексуальных утех!

Дирижабль — это, пожалуй, единственное место, где они полностью расслабляются и теряют всякую бдительность. Дирижабль — абсолютно безопасное место, где даже охрана не нужна. Тут нет посторонних, тут все свои! Можно не таясь вести конфиденциальные разговоры, не опасаясь, что тебя подслушают, можно оставлять в каюте секретные документы, не опасаясь, что их прочтет посторонний. Тут же нет посторонних, кроме предметов обстановки!

Если получится склонить кого-нибудь из стюардесс к сотрудничеству, уговорить просто прислушиваться к разговорам на борту, заглядывать в бумаги, когда никого нет поблизости... У Корчака захватило дух от перспектив.

Конечно, они и сейчас, благодаря Тагору и Стару, могли свободно извлечь любую секретную информацию из компьютерных архивов. Но в компьютерных базах

документы оказывались лишь на самой последней, финальной стадии. А вот перехватывать идеи и намерения высших чинов еще на стадии обсуждений, на стадии подготовки, они об этом раньше даже мечтать не могли.

Всю ночь Корчак проспал беспокойным поверхностным сном, несмотря на удобнейшее ложе и постель с автоматической терморегуляцией. Его мозг напряженно работал даже во сне, но зато к утру в его голове сложился четкий план, не только как превратить сеть линий пассажирских дирижаблей в ценный источник информации, но и как использовать ее для прямого влияния на дела правительства. В том, что удастся склонить девушек к сотрудничеству он ни на мгновение не сомневался. И решив немедленно приступить к делу, Корчак отправился на завтрак.

Давешний жирный чиновник встретил его настороженным взглядом. Он уже сидел за столом, занимая два места, и гонял девушек по залу, давая им различные поручения, заставляя повернуться к нему тем или иным боком, нагнуться — короче, выбирал себе жертву. Появление Корчака внесло диссонанс в этот процесс. Девушки тут же переметнулись к его столику и чиновнику пришлось повышать голос, чтобы подозвать ту или иную из них. Они, же выполнив поручение, снова

оказывались у столика Яна и сами, безо всяких просьб, наклонялись поправляя салфетки, тарелочки с плюшками, старательно демонстрируя то, что едва скрывали глубокие вырезы.

«Бедные девушки!» — подумал Корчак, — «Я ведь — просто наименьшее из двух доступных им зол, и всего лишь способ избежать близкого общения с этим мерзким хряком».

Одна из девушек привлекла его внимание своим сходством с Глинской. У нее были такие же вьющиеся рыжие волосы, похожая прическа и такая же фигура. Когда она поворачивалась к нему спиной, о него возникало ощущение, что перед ним Елена. Звали ее Жанна Д'Арк — имя каждой девушки было написано на табличке, которые они носили на груди.

Может это было субъективное ощущение, но Корчаку показалось, что эта девушка привлекла бы его внимание и без этого сходства. Она в отличие от остальных не боялась смотреть ему прямо в глаза, и ее взгляд светился интеллектом.

«Попробую!» — решился Корчак. Он написал на салфетке номер своей каюты и положил на стол. Она ловко, так что он даже не заметил, как, подхватила бумажку и мгновенно спрятала ее в куда-то. Через минуту она

наклонилась на ним, вроде бы поправляя салфетку и прошептала ему на ухо:

— Закажите себе кофе в каюту, нам нельзя просто так заходить к пассажирам.

Он быстро закончил завтрак, поднялся в каюту и заказал два кофе. Через несколько минут появилась Жанна с подносом.

Что-то в ней изменилось, он даже не понял, что именно. То ли пряди волос падали на лоб чуток иначе, то ли другое выражение лица. Но от нее веяло таким эротизмом, что на Корчака тут же нахлынуло желание. Он с трудом подавил его, вызвав перед собою образ Анны.

— Две чашечки? — игриво спросила она. — Вы планируете потратить так много сил, что одной не хватит для восстановления?

— Одна для вас, — ответил он, — присаживайтесь, я хочу с вами поговорить.

— Поговорить? — недоуменно спросила она. — Но о чём?

— Ну, например, о том, как сделать так, чтобы вам больше никогда не надо было заниматься этим против

своей воли, а лишь тогда, когда вы сами захотите, и с кем захотите.

— Но я и вправду хочу, — живо возразила она. — Не так часто на рейсах попадают такие красавчики, как вы: всё больше за шестьдесят или с женами. Я имею в виду, если случай подвернулся, грех не воспользоваться.

Она сделала какой-то малозаметный жест, чуть скосила глаза, и Корчак вдруг снова испытал острое сексуальное влечение.

— Как вы это делаете? — изумился он.

— Что делаю? — спросила она, невинно хлопая глазами, и каким-то особенным жестом провела рукой по волосам.

Его накрыла новая волна желания, такая мощная, что он понял, еще чуть-чуть, и он не сможет противиться ей.

— Слушайте, — резко сказал он. — Я знаю о каком «подвернувшемся случае» вы говорите, я знаю про вас всё! Еще школьницей вы поняли, что Безмятежные острова то ли будут, то ли нет, а жить надо сейчас. И единственный шанс, как бы он ни был вам неприятен — это «уроки физкультуры для выросших школьниц». Вы были очень прилежной физкультурницей и добились, чтобы вас, когда все прочие отправились в лагерь, оставили на «дополнительное обучение». Вы

использовали эти несколько лет, как только могли. И вам повезло. Вас заметил какой-нибудь омерзительный старикашка-администратор и взял вас в свои «секретарши» или «курьеры». Там вы впервые поняли, что жизнь может быть совсем другой, огляделись, нашли себе другую цель и, пустив в ход все свое умение и очарование, добились, чтобы старикашка в обмен на что-то, передал вас по цепочке дальше, какому-то большему начальнику. Этот, наверное, не был ни старым, ни противным, ведь вы уже сами выбирали кому «понравиться», у вас впервые появился выбор. И там, у этого большого начальника вы, видимо, и услышали об этих авиаиниях и о лагерницах-стюардесах, работающих здесь. И я не знаю на какие-жертвы вам пришлось пойти, чтобы оказаться здесь, но знаю, что жертвы эти были велики. И вот, когда вы тут очутились, вы поняли, что это — тупик. Что дальше дороги нет. Что шанс, что подвернется очередной какой-нибудь еще больший начальник, призрачен. Что вас будут держать только до тех пор, пока вы сохраняете женскую привлекательность, а более молодые конкурентки уже стоят у порога! А когда вы станете тут не нужны... вы даже боитесь об этом думать, потому что несложно догадаться, куда девают лагерниц, которые узнали великую тайну о том, что мир не исчерпывается Лагерем.

Он вдруг понял, что сделал очень жестокую вещь. Пальцы рук Жанны отчетливо задрожали, на ее глазах проступили слезы, но она сделала усилие и овладела собой. Она улыбнулась, но ее губы продолжали предательски дергаться.

— Простите меня, — виновато сказал он, — я вовсе не хотел сделать вам больно. Я просто хотел сказать вам, что если вы прошли весь этот страшный путь, если вы смогли его пройти, — он положил руку ей на голову, — то, значит, в этой хорошенькой головке кроется великий ум.

Внезапно она судорожно вздохнула, и лицо ее просветлело.

— Это вы! — воскликнула она, — Тот самый человек, о котором говорят в Лагерьях! Это ведь вас называют Спаситель! Тот, кто выведет нас из тьмы!

Теперь пришла его очередь испытать шок.

— Почему вы так думаете? — растерянно прошептал он

Жанна закрыла глаза и стала тихо проникновенно декламировать.

И придет он!

И встанет перед тобою!

И посмотрит на тебя своими лучистыми глазами!

И возложит он на тебя руку свою!

И в тот же миг постигнет всю жизнь твою до самых ее глубин!

— Идем со мной, я пришел, чтобы вывести тебя из тьмы! — скажет он

«Так и должно было быть! — понял Корчак. — Финальные слова пьесы проросли в их душах, и они пересказали их понятыми им словами. И у них получились такие стихи».

Жанна уже окончательно пришла в себя.

— Я должна была догадаться сразу, — сказала она, — когда вы позвали меня к себе в каюту и предложили мне кофе вместо *этого*. Вы ведь совсем, совсем непохожи на тех, кто летает этими рейсами.

— Наверное, не похож, — согласился он. — Но ведь одного только этого недостаточно для того, чтобы объявить меня Спасителем.

— До нас тут доходят только обрывки слухов, контактов с внешним миром почти нет, — тихо сказала она. — Только в аэропортах с персоналом, погрузка, выгрузка, уборка. Персонал — вольный, но слухи из лагерей уже докатились и до них. Они называют эти слухи «Благими Вестями». Они тоже верят, что придет Спаситель, они тоже ждут его. Я много думала об этом, я поняла, что

такие слухи не возникают сами по себе. Что эти *стихи*, что я вам прочитала, скорее всего отражение каких-то реальных событий. И у тогда меня появилась надежда, впервые с тех пор, пока я здесь. И тут приходите вы, и происходит все то же самое, что описано.

Она схватила его за руку.

— Это ведь вы! Это про вас стихи! Умоляю вас, скажите, что это вы!

— Это нелепо, но кажется, это и вправду я, — улыбнулся он. — Во всяком случае, та фигура, что рисуют в лагерях на иконах и называют «Спасителем» — это моё изображение.

— Это? — она выхватила из нагрудного кармашка шнурок, на котором болталась маленькая картинка с уже знакомым Корчаку силуэтом. — Я это всегда возле сердца ношу.

— Да, вот это моя шляпа, это моё пальто...

— Вы и вправду спасли его?

— Кого?

— Вашего друга Ньютона. Об этом говорится в одной из «Благих Вестей». Она прикрыла глаза и снова начала декламировать.

И был он другом и учеником Спасителя, и делил с ним хлеб его и жилье его.

И узнала о том администрация, и схватили Ньютона и приговорили к смерти.

И поставили его на краю могилы, и подняла стража ружья свои, чтобы убить его.

И пришел Спаситель, и встал за спиной коменданта, и застряли пули в ружьях.

И застряли несправедливые слова приговора на языке коменданта, и отменил он казнь.

— Это не так было, — улыбнулся Корчак, — это Такэда Сокаку, юрист-ревизор отменил казнь после моих показаний.

— Но ведь было же! — живо возразила Жанна. — Это ведь вы спасли его, значит это правда, важен факт, а не детали. Я же не глупая, понимаю, что все это — не более, чем легенды. Но они ведь сочинены по следам реальных событий, значит, это правда!

— Мне лестно слыть за Спасителя, Жанна, но я попал на эту икону чисто случайно, там мог оказаться любой из нас...

— Из вас? Значит вы не один? Вас много? Спасителей?

— Ну пока еще не так много, как хотелось бы—
улыбнулся Ян, — но уже достаточно для того, чтобы
начать менять этот мир.

— Ну так это же прекрасно!

— Откуда вы знаете, что такое стихи, Жанна? В лагерной
школе этому не учат.

— Знали бы вы сколько тут летает *интеллигентных
людей*, — сказала она с неожиданной злой иронией. —
Какие книги и журналы оставляют тут на борту за
«ненадобностью». Они даже не думают, что мы можем и
будем все это читать. Мы же тут для них просто как
предмет обстановки, для «развлечься пока летишь». Так
что мы тут с девушками весьма образованы, весьма, хоть
и бессистемно.

— Как давно вы здесь?

— Три года, и еще осталось примерно столько же. А
потом... вы правы, я гоню от себя эти мысли. Вы очень
точно описали мою судьбу, но в одной вещи — все же
ошиблись. Сюда нельзя попасть по своему желанию. Это
— как наши Безмятежные Острова.

Она перехватила его недоуменный взгляд.

— Вы все очень точно рассказали до того момента, когда
я сама выбрала себе «нового большого начальника». А

потом было иначе. Я заболела, была клиника, и откровенный разговор с медицинским начальником. *«К сожалению, девушка, Безмятежные острова — это сказка, на самом деле мы просто делаем больным «укол гуманизма». Но у молодых и красивых лагерниц есть возможность получить еще шесть-восемь лет жизни, и это будет роскошная жизнь, на больших воздушных кораблях. Просто ни в чем не отказывайте пассажирам и наслаждайтесь оставшимися годами. Решать надо прямо сейчас, никто вас с этим знанием из этого кабинета уже не выпустит».*

Она посмотрела в глаза Яну.

— Три года из этих шести-восемью уже прошло. Я уже видела, как это бывает. Мы ложимся вечером спать, а утром просыпаемся, и не досчитываемся одной из нас. А через несколько дней появляется новенькая. Никто не знает заранее, когда настанет твоя очередь. И это помогает жить.

— Какой ужас, — ахнул Корчак, — так можно сойти с ума.

— Нет, — покачала головой Жанна. — С ума от этого не сходят, но знали бы вы как тут начинаешь ценить каждое мгновение жизни. Спасибо вам, что дали нам надежду. Если даже я не успею дожить, я буду счастлива знать, что остальным повезло!

— Успеете! — твердо сказал Ян. — Особенно, если вы нам поможете. Вы можете здорово помочь нам в нашем деле.

— Стать одной из вас? — живо сказала она. — Я даже мечтать не могла, что вы меня позовете! Что мне надо делать?

— Я сойду с этого борта в Куала-Лумпуре, — сказал он. — И скоро, очень скоро, с вами свяжется человек. Я не знаю еще, кто это будет, мужчина или женщина, и при каких обстоятельствах это произойдет, но с вами скоро свяжутся. Этот человек передаст вам привет от Яна. Меня зовут Ян.

— Не волнуйтесь, — улыбнулась Жанна, — я узнаю вашего человека, узнаю без всяких слов. Я теперь всегда и везде буду узнавать *ваших*. Может вы и не поняли, о каких «лучистых глазах», идет речь в стихах, а я понимаю, я смотрю на вас, и вижу. У вас особенный взгляд. Не как у чиновников, не как у лагерников. В нем нет ни страха, ни забитости, ни надменности. Я знаю, что у всех *ваших* будут такие же лучистые глаза...

Глава 35. Своя Мата Хари

Дирижабль плавно парил над берегом моря, заходя на посадку с запада, навстречу восходящему Солнцу. Ян прильнул к окну кают компании, замороженный открывшейся ему картиной. Раскинувшийся на фоне восхода великолепный Куала-Лумпур совершенно не походил на невзрачный и серый Бодайбо. Тут совсем не было унылых одноэтажных цехов и барачных, рассечённых грязными подъездными путями — привычной панорамы Бодайбо. Двух, трех, а то и пятиэтажные здания административного центра выглядели красивыми светлыми пятнами из буйства тропической зелени. А собственно, сам Лагерь, его сельскохозяйственные угодья поражали правильной геометрией разноцветных лоскутов полей. Это было очень красиво.

Всего несколько дней назад Корчак улетал из суровой морозной зимы, а тут цвело лето во всей красе. Корчак знал, конечно, что Куала-Лумпур лежит совсем в другой климатической зоне, где не бывает зимы в традиционном понимании. Но одно дело читать об этом, и другое — увидеть воочию.

Одна из стюардесс поставила перед ним чашечку кофе.

— Будьте осторожны, — шепнула она, — кажется он готовит какую-то пакость.

Ян и сам это знал. Сегодня с утра, выйдя к завтраку он напоролся на взгляд жирного чиновника, который был полон такой ненависти, что Корчак почти ощутил физическое давление этого взгляда.

На протяжении всего полета между Корчаком и чиновником разворачивался безмолвный поединок, за которым, как за спектаклем, с интересом следила вся кают-компания. После того, как Ян поговорил с Жанной, поведение девушек резко изменилось. Они теперь постоянно вились стайкой вокруг Яна, демонстративно игнорируя толстяка. Тому приходилось постоянно повышать голос и раздражаться, подзывая девушек к себе.

Но Ян, включившись в игру, не оставлял чиновнику ни малейших шансов. Как только он замечал, что чиновник выбрал себе очередной объект для домогательства, он вставал и удалялся, громко попросив выбранную чиновником жертву принести кофе к себе в каюту.

Повторялось это по несколько раз на дню, и на Корчака стали смотреть как на полового гиганта. Симпатии публики быстро переметнулись на его сторону, и, коль скоро на борту было немного развлечений, к концу

полета вся кают-компания уже с удовольствием участвовала в игре на стороне Корчака.

Стоило чиновнику попросить кого-то из девушек принести хотя бы стакан воды, как кто-нибудь из пассажиров бросал невинным голосом под общий смешок реплику:

— А разве эта девушка еще не абонирована лейтенантом?

Конечно, пассажиры списывали происходящее на молодость Корчака и уродливый вид чиновника. Но Ян знал, что его разговор с Жанной сразу стал известен всем девушкам на борту. В тот же день, когда он спустился к обеду, незнакомая ему стюардесса, подошедшая к его столику, быстро показала ему иконку и подмигнула.

Дирижабль меж тем пришвартовался к стартовой мачте.

Чиновник кинулся к выходу из лифта первым, резко, почти грубо, оттодвинув Корчака, и быстро помчался вперед, так что Ян почти сразу же потерял его из вида.

Впрочем, у Корчака было достаточно проблем, чтобы следить, куда тот побежал. Едва выйдя из лифта, он сразу заблудился. Здание аэропорта Куала-Лумпура было огромное, не чета одноэтажному ангару в Бодайбо. Тут было три этажа и множество лифтов и лестниц.

Указателей «Выход» тоже было много, и они все смотрели в разные стороны.

Корчак недоуменно огляделся. Он рассчитывал пойти за толпой пассажиров, но все, кто вышел из лифта, тут же разбрелись в разные стороны. Оглядевшись, он заметил через перила этажом ниже полицейский патруль, и кинулся к лестнице, ведущей вниз, чтобы навести справки у полицейских. Однако, к его удивлению, полицейские увидев его, сами пошли к нему навстречу, резко ускорив шаг.

— Позвольте взглянуть на ваше удостоверение, лейтенант, — сказал начальник патруля, протягивая руку.

— Пожалуйста! А что случилось? — спросил Корчак передавая полицейскому капитану свою пластиковую карту.

Тот молча поднес ее к считывателю, потом повернулся назад и сказал: «Вроде, все в порядке».

Слова эти адресовались мрачному мужчине в штатском, который маячил за спинами патруля. Корчак только сейчас обратил на него внимание и сразу понял, что главный тут — не начальник патруля, а вот он, этот мужчина.

Штатский взял карточку Корчака, изучил ее и молча вернул Яну.

— Цель вашего визита в Куала Лумпур? — спросил полицейский капитан у Корчака

— Служебная командировка.

— Хотелось бы получить более подробную информацию,
— сказал капитан.

«Если у вас возникнут проблемы, любые, даже самые незначительные, немедленно провозглашайте Слово и Дело», — вспомнил Ян слова Такэды. Он задумался на мгновение, но решил пока не форсировать события.

— Вы, кажется, забыли, что разговариваете с офицером госбезопасности, — как можно вежливее сказал он, — и о цели моего визита я, без разрешения моего начальства, не намерен информировать даже ваши местные органы. Если действительно будет такая необходимость, я могу сказать об этих целях только вашему юристу-ревизору, наедине. Если вы будете настаивать на раскрытии мною этой секретной информации, я буду вынужден провозгласить «Слово и дело».

Полицейский снова обернулся назад и посмотрел на штатского.

Тот поморщился и покачал головой.

— По-моему, понятно, в чем тут дело. Гляньте на этого красавчика, — он кивнул на Корчака, — и сравните его с

тем уродцем, что вам пожаловался. Чинуша не выдержал конкуренции, молодость и красота забрали себе всех девок на борту, вот эта жаба и решила отомстить. Так было дело, лейтенант? — подмигнул он Корчаку.

— Примерно так, — улыбнулся Корчак.

— Делиться надо, лейтенант, — укоризненно сказал штатский, — всегда оставляйте проигравшим утешительный приз, а то, в конце концов, вляпаетесь в крупные неприятности.

— У меня к вам больше нет вопросов, — сказал начальник патруля.

— У меня есть вопрос, — ответил Корчак, — я впервые в Куала Лумпуре, — где я могу тут найти пункт связи? И как мне добраться до гостиницы в Лагере?

— Коммутатор — внизу, на первом этаже, — ответил полицейский, — место на коптере до Лагеря можно забронировать на третьем этаже у выхода на крышу. Если проголодаетесь, там же есть столовая, можно перекусить в ожидании коптера.

Корчак спустился вниз. В центре связи было совершенно пусто, ни единого человека в очереди.

— Мне нужен закрытый канал связи с лагерем Бодайбо, для секретного служебного разговора.

— Вам с начальством надо переговорить или с агентурой? — деловито осведомился молодой служащий в мундире сержанта войск связи.

— А есть какая-то разница?

— Для связи с вашим начальством, с отделениями госбезопасности, служит только линия правительственной связи. Ее надо заранее заказывать. Если же вам надо по секрету поговорить с кем-то еще, то тогда воспользуйтесь 3-й кабинкой. Она — секретная. В вашем удостоверении есть специальный чип для шифровки сообщений, вставьте в щель над микрофоном. Когда начнут мигать поочередно зеленый и красный огоньки, значит разговор шифруется, можете говорить. Кабинка полностью звукоизолирована. Но тоже придется подождать, она занята сейчас.

— Надолго занята?

— Кто же знает, — пожал плечами сержант, — каждый волен говорить сколько ему вздумается, ограничений нет. Ждите.

Корчак сел на стул возле третьей кабинки, но ждать долго не пришлось. Дверь открылась, и из кабинки вышла женщина. Корчак уже обратил внимание, что тут в Куала Лумпуре у многих был смуглый оттенок кожи. Но

кожу этой женщины нельзя было даже назвать смуглой, она была густо-коричневого, почти черного цвета.

«Африканская раса», — догадался Корчак. Он знал о существовании людей с черным цветом кожи, но никогда не сталкивался с ними в жизни. Он читал, что таких людей было много в Александрии, Медине и Сиэтле. Но в северном лагере Бодайбо африканцев не было совсем.

Одета женщина также была необычно. Ее платье даже нельзя было назвать платьем, это было скорее полотно из зеленой, расшитой блестящими узорами ткани, обернутое вокруг тела. На голове у нее был головной убор, тоже свернутый из куска ткани, только ярко красной. Из ушей женщины свешивались украшения в виде колец, из желтого металла. И Корчак подумал, что это вполне могло быть золото. Выглядел этот наряд потрясающе красиво, и Корчак невольно залюбовался этим великолепием.

К реальности его вернул женский смех. Женщина смеялась, глядя на него. Ян представил себе картину, как он выглядит: провинциал, нелепо открывший рот от удивления, и ему стало стыдно.

— Извините, — пробормотал он.

— За что? — удивилась женщина. — Это я должна просить прощения за свой бесцеремонный смех! — и она гордо проследовала мимо него к выходу.

Корчак обернулся, чтобы посмотреть, как отреагировал на эту сцену дежурный сержант. Но тот был поглощен заполнением каких-то бумаг, и ничего не заметил. Или делал вид, что не заметил.

Корчак захлопнул и запер дверь кабинки. Нашел щель и вставил в нее свое удостоверение. Дождался пока попеременно замигали красный и зеленый огоньки и с замирающим от волнения сердцем набрал на клавиатуре код, что дал ему О'Нилл. Удалось ли там в центре, прорвать блокаду? Восстановлена ли связь?

На экране появилось лицо Глинской.

— Ян, — обрадовалась она, — ну наконец-то! Ваш рейс должен был по расписанию прилететь еще вчера вечером, Анна просидела тут всю ночь в ожидании. И еще целый день до того дежурила. Сейчас уснула. Сбегать за ней, разбудить?

— Нет, не надо, пусть поспит, со мной все в порядке, поговорим с ней вечером. Да и у вас, я смотрю, тоже все в порядке? Связь восстановили?

— Еще бы не восстановили! — улыбнулась Глинская, — тут у нас такие события произошли, после вашего отлета.

На следующий день Кимико вызвала Стара для консультации, а связи с нашим центром нет! Скандал был страшный! Дело кончилось тем, что Стару дали Басмú, точь-в-точь такую же, как у вас! И получается, что он теперь чуть ли не самый главный человек в Лагере. Хотя, что там Лагерь! Стар уже на всю Землю замахивается!

— А что Дабл Ви?

— Смирился! Хотя он, конечно, протестовал, уверял, что нам нельзя давать волю, что это опасно. В итоге он добился, чтобы ревизоры создали специальный комитет, который следил бы за нашей работой. Но все прекрасно понимают, что это лишь уступка ему, только для того, чтобы он не потерял лица. А какие новости у вас, как долетели?

Корчак рассказал ей о своем разговоре с Жанной, и о своей идее создать агентурную сеть среди стюардесс. Когда он дошел до того момента, когда Жанна его чуть было не соблазнила, Глинская рассмеялась.

— Как же вы одинаковы, мужчины, когда дело доходит до этого. Вам повезло, Ян, что Анна сейчас спит. Я смотрю, вас прямо распирает от гордости, что вы не поддались. Но Анне об этом лучше не знать. Думаю, ей было бы неприятно услышать эту историю.

— Я полагаю, что мы могли бы воспользоваться талантом этой девушки, ее умением соблазнять мужчин. Это, пожалуй, самый короткий путь ко всяким тайнам.

— О да! У нас будет своя Мата Хари!

— Кто!

— Была такая шпионка в древние времена. Перед ней тоже не мог устоять ни один мужчина, — улыбнулась Глинская.

Однако, когда Корчак рассказал о том, что культ Спасителя вышел уже за пределы Лагерей, и что даже стюардессы носят в кармашках иконки, Глинская вновь стала серьезной.

— Мы с Анной как раз все последние дни занимались этим культом. Мы придумали, как взять его под контроль и возглавить. И тут вы, с вашими стюардессами. Как нельзя кстати, появились эти стюардессы. Мы как раз ломали головы, кого взять на роль апостолов, а они подходят идеально! Перемещаются по всему миру и им нечего терять! Возвращайтесь быстрее, Ян! Мы начинаем великие дела!

— Да, насчет «нечего терять», — спохватился Корчак. — Девушки на самом деле все время ходят по краю пропасти. Каждую из них могут «изъять» в любой момент

времени. Понимаете, что это значит? Хорошо бы что-то придумать...

— Я уже придумала, пока вы рассказывали, Ян. Мы сделаем так. Стар при помощи своей Басмы отдаст распоряжение открыть курсы повышения квалификации для стюардесс, и мы в течение месяца-двух пропустим через них всех девушек, и с каждой проведем работу. Тех стюардесс, что *выработали свой ресурс*, Стар распорядится оставлять на курсах для работы в качестве преподавателей. Вот прямо с этой вашей Маты Хари и начнем. Как ее имя?

— Её зовут Жанна. Жанна Д'арк.

Глинская резко подалась вперед и весь экран заполнили ее распахнутые глаза.

— Ян! Она рыжая? С меня ростом?

— Да, у нее рыжие волосы и она, кстати, очень похожа на вас, Елена.

— Ян! Милый Ян! Вы даже представить себе не можете, что вы сейчас сказали! Какую счастливую весть вы мне принесли.

Корчак заметил, что на глазах Елены блеснули слезы.

Глава 36. Мест нет

«Она была моей семьей, а я — её», — эти слова Глинская прокричала полтора месяца назад, когда они только узнали тайну Безмятежных Островов. Когда Елена поняла, что ее лучшая подруга вместо Островов попала туда, откуда возврата нет. Но теперь случилось чудо, подруга вернулась. Подругу звали Жанна Д'Арк.

Уже давно погас экран интеркома, а мысль о случившемся чуде не отпускала Корчака. Он вдруг подумал о том, что жизнь изощрённее всяких фантазий. И что, если бы всё это происходило не в реальности, а на страницах какого-нибудь романа, то, наверное, никакому автору в голову даже не мог бы прийти такой лихо закрученный сюжет.

Но тем не менее, эта новость почему-то сняла то чувство напряжения, что не отпускало его последние дни. «Все у нас получится!» — подумал он с какой-то непреклонной уверенностью. — «Такие невероятные случайности не происходят просто так!».

Он поднялся на верхний этаж, залитый ярким светом, вливающимся через множество окон. Здесь было прохладно и тихо. В многочисленных мягких креслах сидели люди, видимо, ожидавшие коптеров.

Корчак подошел к служащему в мундире транспортной службы и достал свою карточку офицера госбезопасности.

— Мне нужен коптер, до вашего Лагеря, срочно! — сказал он.

Тот насмешливо посмотрел на Корчака

— Всем нужен, коптер, офицер, — с ядовитой улыбкой сказал он, — и всем, представьте себе, срочно! Но тут у нас — столица. Это у себя в провинции, вы, может быть, получаете коптер по первому требованию! А тут вы такой же проситель, как и все! Вы просите меня о коптере? Отлично, я вам забронирую место! Но вам придется подождать очереди, как простому смертному. Коптеры в Лагерь вылетают каждые полчаса. На ближайшие шесть коптеров места уже все забронированы. Вы полетите на седьмом. Сидит и ждите. Вон там за столиками, можете пока позавтракать. Вот ваш номер, когда он высветится на табло, пройдете на посадку.

Корчак взял бумажку с номером и отошел от стойки регистрации. И вдруг услышал знакомый смех. Он обернулся. За столиком у окна сидела давешняя чернокожая женщина и смеялась.

— Что, лейтенант, обломались? — спросила она

— Не понимаю, что вы имеете в виду? Что значит «обломался»? — спросил Корчак.

— Ну это значит, что вы предприняли попытку, которая обернулась неудачей. Это слэнг! Столичный слэнг! Он вам не знаком? Из какой глуши вы прилетели?

— Я прилетел из Бодайбо, и это не глушь! — строго сказал Корчак.

— Из самого Бодайбо? Ой, как интересно!

Присаживайтесь, у меня тут свободно, — она указала на место напротив себя и властно махнула рукой официанту. — Эй, вы там! Принесите лейтенанту кофе и десерт. Или, — повернулась она к Корчаку, — вы предпочтете что-то посущественнее?

— Нет, нет, — спасибо, я позавтракал на борту перед посадкой.

Внизу, в полусумраке, Корчак не разглядел женщину толком, а сейчас, оказавшись в близи заметил, что не только ее одеяние, но и сама она очень красива, какой-то особой, экзотической красотой. Она была молода, не более тридцати лет, а скорее всего моложе. У нее было чуть вытянутое лицо, с тонкими чертами и огромные, слегка раскосые глаза, в которых сквозил интеллект. И она все время улыбалась.

— Моё имя — Юна, — представилась она.

— А моё — Ян, — улыбнулся он, — звучит немного похоже, не правда ли?

— Вы, Ян, видимо не знали, что тут, в Куала-Лумпуре — головное министерство транспортников. И министр транспорта по совместительству супервайзер Лагеря. Вот они и ведут тут себя, как хозяева. Я бы даже сказала, порой себя нагло ведут, — грустно вздохнула она.

— Неужели и вам это доставляет неудобства, — удивился Ян, — женщине вашего статуса и положения?

Она насмешливо посмотрела на него:

— Женщине моего статуса, вы сказали? Как интересно! И что ваша проницательность говорит вам о моем «статусе и положении»?

— Когда я вижу очень красивую женщину, я думаю о том, что женщины рода Минамото — самые красивые на Земле, — сказал он, склонив голову в церемониальном ревизорском поклоне, которому его научила Анна.

Ее брови взлетели изумленно вверх:

— Вот как? — А ведь вы не так просты, как кажется, лейтенант! Где вы научились правилам этикета? В военных училищах этому не учат! Небось, подсматривали за ревизорами, когда несли охрану?

— Охрану? Я никогда не нес охрану, даже не понимаю, о чем вы! — сказал Корчак.

Она подняла руку:

— Погодите-погодите! Не говорите ничего. Я сама угадаю.

Она откинулась на спинку кресла и начала рассуждать вслух:

— Прежде всего, почему вы только лейтенант? Воинские звания, как известно, по наследству не передаются. Военные не мыслят своей жизни без карьеры. А потому по наследству передается только право на офицерскую должность, а уж звание заслуживай сам, старайся. Карьеру вы начали сержантом, в шестнадцать лет. Сейчас вам — около тридцати. По возрасту вам пора уже стать капитаном, а вы до сих пор всего лишь второй лейтенант. Какой из этого можно сделать вывод? Либо вы совсем глупы и неспособны к военной карьере. Либо наоборот, излишне умны и по этой причине не можете вписаться в требования военной иерархии.

Она хитро прищурилась:

— Вы, очевидно, не глупы! Нет, не глупы! Остается второй вариант. И вопрос. Чем вы так вызываете недовольство вашего начальства, что оно вас все время задвигает?

— Не угадали! — сказал Корчак, — кроме тех двух, что вы озвучили, есть еще третий вариант!

— Третий? Какой же?

— Ну, например, когда человек начинает карьеру не в шестнадцать лет и не со звания сержанта.

Она засмеялась.

— Как такое может быть? Правила одинаковы для всех, независимо от того, в какой семье человек родился...

Погодите-погодите, не отвечайте, я сама.

Она закрыла глаза и задумалась, на этот раз на несколько минут.

— Готово! Вы прилетели из Бодайбо, так? Вы — слишком провинциальны для лейтенанта госбезопасности и ведете себя так, будто в первый раз оказались в Столице. Видимо, так оно и есть. Я угадала? Значит, вы только недавно носите этот мундир, и скорее всего он достался вам в обход существующих правил. А способ обойти правила ныне есть только один.

Она посмотрела на него с торжествующей улыбкой победительницы:

— Вы из этих, из «птенцов гнезда Дабл Ви»? Из центра Ч,
— уточнила она, наткнувшись на недоуменный взгляд Корчака. — Ну что, я угадала?

— Угадали, — сказал Корчак. — А что сильно заметно, что я в столице первый раз?

— Остальным вряд ли, — к военным вообще мало кто приглядывается, все люди в мундире почти на одно лицо, но я — да, я легко замечая такие вещи.

Она оценивающе окинула его взглядом снизу доверху.

— Вы надолго к нам, в Лумпур?

— Не знаю, как пойдут дела.

— Тогда, — она достала из сумочки тоненькую пластиковую карту, — если у вас останется время, загляните ко мне в гости. Я ужасно любопытная, и мне будет очень интересно узнать об этом вашем питомнике гениев. Слухов ходит много, но никто ничего толком не знает. Такэда Сокаку уселся на ваш центр как насадка и никого близко не подпускает. Это правда, что у вас там могут взять любого человека, сделать ему специальный укол, и он после этого приобретает сверхспособности?

— Что за чушь! — рассмеялся Корчак, — ничего подобного!

— Ну тогда тем более интересно! Вот по этой карточке любой водитель в Лумпуре довезет вас до моей резиденции. Смело останавливайте любой свободный

транспорт, покажите карточку, вас довезут без возражений.

— Вот как? Прямо так, без возражений?

— Фамилия Минамото очень много значит в этом Лагере,
— ответила она.

— Ну тогда может носительница этой особой фамилии поможет мне с коптером? — нахально спросил он. — Этот мелкий служащий из транспортного ведомства приговорил меня к трехчасовому ожиданию, а интуиция подсказывает мне, что женщины Минамото не летают на общих рейсовых коптерах.

Она засмеялась:

— О да, одно только знакомство с фамилией Минамото дает человеку много привилегий, и возможность избегать ожидания в очередях далеко не самая важная из них. Вот! Если все же решитесь заглянуть ко мне в гости, я вам расскажу много интересного на этот счет.

— А можно пока что, вот прямо сейчас воспользоваться этой не самой важной привилегией? — спросил Корчак с подчёркнутым смирением.

— Ну конечно, можно! — засмеялась она, — сейчас прилетит мой персональный коптер, я прикажу доставить

вас, куда скажете. Вы уже выбрали гостиницу, где остановитесь?

— Да! Я останавлиюсь в гостинице для командированных специалистов.

Юна брезгливо поморщилась:

— В этом гадюшнике? Не рекомендую! Категорически не советую! Ваш мундир дает вам право остановиться в гостинице для офицеров. Там уже более-менее прилично. А еще лучше давайте сделаем так, я отвезу вас в гостиницу для чиновников средних каст и попрошу, чтобы вас разместили там. Мне не откажут, а это уже вполне достойное место.

— Спасибо большое за хлопоты, но у меня в гостинице для командированных специалистов уже назначено несколько встреч на сегодня. Я не успею их переназначить.

— Эх, поторопились вы, Ян! Ну ладно, проводите там ваши встречи. А потом, я уверена, вы сами оттуда сбежите. Там даже душа нет, и удобства во дворе. Сами увидите!

Юна оказалась права! Едва Ян вступил на порог гостиницы, как в лицо ему ударил густой запах немытых тел, прокисшей еды, смешанный со стойким, хорошо

знакомым Яну, но уже слегка подзабытым смрадом лагерного барака.

Обстановка вполне соответствовала запаху.

Потрескавшиеся стены с пятнами небрежно замазанных дыр в штукатурке, ободранная конторка за которой сновало несколько служащих, очень похожих друг на друга: все невысокого роста, смуглые и с раскосыми глазами. Мебели практически не было, если не считать нескольких стульев, которые были все заняты, так, что люди стояли в ожидании у стены. На конторке висела табличка: «Мест нет».

Служащий за конторкой, увидев мундир Яна, заметно взволновался.

— У нас все в порядке! — крикнул он, — я не знаю, кто и что вам соврал.

— У меня забронировано место в вашей гостинице, — сказал Ян.

— Это какая-то путаница, — возразил служащий, — вам точно не к нам. В полутора километрах отсюда, есть гостиница для офицеров, вот там вам точно понравится, и там есть места. Вот прямо по дороге идите, налево, никуда не сворачивая.

— Но управляющий Роберт Бёрнс, он ведь в вашей гостинице работает? Это он бронировал мне место.

— Роберт Бёрнс — это я, но я, честно говоря, что-то не припомню...

— Вот моя бронь, — сказал Корчак, быстро положив на стойку кусок цветного картона, который дал ему генерал Венк, — проверьте, пожалуйста.

Однако управляющий видимо не заметил картонку, потому что тут же положил на нее сверху стопку папок с бумагами. Корчак протянул было руку, чтобы вытащить карточку из-под стопки, но Роберт Бёрнс быстрым, едва уловимым движением прижал руку Корчака к стойке и глядя ему в глаза потихоньку отрицательно покачал головой.

— Жорж, проверь бронь лейтенанта, — крикнул он.

Подбежал другой служащий, подхватил стопку и унес ее вместе с карточкой в подсобное помещение.

— Есть такая бронь, — спустя минуту крикнул он.

Люди в очереди зароптали.

— Я уже сутки почти жду, — крикнул какой-то человек, сидящий на стуле, — для него есть место, а для меня нет!

— И еще сутки прождешь, если будешь возмущаться, — крикнул ему Роберт Бёрнс, — ты что, не понимаешь, кто ты, и кто офицер госбезопасности! — Он повернулся к Корчаку, — проходите, пожалуйста, я лично провожу вас.

Он провел Корчака по коридору, но, когда они дошли до лестницы с указателем «В номера», он повернул в противоположную сторону и вывел Корчака в пустой пыльный, залитый солнечным светом двор.

— Тут можно говорить, — сказал он, — к чему этот маскарад, зачем вы надели этот мундир? Это надо было додуматься, прийти в нашу гостиницу в этом мундире! Разве генерал Венк не предупредил вас, что не стоит привлекать к себе и к нам лишнего внимания? А если бы у вас кто-то удостоверение проверил бы? Его, в отличие от мундира, не подделаешь!

— Это не маскарад, — сказал Корчак, — это мой настоящий мундир. И удостоверение у меня настоящее.

— Вы!.. — задохнулся Роберт Бёрнс, но тут же всял себя в руки. — В конце концов это не моё дело. Что вы хотели?

— Мне нужно встретиться с Ареопагом.

— Это вы загнули! Только сам Ареопаг может решать с кем ему встречаться, а с кем нет.

— Но генерал Венк сказал мне...

— Генерал Венк — всего лишь командующий округом, и не ему решать... Впрочем, это тоже не мое дело. Моё дело — доставить вас на место, а там уж пусть они сами разбираются.

Глава 37. Убить Математика

Они завязали ему глаза.

— Это для конспирации, — сказали они, — это чтобы вы не подсмотрели дорогу.

— Можно подумать, что даже если бы я подсмотрел, я бы что-то понял. Я только что прибыл в ваш Лагерь и никогда до того тут не был, — улыбнулся Корчак.

— Не возражайте, — строго сказали они.

Он и не возражал, и ничуть не сопротивлялся, когда они надевали на него повязку. Однако, стоило ему сесть в кресло коптера, как он почувствовал, что из подлокотников и из-за спинки выползли какие-то обручи и плотно охватили его, так что он оказался прикованным к креслу.

Он с трудом взял себя в руки, чтобы не поддаться панике.

«Я гарантирую вам полную безопасность», — сказал ему генерал Венк, когда давал карточку. Но генерал был далеко, за тысячи километров. А те, с кем он общался сейчас, хотя и упоминали имя генерала с почтительностью, похоже, не очень склонны были считаться с его обещаниями. Тут у них было собственное начальство и собственные правила.

— Это необходимо — связывать меня? — спросил Корчак в пространство как можно равнодушнее, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Можем вас отстегнуть, если хотите, — ответил голос справа, но тогда не обессудьте, если случится авария, и вы полетите отдельно от парашюта.

— От парашюта? — удивился Корчак.

— Это у вас в Лагерях людей не считают, — ответил голос, — одним больше, одним меньше. А у нас каждая живая душа на счету, и все кресла — с парашютами.

Летели долго, минут тридцать. В Бодайбо это означало бы, что они вылетели далеко за пределы Лагеря, но Куала-Лумпур был намного крупнее. Впрочем, коптер ведь мог летать и вокруг одного и того же места, чтобы запутать гостя.

Они приземлились на крышу какого-то здания, но что это было за здание, Корчак не видел. Повязку с глаз у него сняли только в лифте. Лифт ехал вниз, и судя по огромному количеству этажей, которые пришлось миновать, они углубились далеко под землю. Или само здание было очень высоким, но это вряд ли. Корчак заметил бы высокие здания из окна дирижабля, если бы они тут были.

По обстановке холла, в котором он оказался, невозможно было понять, под землей он находится или на поверхности. Обширное помещение, облицованное отполированными плитками какого-то желтоватого узорчатого камня, было залито ярким светом, и все вокруг утопало в зелени. На полу, вдоль стен стояли кадки с растениями, сверху на цепочках свисали декоративные сосуды, с которых свешивались гирлянды разноцветных живых цветов. Было очень красиво.

К этой обстановке можно было даже применить эпитет «роскошная», но это была роскошь совсем иного рода, не та роскошь, с которой обставляло свои апартаменты начальство в Лагерях, и не та, с которой были отделаны каюты дирижабля.

Там все великолепие и роскошь подчеркивались, выставлялись наружу, кричали о себе. Целью той роскоши было подавить любого, кто входит в помещение, заставить человека почувствовать себя ничтожным, инородным предметом в этой обстановке. Здесь же наоборот, все великолепие было убрано на задний план, но от этого оно не становилось менее заметным, его присутствие ощущалось не менее сильно, но оно носило совсем другой характер. Обстановка тут не подавляла, а вызывала ощущение редкостной гармонии и невероятного удобства. И человек ощущал себя тут не

инородным предметом, а частью этого великолепного ансамбля.

У Корчака даже возникло ощущение, что по ветвям растений порхают чудесные птицы, и в следующий миг он понял, что это не ощущение, что так оно и есть: с ветки на ветку перепархивали и весело щебетали насколько ярких разноцветных птичек.

Его провели через этот великолепный холл, и он оказался в просторной комнате с большими кожаными креслами и стоящими перед ними небольшими столиками. На стене висел огромный экран. На одном из кресел сидела чернокожая женщина средних лет. Сопровождающие Корчака люди быстро вышли, оставив его с ней наедине:

— Что вы будете пить, чай или кофе? — спросила женщина густым мелодичным голосом.

— Я предпочел бы кофе.

Женщина нажала кнопку на лежащем перед ней пульте:

— Маргарита, принесите нам два кофе, пожалуйста.

И указала Корчаку на кресло напротив себя:

— Присаживайтесь, пожалуйста.

Корчак замешкался. Он никак не мог оторвать глаза от небольшого животного, которое лежало на коленях у женщины. Он никогда не видел раньше таких зверей, но сразу понял, что это хищник. Зверек был покрыт пышной шерстью полосатой расцветки. У него было компактное, но очень мускулистое тело, в котором угадывалась мощная сила сжатой пружины. Корчак подумал, что этот зверь мог бы, наверное, в один прыжок мгновенно перелететь через всю комнату и вцепиться ему в глотку. Впрочем, мысль о том, что женщина держит этого зверя для самозащиты, едва мелькнув, тут же покинула его.

Зверь пребывал в совершенно расслабленном состоянии, далеко от боевого взвода. Он расслабленно лежал на спине раскинув лапы в разные стороны, блаженно щурил глаза и издавал низкие вибрирующие звуки, в которых не было не единой угрожающей нотки, а было только чувство полного удовлетворения жизнью.

— Это Флаффи! — сказала женщина, перехватив взгляд Корчака. — Для человека из вашего мира это может выглядеть непривычно, для вас там звери — существа безмозглые. У там вас даже нет такого понятия, как «домашнее животное». А для нас они могут бы личностями, партнерами и членами семьи. Флаффи — член моей семьи.

— Этот зверь, он — член вашей семьи? — искренне удивился Корчак.

— Она, — поправила его женщина, — Флаффи — девочка! Кошечка!

Зверек, услышав свое имя, потянулся всеми четырьмя лапками, громко уркнул и потерся мордой о руку женщины

Вошла белокурая девушка, видимо, та самая Маргарита, и поставила на столики кофе с печеньями.

— Итак, я слушаю вас, лейтенант, — сказала женщина.

— Мне нужно поговорить с Ареопагом, — сказал Корчак.

— Считайте, что Ареопаг — это я. У меня есть все необходимые полномочия. Народ предоставил мне верховную власть по отношению к континенту, на котором мы сейчас с вами находимся. В другое время и в других обстоятельствах вам пришлось бы приложить колоссальные усилия, чтобы добиться встречи со мной. Мое время расписано по минутам на неделю вперед и выкроить время в этом расписании непросто. Но, учитывая, что вы первый сотрудник госбезопасности, который догадался переметнуться на нашу сторону, я сама приняла решение о встрече с вами.

— Переметнуться на вашу сторону? — недоуменно спросил Корчак.

— Конечно, а иначе зачем вы здесь? Я так полагаю, что вы весьма умны, если уже сейчас, до того, как началось открытое противостояние, просчитали на чьей стороне окажется победа и решили заранее переметнуться к будущим победителям, чтобы снять все первые сливки. Разве я не права?

— Боюсь, что нет, — ответил Корчак. — Не считите за похвальбу и самонадеянность, но вы слишком преждевременно определили победителя. Кто именно выйдет победителем из будущего противостояния — это зависит сейчас от нас, от тех людей, которых я представляю. От того, на чью сторону встанем мы. Я ведь, собственно говоря, для того и явился к вам, чтобы увидеть все воочию и не ошибиться с принятием будущего решения.

— Погодите, — встрепелась женщина, — это какая-то путаница! Вы пришли сюда не сами по себе? Вы Ян Корчак? Тот самый человек с объекта 18? Это о вас говорил Генерал Венк? Это с вами он встречался в Бодайбо? Мы же уже несколько дней ждем вас! Почему вы сразу не предупредили наших людей, что вы — от генерала Венка? Мы бы успели собрать ареопаг, пока вы до нас добирались на коптере!

— Я только и делал всё это время, — улыбнулся Корчак, — что говорил вашим людям, что я прилетел от генерала Венка, и упоминал Ареопаг через каждое слово. А мне отвечали, что у генерала Венка нет полномочий на здешней территории, и не ему решать, с кем встречаться Ареопагу.

Женщина резко в сердцах произнесла какое-то короткое слово, значения которого Корчак не знал, и нажала на кнопку на пульте.

— Гюнтер, — сказала она, — можете снимать ваших людей с дежурства, он уже здесь, у меня, сам добрался. Мы пьем с ним кофе и поминаем добрыми словами ваш персонал. И да, теперь уже не обижайтесь, я своей волей принимаю решение поставить на рецепшен своих людей. Ваши бывшие лагерники, конечно очень исполнительны и добросовестны, но все они поголовно страдают синдромом маленького начальника. Передайте всем остальным, что мы вас ждем.

Она обернулась к Корчаку.

— Наши люди караулили вас в аэровокзале, куда прилетают коптеры из аэропорта, но вы каким-то образом просочились мимо них, и попали прямиком к этим тупицам на рецепшене, которые только и думают о том, как бы продемонстрировать свою значимость.

— Я не стал ждать в очереди, — сказал Корчак, — добрался до гостиницы на попутном коптере — меня подвезла одна знакомая девушка, Минамото Юна.

Женщина рассмеялась.

— Как это чудесно прозвучало — «знакомая девушка Минамото Юна»!

— Я сказал что-то не то?

— Да нет, вы просто сказали это без какой-либо иронии, как будто Минамото Юна для вас и впрямь просто «знакомая девушка».

— Но так оно и есть.

Она снова рассмеялась.

— Да уж, чувствую, что сегодня нам предстоит много сюрпризов.

Распахнулась дверь и вошел сухощавый пожилой мужчина с длинными седыми волосами, одетый во все черное: черные брюки, черный пиджак, черную рубашку, черные башмаки. Он молча прошел через комнату и сел рядом с женщиной.

— Знакомьтесь, -- сказала ему женщина, — это Ян Корчак, уполномоченный представитель объекта 18, он прилетел сегодня утром и добрался до рецепшена на

попутном коптере одной своей знакомой девушки, Минамото Юны.

— Одной знакомой девушки? — Недоуменно посмотрел на Корчака мужчина. — Что это значит?

— Понятия не имею, — ответил Корчак, — один только факт моего знакомства с этой девушкой почему-то очень веселит вашу подругу, но причина этого веселья мне непонятна.

— Ой, я же не представилась, — спохватилась женщина, — моё имя — Мария, я являюсь верховным сенатором ареопага от Вольных территорий Евразии.

— Я почти ваш тезка, — сказал мужчина, — моё имя Йоганн, я верховный сенатор ареопага от Вольных территорий Северной Америки, и руководитель службы безопасности всей Конфедерации.

— А меня веселит не ваше знакомство с Минамото Юной, — сказала Мария, — а то, что вы называете Юну просто «знакомой девушкой». Я еще полчаса назад не могла представить, что в мире вообще найдется хоть один человек, который может называть ее так.

— Сейчас в мире все меняется так стремительно, — заметил Йоганн, — что скоро это станет обыденностью — сталкиваться с тем, что еще вчера казалось невозможным. Вот, например, если бы мне еще только

вчера сказали, что я буду сидеть в этом кабинете и мирно разговаривать с человеком, на котором надет мундир офицера госбезопасности нацистов, я бы счел это глупой и неуместной шуткой.

— А вот кстати, — заметил Корчак, — я так понимаю, что мы еще кого-то ждем, и позволю себе воспользоваться этой паузой, чтобы задать один вопрос. Почему вы называете земное правительство «нацистами»? Я впервые услышал этот термин от генерала Венка, посмотрел значение в энциклопедиях и ничего не понял. Нацистами называлась одна из воюющих сторон во Второй мировой войне, а нацизмом — идеология этой стороны. Это, судя по всему, была довольно омерзительная идеология, но ведь эта идеология официально запрещена земным правительством. За давностью лет об этом мало кто помнит, но законы, запрещающие нацизм, действуют до сих пор, и Великий Вождь вел свою гибридную войну именно под лозунгами борьбы против нацизма.

— Да, это они умели, — мрачно сказал Йоганн, — самый лучший способ замаскировать свои нацистские убеждения, это провозгласить себя антинацистом, а всех нормальных людей наоборот, объявить нацистами.

— Если бы вы, Ян, — мягко заметила Мария, — не ограничились краткой статьей в энциклопедии, а изучили

бы вопрос глубже, вы бы и сами без труда все поняли. Одно дело лозунги, а другое — содержание. Это частое свойство лозунгов -- полностью противоречить содержанию. Достаточно было расписать по пунктам основные характеристики нацизма и основные тезисы идеологии земного правительства, чтобы убедиться, что они совпадают один в один, во всех мельчайших деталях.

— Но ведь одна из характеристик нацизма, — вспомнил Корчак, — это возвеличивание своей нации, в ущерб всем остальным. Как такое может быть в современном мире, если у нас нет наций?

— Вот потому их и нет, — сказала Мария, — что Великий Вождь возвеличил свою нацию за счет уничтожения всех остальных. До 3-й мировой войны, или как ее называют нацисты, Великой Гибридной, в мире было более двухсот наций, сотни языков и великое множество национальных культур. Разве от этого сейчас хоть что-то уцелело? Великий вождь уничтожил все языки и все остальные культуры, кроме языка и культуры собственной нации. От всего этого богатства остался только английский, да и то, в качестве мертвого академического языка.

— Вот ваша знакомая девушка, Юна, — ядовито заметил Йоганн, — демонстративно носит национальные наряды своих африканских прабабушек, поскольку они очень тонко подчеркивают ее красоту. И — это откровенная

издевка, потому что она знает, что любую другую женщину в Куала Лумпуре сразу же жестоко наказали бы за попытку так одеться. А теперь представьте, какое многообразие таких национальных нарядов царило в прошлом, как красиво все это выглядело тогда...

Распахнулась дверь и вошли еще два человека, мужчина и женщина.

На женщине было надето ярко-красное облегающее платье, она была небольшого роста, с коротко стриженными волосами густого черного цвета и с раскосыми глазами, характерными для жителей Куала Лумпура. Однако кожа у нее была не смуглая, а совсем светлая, с чуть желтоватым оттенком.

Мужчина же... Мужчину Корчак сразу узнал, хотя тот и сильно изменился со времени их последней встречи. На нем теперь были очки, парик, и, видимо, приклеенные бородка и усы, потому что отрасти так быстро они не могли.

— Вы, видимо, принимаете меня за генерала Венка, — засмеялся мужчина, — наткнувшись на недоуменный взгляд Корчака.

— А, по-моему, вы и есть генерал Венк, — твердо сказал Корчак, — я вас узнал.

— Я и вправду — Венк, — сказал мужчина, — только я не генерал, а сенатор. И не Вальтер, а Гюнтер. Генерал Вальтер Венк — мой брат, близнец.

— Мое имя — Катерина, — сказала женщина в красном платье, — я верховный сенатор ареопага от Вольных территорий Южной Америки.

— А я, соответственно, представляю в Ареопаге Африканский континент, — сказал Гюнтер Венк. — Таким образом, перед вами, Ян, сейчас находятся представители всех Вольных территорий Земли, Ареопаг в полном составе.

В воздухе повисла пауза.

— На правах текущего председателя Ареопага, — сказала Мария, — я предоставляю слово представителю объекта 18 Яну Корчаку. Мы предварительно обсуждали информацию, полученную от генерала Венка, и насколько мы понимаем, объект 18 хочет вступить с нами в союз, чтобы совместно действовать против нацистов.

— Вы не совсем верно понимаете, — ответил Корчак, — речь идет о тройственном союзе. Не о том, чтобы кто-то действовал против кого-то, а о совместных усилиях всех сторон, направленных на то, чтобы вывести человечество из кризиса. Любая попытка противостояния кого-то с

кем-то, обрушит цивилизацию до такого состояния, что возрождение станет невозможным. Выход — только в сотрудничестве всех.

— Вы слишком мало знаете историю и слишком плохо понимаете суть нацизма, молодой человек, — резко оборвал его Йоганн. — Иначе бы вы понимали, что любая попытка вступить в союз с нацистами, договориться о чем-то с нацистами, действовать совместно с нацистами неизменно оборачивается тем, что они использовав вас по максимуму в своих целях, в конце концов, уничтожат вас. Так что противостояние, которого вы так боитесь, неизбежно в любом случае.

— Возможно, я не так выразился, — мягко возразил Корчак. — Говоря о союзе, я не имел в виду какие-то идеологии, я имел в виду только ресурсы. Технические, научные, культурные, людские. То, что вы называете словом «нацизм», это безусловно наш общий враг и о том, как его победить мы поговорим чуть позже. Сейчас я хочу показать вам чисто экономическую модель, которая убедит вас в моей правоте.

Йоганн попытался что-то возразить, но в этот момент зверек, до сих пор блаженно лежащий на коленях у Марии, вдруг резко вскочил, в один прыжок оказался у ног Йоганна и начал интенсивно тереться мордой и боками о его лодыжки, издавая громкое урчание.

Все засмеялись, включая самого Йоганна.

— У Йоганна есть один маленький недостаток, — сказала со смехом Катерина, — он склонен к занудству. Мы из чувства такта готовы терпеть его долгие нравоучительные лекции, а Флаффи на дух их не переносит. Поэтому Мария и таскает ее на все заседания. Не будет же Йоганн обижаться на кошку, когда та его прерывает. Давайте, показывайте вашу экономическую модель, Ян, а дискуссии мы отложим на потом.

Корчак достал из кармана чип памяти.

— Здесь мои данные, я просил, чтобы генерал Венк передал вам название одной древней программы, при помощи которой их можно задействовать. Вам удалось ее найти?

— Да, — ответил Гюнтер, — наши специалисты все подготовили, давайте сюда ваш чип. И мы постарались найти такой же пульт, который используется в ваших лагерях, чтобы вам было привычно.

Через несколько минут всё было готово к демонстрации.

— Вы сказали, Мария, — начал Корчак, — что вы уже уверены в вашей будущей победе. Я бы на вашем месте не был бы так оптимистичен.

На экране показалась карта земли.

— Тут отмечены только наши Лагеря, продолжил Корчак,
— про ваши территории нам пока мало что известно, в географическом смысле. Но мы, в центре Ч, уже вычислили все точки, через которые вы взаимодействуете с нашим миром. Если это смогли сделать мы, это в конце концов, сможет сделать и правительство Земли.

Экран густо покрылся россыпью красных пятнышек, и Корчак стал объяснять, каким образом, воздействуя на эти пятнышки, земное правительство сможет обрушить экономику Вольных территорий и погрузить их в хаос.

Шансов избежать катастрофы у Вольных территорий не было никаких. Единственное, чем они могли ответить, это точно так же уничтожить экономику Земли. И победителей в этом противостоянии не было бы.

По мере того, как Корчак говорил, все большее смятение отображалось на лицах членов ареопага.

И вдруг судорога пробежала по лицу Йоганна. Он вскочил на ноги.

— Это ведь вы, Математик! — крикнул он, склонившись над Корчаком.

— Да, я по профессии математик, — подтвердил Корчак, недоуменно глядя на него.

— Я не о профессии, я о человеке, которого прозвали таким прозвищем, Математик. В нашей среде уже давно ходят слухи о мифическом Математике, который вывел универсальное экономическое уравнение, которое при необходимости может выступать в роли мощного оружия. Долгое время мы относились к этому, как к легендам, и вот недавно выяснилось, что это правда и такой человек существует, равно как и его формула. Это ведь вы!

— Думаю, да! Речь идет обо мне, и о том уравнении, работу которого я только что вам продемонстрировал.

— Сорок восемь часов назад я распорядился бросить все наши силы на то, чтобы найти и убить вас, — сказал Йоганн.

Глава 38. Демиург

Еще когда он летел сюда, всю дорогу на дирижабле Корчак много размышлял о людях, с которыми ему предстояло встретиться. Какие они, люди вольных территорий? До сих пор он сталкивался только с одним человеком оттуда, с генералом Венком. Моисей был не в счёт, он был таким же бывшим рабом, как и сам Корчак. А по общению с одним только генералом Венком впечатления получить было нельзя.

Корчаку казалось, что там, за гранью известного ему мира обитают совсем другие люди. Совсем непохожие на тех, которые его окружали до сих пор. Что они и внешне и по своему поведению должны сильно отличаться от людей мира Корчака.

И вот он сейчас сидел среди них и не видел никаких особых отличий. Перед ним сейчас были четыре самых могущественных человека из Вольного мира, но как же они были похожи его соседей по центру Ч. Они были самыми обычными людьми с обычной внешностью и обычными характерами и с обычными, свойственными людям, мелкими недостатками.

Йоганн, как уже успел заметить Корчак, был человеком крайне эмоциональным, довольно несдержанным на язык. Он был склонен к импульсивным действиям и

часто высказывался не подумав. Но было видно, что он хорошо знает этот свой недостаток и старается контролировать его. Более того, он совершенно не раздражался и не обижался, когда кто-то из присутствующих ставил его на место за неуместную или несвоевременную реплику.

Катерина наоборот, была сдержана, немногословна и методична. Она внимательно следила за своими репликами и, видимо, предпочитала действовать по заранее составленному плану, когда была такая возможность. Когда Йоган отменил свой приказ об убийстве «Математика», она тут же взяла на контроль исполнение этого распоряжения. В дальнейшем с точностью автоматического таймера каждые полчаса теребила Йогана с требованием проверить прохождение информации по цепочкам, и успокоилась лишь тогда, когда лично убедилась, что все агенты Йогана проинформированы.

Мария же вполне могла сойти за нянечку в детском саду или сиделку в госпитале. Казалось, что ее волнуют только две заботы, комфортно ли себя чувствуют собравшиеся, и насколько удобно на ее коленях этому зверьку — Флаффи. Она хлопотала чтобы у всех под рукой был горячий кофе и печенья, волновалась ли не душно ли собравшимся, объявляла перерывы, «чтобы никто не

переутомился», но при этом вставляла в диалог настолько точные и уместные реплики, что Корчак понял, что она не только внимательно следит за беседой, но и, пожалуй, понимает ситуацию точнее, чем любой другой в этом помещении.

А Гюнтер Венк, встретясь он Корчаку где-то за пределами этого помещения, произвел бы впечатление профессора, преподавателя на каких-нибудь высших курсах.

Математику, во всяком случае, он знал в совершенстве, и не только математику, было очевидно, что он весьма эрудирован, и эрудирован не поверхностно. Впрочем, и него был «пунктик», над которым подтрунивали окружающие.

Он с легкостью увлекался. Если проблема захватывала его, он мгновенно погружался в нее с головой, словно крот быстро докапывался до самых ее глубин и с легкостью вытаскивал на поверхность ее суть. Но при этом он совершенно переставал замечать второстепенные детали, и вообще что-либо, что напрямую не касалось этой проблемы, из-за чего попадал в комичные ситуации.

Так, например, когда Маргарита в очередной раз принесла кофе и обходя всех по очереди встала с подносом перед столиком Гюнтера, он взял у нее из рук весь поднос и методично составил на свой столик все

чашечки, последовательно одну за другой, а потом сгреб все печенье, пока все не рассмеялись.

Но была у всех этих людей и одна общая черта, которую Корчак не сразу заметил, а когда заметил, то понял, что это, наверное, и есть именно то самое ключевое отличие, которое он стремился найти. Здешних обитателей совершенно не волновали вопросы иерархии.

В мире Корчака каждый человек был озабочен тем, что ежеминутно демонстрировал окружающим свой и их социальный статус. Причем далеко не всегда это происходило осознанно, просто это настолько глубоко впиталось в кровь людей, что стало неотъемлемой частью жизни.

Повар в столовой обслуживал всех с разной гримасой на лице, в зависимости от того, в чью миску он шмякал комок каши. Для Капо, бригадиров, передовиков производства и обычных работников у повара были разные маски, но на любой из этих масок было написано пренебрежение и высокомерие. Но стоило в столовую войти стражнику, как маска высокомерия на лице повара тут же менялась на угодливо-униженное выражение. При этом повар вообще не думал о том, какое выражение лица принять, это был естественный, почти физиологический процесс, такой же как дыхание.

И точно также, на физиологическом уровне, каждый пользовался любой возможностью, чтобы продемонстрировать свою значимость и важное место в иерархии, независимо от того было у него такое место или нет. Даже простой лифтер на шахте в тот момент, когда у него появлялась возможность пропустить кого-то без очереди или, наоборот — не пустить, надевал маску начальственного пренебрежения и показывал, что вот прямо тут и сейчас, я нахожусь выше вас по значимости.

И даже в центре Ч, где, казалось бы, иерархия никого не должна была волновать, а общественный статус у всех был одинаковый, его обитатели все равно надевали эти маски перед водителями, уборщиками, вахтерами, да, и чего греха таить, иногда и друг перед другом.

В мире Корчака, попав в компанию из нескольких человек уже через минуту можно было безошибочно сказать какой у кого общественный статус и на каких позициях они находятся по отношению друг к другу на иерархической лестнице.

В этом мире ничего подобного не было. Вообще!

Маргарита, разнося кофе, мимоходом сделала замечание Йогану замечание:

— Ну вы уж раскинули ноги прямо на дороге, Йоган, я чуть не споткнулась и не опрокинула поднос на Марию.

И тот ничуть не рассердился, и не возмутился, что простая разносчица кофе сделала ему, сенатору, замечание. Он извинился и переставил кресло.

Группа математиков, которых вызвал Гюнтер для того, чтобы обсудить выкладки Корчака, ничуть не смущалась присутствия сразу четырех высших сановников и вела себя не то, что свободно, а чуть ли не развязно.

— Можно я возьму ваш кофе? — спросил один из них Катерину, — вы ведь все равно не пьете.

У Корчака даже возникло странное ощущение, что не ареопاغ, а именно эти три математика — самое главное начальство в этой комнате, и в следующий миг он понял, что так оно и есть. Вот именно в этот момент от мнения этой тройки, от принимаемого ими решения зависели все дальнейшие события, и члены ареопага, понимая это, отдали им на какое-то время власть и инициативу, добровольно уйдя на вторые роли.

Математки засыпали Корчака вопросами, и он поразился, как быстро они ухватили суть дела.

— Погодите, так у нас надолго затянется, — сказал он, — возьмите вот этот чип, там записано все уравнение целиком, со всеми вариациями. Я думаю, вы сами сможете подставить ваши данные и видоизменить под них формулу. Так будет гораздо быстрее.

Гул в комнате сразу стих, и на Корчака обрушилась резко наступившая тишина. Он огляделся. Все смотрели на него с удивлением. Математики жадными взглядами смотрели на чип, лежащий на столе, но не прикасались к нему.

— Простите, Ян, — прервал, наконец, тишину Йоган, — верно ли я вас понял. Вы готовы поделиться с нами своим открытием? Вы сами, добровольно, отдаете нам ваше уравнение? На каких условиях вы хотите это сделать?

— Я не очень понимаю, что вы подразумеваете под условиями, — сказал Корчак, — земное правительство пользуется моей формулой, как ему заблагорассудится и не спрашивает меня об условиях. Так что, думаю, будет правильно, если и вы будете ею пользоваться безо всяких условий. Это, по крайней мере, гарантирует равновесие.

— Йоган имел в виду другое, — мягко заметила Мария, — человеку вашего мира это действительно сложно понять, — один из базовых принципов нашей конфедерации гласит, — что ни один труд, ни одно деяние на общее благо не должно оставаться вознагражденным. Если вы передаете в наше распоряжение вашу интеллектуальную собственность, вы должны получить за это компенсацию. Говоря об условиях, Йоган спрашивал вас о том, какое

вознаграждение вы хотели бы получить за вашу формулу.

— Это, конечно, приятно, — улыбнулся Корчак, — но я не знаю, какие вознаграждения приняты в вашем мире. Для меня достаточная награда, что вы так высоко оценили мой труд.

— Нет, так нельзя... — начал Йоган, но Мария жестом руки остановила его.

— Ян Корчак, — сказала она официальным тоном, — на правах председателя, от имени ареопага благодарю вас за переданную нам интеллектуальную собственность и заверяю вас, что вам будет предоставлена достойная компенсация. Отныне вы будете пожизненно получать установленный законом процент от доходов, которые возникают вследствие использования вашего уравнения и от экономии, которая будет получена с его помощью. Права на получение дохода так же сохранятся за вашими наследниками в течение пятидесяти лет.

Корчак не очень понял смысл сказанного, но видимо это заявление уладило какие-то формальности. Математики сразу ухватили чип и убежали, крикнув на ходу: «Спасибо!». Вместе с ними улетучились шум и суэта.

— Уф! — воскликнул Йоган, — с наслаждением вытягивая ноги в проход, — как же меня утомляют эти специалисты. Совершенно бесцеремонные люди!

— Я думаю, что теперь пришла пора выслушать нашего гостя, — сказала Катерина, — его уравнение показала мрачную картину, но, насколько я понимаю, у него есть какое-то готовое решение.

— Ни на какое сотрудничество с нацистами я не соглашусь! — резко сказал Йоган.

— Погодите, Йоган, — оборвала его Мария, — вы еще ничего не слышали, а уже делаете выводы.

— Говорите, Ян!

— Если, очень кратко, самую суть, — сказал Корчак, — то расклад такой. Сейчас на Земле есть три силы. Одна из них, — ваш Вольный мир, технологически развитый, больше всего напоминающий ту цивилизацию, которая была на Земле до Великой Гибридной войны. Я еще не знаю толком, какая у вас царствует идеология, но надеюсь, она противоположна тому «нацизму», который царствует в моем мире. И насколько я понимаю, вы не приемлете рабства.

— Рабство омерзительно! — сказал Йоган, — базовые юридические принципы нашей конфедерации построены

так, чтобы сделать рабство невозможным в любой из его форм.

— При этом, — продолжил Корчак, — у вас, по словам генерала Венка, есть серьезная проблема — ваш мир мало заселен, у вас — нехватка людей. Зато людские ресурсы есть в нашем мире, но большая часть этих людей — рабы, которые никогда не видели свободы, плохо представляют себе жизнь в отсутствие рабства, и, как показывают наши исследования, многие из них будут испытывать дискомфорт, если у них не будет хозяев, которые принимают за них решения.

— В вашем мире есть еще и так называемые свободные люди, — напомнила Катерина.

— Да, есть! Но многие из них, за исключением высших каст, тоже обладают тем же самым рабским менталитетом.

— А ваши высшие касты и есть самые настоящие нацисты! — воскликнул Йогнан. — И именно нацисты принимают решения в вашем мире, все ваши высшие чиновники — нацисты, все ваше правительство — нацисты! И именно с ними нам придется договариваться?

— Погодите, Йоган, — прервал его Гюнтер, — давайте дослушаем Яна до конца. — Третья сила, которую вы,

упомянули, Ян, это ваш центр Ч, насколько я понимаю. Как вы видите вашу роль?

— У нас есть способ изменить сознание рабов, — сказал Ян. — Мы можем вытащить из их сознания рабский менталитет и сделать их достойными гражданами Вольного мира. Мы можем в очень короткие сроки заставить наш мир отказаться от нацистской идеологии, лишить нацистов влияния в нашем мире.

— Извините, Ян, при всем уважении к вам, то, что вы декларируете, не выглядит убедительным, — сказала Мария. — Легко сказать «мы можем», но история еще не знала случаев, чтобы большая часть человечества вдруг взяла бы и резко поменяла свое сознание на противоположное. Вы говорите «мы можем», но нужны более веские аргументы, нежели слова.

— Вы ошибаетесь, — возразил Ян, — в истории человечества было много примеров, когда оно резко меняло и свои взгляды на противоположные и свой менталитет. На том чипе, что я вам дал, есть такие примеры. Вспомните, сколько людей в одночасье превратились из язычников в христиан или мусульман.

— Да, точно! Религия! — воскликнул Гюнтер, — вы спрашивали Яна о «более веских аргументах», Мария? Вы забыли, что перед вами сидит человек, которого в

Лагерях почитают почти за Бога, чье изображение на иконах висит сейчас чуть ли не над каждым нарами!

— Да, я забыла об этом, — улыбнулась Мария, — но ведь, насколько я понимаю, вы, Ян, говорили Вальтеру Венку, что это случилось неожиданно для вас самого, и что вы сами не очень контролируете этот процесс.

— Этот культ Спасителя, — сказал Ян, — это просто побочный результат другого процесса, который мы очень хорошо контролируем. Возглавляет эту работу моя жена, Анна, Минамото Ои, — он вдруг совершенно неожиданно для самого себя назвал Анну женой и понял, что ему очень нравится это слово. Он ощутил его на языке почти физически и получил удовольствие перекатывая его во рту.

— Моя жена, — повторил он, — и мои друзья из центра Ч, мы очень тщательно проделали эту работу, мы детально проработали все ее аспекты, во всех возможных плоскостях. И даже этот культ, хотя он и возник неожиданно для нас самих, мы уже полностью контролируем. Чуть больше недели прошло с того момента, когда я впервые увидел эту икону у генерала Венка, но мы уже взяли его под контроль!

— Погодите! — Корчака осенила идея. — У вас же ведь наверняка есть доступ к нашим коммуникациям, — он

оторвал листок от блокнота и записал номер, что дал ему О'Нилл. — Вот, по этому номеру вы можете связаться с моей женой и моими друзьями. Вы можете получить всю информацию из первых рук. Я думаю, если ваши специалисты-психостатистики пообщаются с ней на своем языке, они дадут вам точную картину наших возможностей.

— Вы говорили о том, что можете лишить нацистов влияния в вашем мире? — спросил Йоган, — насколько серьезны эти ваши слова?

— Этот процесс уже идет, — ответил Корчак. — Я не знаю, имеются ли у вас возможности следить за событиями в правительстве Земли, но, если имеются, вы могли бы заметить, что в последние недели там произошли серьезные изменения.

— Да, мы заметили, снято больше половины министров, и новые не назначены, — министерские посты попросту были ликвидированы. Отстранена от работы большая часть правительства, многие арестованы или под следствием. Но какое отношение вы имеете к этому? Все распоряжения исходят от ревизорского жюри, мы расценивали это как то, что в долгой войне исполнительной и судебной власти, судебная одержала победу.

— Это так, — сказал Корчак, — но кому отдать эту победу — решали мы.

— Кто такой Демиург? — спросил Йоган.

— Не знаю, — ответил Корчак, — я сейчас впервые услышал это слово.

— Я может не так выразился, «Демиург» — это наш внутренний термин, вы его конечно не знаете. Мы заметили, что несколько дней назад появился некий новый источник распоряжений, который стал координировать всю деятельность земного правительства. Статистически мы установили, что за этим источником кроется один-единственный человек. Поскольку он сейчас фактически заново строит систему управления Земли, мы назвали его Демиургом — творцом.

— У Демиурга есть имя, — сказал Корчак, — его зовут Ринго Стар. Вы можете напрямую пообщаться с ним по тому каналу связи, что я вам дал.

Глава 39. Слово и дело

Перед ним лежали несколько листочков с уравнениями. Это была его формула и в то же время — не его. Они видоизменили его уравнение и принесли ему на суд. Они смотрели на него, ожидая его вердикта, а он впился в колонки знаков и не верил своим глазам.

«У нас очень высокая производительность труда, по сравнению с вами — говорил ему генерал Венк при первой встрече, — местами даже не в десятки, а в сотни раз выше». Корчак тогда сразу же поверил Венку, как бы не невероятно звучали эти слова, но он думал, что речь идет о всякого рода механических операциях на производстве.

Но чтобы это касалось еще и математики?

Конечно, то, что они сделали с его формулой, это не было открытием, и даже не было ее развитием — это было чисто техническое преобразование, под другие прикладные задачи. Он и сам собирался проделать все то же самое со своим уравнением, но все время откладывал на потом, не хотелось браться за нудную рутинную работу, которая заняла бы по меньшей мере неделю.

Они же сделали это всего за полтора часа.

— Изначальный вариант уравнения давал только ответ на вопрос, как будет развиваться экономика при тех или иных исходных данных, — сказали они. — Мы попробовали видоизменить ваше уравнение так, чтобы можно было находить те самые исходные данные, при которых события будут развиваться нужным нам образом. Посмотрите, все ли верно?

— Похоже, что все верно, — сказал Корчак, — но как вы смогли сделать это так быстро? Там же огромный объем работы!

— Ну так это не творческая работа, — возразили ему, — там же думать не надо, это стандартные преобразования, стандартный алгоритм, а значить всё можно было автоматизировать. Вот мы и автоматизировали.

— Посмотрим, что получится, — крикнули они и убежали.

Вслед за ними ушел Гюнтер Венк.

— Возможно, им удастся найти еще какое-то решение, кроме того, что предлагаете вы, — заметил он Корчаку, — я побуду с ними и сразу сообщу, если что-то получится.

Они остались вчетвером.

— Получится у них или нет, это еще неизвестно, — сказала Мария, — а пока у нас есть предложение Корчака, вот давайте его и обсуждать. Что миру грозит катастрофа, если не принять срочных мер, вы это убедительно доказали нам, Ян. Но вот что касается того решения, предложенного вами, лично я, даже не вникая в него, вижу, что вы многое не учли. Думаю, и мои коллеги видят то же самое.

— Позвольте мне, Мария, — сказал Йоган и повернулся к Яну. — Вы сами сказали нам, что выгнать из сознания людей рабский менталитет очень сложно. Согласитесь, это ваше «Слово», как бы оно ни было эффективно, оно ведь не сможет изменить сознание абсолютно всех. Я хорошо изучил психологию рабов и твердо знаю, что среди них будут такие, кого никакое слово не заставит принять свободу. Какая-то часть из них не сможет жить без хозяина. Они откажутся брать на себя ответственность за свою судьбу, они захотят, чтобы у них по-прежнему был хозяин, который решал бы все за них и давал бы им всё необходимое. Единственное, чего они будут желать, чтобы это был добрый хозяин, не такой как прежде. Что вы будете делать с такими?

— И как быть с теми, кто сейчас является «хозяевами жизни» в вашем мире? — спросила Мария. — Им-то ваши перемены точно не нужны, и ваше «Слово» им без

надобности! Они будут сражаться за свое право и дальше оставаться рабовладельцами. Конечно, они потерпят в итоге поражение, но вы прикидывали, какой они нанесут ущерб, сопротивляясь?

— Конечно, мы учли всё это, — ответил Корчак. — мы учли даже многое из того, о чем вы пока не подумали. В тех расчетах, что я передал вам, все эти моменты рассмотрены очень подробно. Конечно, вы правы, Йоган, но для тех, кто не сможет отказаться от привычной лагерной жизни, мы создадим иллюзию комфортных лагерей. Где они смогут жить на всем готовом, выполняя какие-то неответственные работы. Условия жизни там будут гуманные, и любой сможет покинуть такое место, когда пожелает. И вы, Мария, тоже правы. Нынешние хозяева жизни будут отчаянно сопротивляться, но мы не будем с ними воевать. Мы откупимся от них, достаточно будет гарантировать кое-кому сохранение привилегий и какие-то должности-синекуры, и они сами нейтрализуют своих соратников. Это все чисто технические моменты, и это всё это не продлится долго, это только на переходный период, пока не вырастут новые поколения...

— Ничего себе — «технические моменты»! — воскликнула Катерина. — А за чей счет они будут осуществляться, эти ваши технические моменты?

Создание этой, как вы говорите, «иллюзии комфортных лагерей», сохранение привилегий для кучи бездельников — это же потребует колоссальных затрат! Вряд ли от этих ваших псевдолагерей будет какая-то экономическая отдача, а значит, они лягут тяжким грузом на бюджет. Экономика нацистов находится при последнем издыхании, даже речи не идет о том, чтобы она это потянула. Значит, эти расходы придется брать на себя Вольному миру. Я не думаю, что нам это будет по силам. И самое главное, — она оглядела собравшихся, — такой подход нарушает и подрывает один из базовых принципов нашей конфедерации, право на справедливое вознаграждение за труд. Сам факт существование такой армии работоспособных бездельников-дармоедов будет вопиющей несправедливостью по отношению к тем, кто зарабатывает хлеб своим трудом.

— Друзья, — улыбнулся Корчак, — я скажу вам еще раз, мы всё это учли. Наверное, это нескромно с моей стороны, так хвастаться, но, когда вы ознакомитесь с нашими расчетами, вы поразитесь, насколько просто и изящно мы решили все те мелкие проблемы, о которых вы сейчас говорите.

— Мелкие? — иронически спросила Мария, — а что для вас являлось крупной проблемой, позвольте спросить?

— Догадаться не сложно. Главная проблема — это Легенда о Безмятежных островах! Как объяснить людям, которые всю жизнь с надеждой ждали рака, что рак — это не благо — а гибель. Что их не только не отправят на Безмятежные острова, что мы даже вылечить их не сможем из-за отсутствия достаточного количества сыворотки. Поэтому первое, что мы должны будем сделать, это в десятки раз увеличить количество лабораторий для производства противораковой сыворотки. И это надо будет сделать очень быстро, экстренно. А это почти нереальная задача, это ведь не детали на станках точить, это очень сложные и затратные биотехнологии. Вот куда пойдут наши основные средства и силы. Безумные средства, на фоне которых те расходы, которые волнуют Катерину, покажутся каплей в море.

— Нет никакой необходимости плодить эти лаборатории, Ян, — сказала Мария.

— Что значит, нет необходимости? — ахнул Корчак. — Надеюсь ваши слова не означают, что вы предлагаете оставить этих людей без помощи, умирать?

— Нет-нет, она вовсе не это имела в виду, — улыбнулся Йоган, — просто у нас имеется достаточное количество противораковой сыворотки, чтобы вылечить всех ваших больных. Вам не надо надрываться, чтобы развернуть

новые лаборатории. Мы дадим вам столько лекарства, сколько потребуется.

— Но каким образом, — удивился Ян, — ведь вакцина настраивается на каждого конкретного пациента.

— Теперь уже нет. Мы модифицировали ее так, чтобы она убивала раковые клетки в любом организме, без дополнительной настройки. Мы производим ее уже сто лет, и у нас — огромные запасы.

— Сто лет! — Корчак задохнулся от возмущения и вскочил, расплескав кофе и рассыпав печенья широким веером по полу. — Целых сто лет вы обладаете этим бесценным лекарством, и все это время вы спокойно смотрели, как люди умирают в нашем мире? Я понимаю, что вы не могли просто передать нам вакцину, не раскрывая себя, но ведь вы могли бы подкинуть эту идею нашим биохимикам, подтолкнуть их в нужном направлении. Я уверен, что у вас были такие возможности! Почему вы не сделали этого?

— Мы делали это, и не раз, — ответила Катерина, удивленно глядя на него и стряхивая кусочки разлетевшегося печенья с колен. — Но вашим властям это лекарство не нужно, ведь тогда пришлось бы и взаправду отправлять всех вылечившихся на

Безмятежные острова, а таких ресурсов у них нет. Да им это и не нужно. Проще убивать заболевших.

— Тем не менее, мы кое-что сделали, — сказал Йоган, — мы взяли под контроль некоторые ваши клиники, которые расположены близко к границам, и больных в них теперь не убивают, а погружают в глубокий сон и, как будто для захоронения, вывозят на наши территории.

— И что с ними происходит потом? — глухо спросил Корчак.

— По-разному! Подавляющее большинство, после того как шок от страшной правды проходит, становятся достойными гражданами нашего мира и принимают его с открытой душой. Но кто-то не может приспособиться к нашей жизни. Наши психологи с ними работают, но они почти безнадежны. Потому я и предсказал с такой уверенностью, что не все освобожденные вами рабы будут благодарны вам за свободу. У меня перед глазами слишком много примеров обратного.

— Извините меня за эту глупую эмоциональную реакцию, — сказал Корчак садясь в кресло, — мне стыдно за нее.

— Нет-нет, стыдится вам нечего, — покачала головой Мария, — это было полезно и поучительно. Эта ваша, как вы выразились, эмоциональная реакция, сказала о вас

очень многое и охарактеризовала вас с самой лучшей стороны. Вы всяком случае — в моих глазах.

— Вот теперь вы видите, Ян, что ваши выкладки и расчеты — они не всё учитывают, — сказал Йоган, — и ситуация — она сложнее, чем вам кажется.

— А по мне — так наоборот, проще! — возразил Корчак.
— У нас высвобождаются огромные ресурсы, коль скоро нам не придется тратить их на производство дорогой сыворотки.

— Боюсь, что нет, — прервал его Йоган, — будет не проще, а сложнее. Если бы у вас не было бы сыворотки, Ян, вы бы с легкостью могли объяснить всем рабам, почему их не отправляют на Острова и раскрыть обман нацистов. Раз сыворотки нет, то и больных нельзя вылечить — а значит и Острова — обман. Эта простая логика, которая была бы понятная всем! А вот что вы будете делать, когда у вас будет много сыворотки, а вы не будете отправлять излечившихся на Острова? Вам ведь не хватит никаких ресурсов, чтобы устроить обещанную роскошную жизнь на Островах для всех исцелившихся. Вы будете объяснять людям, что это нацисты не могли лечить больных, а вот вы можете, но Островов все равно не будет? Боюсь, слишком многих такое объяснение не устроит!

Корчак понял, что Йоган прав.

— Я думаю, мы так или иначе сможем решим этот вопрос... — не очень решительно начал он.

— Я не сомневаюсь, что решение найдется, — перебила его Катерина, — Йоган возражает вам вовсе не потому, что он против вашего предложения. Он просто дает вам понять, что, не зная всех наших реалий, вы не могли создать идеально работающее решение. Нам всем нужно время, чтобы вникнуть во все детали вашего предложения. И внести свои коррективы. Поэтому не стоит рассчитывать на то, что мы прямо сейчас примем какое-то решение.

Распахнулась дверь и вошел Гюнтер Венк.

— Э-э, да у вас тут целая буря пронеслась, — воскликнул он, окинув взглядом рассыпанные по полу печенья.

— У математиков есть какой-то результат? — спросила Мария

— О, да! Даже целых два решения! Они не такие красивые, как у Корчака, но их стоит рассмотреть.

Он вставил чип в приемник. На экране возникла карта лагерей с крапинками уязвимостей, та самая, которую недавно демонстрировал Корчак.

— Не все эти точки влияния равноценны, — начал пояснять Гюнтер, — некоторые из них крайне важны для нас, вот они, отмечены зеленым, — часть пятнышек на экране тут же окрасилась в зеленый цвет. — А есть такие точки, которые, наоборот практически безразличны для нас, но крайне важны для нацистов, вот они, — часть пятнышек стала желтой. — Воздействие на эти желтые точки приведет к крушению экономики нацистов, а нас затронет в незначительной мере.

— Каким же образом можно на них «воздействовать»? — спросила Мария.

— Превентивный удар нашей авиации, который разрушил бы инфраструктуру лагерей в этих точках. Они ничего не смогут противопоставить нашим самолетам. После этого мы беспрепятственно возьмём оставшиеся точки под свой контроль и сможем диктовать условия нацистам.

— Как вы себе мыслите, такой превентивный удар? — спросила Катерина, — инфраструктура ведь не существует сама по себе, отдельно от людей. Вы что, будете их заранее предупреждать об ударе, чтобы они людей заблаговременно оттуда эвакуировали?

— К сожалению, жертвы в таких конфликтах неизбежны!
— пожал плечами Гюнтер.

— Вы с ума сошли, — крикнула Екатерина. — при чем тут несчастные рабы!

— Вы думаете, они бы нас пощадили? — спросил Гюнтер.

— Погодите, а какое второе решение, вы сказали, у математиков есть два решения? — спросила Мария.

— Более гуманное, но не такое надежное, — ответил Гюнтер, — по сути по же самое, но только вместо разрушения инфраструктуры Лагерьей, можно будет перерезать и взять под контроль все коммуникации, которые ведут к этим желтым точкам. Никто не погибнет, но и молниеносной победы не будет. Они смогут долго сопротивляться. И если сопротивление будет достаточно длительным, это может привести к еще большим жертвам по сравнению с первым вариантом. От голода и эпидемий в Лагерях. Так что неизвестно, что лучше.

— Вы ведь говорили, — он повернулся к Корчаку, — что вам удалось взять под контроль многие функции вашего правительства. Сможет ли ваш Демиург обеспечить быструю капитуляцию, при таком варианте событий?

— Когда я летел сюда, — тихо сказал Корчак, — я не был уверен, что лечу к друзьям, но зато был уверен, что вы не враги. Сейчас эта моя уверенность сильно поколебалась...

— Не торопитесь с выводами, Ян, — прервал его Йоган, — мы это слушаем, но это не значит, что мы с этим согласны. Один философ прошлого сказал, что легче всего победить нацистов, если применить против них те же самые приемы, какие они применяют против тебя. Но, как только ты победишь таким образом, — заметил философ, — нацизм переселится в тебя и воскреснет.

— Я вовсе не воскрешаю нацизм, — с обидой возразил Гюнтер, — это чистая математика. Если при любом варианте событий гибель людей неизбежна, то оптимально будет выбрать вариант, при котором потери минимальны. Это очевидность, чтобы нам не говорили соображения морали.

— Так вот, Северная Америка за такую очевидность не проголосует ни при каком раскладе, — твердо сказал Йоган.

— Я не уверена, что и Южная Америка поддержит ваши варианты, Гюнтер, — тихо сказала Катерина. — Это всё можно было бы как-то оправдать, если бы они напали первыми, но превентивный удар...

— Это вовсе не мои варианты! — оборвал ее Венк, — я напоминаю, что по уставу ареопага мы обязаны рассмотреть все возможные варианты, вот я вам и докладываю обо всех возможностях.

— Тут Гюнтер прав, — сказала Мария, — мы обязаны рассмотреть любые варианты, нравятся они нам или нет, и мы не имеем права руководствоваться эмоциями, если то или иное предложение эти эмоции у нас вызывает.

Она повернулась к Яну.

— К сожалению, никто, кроме членов ареопага не может присутствовать при обсуждении и голосовании. Я прошу вас по возможности задержаться в Куала-Лумпуре, нам еще нужно будет пообщаться с вами. И я распоряжусь, чтобы вам дали закодированный чип, на котором записаны оба варианта, которые принес Гюнтер. Я попрошу вас по возможности посмотреть на них непредвзятым взглядом и вынести свое суждение. Связь будем осуществлять через коридорного в вашей гостинице. Вам перебронировали номер в гостинице для офицеров, коридорный на вашем этаже — наш сотрудник. Ключи для дешифровки чипа будут у него.

— Скажите, а можете вы мне дать формулу вашей вакцины от рака? — спросил Корчак. — Чтобы мои друзья сразу попытались пустить ее в дело?

— Все данные по вакцине вам запишут на тот же чип, — улыбнулась Мария. — А сейчас я вынуждена попросить вас оставить нас.

И вновь Корчак летел над Куала-Лумпуром, и вновь прочные обручи прижимали его к креслу. Но глаза его на этот раз не были завязаны, и он с удовольствием любовался буйством летних красок внизу.

— Я не буду высаживать вас на крышу гостиницы, — крикнул ему пилот сквозь шум двигателя, — чтобы у них там не возникало вопросов, что за птица такая прилетела на персональном коптере. Я высажу вас на ближайшей посадочной точке, это в километре от гостиницы. Дойдете?

— Дойду, — крикнул Ян, — с удовольствием прогуляюсь!

Ему и вправду доставило удовольствие пройтись посреди цветущей, залитой солнцем зелени. В воздухе витала не вонь солярки, как в Бодайбо, а аромат цветов.

Перед гостиницей ему наперерез кинулся какой-то человек с бумажной картой в руках.

— Ну наконец-то, офицер, — крикнул он, — хоть одно официальное лицо встретилось; улица как вымерла! Вы должны знать, где тут департамент сельского хозяйства. Я нездешний, в этом Лагере, я заблудился.

— Боюсь, я вам не могу помочь, — сказал Ян, — я ведь тоже не здешний, видите, к гостинице иду.

— Но ведь в картах-то вы разбираетесь? Вы ведь военный! Можете мне с картой помочь?

— В картах я и вправду разбираюсь, — улыбнулся Ян, — давайте посмотрим, что у вас там.

Он взял карту в руки и тут же услышал щелчок наручников, защёлкнувших на его запястьях. Руки его оказались зажаты железной хваткой собеседника. Из-за его спины выскочил еще один человек и брызнул ему чем-то из баллончика в лицо.

На Корчака навалилась страшная слабость, и его ноги подкосились. Кто-то ухватил его под мышки, не давая упасть.

— Лейтенант Корчак, — услышал он чей-то голос, — вы арестованы по обвинению в государственной измене.

— Слово и дело! — ответил он заплетающимся языком.

— У меня — слово и дело государственное!

Глава 40. И пусть Спаситель умрет

Он, вопреки своим ожиданиям, не потерял сознания. Препарат, которым ему брызнули в лицо, был особого рода. Мышцы почти перестали слушаться его, он был полностью обездвижен, но слышал и видел, что происходит вокруг. Его воля была полностью подавлена. Он вдруг с ужасом понял, что, если его сейчас начнут допрашивать, он не сможет противиться и расскажет обо всем, о чем бы его не спросили.

Но его никто не допрашивал, похитители были заняты ожесточенным спором.

Один из них, как понял Корчак, большой столичный начальник, требовал, чтобы Корчака немедленно отправили во Владимир, невзирая на провозглашенное им «Слово и дело». Всю ответственность за игнорирование «Слова и дела» большой начальник брал на себя.

Местные возражали ему, что брать на себя ответственность он может сколько угодно, но ревизорам, когда они будут заниматься этим делом, будет без разницы, кто брал на себя ответственность. Отвечать будут все, кто слышал «Слово и дело», но не предпринял никаких мер.

«Ревизоры ничего не узнают», — кричал столичный начальник.

«Может у вас во Владимире и не так, — отвечали ему, — а у нас, в Куала-Лумпуре, осведомители ревизоров на каждом шагу. Вот и среди нас сейчас наверняка кто-то ревизорам стучит, только мы не знаем, кто именно».

В конце концов, большинством голосов Корчака решено было доставить к местному юристу-ревизору. Его погрузили в автомобиль и повезли, невзирая на протестующие крики столичного начальника. По дороге он почти пришел в себя, и когда его притащили в приемную юриста-ревизора, мышцы его еще были налиты слабостью, но сознание прояснилось полностью, и воля вернулась.

— Всем покинуть помещение, оставьте нас наедине, — распорядился голос, который показался ему знакомым.

Он обернулся. Глаза узнали знакомый силуэт, составленный из нагромождения ярких цветных тканей. Перед ним была его знакомая девушка, Юна Минамото.

Хотя — нет, не «знакомая девушка», а всесильная хозяйка лагеря Куала-Лумпур, а может быть, как знать, и хозяйка всего региона.

— Вы были правы, — попытался пошутить он, — стоило мне потребовать, чтобы меня доставили к вам, как меня тут же доставили, на ближайшем автомобиле.

Она посмотрела на него с жалостью.

— Боюсь, я ничем не могу помочь вам, лейтенант, — сказала она, — обвинение в государственной измене — это очень тяжкое обвинение. А все доказательства налицо, вы встречались с коррупционерами. Боюсь, я буду вынуждена передать вас во Владимир, как того требует от меня столичная госбезопасность.

— Я прошу сообщить о моем аресте Такэде Сокаку, — сказал Корчак.

Ее словно ударило электрическим током.

— Так это Такэда послал вас сюда? — почти крикнула она, — Вы действовали по его заданию?

— Я думаю, что, когда вы сообщите Такэде, он даст вам все необходимые пояснения, — дипломатично ответил Корчак.

Она молча прошла по комнате.

— Я ничего не могу сообщить Такэде, — сказала она наконец, — час назад на жизнь Такэда Сокаку было совершено покушение, и он сейчас находится в

госпитале, в тяжелом состоянии, без сознания.
Неизвестно, когда он придет в себя, и придет ли.

Она села напротив него и посмотрела ему в глаза.

— Вот ведь какое дело, Ян. Час назад в Такэду стреляет сотрудник столичного управления госбезопасности. Почти одновременно арестовывают вас по приказу столичного управления госбезопасности. Вы после ареста сразу же требуете уведомить Такэду. Круг замыкается. Если вы мне скажете, что это простое совпадение, я вам не поверю.

— Это и правда не похоже на совпадение, — согласился Корчак, — скорее всего это и не является просто совпадением. Но я и в самом деле пока не понимаю, что произошло и почему все это случилось. В любом случае, я должен вас уведомить, что у меня — статус Консорта.

Она вскочила с кресла и всплеснула руками.

— Ну, конечно, — воскликнула она, — я могла бы сразу догадаться. Еще там, в аэропорту, я, глядя на вас, подумала, что из этого лейтенантика получился бы прекрасный Консорт. Но, конечно, было бы глупо рассчитывать, что его еще никто не пристроил.

Она склонилась над ним с суровым выражением лица:

— Ну и, позвольте вас спросить, что тут делает Консорт? Задача Консорта заботиться о своих близких, защищать их, а не ввязываться во всякие сомнительные авантюры.

— Иногда, именно для того, чтобы защитить своих близких, и приходится ввязываться в авантюры, — ответил Корчак.

Она задумалась.

— Иначе говоря, дело было настолько важным и конфиденциальным, что Такэда рискнул поручить его только члену семьи, — констатировала она. — Но в любом случае это не важно, разбираться с этим буду не я, а большое жюри.

— Ваш статус консорта, — сказала она официальным тоном, — позволяет мне изъять ваше дело из ведения столичной госбезопасности и передать его на рассмотрение ревизорского сообщества. Но это, — она сделала паузу, — только в том случае, если ваш статус консорта будет подтвержден. Я направлю запрос о вашем статусе преемнику Такэды. Но, не стоит рассчитывать на быстрый ответ. У Такэды Рин сейчас очень много дел, так что, думаю, вам придется побыть тут несколько дней на правах почетного гостя. Я распоряжусь, чтобы вас разместили надлежащим образом.

Комната, куда его привели, напоминала его жилье в центре Ч, только кровать была не вмонтирована в стену, а стояла в углу. И душ с санитарным узлом был не в коридоре, а прямо в его апартаментах. А еще тут был миниатюрный холодильник с сэндвичами и напитками, чайник и кофе-машина. Выглядело все вполне комфортно.

Корчак повернул ручку входной двери и убедился, что она не заперта. Но в коридоре дежурил офицер ревизорской гвардии.

— Если вам нужно куда-то пройти, я провожу вас, — вежливо сказал он, заметив Корчака.

— Нет, спасибо, я просто осваиваюсь, — ответил Ян.

Он сделал себе кофе и стал размышлять над ситуацией.

Сейчас он был в относительной безопасности. Но расслабляться было пока рано. Он вдруг понял, что не уверен, что Такэда Рин подтвердит его статус. Он совсем не знал этого человека и никогда не встречался с ним. Анна не раз рассказывала ему, что ревизоры постоянно держат своих преемников при себе, и те всегда в курсе всех дел. Но Такэда Сокаку провел последние недели не в своей резиденции, а в управлении Бодайбо, и этого самого Такэды Рина с ним рядом не было. Наверное, Такэда Рин был все же в курсе всех основных дел, но вот

о всяких мелочах, вроде статуса Корчака, он мог и не знать.

Оставалось надеяться, что преемник является настоящим соратником Такэда Сокаку и в любом случае постарается вытащить Корчака из беды.

Ареопаг, должно быть, уже в курсе, что Корчака арестовали. Сцену ареста видел весь персонал гостиницы для офицеров. Наверное, ареопаг догадается сообщить в центр Ч об этом, а те догадаются связаться с этим Такэдой Рином. Как хорошо, что он предусмотрительно дал ареопагу номер для связи с центром.

Нет, все определенно был не так плохо! Даже если Такэда Рин по какой-то причине не подтвердит его статуса, то Ринго Стар, воспользовавшись своей басмой, сможет отменить приказ о его аресте!

И вдруг его прошиб холодный пот. Клапан нагрудного кармана, в котором он хранил коробочку с чипом, был расстегнут, и коробочки там не было. Он не заметил, хоть и был в сознании, как его обыскали и вытащили чип.

Хотя планы превентивных ударов по земной инфраструктуре, что передала ему Мария, и были зашифрованы, но как знать, вдруг во Владимире смогут взломать этот шифр. Они могли также догадаться, что в гостинице есть связные ареопага, если уж Корчак туда

шел, вычислить коридорного и заставить его отдать ключи к шифру.

Он с ужасом подумал о то, что может произойти, если эти планы окажутся в руках владимирских чиновников. Ему надо было срочно найти какой-то способ, чтобы предупредить ареопаг или своих друзей в центре Ч об этой опасности. Наверное, даже стоило пойти на риск и как-то передать эту информацию этому пока еще непонятному Такэде Рину.

И тут за ним пришли. В дверь постучались, к нему заглянул дежурный офицер из коридора и сказал.

— Минамото Юна хочет вас видеть, идемте со мной, я вас провожу.

Юна сидела за письменным столом и задумчиво просматривала ленту телекса.

— Садитесь, Ян, — сказала она, — разговор нам предстоит не короткий.

— Это депеша от Такэды Рина? — спросил Корчак, кивая на ленту телекса.

— Надо говорить «от Такэды Рин», — поправила она его, — имя Рин не относится к склоняемым. Да, это сообщение от преемника Такэды Сокаку. Я, честно говоря, удивлена. Я думала, что ответ придет только

через пару дней, но он пришел через час. Видимо это дело, в котором вы замешаны, у них там относится к первоочередным.

— И что там, в этом ответе?

— Ваш статус Консорта подтвержден. А еще тут содержится просьба как можно скорее отправить вас в лагерь Бодайбо, в ведение местного юриста-ревизора...

Она посмотрела на него.

— Честно говоря, мне очень хочется, как можно скорее выполнить эту просьбу. Интуиция подсказывает мне, что лучше держаться подальше от этих ваших дел. Если Такэда держал всё это в тайне, значит и мне интересоваться этим до поры не стоит. Но коль скоро на вас висит обвинение в государственной измене, вы не можете никуда перемещаться без решения Большого жюри. Поэтому вы останетесь моим почетным гостем.

— А могу я пообщаться с Такэдой Рин? — спросил Корчак.

— Только через меня! Любые ваши контакты за пределами этой резиденции возможны только по решению Большого жюри. Но если вам надо передать Такэде какое-то сообщение, скажите, я передам.

Корчак замялся.

— Секреты! — засмеялась она. — Знаю я ваши секреты! Вы об этом хотели предупредить Рин? — она бросила на стол коробочку с чипом, — о том, что эта улика попала в руки владимирских чиновников?

— Значит она у вас! — облегченно вздохнул Корчак.

— Обрадовались! — констатировала она, — вы обрадовались! Значит я была права, на этом чипе содержится что-то такое, что могло сильно повредить Такэде! Я тоже об этом подумала, и потому сразу отняла у них все улики по делу. Ну так что там?

— Я уверен, что вы уже сами посмотрели, — сказал Корчак.

— Да, посмотрела. Два зашифрованных файла и один открытый. О том, что кроется в зашифрованных файлах, мне, я так полагаю, знать не положено.

— Я сам не знаю, — соврал Корчак.

— Я думаю, что вы знаете! — сказала она, — но не в этом суть. Давайте поговорим о незашифрованном файле. Я, знаете ли, в юности увлекалась медициной, физиологией биохимией... Там именно то, о чем я подумала?

— А о чем вы подумали?

— О том, что там содержится информация, которая позволит резко снизить издержки по лечению больных раком.

— Да именно так и есть.

— Вы получили эту информацию от коррупционеров?

— Все, что содержится в этом чипе, я получил от коррупционеров.

— Но, — она замялась, — почему они вам дали эту информацию, ей же цены нет! Что они потребовали взамен?

— Они потребовали, чтобы мы лечили наших раковых больных, — жестко сказал Корчак, — а не убивали их! Они уже несколько раз за последние сто лет пытались разными путями передать эту информацию правительству Земли, но безуспешно. Земному правительству выгоднее убивать больных, а не лечить их.

— Это неразрешимая проблема, эти Безмятежные Острова, — тихо сказала Юна, — но это не значит, что ее не надо пытаться решать. Если бы они догадались предложить эту формулу не властям, а ревизорскому сообществу, как знать, может что-то и сдвинулось бы с мертвой точки.

— А того, кто взял у них эту формулу, обвинили бы в госизмене? — спросил Корчак.

Она подняла на него глаза.

— Кажется, я начинаю понимать, — сказала она, — а что в двух других, зашифрованных, файлах?

— Там информация, которая может спасти миллионы жизней, — сказал он, — или наоборот, погубить! В зависимости от того, в чьи руки она попадет.

— Если она попадет во Владимир? — спросила Юна.

— Миллионы погибнут!

— А если к Такэде Рин? Тогда спасутся?

Корчак Кивнул головой.

— Я передам эти файлы Такэде Рин, — сказала Юна. — А эту формулу противораковой сыворотки я передам в распоряжение Большого совета ревизоров с комментарием, что это вы добыли ее для нас. Вы же пока остаетесь моим гостем. Вы можете беспрепятственно перемещаться по зданию, но выход за пределы моей резиденции вам запрещен. Впрочем, это будет и небезопасно для вас, выходить наружу.

Корчак направился к двери.

— Погодите, — окликнула его Юна.

— Ян Корчак, — она перешла на официальный тон, — я спрашиваю вас официально, как юрист-ревизор, является ли эта формула противораковой сыворотки той целью, ради которой вы встречались с коррупционерами?

— Да, — ответил Корчак, — эта формула была одной из целей, ради которых я с ними встречался.

— Нет, не так, — она покачала головой, — вы не поняли вопроса, если это было вашей *основной* целью, то другие цели можно не упоминать.

— Тогда я скажу так, — эта формула на данный момент времени является единственным результатом моей встречи с коррупционерами.

— В таком случае, — провозгласила она, — я не вижу в вашей встрече с коррупционерами состава государственной измены. Ваш поступок следует квалифицировать как вопиющее самоуправство и безответственность, но не как измену. Эти поступки не подлежат рассмотрению Большим жюри, а потому вы направляетесь в распоряжение юриста-ревизора Такэды Рин для определения степени дисциплинарного взыскания, которое будет наложено на вас. Полетите курьерским коптером, вылет завтра утром...

Унылый заснеженный пейзаж тянулся вниз. Коптер забрался высоко в горы, почти на пределе своих возможностей. И тут, в горах, был снег. Всего за каких-то полчаса лето внизу сменилось зимой. Корчаку показалось, что он мерзнет в своем мундире, хотя салон курьерского коптера хорошо отапливался.

«Вы полетите с охраной, — сказала ему вчера Юна, — это ни в коем случае не конвой, это ваша охрана, для вашей же безопасности. Я опасаюсь, как бы вас не постигла участь Сокаку».

Однако двое сопровождающих больше всего походили именно на конвой. Это не были вежливые и интеллигентные ревизорские гвардейцы, которых ожидал увидеть Корчак. Это были лагерные стражники той самой скверной породы, которых даже в лагерях стараются держать подальше от людей, во избежание лишних инцидентов: грубые и примитивные, высокомерие и хамство которых прорывалось на каждом шагу.

А еще Корчака очень удивило, что в салоне коптера никого, кроме них не было. Только он и эти двое стражников. Это было невероятно, курьерский коптер, в котором нет ни одного курьера. Корчак начал не на шутку беспокоиться. Что-то тут явно было не так.

Раскрылась дверь кабины и в салон вышел пилот.

— Эй, ты, водила, ты это, за руль, давай, держись! — крикнул один из стражников.

— Там — автопилот, — спокойно ответил летчик и выхватив из-за спины пистолет выстелил в стражников, сначала в одного, потом в другого.

Пистолет был с глушителем. Два негромких щелчка, и два свалившихся в проход трупа. Корчак понял, что деваться ему некуда. Но пилот больше не стал стрелять. О спрятал пистолет и сказал, обращаясь к Корчаку:

— Через пятнадцать минут коптер врежется в склон горы. А вам надо будет выпрыгнуть через пять минут, чтобы вас подобрали в нужной точке. Поэтому действовать надо быстро.

До Корчака не сразу дошло сказанное пилотом, он был в шоке, глядя на два тела в проходе.

— Вы не долетели бы до Бодайбо, — сказал пилот, — уже на следующем перекладном пункте вас ждет спецназ из Владимира. А эти двое — он кивнул на трупы — работали на них. Я сразу почуял неладное, когда вместо ревизорских гвардейцев явились вот эти, и сразу доложил, куда следует.

— Кто вы? — спросил Корчак.

— У меня для вас послание от ваших четверых знакомых,
— сказал пилот, — они приняли ваше предложение и будут действовать по вашему сценарию. Они связались с вашими друзьями в Бодайбо и нашли с ними общий язык. А еще они решили, что Спаситель должен умереть...

— Что? — спросил потрясенный Корчак.

— Понарошку, конечно! Пусть все думают, что Спаситель погиб в катастрофе, которая сейчас произойдет. Тогда владимирские перестанут за ним охотиться. Они сейчас все силы бросили на охоту за Спасителем, они ни перед чем не остановятся. Спасителя надо спрятать, и пусть все думают, что его убили. Когда придет пора, Спаситель явится снова. Вот что меня просили передать вам.

— Что я должен делать? — спросил Корчак.

— Наденьте это, — пилот протянул ему пуховую куртку,
— за бортом холодно. И давайте, я одену на вас парашют. Выпрыгнете в заданной точке. Вот маячок, пристегните его к рукаву, по нему вас найдут. Никуда не уходите с места приземления, за вами приедут быстро.

— А вы?

— Мне надо еще кое-что подготовить, я прыгну позднее, и меня подберут в другом месте. Ну вот, все готово, — он

затянул на парашюте Корчака последнюю лямку и еще раз все тщательно проверил.

— Пора, — сказал он и вытолкнул Корчака в распахнувшуюся дверь.

Уже в полете Ян вдруг с ужасом понял, что не знает, как надо раскрывать парашют. Он стал шарить по груди в поисках кольца, но сильный рывок подсказал ему, что парашют раскрылся автоматически.

Пейзаж под ним был поразительно знаком, вызывая в груди какое-то щемящее чувство. Он стал соображать, откуда ему знакома эта картина и, только когда поймал себя на том, что неосознанно выглядывает вниз отблески костра, понял — память перенесла его в те дни, когда он брел на спине с Белоснежкой по таким же заснеженным горам.

Уже оказавшись на земле, он не мог отделаться от чувства, что где-то тут, за ближайшим пригорком горит маленький костерок, и возле него сидит закутанная в одеяла девочка, играющая с Йо-Йо. Но, конечно, никакого костерка не было. Зато послышался глухой рокот, и из-за пригорка выехал странный агрегат: небольшая автомобильная кабина, разместившаяся между огромных, невероятно огромных колес-дутьшей. Каждое колесо было больше кабины почти в два раза.

Корчак вбежал на пригорок, чтобы его было лучше видно. Агрегат подъехал вплотную и остановился. Каждое его колесо было больше человеческого роста. Сверху раздался стук и Корчак поднял глаза. Из распахнутого окошка на него смотрела ухмыляющаяся физиономия капо Исаака Ньютона.

Глава 41. Зови меня Джон Браун

— Привет, Ньютон, — только и смог выдавить из себя Корчак.

— Привет, Спаситель, — засмеялся Ньютон, и к ногам Корчака с шелестом опустилась складная лестница.

Он поднялся наверх. Внутри кабина оказалась гораздо просторнее, чем казалась снизу. Видимо она выглядела снаружи маленькой только на фоне огромных колес.

Внутри помещалось четыре просторных кресла, холодильник и два спальных места: видимо машина предназначалась для дальних многосуточных поездок.

— Надо пристегнуться, — сказал Ньютон, когда Корчак сел в пассажирское кресло, — потяни вон за тот рычажок.

Корчак потянул, откуда-то сзади выдвинулось несколько обручей и зафиксировали посадку Корчака — довольно свободно, но в то же время надежно.

— Зачем это? — спросил Корчак

— Сейчас поймешь, — засмеялся Ньютон.

Машина тронулась с места и слегка покачиваясь неспешно поехала вперед.

Некоторое время они ехали молча. Появление Ньютона в этой точке пространства и времени на этом странном агрегате было настолько невероятным событием, что ошеломленный Корчак не знал, о чем говорить.

А Ньютон только ухмылялся, искоса бросая взгляды на Корчака — он явно наслаждался произведенным эффектом.

Машина шла, не разбирая дороги, прямо по горам, по камням, кустарнику, расщелинам. Но ход был удивительно плавным, то ли из-за огромных колес, то ли из-за какой-то особой подвески. У Корчака возникло ощущение, что он плывет на огромном корабле по прозрачной воде озера, на дне которого примостились камни и кустарники.

Время от времени эта чудо-машина карабкалась на крутые, почти вертикальные откосы или наклонялась вниз, съезжая по крутым склонам. И то, и другое, она делала без малейшего напряжения, но каждый раз Корчак судорожно хватался за подлокотники кресла.

Глядя на него, Ньютон рассмеялся:

— Не бойся, не опрокинемся. А если и опрокинемся, ничего страшного, на этой штуке, как ни кувиркайся, все равно на колеса упадет, а из кресла не вылетишь, потому что пока не пристегнешься, она не поедет. Я, когда

ездить учился, в десятиметровый каньон навернулся, и хоть бы что!

Корчак высунул голову в окно и понял, что Ньютон — прав, мягкие дутые колеса выступали над верхней кромкой кабины почти на полметра и надежно защищали ее от ударов при опрокидывании.

Корчак заметил, что они поднимаются все выше и выше в горы, снега становилось все больше, а растительности все меньше.

— Здесь высота хребта больше двух километров, — сказал Ньютон, заметив, что Корчак старается рассмотреть горы вверху. — Лагерные коптеры и дирижабли на такую высоту подняться не могут. А наш лагерь располагается с той стороны хребта, и значит он для них недоступен, они его никогда не смогут заметить. Очень удачное место.

— Ваш лагерь? — спросил Корчак.

— Ну, ты знаешь, у нас, на Вольных территориях (фразу «на Вольных территориях» он произнес с какой-то особой гордостью), слово «лагерь» означает вовсе не то, что что у вас. У вас — лагерь — это место, где держат людей, лишенных свободы. А у нас, у нас лагерь — это просто временное, не постоянное поселение. Ну как...

как летние спортивные лагеря в лагерных школах! — Ньютон обрадовался, что нашел удачное сравнение.

— Впрочем, лагерь, это только название, — продолжил он. — Наш лагерь когда-то давно был временным, а сейчас это уже постоянный поселок, там люди уже по многу лет живут, школу, капитальные дома построили. Его лагерем только по привычке называют. Вот скоро придумаем название и тогда наш лагерь станет настоящим официальным поселком. У нас, в Вольном мире, люди сами имеют право придумать название для своего поселения!

Он сказал это с таким забавным апломбом, что это развеселило Корчак.

— Послушай, житель свободного мира, — засмеялся он, — когда я последний раз видел тебя перед строем стражников, это было всего полтора месяца назад, и это было совсем не в Вольном мире. Как быстро тут освоился, однако! Как давно ты здесь?

— Значит это все-таки тогда был ты! В черном пальто, за спиной коменданта! — удовлетворенно констатировал Ньютон. — Я тогда видел тебя, но мне даже в голову не могло прийти, что это ты. А они догадались, я имею в виду лагерников. Как они догадались, как они вычислили тебя, ума не приложу!

— Коллективный разум порой творит чудеса, — дипломатично заметил Корчак.

— Я тут три недели, — сказал Ньютон, — всего три недели свободы! А как будто целая жизнь! Другая жизнь! Новая!

— Нет, я это серьезно, — он остановил машину и обернулся к Корчаку, — та, лагерная жизнь, я даже не воспринимаю ее как свое прошлое! Как будто это не со мной было, а с кем-то другим. Как будто я в книжке об этом читал! А эти три недели свободы — как будто вся жизнь. Как будто я тут с рождения живу, и все свои тридцать пять лет тут прожил! Ты сказал, что я быстро приспособился? А я и не приспособливался вовсе. Я сразу начал жить. Я думаю, что есть люди, которые изначально созданы для свободы. Так вот, я такой человек.

Он вновь тронул автомобиль с места и поехал, но не быстро, было заметно, что эмоции переполняют его, и ему трудно сосредоточиться на вождении.

— И да, вот еще что, — сказал он после минутной паузы, — у меня теперь другое имя. Зови меня Джоном Брауном.

— Почему именно Джоном Брауном?

— Ну, как сказать... этот Исаак Ньютон, он оказался не плохим человеком, как меня учили в лагере, а наоборот

— великим ученым. Носить его имя — большая честь. Но я не ученый. Я борец. Этот Джон Браун — тоже был борцом, он сражался с оружием в руках против рабства и отдал свою жизнь за свободу других людей. И я решил, что тоже посвящу свою жизнь войне с рабством. И взял себе новое имя, Джон Браун, в его честь.

— Я знавал одного бывшего лагерника, который тоже сменил имя, вырвавшись на свободу. Его теперь зовут Моисей.

— Ты знаком с Моисеем? Это он вытащил меня из лагеря! Моисей — мой друг и наставник.

— Но ведь Моисей — в лагере Бодайбо, а ты здесь, в тысячах километров от него.

— Это не важно, мы работаем вместе, он начальник первой дистанции, а я — начальник второй.

— Начальник дистанции? Что это такое?

— Этого в двух словах не объяснить, — торжественно сказал Ньютон, — для этого тебе придется выслушать мою историю.

— Я очень хочу ее послушать! Тем более времени у нас много. Дорога, как я понимаю, не близкая.

— Меня выдернули на свободу из штрафной зоны, — начал рассказ Ньютон, — у нас тут очень мало людей,

поэтому мы спасаем из ЛагереЙ, тех, кто достоин спасения. Я оказался достоин и меня спасли.

— В Лагерях в штрафную зону на самом деле попадают в основном хорошие люди, — продолжил он. — Штрафников называют преступниками, но преступление большинства из них состоит только в том, что они не приемлют лагерной жизни. Настоящие мерзавцы и преступники — вот они-то прекрасно приспособляются к лагерям, и их редко встретишь в штрафной зоне.

— Не могу не согласиться с такой логикой, — заметил Корчак, — здоровое зерно в таких рассуждениях есть.

— Конечно есть, — воскликнул Ньютон, — не забывай, я сам был штрафником, и я видел, кто такие штрафники! Настоящие преступники там тоже есть, но большая часть — очень достойные люди, всё преступление которых состоит лишь в том, что они были рождены для свободы. Именно такие люди нужны в нашем Вольном мире! Штрафная зона — идеальное место для того, чтобы черпать оттуда пополнение. И Моисей придумал как это можно сделать!

— Моисей? Тот самый?

— Да! И вот что он придумал! В штрафной зоне никто не считает смертей. Людей туда посылают умирать. Расстрелы без суда, несчастные случаи — там это

обычное дело. Одной смертью больше, одной меньше, никто не считает. А потому команда Моисея, которую он внедрил в штрафную зону, выбирает там достойных людей, имитирует их гибель, а потом, под видом покойников вывозит за пределы лагеря. И они оказываются на свободе.

— Тебя так же вывезли?

— Меня якобы расстреляли и спустили в прорубь. А на самом деле Моисей вывез меня на санях, сначала на свою базу, а потом сюда, в наш поселок. Здесь ведь тоже выстроена целая система, помогающая людям приспособиться к новой жизни.

Ньютон снова затормозил и повернулся к Корчаку. Глаза его горели.

— Ты даже не представляешь, что является самой главной ценностью нашего мира! Че-ло-век! Как тут тщательно изучают каждого, чтобы дать ему возможность реализовать его лучшие черты, чтобы каждая проявившаяся в человеке способность, получила развитие.

Он снова тронул с места машину.

— На следующий день после того, как меня привезли в поселок, мне, мимоходом, вежливо сказали, что если мне вдруг станет скучно, то я могу помочь кому-нибудь в

работе. «Мы вас ни в коей мере не принуждаем к труду, — сказали мне, — но, если вдруг вы решите кому-то помочь, мы будем вам благодарны». Это они мне такое сказали! Да я сам от благодарности за то, что они меня вытащили, готов был горы для них свернуть! Смотрю, ребята разгружают транспорт, стал помогать. Но ты же меня знаешь, я же не могу просто так, мне надо порядок навести, а там было много чего, что улучшить можно. Стал ребятам объяснять, что дескать, давайте вот тут так сделаем, а вот тут эдак, быстрее дело пойдет. Ребята собрались, слушают. И тут начальник появился. Ну, думаю, сейчас от меня одни щепки полетят. Но нет, тот внимательно меня выслушал, а потом говорит ребятам: «А ведь он дельные вещи советует!»

И смотрю, за ужином ко мне начальник транспортного цеха подсел и опять так вежливо, что, дескать мы вас не торопим, понимаем, что вы только из штрафзоны, вам в себя надо прийти. Но не хотели бы вы у нас бригадиром поработать. Потому что наши специалисты у вас явные организационные способности видят.

— Короче, ты начал делать карьеру с первого дня, — улыбнулся Корчак.

— Не просто начал, — серьезно ответил Ньютон, — я за неделю прошел путь от простого грузчика до начальника дистанции. Мыслимо ли такое было в Бодайбо?

— Так что такое начальник дистанции? Ты обещал объяснить.

— Начальник дистанции — это один из самых главных людей в нашем деле. Наш поселок — это конечная точка дистанции, трассы, по которой переправляют людей из лагерей на волю. Вот я начальник этой самой дистанции и есть. Раньше была одна дистанция, от Бодайбо до нашего поселка, и командовал ею Моисей. А теперь появилась вторая — от Куала-Лумпура, и командую ею я. Они давно хотели эту дистанцию сделать, но у них не было человека с нужными талантами, а как я появился, вот так они ее и сделали.

— Так это ты меня сейчас в качестве начальника дистанции везешь? — догадался Корчак.

— Нет, — серьезно ответил Ньютон, — дело начальника — организовать работу, а людей возят специальные люди, проводники. Вот я, как начальник дистанции, получив сигнал от пилота о том, что тебе подменили конвойных, должен был успеть разобраться в чем дело, уведомить нашего сенатора о том, что тебя похищают, разработать план твоего спасения и реализовать его. Как видишь, я успел! А уж везу я тебя по старой дружбе. Когда еще вот так душевно пообщаешься, если не в дороге.

— Так это все сделал ты? — воскликнул потрясенный Корчак, — это ты спас меня? Но как? Мы же были в полете всего несколько часов! Лишь несколько часов прошло с того момента, как пилот заметил подмену!

— Ты спас меня, я спас тебя, — пожал плечами Ньютон, — но какие могут быть счета между старыми друзьями.

Некоторое время они ехали молча.

— А можно я буду звать тебя по-прежнему, Ньютоном?

— попросил Корчак, — я несколько раз пытался тебя Брауном назвать, пока мы ехали, но как-то язык не поворачивается. Для меня ты все равно — Ньютон.

— Хочешь называть Ньютоном, называй Ньютоном, это теперь мой удел такой, всю жизнь два имени носить. Одно как бы официальное, а другое — легендарное.

— В смысле — легендарное?

— Неужто непонятно? У тебя ведь теперь тоже два имени на всю жизнь, одно — Ян Корчак, а другое Спаситель. Мы теперь с тобой как бы веревочкой связаны. Где упомянут Спасителя, там упомянут и друга его Ньютона. А где упомянут Ньютона, там упомянут и Спасителя.

— Это ведь даже не имена, — продолжил Ньютон после некоторой паузы, — это как бы вторая суть. Ибо тот, кого

зовут Спасителем, не является Яном Корчаком, а тот, кого зовут Ньютоном, не является Джоном Брауном. Я потому и стал Джоном Брауном, чтобы люди не падали к моим ногам, когда я представляюсь Ньютоном.

— Неужто к ногам падают? — ахнул Корчак.

— Ну не буквально, конечно, фигурально, но разница не велика. Как узнают, что я «тот самый Ньютон», так сразу ждут от меня сокровенной мудрости, которой я научился у Спасителя, и жаждут наставлений.

— Да уж, и отмахнуться нельзя, — посочувствовал Корчак.

— Нельзя, — согласился Ньютон, — но я придумал выход. Я читаю лагерникам в качестве наставлений базовые принципы нашей Вольной конфедерации.

— Да, ладно, — засмеялся Корчак, — и что, слушают?

— Еще как слушают! Они же не на пустом месте возникли эти принципы, они выстраданы столетиями рабства. Они написаны кровью поколений, в них заключена сама квинтэссенция свободы. Любому лагернику они — как бальзам на душу!

— Но, погоди, — спохватился Корчак, — ведь эти принципы Конфедерации, это же официальный документ, они же опубликованы, любой может поймать

тебя на плагиате, увидев, что эти твои наставления совпадают с принципами конфедерации.

— Уже нет, не поймают, — тихо сказал Ньютон, — кажется, я перестарался, Ян. Я сделал странную вещь. Я разрушил причинно-следственные связи. Понимаешь, большинство теперь уверены, что это ты дал Конфедерации свои заповеди в качестве основного закона.

Глава 42. Десять Заповедей

Некоторое время они молчали. Потом Корчак сказал:

— Надо бы мне прочесть эти мои заповеди. Вдруг я с чем-то не соглашусь.

— согласишься! — твердо сказал Ньютон. — Любой, кто прошел через лагерь, с ними согласится.

— И все же, они у вас должны быть в напечатанном виде, как доедем до вашего поселка, найди мне экземпляр.

— Зачем ждать? Я их так часто произношу, что уже на память выучил. Вот слушай.

Ньютон принял торжественный вид и провозгласил:

— Принцип первый: Да не будет никто разлучен! Ни дети с родителями, ни супруги, ни влюбленные, ни друзья. Каждый сам волен решать с кем ему жить и общаться, и никто не вправе тому препятствовать!

— Ну, как тебе? — повернулся он к Корчаку.

— Я, честно говоря, думал, — ответил тот, — что первая заповедь будет запрещать рабство, — но когда сейчас услышал тебя, то понял, что так будет правильнее. Человек может ко всему привыкнуть и со многим смириться. И с принудительным трудом, и тяжелым бытом, и с обидами, и с физической болью. Ни никогда

не сможет смириться с потерей близких и с разлукой. Это правильно, что они сделали такой принцип первым.

— Нет принципа, запрещающего рабство, ибо рабство многолико и может маскироваться, — торжественно сказал Ньютон. — Поэтому наши принципы запрещают не само рабство, а все его многоликие черты, чтобы они нигде не просочились.

Он снова принял торжественный вид и провозгласил:

— Принцип второй: Да не будет никто принуждаем! Никто не может быть принужден делать (или наоборот, не делать) то, чего он не желает. Думать, говорить и слушать то, чего он не хочет. Жить и бывать там, где он не сочтет нужным. Если только он сам добровольно и осознанно не взял на себя по службе или по договору с другими людьми обязательства, ограничивающие это его право.

— Оговорка о добровольном и осознанном ограничении, она для того, чтобы работникам можно было поручать работу, которая им не нравится? — спросил Корчак.

— О нет, — засмеялся Ньютон, — это вообще на все случаи жизни. Ведь без того, чтобы добровольно брать на себя ограничения, жить нельзя. Вот ты женишься, например, значит добровольно ограничиваешь себя в общении с другими женщинами. Или на

государственную или военную службу пошел, значит будь любезен делать то, что тебе по должности полагается, даже если тебе не нравится. Ну или если договорился работу какую-то выполнить, тогда исполняй договор, даже если тебе расхотелось, потому что люди на тебя надеются. Но, вообще-то, — он хитро сощурился, — что касается работы, то тут все хитрее придумано. Если работа человеку не нравится, то есть способ сделать так, чтобы она сразу понравилась. Об этом — третий принцип!

Он набрал в грудь воздуха и продекларировал:

— Принцип третий: Да не останется труд невознагражденным! Каждый труд должен быть вознагражден разумно и справедливо, по договоренности или по закону. Каждый член общества должен получать свою долю в общественном богатстве, которое создано с его участием!

Ньютон расстегнул пуговичку воротника и показал Корчаку матово блестящую цилиндрическую палочку, висящую у него на шее на цепочке:

— Знаешь, что это?

— По внешнему виду похоже на Басму, но, очевидно, не Басма.

— Это — мой кошелек! В нем хранятся мои бонусы. Так называется моя доля общественного продукта, который я заработал.

Ньютон остановил машину и повернулся к Корчаку.

— Вот смотри, как это у нас устроено. Ты не можешь просто так прийти в столовую и получить обед или прийти в общежитие и там заночевать. Чтобы что-то получить, ты должен сначала отдать за это часть своих бонусов. А чтобы получить бонусы, ты должен их заработать, выполнив какую-то работу или сделав какое-то нужное и полезное дело. Количество бонусов, что ты получишь зависит от работы, какую ты сделаешь. А потому, если работа неприятная, которая никому не нравится, то не надо никого заставлять, достаточно начислить за нее побольше бонусов, и не будет отбоя от желающих ее выполнить.

— А если бонусов нет? — спросил Корчак, — вот я только что из лагеря приехал, никакой работы у вас еще не делал, а кушать мне уже хочется.

— Схватываешь на лету! — засмеялся Ньютон, — не волнуйся, голодным не останешься. Каждому новичку наше общество дарит бонусы, достаточное количество, чтобы прожить на них год и освоиться. Но как дарит, похитрому. Каждый день можно потратить только

определенную сумму, не больше. Как раз такую, чтобы получать только самое необходимое для жизни. По минимуму.

— По минимуму? — недоуменно переспросил Корчак.

— Ну, как сказать, понимаешь, то что для нас, вольных людей — минимум, для лагерника — запредельная роскошь. Еды всякой — глаза разбегаются, и ешь-пей от пуза сколько захочешь! В общежитии — не вонючие нары, где ты вповалку со всеми спишь, как в лагере, а своя собственная удобная мягкая кровать с чистым бельем, где никто кроме тебя не спит, и белье это тебе каждую неделю на свежее меняют, и даже просто поменяют, когда ты попросишь. Мыться тоже можешь когда захочешь, а не раз в неделю, и воды горячей и мыла — без ограничений! И все это за просто так. Но новичок очень быстро понимает, что какой бы ему роскошной такая жизнь не казалась, а у других она еще лучше. Что можно получить не койку в общежитии, а собственную комнату, где никто кроме тебя не живет и где все твое, в полном твоем распоряжении, или даже две комнаты, одна, чтобы спать, а другая, чтобы жить и друзей принимать. Что можно не только в душ ходить, но и в бассейне купаться. Что еду можно есть не ту, что дают, а то, что ты сам для себя потребовал приготовить, и ее сделают специально для тебя. Что можно вообще

целое здание себе взять, для себя одного, с собственным бассейном и садом. Только бонусы нужны. А их, бонусы, запросто можно заработать, только не ленись!

Ньютон сделал паузу и плавно тронул машину с места.

— А знаешь, что самое главное, — продолжил он, — что работу ты сам себе выбрать можешь. Полное право имеешь! Ты, наверное, даже не представляешь, как важно работать не там, куда тебя пошлют, а там, где ты сам захочешь. Ведь лагерники такой возможности для себя даже не представляют, ее у них никогда и не было. А вот как поймут, что так можно, так сразу все меняется. Когда занимаешься тем, что тебе по душе, что нравится, то каждый поначалу просто шок от этого испытывает, что можно работать и получать от работы удовольствие. Или, — он лукаво усмехнулся, — удовольствие не от самой работы, а от заработанных бонусов.

Корчак молчал потрясенный. То, о чем рассказывал Ньютон — это было именно то, что сам хотел организовать в будущем объединенном обществе. Именно такое предложение о распределении общественного продукта содержалось на том чипе, что он передал ареопагу. А теперь выходило, что они сами до всего этого додумались и уже даже успели реализовать на практике. И многие часы, которые он

потратил, придумывая эту схему, потрачены им напрасно.

— Но и это еще не все! — продолжал Ньютон, довольный тем, какое впечатление произвел его рассказ на Корчака.

— Вот представь себе, что не нашел ты себе такого дела, которое было бы тебе по душе! Что делать будешь?

— Что? — как эхо повторил Корчак.

— А вот, что! Ты сам можешь создать себе работу, которая тебе по душе. И не только получать за нее бонусы, но и давать бонусы другим!

— Как это? — спросил Корчак, хотя уже знал, о чем расскажет Ньютон. Это было все именно то, о чем сам он писал в своем предложении ареопагу.

— А вот смотри! Вот есть у меня тут друг. Он садовник. В Лагере он был агрономом, а когда освободился и попал сюда, то здесь тогда вообще никакого сельского хозяйства не было, все продовольствие издалека привозили. Знаешь, что он сделал? Прошелся по окрестностям, изучил почву, собрал сведения о здешнем климате и подал предложение в городской совет, а давайте я для города овощи и фрукты прямо тут буду выращивать, всё у нас свое будет, свежее. А городской совет только рад. Ну кто же против такого будет возражать! Собрал он людей, распахали ему почву,

посадили, все, как и требовалось по плану. А когда он урожай собрал и продал, то поделился полученными бонусами с теми, кто ему помогал. И теперь у него собственные сады, огороды. Сам он со всем этим один не справится, конечно, а потому приглашает людей к себе на работу и дает им бонусы.

— И все, выходит, довольны, — сказал Корчак, — и горожане, потому что у них свежие продукты, и работники, потому что твой друг дает им возможность заработать больше бонусов, и сам твой друг тоже доволен, потому что после того, как он со всеми рассчитается для него тоже бонусы остаются!

— Вот! Самую суть ухватил! — обрадовался Ньютон. — Или вот еще история, моя соседка, тетушка Антония, она готовит прекрасно. Знаешь, что она сделала? Она свою собственную столовую открыла. Но не такую, как обычная, городская, а специальную. Таверна называется! Туда к ней можно прийти, заказать ей блюдо, какое хочешь, и его приготовят специально для тебя. Ты знаешь, что такое «блюдо»? Это особая еда, которую надо специально готовить и которая очень вкусная.

— Я знаю, — улыбнулся Корчак.

— За это она конечно больше бонусов берет, чем в городской столовой, но, поверь, оно того стоит! Вот как доберемся, приглашаю тебя к ней, за мой счёт!

— Давай, я попробую угадать, — сказал Корчак, — она одна сама со всей работой не справляется, и тем, кто ей помогает, она отдает часть бонусов, полученных от своих едоков...

— Ну ты голова! — восхитился Ньютон. — Я еще там, в лагере, твоим мозгам завидовал!

— Погоди завидовать, ты мне вот что скажи! — а если человек не может заработать этих бонусов? В силу возраста, например, или по состоянию здоровья? Тогда как?

— Я думаю, ты уже догадался об ответе, — хитро улыбнулся Ньютон.

— Догадался, — согласился Корчак, — но мне интересно, на этот счет тоже принцип есть?

— А как же! Четвертый принцип! Да не останется никто без помощи! Тот, кто в силу обстоятельств не может позаботиться о себе, о том обязаны заботиться окружающие его люди и правительство. Оставлять человека без помощи запрещено! Вот мы сейчас, все люди вольного мира, отдаем десятину, десятую часть зарабатываемых бонусов правительству, чтобы оно

обеспечивало всех, кто-нуждается в помощи. Ну и сами помогаем, от себя, сверх десятины, кто захочет. Вот мы у себя в поселке на общем сходе решили, что пусть у нас будут лучшая школа и госпиталь. И сбрасываемся на их кошельки сверх того, что им правительство дает.

— А госпитали и школы? Их правительство тоже из десятины содержит?

— А как же, об этом пятый и шестой принципы. «Да не останется никто неучем!» и «Да не останется никто не исцеленным!»

— А какие еще принципы есть? — спросил Корчак, — кроме этих шести?

— Седьмой принцип, — самый важный для меня, — сказал Ньютон, как для человека, которого два раза казнили. Он гласит: «Да не будет никто лишен жизни! Нет ценности большей, чем жизнь человека и достоинство его! Никто не может быть лишен жизни, унижен или оскорблен, ни по произволу, ни по суду, ни по общественному приговору. Жизнь и достоинство человека неприкосновенны во веки веков!»

— Далее, Восьмой принцип гласит: «Да будут у всех равные права и возможности! Нет различия между людьми! Ни должность, ни пол, ни внешность, ни происхождение, ни собственность, ни опыт, ни

профессия, не существует в мире ничего такого, что давало бы одному человеку больше прав, чем другому. Ни один человек не вправе ни распоряжаться другим человеком, ни командовать им, если только тот свободно и по доброй воле не предоставил другому временное право распоряжаться своими действиями».

— Погоди, — остановил его Корчак, — что значит последняя фраза?

— Ну это же понятно, вот устроился ты на работу, значит ты дал право тамошнему начальнику временно командовать тобой, но только в той мере, в какой это необходимо для выполнения работы и только на тот срок, что ты эту работу выполняешь. А работа кончилась, и он уже не начальник. Вот я, например, команду проводником на моей дистанции. Но это не значит, что я им вообще команду в жизни. Потому что по вечерам в бассейне, наоборот, он, мною командует, когда плавать меня учит. Это не как в лагере, где если ты начальник, то хозяин людей во всем и навсегда. Тут начальник — не хозяин тебе. Он тебе — ровня! Вот даже если сама сенатор Евразии меня на улице встретит, она мне ничего приказать не сможет! Понимаешь?

— Понимаю, — ответил Корчак, вспоминая, как еще вчера у него на глазах обычная разносчица кофе сделала замечание сенатору Йогану, и тот подчинился.

— Девятый принцип гласит, — продолжил Ньютон, — «Да, не будет никто лишен свободы. Человек свободен и не может быть никем ограничен в свободе перемещения, высказываний, взглядов и мыслей, выборе рода занятий, круга общения, места жительства и образа жизни, и вправе самому выбирать свою судьбу. Ограничение свободы человека допускается только для общественной безопасности, только по отношению к конкретному провинившемуся человеку и только на основании объективного, справедливого, состязательного и публичного судебного разбирательства». Это о всяких преступниках идет речь, в последней фразе, — пояснил Ньютон, — но что это значит, я тебе объяснить не смогу, потому что преступников в нашем поселке нет, и я с этим не сталкивался.

— Не объясняй, — засмеялся Корчак, — кажется, я понимаю, о чем идет речь.

В проекте, что он передал ареопагу была большая вставка, написанная Анной, о придуманном ею публичном состязательном суде, но, оказывается, они и тут, без Анны, сами до этого додумались.

— А вот с последним, десятым, принципом, — вздохнул Ньютон, — у меня проблемы. Я его даже лагерникам не читаю, потому что там речь идет о вещах им совсем

непонятных. Десятый принцип гласит: «Да не будет никто лишен своей собственности. Право собственности священо, собственность неприкосновенна! Праведная собственность не может быть изъята ни по произволу, ни по суду, ни по общественному приговору. Никакая уважительная причина не может позволить изымать то, что человек честно приобрел».

— Что же тут непонятного? — спросил Корчак. — В лагерях у людей тоже есть собственность, всякие вещи, которые им принадлежат. Вот у меня был в собственности Йо-Йо. Так что лагерники поймут.

— Тут собственность — это совсем другое, — покачал головой Ньютон, — тут это то, что по разумению лагерника человеку ну никак не может принадлежать. Вот, к примеру, мой друг, тот самый садовник, о котором я рассказывал, вот у него в собственности фруктовые сады, амбары для хранения продуктов и земля, на которой все это располагается. То, что у человека в собственности может быть яблоко, это лагерник поймет. А вот то, что яблоня, на которой это яблоко выросло, тоже может быть собственностью человека — вот это уже ему сложно понять, а уж то, что у человека могут быть в собственности сады или земля — вот это у него в голове точно не уложится. Я по себе знаю. У меня тут, в поселке, в собственности дом с небольшим садиком. И

земля под ним. Я его уже три дня как за накопленные бонусы приобрел. И до сих пор не могу осознать. Что все это моё, как какое-нибудь яблоко.

Вдруг он опустил стекло и принялся:

— Чуешь?

— Кажется дымком потянуло, — сказал Корчак, — и чем-то очень вкусным пахнет.

— Точно! Значит не показалось! Старик Черчилль дикого кабана на охоте подстрелил и мясо жарит. Как он кабана подстрелит, так к нему вся округа сбегается, на запах. Бывает, что и не протолкнешься. Поехали быстрее, пока народ не набежал.

Ньютон добавил газу, и плавный ход вездехода сменился галопом. Весело попрыгивая на камнях, машина помчалась к совсем уже близкой вершине.

Глава 43. Старик Черчилль

Их вездеход стоял на самой вершине.

— Вот она, Земля нашей Свободы, — торжественно провозгласил Ньютон.

У Корчака перехватило дух от открывшейся ему панорамы. Позади остались заснеженные скалы, а перед ними... От вершины вниз плавно спускался довольно пологий склон, который заканчивался далеко внизу, переходя в долину между двумя горными хребтами. Склон был покрыт растительностью, разноцветной и разнообразной. Здесь, на разных высотах царили разные времена года.

Их вездеход стоял на зимней бесплодной скале, но уже совсем чуть-чуть пониже начинался темно-зеленый хвойный зимний лес, а еще ниже уже играло яркое желто-красное осеннее разнообразие. В самом низу царило лето, и из этой легкой голубоватой летней дымки выглядывала россыпь маленьких цветных домиков. Как будто кто-то разбросал по долине конструктор из детских развивающих кубиков разных цветов.

И, удивительное дело, там за спиной была пасмурная погода и дул ветер, а перед ними, внизу, склоны были залиты солнцем.

— Какая красота! — прошептал Корчак.

— Да, — весело ответил Ньютон, — мы с проводниками договорились, когда они кого-то из Лагеря вывозят, то всегда тут останавливаются, в этом месте. — Понимаешь, когда человека из Лагеря вырываешь — это всегда шок, человек долго в себя прийти не может, осознать вот этот переход от рабства к свободе. А вот как его тут поставишь, вот тут-то, именно в этот миг, до него и доходит, что он — на свободе.

— А что там такое? — Корчак показал на отчетливо отличающуюся по цвету от окружающей растительности полосу, протянувшуюся по всему склону, от летней долины внизу до самого зимнего хвойного леса.

— А это Старик Черчиль придумал! Это его «всесезонный сад». На верхних ярусах всякие фрукты из северных краев, а снизу — южные растения. Именно поэтому у нас в поселке и яблоки, и апельсины, и малина, и смородина, и ананасы, и виноград, и киви, и земляника, и даже черимойя с ежевикой.

— Я и слов-то таких не знаю! — рассмеялся Корчак

— А я не только знаю, но и на вкус уже все перепробовал, — гордо сказал Ньютон.

— Погоди, ты сказал: Старик Черчиль, это тот самый, который мясо кабана жарит?

— Он, — засмеялся Ньютон, — вот там, видишь, где листва желтая, у него *заимка*, он наверняка сейчас там, поехали быстрее!

Они проехали через зимний хвойник и уже спустя каких-нибудь десять минут оказались посреди буйства ярких осенних красок, залитых ослепительным солнцем. Ньютон опустил стекла, на улице было тепло, и в кабину вездехода хлынул свежий воздух, насыщенный ароматом горных трав и запахом увядающей осенней листвы.

— Ведь хорошо! Хорошо же! — крикнул Ньютон.

— Хорошо! — крикнул в ответ Корчак, радостное настроение Ньютона передалось и ему.

Они влетели в распахнутые ворота и затормозили. Ньютон выпрыгнул из кабины на землю не опуская лестницы, Корчак последовал его примеру.

Они находились посреди обширной поляны, обнесенной забором из жердей, который из-за своей хлипкости, носил чисто символический характер. Поляна была поделена на две половины полоской высокого кустарника — нечто вроде живой изгороди, из-за которой виднелось несколько бревенчатых строений, скорее хозяйственного назначения, нежели жилых и

доносилось равномерное гудение какого-то сельскохозяйственного механизма.

— Эй, привет! Есть тут кто-нибудь! — громко крикнул Ньютон.

Из-за живой изгороди, вытирая руки полотенцем, вышла женщина. Она была уже в возрасте, но выглядела вполне привлекательно. Темные вьющиеся волосы были красиво пострижены, лицо ее было лишено той обреченной хронической усталости, которая характерна для женщин из лагерей, и сияло здоровым румянцем. И, в отличие от лагерных женщин, она была довольно упитана, ее нельзя было назвать толстой, скорее «пухленькой», как раз в той степени, которая подчеркивает женскую красоту.

— Привет, Браун, — весело сказала она, — новичка привез?

И вдруг лицо ее стало серьезным и отчасти испуганным. Она смотрела на Корчака.

— Я знаю этот мундир... Что это значит, Браун? — тихо сказала она.

— Не обращай внимания, — засмеялся Ньютон, — Корчак — наш человек! Привез нам важные вести из Лумпура. Кабы я знал, что он прямо так, в мундире

прилетит, я бы ему на смену взял что-нибудь гражданское.

— Но, — нерешительно сказала женщина, — ему все равно не стоит показываться в поселке в таком виде. Я найду ему какую-нибудь рабочую одежду. Корчак — это ваше имя? — спросила она Яна.

— Фамилия, а имя моё — Ян, — ответил Корчак.

Он снял с себя китель, забросил его в кабину и остался в одной сорочке.

— Это чтобы не смущать вас, солнышко печет, не холодно.

— Все равно, Ян, — улыбнулась она, — как будете уезжать, напомните мне, чтобы я вам одежду подобрала, тут погода такая, к вечеру заметно похолодает. Меня Инга зовут.

— Ну, мы еще не скоро поедем, — деловито заметил Ньютон, — кстати, мы не опоздали, кабана вы еще не съели?

— Откуда ты про кабана знаешь? — хитро сощурилась Инга.

— Ну так мы еще там наверху запах учуяли!

— Попался! — Инга засмеялась и хлопнула в ладоши. — Вот ты и попался, Браун! Муж еще не начинал жарить кабана, только замариновал мясо.

— Понимаете, — она повернулась к Корчаку, — они нас все пытаются разыграть. Уверяют, будто чуют запах нашего барбекю за несколько километров.

— Но я тоже чуял запах жаркого, — серьезно сказал Корчак.

— Сговорились! — засмеялась она. — Эй! Уинстон! Представляешь, они уверяют меня, что учуяли запах твоего барбекю, а ты даже огонь еще не развел.

Из-за живой изгороди показался невысокий плотный мужчина, с лысой, а может быть и обритой наголо головой. На вид ему было лет сорок пять. Он был обнажен по пояс, так что была видна его мощная развитая мускулатура. Вся его фигура источала силу и здоровье.

— Ну и отлично, — сказал он, — что они так рано приехали. Мне помощники нужны. Надо принести дрова и помыть решетки.

— Знакомься, Ян, вот это -- тот самый Старик Черчиль, о котором, я тебе рассказывал, а это — мой старый друг, Ян Корчак, — представил их друг другу Ньютон.

— Вас зовут Старик? — удивился Ян, — по-моему вам до старика еще очень далеко!

— Меня зовут Уинстон, — улыбнулся Черчилль, — а «Старик» — это что-то вроде почетного звания. Я ведь тут с самого начала, когда наш лагерь еще был палаточным городком. Вокруг восемнадцатилетние юнцы, а мне — уже за тридцать. Я для них и вправду старик был, вот ко мне это прозвище и приклеилось навсегда. А мне нравится! Пойдемте, покажу, что делать.

Они натащали дров, оттерли песком и помыли в близлежащем ручье большие металлические решетки. Черчилль тем временем развел огонь в большой печи хитроумной конструкции, стоящей во дворе.

Когда они отмыли руки от сажи и вернулись к столу, Инга уже выкладывала на огромное блюдо всякие невиданные фрукты и ягоды, а Старик Черчилль размешивал в кувшине какой-то напиток.

— Присаживайтесь, угощайтесь, — сказала Инга, — мясо еще не скоро приготовится.

Черчилль разлил по кружкам напиток, который он назвал «лимонад», и который оказался весьма приятен на вкус.

— Очень вкусно! — восхитился Корчак, — этот «лимонад» и вправду отдает лимонами.

— Вам знакомы лимоны? — удивился Черчилль. — Разве их дают в лагерях работникам?

— О! Наш Ян не простой лагерный работник, — гордо провозгласил Ньютон, — но я уверен, что даже он не пробовал всего того, что лежит здесь на блюде.

Действительно, большинство из этих фруктов Корчак видел впервые. Ему были знакомы яблоки, которые по иногда давали в Лагере, апельсины и клубника, которые периодически бывали в столовой центра Ч. Да и все, пожалуй. Тут же было полтора десятка разных фруктов и ягод.

Черчилль стал с гордостью угощать Яна, объясняя, как что называется, и каким образом он это вырастил. Ян даже не рассчитывал сразу запомнить все это, но с удовольствием окунулся в этот новый для себя мир фруктового разнообразия.

— Ты не слишком усердствуй, — строго сказал Ньютон, — а то на мясо места не останется.

— А вот и наоборот! — весело отвечал Черчилль, — если фрукты потреблять правильно, они не мешают, а способствуют пищеварению, — вот то, что вы сейчас едите Ян – ананас — он как раз содержит ферменты, которые помогут переварить мясо. А вот эта штука

называется папайя, она вообще издревле считается лучшим средством от несварения желудка.

Вдруг Ньютон вскинул голову и посмотрел куда-то вверх.

— А что, уже летают? — спросил он Черчиля.

— Вчера начали, — ответил тот, — внизу дожди прошли, все зацвело, самое время.

Ньютон встал из-за стола и как-то странно, бочком, направился к разноцветным деревянным ящикам, которые стояли рядами на другом конце поляны. Подойдя к ним поближе, он вдруг стал описывать длинный круг, норовя обойти эти ящики с другой стороны.

— Чего он так странно ходит, — удивился Корчак, — можно подумать, он боится, что они его укусят.

— Конечно боится, если покусает, то приятного мало! — серьезно ответил Черчиль.

Он внимательно посмотрел на Корчака и спросил:

— Вы ведь никогда не видели ульев?

— Даже не знаю, что это такое.

— Идемте, только аккуратно, следуйте за мной и делайте то же, что и я. Они и в самом деле кусаются.

Они точно также по дуге обошли эти ящики, и Корчак содрогнулся от брезгливости. На ближайшем к ним ящике копошилась масса каких-то насекомых. Он вдруг понял, что то самое жужжание, которое он принимал за работу какого-то сельскохозяйственного механизма издавали именно эти насекомые.

— Что это? — скривился он.

— Это — пчелы, они живут в этих домиках и делают мед. Вы знаете, что такое мед?

Что такое мед Ян, конечно, знал, мед подавался на завтрак в центре Ч. Но он думал, что этот деликатес делают на пищевых фабриках.

— Мед? Это они делают его, эти мухи?

— Это не мухи — рассмеялся Черчилль, — Браун вам все расскажет, что к чему. Он всерьез этим увлекся и берет у меня уроки пчеловодства. Правда, Браун?

Они вернулись за стол.

— Я вот никак не пойму, — заметил Ньютон Черчиллю, — почему ты не заведешь себе больше ульев. Тут же в долине столько медоносов!

— А вот ты сам и займись! — ответила ему Инга. — А мы с Уинстоном тебе поможем. Не вечно же тебе этой дистанцией командовать. Уже всем понятно, что дело к

концу идет, и нацисты долго не протянут. Чем будешь заниматься, когда всё закончится, и твоя работа станет ненужной, не думал еще?

— Это дело очень выгодное, — сказал Черчилль, — у меня руки все равно до него не дойдут, а больно видеть, как потенциал пропадает. Тут по склону — все времена года сразу, никогда такого не бывает, чтобы где-то что-то не цвело. Всего и делов-то, что поставить ульи на передвижные платформы и возить туда-сюда по склону, вслед за цветением. Раз в три недели потратил один день, чтобы ульи перевести — и отдыхай. Спрос на здешний мед огромный. Даже из Рио-Де-Жанейро заказывают, на год вперед весь сбор продан.

— А почему бы нет! — мечтательно улыбнулся Ньютон, — семью заведу, детишек. И мои Безмятежные острова будут здесь!

— Прямо сейчас! — улыбнулся Черчилль, — он дотянулся до жестяного ящика, висящего на столбе, повернул какую-то рукоятку и над поляной потекли звуки красивой музыки.

Корчак стал недоуменно оглядываться.

— Смотри, смотри, Черчилль, — он оркестр ищет, музыкантов, — засмеялся Ньютон, — я тоже сначала так оглядывался.

— Я действительно не понимаю, как это? — недоуменно сказал Корчак. — Это же ведь не громкоговоритель играет? Я же слышу, что музыка — настоящая, что это оркестр! Вон оттуда — он показал на кусты — труба звучит, а со стороны ульев — пианино. Это же ведь не громкоговорители? Они так по-настоящему не могут играть.

— Это называется «стереосистема», — гордо сказал Черчиль, — это я сам сделал, по старым архивным чертежам. Полная иллюзия присутствия живых музыкантов. Три месяца делал.

— Это первую за три месяца, — засмеялась Инга, — а сейчас он их по десять штук в месяц клекает, — и заказов на полгода вперед собрал, со всех континентов. Я сначала ворчала, что он все вечера с этим сидит, а потом как выяснилось, сколько бонусов ценители готовы за такую систему заплатить, так сама его теперь подгоняю. Уже и не знаю, что выгоднее, фрукты выращивать или стереосистемы делать.

— Знаешь-знаешь, — хитро сощурился Черчиль, — это она, Ян, неспроста такой разговор завела, это она на комплимент напрашивается. Вы думаете это я в нашей семье бонусы зарабатываю? А вот нет — она наш главный кормилец, Инга! Вот смотрите!

Он переключил что-то на своем пульте и вместо инструментальной музыки зазвенел человеческий голос. Незатейливая, но пронзительная мелодия потекла над поляной, и ей вторил высокий и приятный мужской голос, поющий песню на незнакомом языке.

Корчак ощутил, как у него по спине побежали мурашки.

— Я уже слышал эти старые песни, — сказал он задумчиво, — я запомнил одну из них, там было о сердцах людей, которые требуют перемен.

*Перемен требуют наши сердца,
Перемен требуют наши глаза,*

Вдруг тихо напела Инга очень приятным мелодичным голосом.

— Да-да, это она! — сказал Корчак. — Вы знаете её?

— Да, знаю, это песня одного древнего поэта, а та песня, которую мы сейчас слышали, она, по сути, о том же самом, о необходимости изменить мир к лучшему и написана она была тогда же...

— Но ведь эта песня, она же на английском языке? — удивился Корчак, — откуда вы знаете о чем она?

Теперь уже пришла очередь удивляться Инге:

— Вы знаете английский, Ян? Вы поняли слова этой песни?

— Увы, я понял только первую строчку, да и то, потому что она из очень простых слов. «May be I, may be you», «может быть я, а может быть ты» — вот и все, что я понял. В мире есть достаточно много людей, которые понимают английский, но нет никого, кто понимал бы его на слух. Мы ведь даже не знаем, по сути, как эти слова звучали, когда английский был живым языком, мы знаем только как они пишутся, и не более того, — грустно вздохнул Корчак.

— А Инга знает! — торжественно сказал Старик Черчилль.

— Инга понимает английский на слух! Мои стереосистемы пробудили ее талант, она стала интересоваться, и сама научилась. Всего несколько человек в мире так могут, и Инга среди них! Она теперь работает на правительство, ездит по всему миру, переводит архивные записи и зарабатывает кучу бонусов. Благодаря ей мы смогли отправить детей учиться в лучшие университеты мира!

— Отправить-то отправили! — сокрушенно возразила Инга, — только похоже никто из них не стремится вернуться обратно, на ферму. На кого мы оставим хозяйство, когда состаримся?

— Ольга вернется, — твердо сказал Черчилль, — погуляет и вернется! Она никуда не денется, она прикипела к этой земле! А не вернется, не велика беда, еще внуки будут! Я уверен, найдется кому все передать!

И вот эта немудреная фраза «еще внуки будут» вдруг оглушила Корчака, перевернула его в душе все наизнанку и вызвала бурный поток мыслей.

До сих пор, вся жизнь, что его окружала, будь то лагерь или центр Ч, все вокруг жило только сиюминутным моментом, вот прямо «здесь и сейчас». Никто никогда не загадывал наперед и не планировал никаких дел на будущее, во всяком случае — на относительно отдаленное будущее. Это было бессмысленно. Человек в мире Корчака не принадлежал себе, и никто не знал, что его ждет завтра, и куда направит его путь всемогущее начальство или еще более всемогущая общественная система.

И вот сейчас перед ним сидели люди, которые не боялись загадывать о своем будущем, о будущем своих детей и внуков на десятилетия вперед. Которые могли обстоятельно планировать свою жизнь и не бояться, что кто-то отменит их планы. Которые сами были хозяевами своей жизни и сами решали какой она будет.

Корчак сидел потрясенный. До сих пор он яростно стремился к свободе, он сражался за свою свободу и свободу других, но только сейчас до него по-настоящему начало доходить, что означает это слово — свобода! Он догадывался, что это понимание пока еще не полное, что ему предстоит осознать еще очень многое, что он пока еще только ухватил за хвост какую-то важную мысль. Но он знал, что ухватил ее крепко и уже не отпустит от себя, и пройдет какое-то время, и он поймет все, что нужно.

— Эй! — вдруг громко крикнул Ньютон, — смотрите, геологи. Я же говорил, что ваше барбекю за километры пахнет, вон как несутся!

Глава 44. Тень на стене

На опушке леса показалось несколько движущихся точек, и с ними было что-то не так, что-то неправильное. Корчак сначала не мог понять, что именно ему показалось странным, и лишь когда точки приблизились, стало ясно, что смутило его.

Нельзя сказать, что он раньше не видел лошадей. На шахтах в Бодайбо они довольно широко использовались для перевозки небольших вагонеток и для вращения ворот подъемников. Но там они всегда впрягались в упряжь.

Сейчас он видел группу лошадей, бегущих к ним от опушки леса, и эти лошади не были ни во что запряжены. Люди сидели не в повозках, а прямо на спине у животных, обхватив их круп ногами. Еще несколько лошадей бежали почти налегке. Никто у них на спине не сидел, но там была закреплена какая-то поклажа.

Это было так необычно, что изумление должно было отразиться на лице Корчака.

— Это очень удобно и эффективно, *ездить верхом*, в наших местах, — пояснил ему Старик Черчилль, — так можно проехать по таким тропам, где ни один вездеход не пройдет. И топливо с собой вести не надо, лошадь сама найдет себе еду под ногами, травы в горах полно.

— Но как же, — недоумевал Корчак, — это же надо как-то удержаться на спине, да и отобьешь себе все на этом скаку.

— Там у них специальные *седла*, они сейчас подъедут, увидите.

Группа быстро приближалась, и скоро Корчак разглядел всадников. Их было шестеро. Впереди, судя по всему, ехала женщина, у нее на голове была косынка, скрывающая волосы, а у мужчин, едущих за ней, были большие шляпы, у кого на голове, а у кого за спиной.

Когда они въехали во двор, распространяя вокруг себя шум и запах конского пота, Корчак понял, что он был прав, впереди и вправду ехала женщина, и она, судя по всему, была самой главной в этой компании. Она была совсем юной, почти ребенком, что особенно было заметно на фоне ее спутников, которые, все как один, были уже в солидном возрасте.

— Привет, — звонко крикнула женщина, ловко спрыгивая с лошади, — надеюсь вы еще не все съели? Нам оставили? Мы ваш запах еще за лесом учуяли, торопились, боялись не успеть.

— Кристина! Как тебе не стыдно! — всплеснула руками Инга, — ну я понимаю, мужики! В них детство до самой

старости играет, только и думают, как бы кого разыграть! Но ты-то! Какой запах, мы только что огонь развели!

— Ну не знаю, может мне показалось! — нерешительно скала Кристина, — но во всяком случае все ребята его унюхали!

— То-то и оно, что ребята! Смотри, как улыбаются, убедили тебя, что пахнет и довольны своим розыгрышем!

— Ингочка, милая, не сердись! Если ты мне еще скажешь, что у тебя нет горячей воды или душ не работает, как прошлый раз было, это меня убьет окончательно.

— Почему же нет! Солнце весь день печет, горячей воды полный бак, и душ работает. И твою сумку, что ты перед отъездом оставляла, я уже к душу отнесла.

— Ой, спасибо! Ребята, позаботьтесь о Малыше, — крикнула Кристина, потрепала лошадь по холке, и убежала.

— Вот всегда так! — сказал один из спутников Кристины.

— Вот в чем отличие мужской и женской психологии?

Отсюда до поселка — час езды. Казалось бы, какая разница, часом позже, часом раньше помыться. Так она нам с утра все уши прожужжала, что как до вас

доберется, сразу душ примет! Не будет до города терпеть.

— А зачем вы ей голову с этим запахом заморочили? — воскликнула Инга, — самим-то не надоели эти розыгрыши?

— Так мы не разыгрывали! — серьезно возразил мужчина! — Запах на весь лес стоял, вот ребята не дадут соврать.

Но ребята уже разбрелись в разные стороны. Кто-то повел лошадей под навес, кто-то разбирал поклажу. Вся тишина и спокойствие сразу улетучились с появлением этой компании.

— Вы очень вовремя приехали, — сказал Черчилль, — у меня сбор апельсинов на носу, поможете?

— Вряд ли, — небрежно ответил мужчина, — нам теперь это без надобности. Но как мы до поселка доберемся, я там скажу, что тебе работники нужны, завтра кто-нибудь приедет.

— Что значит «нам без теперь надобности»? — удивился Черчилль. — Вам что, бонусы не нужны?

— Ну, типа того, — улыбнулся мужчина.

— Погоди! Неужто нашли? — ахнул Черчилль.

Мужчина замешкался:

— Знаешь, пусть Кристинка скажет. Она все это затеяла, она народ убедила, она сама с тринадцати лет по горам рыщет. Пусть она и скажет, это ее право!

— Ну всё! — воскликнула Инга, — смотри, они уже сами все жарят, теперь меня к своей собственной печке не подпустят.

— А можно подумать, по-другому когда-то было, — засмеялся Черчиль, — хоть раз ты сама мясо жарила? Наше дело, кабана подстрелить, а уж едоки сделают все сами. Погоди, вот сейчас по-настоящему запахнет на всю округу, мигом толпа набежит, и начнут спорить, чей рецепт барбекю лучше.

Он оказался прав, вскоре во двор въехало еще несколько машин, и народу вокруг печки стало суетиться намного больше. И, как и предсказывал Черчиль, началась дискуссия, каким способом лучше жарить мясо.

К столу подошла симпатичная девушка с корзиной в руках, и Корчак не сразу понял, что это — Кристина. Она преобразилась. У нее оказались совсем светлые, почти перламутровые вьющиеся волосы, которые окружали лицо ярким, подсвеченным сзади солнечными лучами, ореолом. Рабочий комбинезон он сменила на нарядное

голубое платье. Из корзинки торчали знакомые Корчаку горлышки бутылок шампанского.

— Празднуем! — звонко крикнула она, — все к столу! Будем праздновать!

— Что празднуем! — строго спросил Старик Черчиль. — Неужто нашли!

Кристина глубоко вдохнула, сделала паузу и утвердительно кивнула головой, разбросав вокруг искорки Солнца на кончиках волос.

— Нашли! Нашли, Старик! Точно так, как я и предсказывала!

Народ, оставив печку, стал собираться вокруг.

— Молибден! — радостно улыбалась Кристина! — Я же говорила, что тут должен быть молибден! Представляете, у нас теперь будет свой собственный молибден, мы не будем зависеть от шахт нацистов!

— Когда-нибудь это станет легендой, — сказал Инга, — как обычная работа школьного факультатива по минералогии положила начало целой индустрии в наших краях.

— И что, теперь тут будет построена обогатительная фабрика? — спросил Черчиль.

— Обязательно! — радостно кивнула головой Кристина, — но, взглянув на обеспокоенное лицо Черчила, быстро добавила, — не прямо здесь, конечно, не в долине. Там, за перевалом, не беспокойся, тут все останется в неприкосновенности.

— И все же, — сказал Черчилль, — как мы можем быть уверены, что правительство при разработке не нарушит интересы нашего поселка.

— Так мы сами и будем решать! — воскликнула Кристина, — тут же на сотни километров вокруг нет ни одного вольного города, только наш поселок! Тут все наше, все земли наши, и месторождение — тоже наше, не правительственное! Тут ни одного правительственного геолога сроду не было, это мы сами всем миром искали и нашли. Я первым делом, как до места доберусь, так зарегистрирую у коменданта этот участок, как собственность нашего муниципалитета. И пусть попробует возразить!

— Ты нашла! — сказала с нажимом Инга. — Тебе мало кто верил, а ты нашла. Ты можешь на себя зарегистрировать месторождение, это справедливо, никто возражать не будет.

— Мне и так положена четверть дохода по закону, — возразила Кристина, — а ребята помогали мне

бескорыстно, никто с меня бонусов не спрашивал. Муниципалитет нам за свой счет оборудование купил, лошадей дал, запас продуктов. А я на себя одеяло теперь тянуть буду? Я совесть не потеряла!

— Ну мы не совсем бескорыстно помогали, — улыбнулся один из геологов, мы ведь тоже надеялись, что найдем! А теперь, когда нашли, нам, как твоим помощникам, по закону пять процентов положено. Пять процентов на пятерых! А килограмм молибдена двести бонусов стоит. У меня таких сумм сроду не было. Поеду теперь в Йоханесбург, в университет учиться! Учиться ведь никогда не поздно!

Тут же разговор переключился на то, как счастливики распорядятся свалившимся на них богатством. Лишь с лица Старика Черчила не сходила хмурая тень.

— Извини, Кристина, что я о том же, — наконец сказал он, — но, боюсь, что за перевалом фабрику построить не получится. Наша долина — единственное защищенное место, куда нацисты не доберутся. А за перевалом их коптер может случайно пролететь и фабрику засечь.

— Так не вечно же им быть, нацистам! — беспечно воскликнула Кристина. — Сколько им осталось? Год? Два? Дело к развязке идет, это всем понятно. Скорее всего они и года не протянут.

— Я это слышу уже десять лет, — возразил ей высокий мужчина с аккуратной бородкой, — что нацисты долго не протянут, а они по-прежнему живы и, похоже, неплохо себя чувствуют.

— Кристина права, Саул, — возразил ему кто-то, — в последние месяцы события резко ускорились, говорят, что Спаситель уже прилетел в Куала-Лумпур и встречался с нашим ареопагом. И вроде как они о чем-то договорились.

— Спаситель! — презрительно скривился Саул. — А нет никакого Спасителя! Вот кто-нибудь из вас его видел? Его вообще кто-нибудь живьем видел? Взрослые люди, а верите во всякие суеверия.

— Спаситель существует! — громко и твердо сказала Инга. — Вы сами, Себастьян, признали, что он есть, в тот момент, когда произнесли его имя. Вы сказали, что он — суеверие? И тем самым признали, что он существует хотя бы в качестве суеверия!

— Софистика! — пожал плечами Саул.

— Нет! — возразила Инга. — Даже если Спаситель всего лишь суеверие — это суеверие имеет великую силу! Оно несет надежду в Лагерь! Оно уже перевернуло сознание миллионов людей. Но, — она торжественно оглядела окружающих, — я уверена, что Спаситель существует!

Пусть даже все те чудеса и поступки, что ему предписывают — преувеличение, но такой человек существует! Суеверия возникают годами, а весть о Спасителе разнеслась по миру за несколько дней. Такое могло быть только если такой человек и вправду появился!

— Эй, спорщики! — крикнули от печки. — Угощение проспорите! Мясо уже готово!

Принесли огромные решетки с зажаренным мясом и разложили его по тарелкам, в воздух полетели пробки шампанского.

Корчак понял, что еще ничего не ел в жизни вкуснее этого барбекю.

То ли шампанское оказало на него такое действие, то ли окружающая обстановка, но последние остатки напряжения совсем отпустили его. И неведомое раньше блаженство овладело его сознанием. Он вновь поймал за хвост мысль, которая была прервана появлением геологов, и сейчас эта мысль представилась ему уже совсем в ином виде — ясной и кристально понятной.

Его окружала не просто свобода, его окружал целый мир, существование которого он не мог представить еще несколько часов назад.

Мир, где каждый человек был хозяином самому себе. Мир, где можно было загадывать на много лет вперед и думать о внуках, которые еще не родились, как о существующих живых людях, потому что они обязательно родятся, как и было predetermined. Мир, в котором можно было свободно отложить на время все дела просто для того, чтобы выпить с друзьями шампанского и пожарить барбекю. Мир, в котором могло быть совестно перед другими людьми за неправильные поступки, и это имело значение. Мир, в котором женщины свободно могли красиво одеваться просто потому, что им хотелось быть красивыми. Он вдруг понял, как это важно, когда женщина имеет право и возможность одеваться так, как она хочет, и быть красивой!

Он отыскал глазами Кристину в ее голубом платье.

Она сидела на пригорке возле живой изгороди, и, обхватив руками колени, смотрела в сторону заходящего солнца. Эта картина показалась ему поразительно знакомой.

Он никогда, ни при каких обстоятельствах не мог ее видеть раньше. Но он был уверен, что что уже видел ее.

И вдруг он вспомнил! Именно эта самая картина возникла в его воображении в ту памятную ночь с Шарлоттой, когда она читала ему стихи:

*И Пенелопа в выгоревшем ситце
Все ждет меня на давнем берегу.*

*Сидит руками обхватив колени,
Лицом к неугасающей заре,
Нерукотворна, неприкосновенна,
Как мотылек, угасший в янтаре.*

«Это стихи о том, каким был мир, пока в него не пришел Великий Вождь», — сказала ему тогда Шарлотта.

И вот этот самый мир был сейчас вокруг него. Этот мир вновь вернулся на Землю. А значит миру Великого Вождя места на земле больше не было!

И в тот миг, когда он понял это, он ощутил, что на его глазах проступили слезы.

Он почувствовал, как на его плечо легла ладонь Ньютона.

— Не надо стесняться, — сказал Ньютон, — мы все через это прошли. Каждый, кто приезжает сюда. Еще никто не вступал в этот мир не прослезившись. Это как второе рождение. И младенцы плачут, рождаясь.

— Смотрите, опоздавший, — крикнул кто-то.

От опушки леса к ним стремительно скакал всадник.

— Ой, как несется-то! Ребята, осталось чего-нибудь? А то неловко получится, человек приехал, а мы все сожрали.

— Осталось! И мясо еще есть, горячее, и даже шампанское.

Всадник подскакал прямо к столу и спешил под шутки и смех собравшихся. Лицо его было серьезно, и он никак не реагировал на шутки.

— Они убили Спасителя! — крикнул он.

Гомон смолк не сразу.

— Что? — переспросил кто-то в наступившей тишине.

— Они уничтожили коптер, на котором летел Спаситель. Никто не выжил, все, кто были на борту — погибли!

— Но откуда это известно?

— На месте крушения работает комиссия из Куала-Лумпура, в ее составе есть наш человек, агент ареопага в администрации лагеря. Никто не выжил.

— А нашли ли тело Спасителя на месте катастрофы? — вдруг спросил Ньютон

— Нет, взрыв был очень сильный. Но имя Спасителя было в списке пассажиров, и свидетели видели, как он саделся на этот борт.

— Вот! — торжественно сказал Ньютон, — подняв палец над головой. — Так может на борту было только имя спасителя, а не сам он?

— Что за чушь ты говоришь... — начал гонец и осекся. — Погоди! — Крикнул он, взглядевшись, — я узнал тебя! Ты же Ньютон, ученик Спасителя! Что ты знаешь? Говори!

— Ты обознался, это не Ньютон, это наш друг, его зовут Браун, Джон Браун, — сказала Инга.

— Нет, я не обознался! — твердо сказал гонец. — Я был там, в лагере, когда тебя казнили, Ньютон, я видел, как Спаситель спас тебя. Я стоял в первых рядах, а тот, кто это видел, уже никогда не забудет.

— Ты видел, как меня казнили, — сказал Ньютон, — и вот я живой стою перед тобой. Почему же не видя тело Спасителя, вы считаете его мертвым? Меня казнили два раза, и я все равно жив! Сколько же раз надо убить Спасителя, чтобы он стал мертвым?

— Ты говоришь с такой уверенностью, — сказал гонец, — и я вижу, что моя новость совсем не огорчила тебя. Ты что-то знаешь? Скажи!

— Я скажу лишь то, — провозгласил Ньютон, поднимая над головой раскрытую пятерню, — что пока я вот этот самой рукой не прикоснусь к мёртвому телу Спасителя, он будет для меня живым.

— Могу ли я передать эти твои слова другим? — спросил гонец

— Я хочу попросить тебя, чтобы ты передал их дальше!
— сказал Ньютон.

Гонец вскочил на лошадь и ускакал.

Догорали угли в печи, выпуская тонкий белесый дымок, и издавая легкое потрескивание. Равномерный гул пчел и только этот треск были слышны над поляной. Никто не издавал ни звука.

— Я, как и многие, сменил имя, выйдя из лагеря, — наконец сказал Ньютон. — Вы все знаете меня, как Брауна. Но среди вас есть и такие, кто знал и мое прежнее имя, Ньютон. Но и они все равно называли меня Брауном. Я хочу попросить, чтобы так и оставалось. Зовите меня Брауном. Не потому, что я хочу скрыть, что я Ньютон — ученик Спасителя. Но, как бы это сказать, Ньютон и Браун, это как бы два разных человека в одном теле, и не стоит беспокоить Ньютона без особой необходимости. Вы понимаете, о чем я?

— Понимаем, Браун, — сказала Кристина, — не беспокойся, мы всё понимаем.

— Значит он и вправду, существует, этот человек, по имени Спаситель? — спросил Саул, — какой он?

— Самый обычный человек, как ты или я, — ответил Браун.

Все стали расходиться, и через десять минут за столом остались только Черчили и Браун с Корчаком.

— Ты мог бы сказать нам, что Ньютон это ты, Браун, — тихо сказал Инга, — мы же все-таки друзья.

— Именно поэтому я и не сказал, — ответил Браун. — Смогли бы вы дружить с Ньютоном так, как дружили с Брауном?

— Нет, не смогли бы, ты прав, — ответил Старик Черчиль.

Инга посмотрела на Корчака.

— Я обещала дать вам гражданскую одежду, сейчас принесу.

— Наверное в этом нет необходимости, — ответил Корчак. — Я вспомнил, у меня в кабине осталась пуховая куртка.

— Какая пуховая куртка! Там, внизу — жара! — воскликнула Инга и через минуту вернулась с плащ-

накидкой и большой соломенной шляпой, такой же, какие были у геологов.

— Вот, надевайте, возвращать не надо, это рабочий костюм сборщика фруктов, он одноразовый.

Они попрощались с Черчилями, и направились к вездеходу.

— Стойте, — раздался им вслед пронзительный крик Инги, — снимите шляпу, вам нельзя в шляпе, вы выдадите себя.

Корчак обернулся. Крик Инги предназначался явно ему, но смотрела она не на него, а куда-то ему за спину. На ее лице отображались смещение и радость одновременно.

Он проследил за ее взглядом. Она смотрела на его тень, которую заходящее солнце отбрасывало на стенку сарая. Эта тень с поразительной точностью воспроизвела силуэт Спасителя на иконах.

Глава 45. Где загораются звезды

Это была очень странная проходная. Что-то в ней было не так.

На первый взгляд — ничего особенного. Шлагбаум, перегородивший дорогу, двое вооруженных стражников в темно-синей форме, квадратное двухэтажное здание вахты, почти такое же, как и у лагерных проходных, только более чистое и новое, аккуратно выкрашенное в бежевые и розовые тона.

Но было какое-то отличие, и в следующий миг Корчак понял, какое.

Проходная стояла посреди чистого поля. Просто — обширное голое пространство и посреди него воткнута одинокая сиротливая проходная. Какой смысл ставить проходную, которую можно свободно объехать и обойти с любой стороны? Ни стены, ни забора вокруг, объезжай — не хочу.

Он недоуменно посмотрел на Ньютона, но тот, не замечая удивления Корчака, резко повернул направо. Они оказались на большой асфальтированной площадке, на которой стояло довольно много автомобилей и всяких механических агрегатов.

— Вылезаем! — скомандовал Ньютон, — Дальше — нельзя на вездеходе. В поселке можно ездить только на электрических карах и велосипедах.

Они спрыгнули на землю.

— Какая-то у вас неправильная проходная, — сказал Корчак, — какой смысл делать вахту посреди поля, если ее можно легко объехать?

— Это не вахта! — строго сказал Ньютон. — Это административный пост, для помощи приезжающим. И это не стражники, а городские гвардейцы. У нас тут все мужчины города дежурят по очереди. И оружие у них не для того, чтобы в людей стрелять, а чтобы кабанов и медведей отпугивать. Поживешь, сам во всем разберешься.

— Привет, а мы вас ждем, — крикнул им один из гвардейцев, — говорят, что Браун лично везет какого-то особенного новичка.

Он с любопытством посмотрел на Корчака:

— Да ладно! — сказал другой гвардеец, — вы его не слушайте. Про «особенного новичка» — это он сам придумал. Просто комендант вас приехал встречать самолично, уже два часа как ждет, вот мой друг всякие теории и строит.

— Вы не пугайтесь, — сказал Корчаку первый гвардеец, — у нас комендант, это совсем не то, что комендант в Лагере.

— О, это вы мне можете не объяснять, — улыбнулся Корчак, — я уже понял, что здесь многие слова имеют совсем другой смысл.

— Именно так, совсем другой смысл, — согласился гвардеец. — У нас тут главный начальник не комендант, а городской совет. А комендант, он только гвардией командует, да всякие канцелярские дела для правительства ведет. Короче, будете беседовать с комендантом, не робейте перед ним, он просто вас оформит, как гражданина Вольного мира. А над вашей судьбой и жизнью он не властен. Тут не Лагерь.

Комендант оказался совсем молодым человеком, лет двадцати пяти. Он старался напустить на себя важный и серьезный вид, но выглядел при этом довольно забавно.

— Два часа вас жду, между прочим, — с подчеркнутой строгостью сказал он Ньютону, — а вы там, небось, у Старика Черчиля пировали? Тут с утра такой запах стоял, что хотелось все дела бросить — и к нему.

— Если бы мы знали, что ты специально приехал нас встречать, мы бы поторопились, — серьезно сказал

Ньютон, — только стоило ли тащиться сюда, мы бы сами к тебе в контору завтра с утра заглянули.

— Да уж где тут до утра ждать, когда такие люди к нам едут, — комендант с любопытством посмотрел на Корчака. — Это ведь вы Математик?

— Да, меня так называют, — согласился Корчак.

— Очень мне хотелось на вас посмотреть, — улыбнулся комендант, — Что это за человек такой, которого мне сначала приказывают срочно найти и ликвидировать, а потом, почти сразу же после этого, отменяют приказ, и приказывают беречь его пуще глаза, когда он тут у нас появится.

— Я думаю, что тебе надо это знать, — сказал Ньютон, — Ян Корчак — мой старый друг. *Очень старый друг*, — почеркнул он с нажимом. — Мы с ним еще в Бодайбо не один год соседями по нарам были. Понимаешь?

На лице коменданта отобразилось смятение, но он быстро совладал с собой.

— Вот оно что, — тихо сказал он, — А я-то гадаю, почему сенатор бросил все дела и летит сюда, чтобы встретиться с вами.

— Кто из сенаторов? Мария? — спросил Браун.

Комендант покачал головой:

— Нет, не Мария. Сенатор Йоган. Он сообщил мне, что будет здесь сегодня вечером, чтобы встретиться, как он сказал «с нашим другом и гостем». Я думаю, он уже вылетел из Лумпура. Вам надо обустроиться до его прилета.

Комендант достал из коробки и положил на стол связку ключей.

— Это ключи от вашего дома. Вам выделен правительством дом для проживания. Платить вам за него не надо, это служебное жилье. Я распорядился, чтобы туда доставили все, что вам может потребоваться на первое время.

— Я думал, Ян остановится у меня, — сказал Ньютон.

— Это почти что у тебя, — ответил комендант, — это в вашем квартале, через дорогу от твоего дома, слева.

— Знаю! — подтвердил Браун, — я как раз хотел тот дом купить, но правительство его не продавало!

Комендант достал из коробки кулон, такой же, какой висел на шее у Ньютона, и протянул Корчаку

— Это ваш кошелек. Браун, наверное, уже рассказал вам, что это такое и для чего он нужен. Он вас научит пользоваться, но сначала надо его активировать.

Приложите ваши пальцы вот к этим площадкам на корпусе.

Корчак выполнил просьбу, кошелек пискнул и откуда из его глубины мелькнул зеленый огонек.

— Все, активировано! — сказал комендант, — Когда будете платить держите пальцы на контактных площадках, он теперь только от ваших отпечатков пальцев будет работать. Средств на кошельке достаточно, чтобы год прожить, но я полагаю, что правительство вам будет еще и жалованье платить, уточните у Йогана.

— Спасибо, — поблагодарил Корчак.

— Заходите завтра ко мне в гости, — пригласил Комендант. — Вопросов у вас будет очень много, а Браун — человек сильно занятой. В отличие от меня. Я самый главный бездельник в поселке. Тут для представителя государства работы почти нет.

Когда Корчак с Ньютоном вышли на улицу, солнце уже почти ушло за горизонт. Его крупный диск висел в ложине между двумя хребтами, окрашивая все вокруг в бордово-оранжевые тона.

— Давай пойдем пешком, — предложил Ньютон, — тут недалеко.

— С удовольствием! А то я весь день сегодня только и делаю, что сижу.

Они прошли по асфальтированной дорожке через небольшой садик, окаймляющий вахту и Корчак, уже в который раз за сегодняшний день, замер от изумления.

Он ожидал, что этот поселок будет не похож на Лагерь, но он даже предположить не мог, что он будет не похож до такой степени. У него возникло ощущение, что он перенесся в сказочную страну, о которой ему когда-то рассказывала Белоснежка.

Краски, в которые были раскрашены дома, были более яркими и нарядными, чем это виделось сверху. И тут не было ни одного одинакового строения. Разные цвета, разная отделка, каждый домик светился неповторимой индивидуальностью.

Домики не лепились вплотную друг к другу, как это было положено жилым строениям в мире Корчака. Вокруг домиков раскинулось обширное пространство. Где-то росли фруктовые деревья, где-то — декоративные, художественно выстриженные, кусты. Где-то были разбиты роскошные цветочные клумбы. И во всем этом не было абсолютно никакой системы, но именно это отсутствие системы и придавало картине какую-то особую красоту.

Между домами были проложены широкие чистые дорожки и, Корчак не поверил своим глазам: все свободное пространство был застлано огромным бархатистым ковром, который светился в лучах заходящего солнца нежным зеленым цветом. Он не удержался, сошел с дорожки и наклонился, чтобы посмотреть, из чего сделано это восхитительное покрытие, и в следующий миг понял, что это не ковер, а трава.

Просто каждая травинка была аккуратно обрезана до одинаковой длины, что и создавало этот эффект бархатистости.

Корчак услышал смех Ньютона.

— Я тоже сначала не понял, что это трава, думал ковер такой огромный, — сказал тот.

— Но как же это? Это же такой огромный труд, обрезать каждую травинку до одинаковой длины? Зачем они это сделали?

— Чтобы было красиво! — ответил Браун.

— Просто ради внешнего вида? — удивился Корчак. — Без какой-либо практической цели?

— А разве красота — это не практическая цель? — спросил Браун. — Посмотри вокруг, разве это плохая цель?

Корчак понял, что Браун прав, но все равно, у него в голове не укладывалось.

— Но ведь трава же растет. Её же все время надо обрезать, это же каторжный труд.

— Есть специальные машины, чтобы стричь траву, — ответил Ньютон. — У меня тоже такая машина дома есть, я сам стригу траву перед своим домом.

— Ты хочешь сказать, что ваша промышленность делает машины, предназначенные только для того, чтобы стричь траву для красоты? — ахнул Корчак.

— Мне тоже было это удивительно поначалу, — сказал Браун, — но я быстро понял. Помнишь, что я тебе говорил сегодня? Что высшая ценность этого мира — человек! Главная цель, чтобы человек был счастлив. А красота — это кусочек счастья. Поэтому люди хотят, чтобы наш мир был красивым, и ничего удивительно, что они делают машины, единственное назначение которых — делать мир красивым!

Они не спеша шли по дорожке, которая была чистой до такой степени, что Корчак испытал неловкость от того, что его туфли были покрыты дорожной пылью, ему

показалось, что он пачкает дорожку. Он даже не стал спрашивать у Брауна, существуют ли машины для поддержания этой стерильной чистоты на дороге, наверняка они существовали.

Людей на улице было немного и Корчак уже совершенно не удивлялся, воспринимал как должное, что многие из них были одеты в яркую и красивую одежду. Одежда тоже, оказывается, могла быть яркой и цветной, как эти домики. Его рабочая накидка не вызывала ни интереса, ни удивления, видимо человек в рабочей одежде был здесь такой же обыденностью, как и человек в яркой рубашке в красно-синюю клетку, который читал книгу, лежа на траве.

Странная группа людей привлекла внимание Корчака, и в следующий миг он понял, что видит то, о чем много слышал и читал, но еще никогда не видел воочию. Навстречу им шла *семья*.

Молодые мужчина и женщина шли нежно обнявшись, и ничуть не стеснялись показывать окружающим свои чувства. Их ребенок — девочка в пышном нарядном платье свободно носилась вокруг, бегая по стриженной траве, и родителей совершенно не беспокоило, что ребенок ведет себя так недисциплинированно. Мужчина толкал перед собой небольшую коляску и когда они

приблизились, Корчак понял, что в коляске спит еще один ребенок, совсем маленький.

— Добрый вечер, — поздоровались они.

— Добрый вечер, — ответили Корчак с Ньютоном.

— Папа, смотри! — крикнула, подбежав, девочка, и протянула мужчине какой-то яркий цветок. — Это — бугенвилия! Он выглядит как цветок, но на самом деле вовсе это не лепестки, а такие листья цветные. Мы в школе проходили. Это я сама здесь нашла!

— Умница! — похвалил девочку мужчина, — давай мы тебе ее в петличку вставим, будет как награда.

Они прошли дальше, а Корчак ощутил, как у него защемило в груди.

— У меня обязательно будут свои дети, — сказал он Ньютону, — много детей. И они будут приходить ко мне, чтобы поделиться своими маленькими радостями, и я буду радоваться вместе с ними. У тебя ведь тоже не было в детстве рядом такого взрослого, к которому ты мог бы прибежать со своей радостью?

— Не было, — хмуро ответил Ньютон. — Да и самого детства у меня — тоже не было, но я только тут об этом узнал.

Некоторое время они шли молча.

— Давай зайдем, выпьем кофе, — сказал Ньютон, когда они проходили мимо большого одноэтажного здания, облицованного керамической плиткой. — Это городская столовая. Заодно и научишься пользоваться кошельком.

Внутри вкусно пахло. Ни чем-то конкретным, а просто — вкусно, так же, как и в столовой центра Ч. Ньютон подвел его к электронному аппарату, висящему на стене.

— Вот, возьми свой кошелек пальцами за контактные площадки и поднеси к этой пластинке. У тебя спишется с кошелька восемь миллибонусов. Обед восемь миллибонусов стоит. После этого можешь заходить и есть-пить сколько хочешь, без ограничений, платишь только за вход в столовую.

Корчак поднес свой кошелек к аппарату, тот пискнул и выплюнул бумажку с какими-то цифрами. Ньютон сделал то же самое.

— Бери, это называется чек, отдашь при входе в зал.

Внутри столовая показалась обширнее, чем выглядела снаружи. Повсюду стояли аккуратные столики, застланные чистыми белыми скатертями, а в центре были огромные подносы с разнообразной едой.

Ньютон с гордостью посмотрел на Корчака, ожидая от того восхищенной реакции, но ее не последовало.

Ничего нового и удивительного для себя Корчак не

увидел, все это очень напоминало привычную ему столовую центра Ч. То же разнообразие всякой еды, разве что выбор фруктов тут был намного больше.

Но было еще одно отличие. Внимание Корчака привлекла крупная металлическая ваза, в которой возвышалась огромная гора вареных яиц. Возле нее стоял бледный худой человек и держал в руках тарелку, на которой лежало три яйца, еще одно яйцо он держал в руке и на его лице застыло радостное изумление.

Корчак почему-то сразу понял, что это значит. Вареные вкрутую яйца были главным лагерным деликатесом. Лагерники видели их только один раз в год, их давали на праздничных завтраках в день рождения Великого Вождя, и считалось, что нет в мире еды, вкуснее, чем яйца.

Человек, стоящий возле вазы, был, очевидно, лагерником, только-только оказавшемся на воле, и целая гора вареных яиц была для него чем-то невероятным, и к тому же, по-видимому, единственно знакомым видом еды, среди всего этого разнообразия.

Корчак вспомнил свое первое утро в центре Ч, когда он вот так же стоял в растерянности среди незнакомых блюд, и у него возник порыв подойти к лагернику и объяснить, что к чему. Но его опередили. Какая-то

молоденькая девушка подхватила лагерника под руку и повела его вдоль подносов, давая объяснения.

Ужинать после угощения у Старика Черчиля совсем не хотелось. Они с Ньютоном налили себе по чашке кофе, взяли какие-то печенья и пристроились за столиком в углу.

— Ну, как тебе наша столовая? — спросил Ньютон.

— Отлично! — ответил Корчак. — Но там, откуда я приехал, была точно такая же.

— То-то я смотрю ты не удивляешься, — констатировал Ньютон. — но, если бы ты попал сюда сразу после лагерной столовой, ты бы испытал бы шок.

— Как тот лагерник, возле вазы с яйцами, — улыбнулся Корчак.

— Это я придумал, вазу с яйцами поставить! — гордо сказал Ньютон.

— Ты?

— Да я! Когда меня первый раз привели сюда, мне чуть плохо не стало. Как будто стул из-под меня выбили. Всего полно, все так вкусно пахнет, и что с этим делать — не знаешь. Я тогда сказал им, что здесь должно быть хоть что-то знакомое лагернику, за что он мог бы зацепиться взглядом. Они согласились, но у них тут не было вообще

никакой еды из лагерного ассортимента, даже хлеб здешний не похож на лагерный ни капельки. И тогда я вспомнил про яйца.

Вдруг Корчаку показалось, что он услышал свое имя. Он ухватил Ньютона за руку и прошептал: «тихо».

По соседству, за спиной у Ньютона, сдвинув несколько столов сидела большая компания рабочих, и разговор у них вправду шел про Спасителя.

— Глупости все это! — громко и решительно вещал один из них, — если даже сто человек будут говорить про Спасителя одно, а один Ньютон будет говорить другое, я поверю Ньютону, а не им.

— Но как ты можешь быть уверен, что Ньютон и правду говорил это? — возразил кто-то.

— Все вы знаете Саула, он скорее язык себе отрежет, чем соврет. Еще вчера он не верил в Спасителя, а сегодня уверовал, потому что встретил Ньютона и говорил с ним. Саул был там, когда гонец принес весть о гибели Спасителя и смеялся над этой вестью, потому что не верил, что Спаситель существует. И вдруг туда пришел Ньютон, и гонец узнал его, потому что был на казни Ньютона. И Ньютон поднял руку над головой и сказал всем, что пока он не увидит тело спасителя своими

глазами и не вложит свои пальцы в его раны его, Спаситель будет жив.

— Я тоже про это слышал, — перебил его один из рабочих, — а еще говорят, что Ньютон велел всем передать, что его, Ньютона, казнили два раза, и он все равно жив, а Спасителя надо тысячу раз убить, чтобы он умер.

— Да, Саул тоже об этом рассказывал, — подтвердил первый рабочий.

— Говорят, что Ньютон где-то тут скрывается, прямо в нашем поселке, — сказал кто-то.

— Те, кто его знают в лицо, — все равно не скажут об этом, — ответил первый рабочий. Если Саул его видел, значит Ньютон и вправду где-то поблизости. Как знать, может Ньютон — один из нас, может он прямо тут сидит, за нашим столом, посмеивается над нами, но признается в том, лишь тогда, когда придет его час.

— А может, Ньютон — это ты? — спросил кто-то под общим смехом.

— Я в Лагере не был, я в Йоханесбурге родился, на воле, и все про это знают. Ньютона надо искать среди бывших лагерников.

Когда Корчак с Ньютоном вышли на улицу, солнце уже скрылось за горизонтом. Корчак читал о том, что в южных широтах почти не бывает сумерек, и сейчас убедился в этом воочию. Было уже совсем темно. Вернее, было бы темно, если бы не уличное освещение.

Оно тоже было необычное, как и все, с чем он сталкивался сегодня. Невысокие столбики, с горизонтальными пластинами наверху, которые были натканы через каждые десять метров и назначение которых было для него днем загадкой, оказались мачтами уличного освещения.

Свет они давали не яркий, лишь ненамного ярче света луны в полнолуние, но зато на всей территории поселка не было ни одного неосвещенного участка.

— Это специально так, для безопасности, — извиняющимся тоном сказал Ньютон, — в наших городах вообще-то везде по ночам ярко как днем, но тут нельзя. Тут рядом воздушные трассы нацистов проходят, если свет будет ярким, то облака будут светиться, они заметят.

Но внимание Корчака привлекла вовсе не яркость освещения. Света вполне хватало, чтобы увидеть и оценить раскрывшуюся перед ним картину. Ему показалось, что все население поселка высыпало на улицы, и, наверное, так оно и было. По дорожкам и

лужайке носилось множество детей, играя в какие-то свои детские игры. Их мамы и папы, прогуливались тут же, собираясь группками для беседы, расстилая прямо на траве скатерти и раскладывая на них еду и напитки. Играла негромкая музыка, звучал говор и смех.

— Что это? — прошептал Корчак.

— Просто хорошая погода, — ответил Ньютон, — ни жарко, ни прохладно, вот люди и вышли прогуляться.

— Просто хорошая погода? — спросил Корчак.

Он вдруг снова ощутил, как откуда из глубин его организма поднимается волна того чувства, которое заставило его сегодня прослезиться. Он понял, что ему предстоит пройти еще очень долгий путь, прежде чем он постигнет все чудеса этого нового мира, и что этот мир еще долго будет поворачиваться к нему своими новыми гранями, удивляя и радуя его.

Его переполнило ощущение надвигающегося чуда. И чудо произошло. Прямо у него на глазах над горизонтом зажглась новая звезда. Она развернулась словно цветок и засияла ярким и ровным светом. Она была намного ярче любой звезды на небосклоне, и Корчаку показалось, что она даже отбрасывает тени от стоящих на поляне людей.

— Смотри! — он ухватил Ньютона за руку. — Звезда! Новая звезда! Вон там! — Он показал на звезду рукой, хотя в этом не было необходимости. Она сияла настолько ярко, что не заметить ее было невозможно.

— Да, — ответил Ньютон спокойным тоном, — они всегда там вспыхивают, в этом месте, аккурат между сопками.

Глава 46. Под арестом

Они сидели с Ньютоном на втором этаже, на балконе дома Корчака (какое невероятное, непривычное словосочетание — «дом Корчака») и любовались панорамой поселка, раскинувшейся перед ними. Просто сидели и любовались, и бездельничали, потому что никаких дел у них не было.

Хотя, нет. Одно маленькое дело все же было. Они ждали Йогана. Его самолет уже приземлился, и он должен был быть с минуты на минуту.

Та самая вспыхнувшая звезда, что привлекла внимание Корчака, это были посадочные огни самолета Йогана.

«Наши самолеты, в отличие от коптеров, летают очень быстро, быстрее звука — пояснил Ньютон, — и прячут колеса в фюзеляж, чтобы не было сопротивления воздуха. Перед посадкой колеса выпускаются, и на каждой стойке колеса — загорается посадочный огонь. Чтобы снизу, с аэродрома, было сразу видно, если какое-то колесо не опустится или опустится не до конца».

Но Корчака ничуть не огорчило, когда он узнал, что звезда, вспыхнувшая в небе, была не настоящей. Потому что самолет, летящий быстрее звука, и прячущий колеса во время полета — это было не меньшее чудо.

Вдруг заиграла музыка.

— Это дверной звонок! — сказал Ньютон. — Тут у нас звонки такие, музыкальные.

За дверью были комендант и Йоган. С их приходом сразу стало многолюдно и шумно.

— Куда это можно поставить? — спросил Йоган, кивая на большой бумажный пакет, что он держал в руках.

— Я еще не освоился, — растерялся Корчак, — поставьте пока на столик, там на балконе, потом разберемся.

— Извините, что я так поздно, и совсем не дал вам передохнуть, Ян, — сказал Йоган, — но столько событий за последние сутки. И завтра начнется новый день, и дел теперь у нас будет еще больше. Иного времени поговорить не будет.

— Пойдем, Браун, не будем им мешать, — сказал комендант.

— Минутку! — ответил Ньютон. Он достал из кармана сложенный вчетверо листок бумаги и протянул его Йогану. — Я тут быстренько от руки написал список, что нам необходимо в первую очередь. Если по инстанции подавать запрос, то это две недели займет со всей бюрократией, а раз уж вы здесь, собственной персоной, может посмотрите?

— Браун! — возмущенно крикнул комендант. — Это самое последнее дело пользоваться личным знакомством с сенаторами! А я-то думаю, чего он так интересовался, кто прилетает, Мария или Йоган.

— Я же не для себя прошу, а для нашего общего дела, — Браун скорчил нарочито простодушную физиономию.

— Ладно, давайте ваш список, — улыбнулся Йоган, — комендант, конечно, абсолютно прав, но у вас Браун, поразительное чутье относительно того, когда можно отступить от правил, а когда нет.

— Удивительный человек, этот ваш друг Ньютон, — сказал Йоган, когда они ушли. — Взрослый зрелый разум сочетается у него с совершенно детской непосредственностью и чистотой души. Как можно было пройти через Лагерь и сохранить всё это? Я, конечно, подпишу его запрос, причем я могу его подписать даже не читая, потому что знаю, что там нет ничего лишнего и все строго по делу. Я, честно говоря, сам хотел попросить его составить список того, что ему необходимо для того, чтобы резко активизировать вывоз людей из лагерей. А список уже ждал меня, в его кармане.

— Наверное, следовало бы предложить вам кофе, — сказал Корчак извиняющимся тоном, но я совершенно не успел освоиться. Тут какой-то другой кофейный аппарат,

не как у нас. У нас надо вкладывать капсулы, а здесь — засыпать кофейные зерна, и я еще не разобрался, как.

— Кофе я принес с собой, — улыбнулся Йоган, — кофе и пиццу. У нас считается хорошим тоном ходить в гости со своим угощением.

Он подошел к бумажному пакету на столе и вытащил оттуда пластиковые стаканы с герметичными крышками и коробочки с какой-то едой.

— Вот, попробуйте!

Кофе был восхитительным, просто невероятно ароматным и вкусным. И пицца, это было нечто отдаленно напоминавшее сэндвичи, была бесподобной. Корчак, который был сыт до изнеможения после угощения старика Черчиля, вдруг ощутил, что у него вновь пробудился аппетит.

— Я готов летать в этот поселок лишь для того, чтобы отведать пиццы матушки Антонины, — сказал Йоган, с удовольствием откусывая от треугольного кусочка. Я уж у нее и рецепт брал и сам пробовал, и знакомые повара пробовали, ни у кого так не получается, как у нее!

— Впрочем, конечно, я не для того сюда прилетел, чтобы поесть пиццы, — он повернулся к Корчаку. — Скажите Ян, у вас не возникало такого ощущения, что события вокруг вас развиваются как бы сами собой? Что они сами

собой идут в нужном направлении, независимо от того, что вы делаете, что все случайные совпадения и неожиданные повороты событий всегда оборачиваются вам на пользу? Что вы вроде, как и при делах, но на самом деле все происходит независимо от вашего участия.

— Было! — твердо сказал Корчак. — И это не ощущение. Это так и есть на самом деле. И Спасителем я стал как-то само собой, и наша группа заговорщиков собралась сама собой, я к тому никаких усилий не прикладывал. И все случайности, что вмешивались в ход событий, неизменно оборачивались нам на пользу. Такэда Сокаку сказал мне, что это он способствовал формированию нашей группы, но чем больше я размышляю над этим, тем больше мне кажется, что и сам Такэда это всего лишь мелкий винтик в каких-то глобальных механизмах, первопричины которых нам не видны и не понятны. Как будто сама Земля устала носить на себе нацистские лагеря и стремится сбросить их с себя.

— Если бы вселенная была разумна, если бы у нее было сознание, — сказал Йоган, — она обязана была бы послать на землю Спасителя. И вот — Спаситель появился. И это вы!

— Да, — улыбнулся Корчак, — но не стоит забывать, что этот Спаситель на самом деле существует только в

воображении людей. Сегодня одна женщина сказала, что спаситель — это суеверие, которое вселило в людей надежду и перевернуло их сознание. Так оно, наверное, и есть. Просто так совпало, что это суеверие связалось с моей личностью. На моем месте мог бы оказаться любой другой человек.

— Нет, — твердо возразил Йоган, — никто другой на вашем месте не мог бы быть Спасителем! Спаситель — это вы! И вы спасете нас!

Он поднял руку, пресекая возражения Корчака.

— Это, действительно так, Ян. Я знаю, что это выглядит, как случайное совпадение. Мы и сами до вчерашнего дня видели в этом «Спасителе» только забавное стечение обстоятельств. И вот появились вы. И вы дали нам документ, в котором крылось спасение. Еще вчера утром, мы были в тупике, мы не знали, что делать, куда двигаться. А после вашего появления перед нами сразу распахнулось множество путей, ведущих к цели.

— В моем документе крылось спасение? — изумился Корчак. — Да мне до сих пор стыдно, насколько я был самонадеян, когда думал, что смогу чему-то научить вас. Все мои предложения, все, что там было, во всяком случае большая часть — вы же это уже реализовали сами, без какого-либо моего участия. Все то, над чем я

думал много дней и чему снисходительно пытался поучить вас, вы сами додумались до всего этого. Вы оказались умны, а я на вашем фоне выгляжу напыщенным дураком.

— Вы думали над этим много дней? — воскликнул Йоган.
— Дней, Корчак, Дней! Всего лишь дней! А мы писали эти правила в течение столетий! Мы писали их кровью наших ошибок и платили за них жизнями и судьбами людей. За то, что для вас было всего лишь плодом размышлений в течение нескольких дней.

Он вскочил с кресла, облокотился на перила балкона и взмахнул рукой охватывая панораму ночного поселка.

— Вам нравится этот мир, Ян? Не отвечайте, я знаю, что нравится! Он не может не нравиться! Но мы шли к этому счастью и благополучию много столетий, мы заплатили за него дорогую цену, и заплатили бы еще большую, если бы вы не появились вчера на нашем пороге.

Он задохнулся от волнения и сделал паузу успокаиваясь.

— А эти ваши друзья из центра Ч. Эта армия мыслителей, которых нам так не хватало. И у каждого — готовые решения, готовые ответы на сложные вопросы. Какое счастье, что ваше правительство деградировало до такой степени, что даже не понимало, какое сокровище

находится у них в руках, что оно не задействовало потенциал вашего центра даже на несколько процентов...

— Вам удалось найти с моими друзьями общий язык? — спросил Корчак.

— Общий язык — это не те слова. Мы просто стали единым целым, — ответил Йоган, — нельзя сказать, что они присоединились к нам, нельзя сказать, что мы присоединились к ним. Это было, как вспышка молнии, которая высветила новые надежды и новые пути, по которым мы теперь идем единой командой. Впервые у нас появилась надежда, что нам удастся оттянуть момент нашего поражения.

— Поражения? — изумился Корчак. — О каком поражении вы говорите, если совершенно очевидно — что победа над нацизмом уже у нас в руках!

— Победа над нацизмом — еще не победа, Ян, это всего лишь тактический успех, в борьбе с нашими главными врагами, человеческой беспечностью, ленью и глупостью.

— Поясните, я не понимаю, что вы имеете в виду, — растерялся Корчак.

— Скажите мне, Ян, — вздохнул Йоган, — а вы еще задумывались над тем, что нас ждет после победы над нацизмом. Вот сейчас, когда вы уже увидели наш новый

мир, что вам кажется наиболее ценными его достижениями.

— Все! — твердо сказал Корчак, — тут невозможно выделить что-то отдельное, — ощущения и впечатления переполняют меня.

— Расскажите! Торопиться нам некуда. Расскажите подробно!

Корчака как провало. Слова сами полились из него потоком. Не в силах сдерживать переполнявшие его эмоции он говорил, говорил, говорил. Йоган слушал внимательно и не перебивая.

— Возможность иметь семью, возможность воспитывать и любить своих детей, — тихо начал перечислять он, когда Корчак закончил, — возможность строить планы на десятилетия вперед, возможность заниматься тем, чем ты хочешь, одеваться, как хочешь, жить, где хочешь и самому решать, как распоряжаться своим временем. И даже простая возможность съесть обычное яйцо, когда тебе самому захотелось, а не когда тебе разрешат. Вам все это кажется величайшими ценностями и достижениями. Потому что вам пришлось с боем завоевывать эти простые очевидные права, и вы знаете их реальную цену. А вот вашим детям, так уже не будет казаться. Они будут иметь все это с самого рождения,

они привыкнут ко всему этому с пеленок и будут все это воспринимать, как данность, как нечто само собой разумеющееся. А вашим внукам и правнукам все это будет вообще казаться чем-то совсем несущественным и ничего не значащим.

— Наверное так и будет, — согласился Корчак, — а вы думаете, что так не должно быть?

— Если человек что-то мало ценит, — воскликнул Йоган, — он легко пожертвует этим, и с готовностью обменяет на что-то сиюминутное и не значащее, что только покажется ему важным.

— Неужели вы думаете, что наши правнуки могут отказаться от наших завоеваний ради каких-то ложных целей?

— Я хочу сказать, что это обязательно будет, что это неизбежно! — жестко сказал Йоган. — Пройдут десятилетия, и новые поколения забудут о том, что свобода, которой они обладают, досталась ценой величайших жертв и усилий. Они не будут ценить эту свободу так, как ценим ее мы, у них будут другие приоритеты, другие ценности. Даже сейчас, некоторые из людей нашего мира, из тех, кто родился на наших Вольных территориях и получил свободу просто по праву рождения, уже готовы обменять ее на бонусы или

общественное положение. Даже сейчас некоторые из ваших лагерников готовы отказаться от свободы, если им предложить «комфортный лагерь» с добрым хозяином, который будет о них заботиться. Это сейчас! Когда мы пока еще знаем реальную цену свободы. А что говорить о будущем!

Йоган встал, подошел к распахнутой двери балкона и кивнул головой на ночную панораму поселка.

— Даже вот прямо сейчас, когда мы с вами сидим тут и беседуем, может быть там, по улицам этого поселка бегают ребенок, которому в будущем предстоит стать новым «великим вождем» и увести человечество к очередной ложной цели, подальше от свободы.

Корчак содрогнулся, когда представил себе эту картину.

— Но ведь так не может быть, — возразил он нерешительно, — принципы вашей конфедерации, они настолько просты, понятны и соответствуют чаяниям человека, что трудно представить, чтобы кто-то добровольно отказался от них.

— Это — всего лишь слова! — воскликнул Йоган, — а словам можно придать любой смысл. Любую фразу при желании можно истолковать противоположным образом. Кто знает, может быть, лет через сто разные «толкователи» постепенно исказят смысл этих

принципов, и он станет настолько чудовищным, что вы будете сами мечтать отказаться от них. Если бы у вас была возможность перенестись на двести лет в будущее, Ян, какие воспоминания о Спасителе вы бы застали там? Вполне возможно, что вы не узнали бы себя самого, вам бы приписывали мысли, которых у вас не было, слова, которых вы не говорили, и рассказывали бы о поступках, которых вы не совершали. А ваши нынешние, настоящие мысли, слова и поступки, носили бы там преступный характер.

— Но ведь должен же быть какой-то способ предотвратить это! — воскликнул в ужасе Корчак.

— Такого способа нет! Чтобы совсем предотвратить! Но можно найти способы, чтобы максимально оттянуть момент будущего кризиса. Хотя бы лет на сто, на двести. Чтобы человечество успело повзрослеть, набраться разума, выдавить из себя остатки рабского менталитета. И тогда, может быть, у него будет воля и решимость достойно встретить наступивший кризис, и силы, чтобы противостоять ему.

Йоган вернулся в кресло и продолжил уже спокойным тоном.

— Мы сделали многое, чтобы оттянуть тот момент. Мы выстроили нашу административную структуру таким

образом, чтобы максимально обезопасить свободу. Мы отказались от единого мирового правительства, разбив мир на четыре самостоятельных независимых территории. Если на одной из них правительство вздумает отказаться от свободы, другие территории смогут попытаться выправить ситуацию. Мы сделали высшим законом свободное перемещение людей и рабочей силы между территориями. Если какая-то территория начнёт душить свободу, то те ее жители, кому это будет не по нраву, покинут такую территорию, тем самым обескровив ее и влив новые силы туда, где ценят свободу. Мы разработали почти идеальный механизм административного противодействия, но этого совершенно недостаточно!

— Я, понимаю, — воскликнул Корчак, — остаются еще главные враги, о которых вы упомянули: человеческая беспечность, лень и глупость. Но с ними можно справиться при помощи психостатистики. Поговорите с Анной, с моей женой, возможно у нее и будет какое-то решение.

— Мы уже поговорили с ней, Ян! — улыбнулся Йоган, — и у нее действительно есть решение. Ваши друзья в центре Ч подготовили, как они говорят, «Слово», которое изменит сознание людей на Земле. И Анна уже начала работать над тем, чтобы внести туда дополнения,

которые заставят людей дорожить свободой, как одной из высших ценностей.

— Но, — Йоган сделал Паузу, — психостатистика, — это палка от двух концов, Ян. Где гарантия, что в будущем какой-нибудь другой гений не вбросит в мир другое «Слово», которое сведет на нет все наши достижения.

— Но какому злоумышленнику может прийти такое в голову? — удивился Корчак, — да это и технически невозможно — такая задача не под силу никакому гению-одиночке. За нами, за центром Ч, стояло земное правительство со всей его мощью. Другое дело, что мы распорядились этой мощью не так, как как им хотелось. Но без этих гигантских правительственных ресурсов центр Ч ничего бы не добился! Какое же правительство на будущей свободной Земле будет тратить свои ресурсы на то, чтобы лишить людей свободы? Это нонсенс.

— Любое! — твердо сказал Йоган, — правительство любой из вольных территорий, или даже наш ареопаг, хоть он и совещательный орган. Пройдет совсем немного времени, и как только мы одержим победу над нацистами, мы потихоньку начнем ограничивать свободу людей, пусть даже и из самых благих намерений! Так было всегда и так всегда будет. Просто, потому что любое правительство и любое государство по самой своей природе — враг свободы. И ничего с этим

поделать нельзя. Совсем без государства обойтись нельзя, а наличие государства — это всегда угроза свободе. И только вы можете избавить нас от этого противоречия, Ян.

— Я! — в изумлении воскликнул Корчак.

— Именно вы! Больше никому! Только тот человек, который за несколько дней придумал и описал все то, к чему мы шли столетия, только такой человек сможет придумать, как не лишать государство власти, но при этом лишить его возможности даже покушаться на свободу людей!

— Но это же чепуха, я же ничего не понимаю в этих государственных делах!

— Вот и отлично! Значит ваше решение будет самым естественным и непредвзятым, не обремененным государственным подходом!

— Как бы то ни было, — Йоган встал с кресла и перешел на официальный тон. — Мы решили, что вы остаетесь здесь, в этом поселке, до тех пор, пока у вас не появится ответ на наш вопрос. Это самое безопасное место, оно изолировано от остального мира и тут ничего не будет отвлекать вас от ваших мыслей. Вы будете находиться тут столько, сколько нужно, чтобы к вам пришло решение.

— То есть, — говоря иначе, — возмутился Корчак, — вы решили поместить меня под арест? Хорошенькое начало, лишить человека свободы для того, чтобы заставить его защищать эту свободу!

— Можете называть это арестом, — рассмеялся Йоган, — но, конечно, никто вас тут не намерен держать силой, да и граждане поселка этого не допустят. Мы просто надеемся, что вы останетесь. Все мы. И ареопаг, и ваши друзья из центра Ч. Короче, как бы напыщенно это не звучало, но все надежды человечества сейчас сошлись на вас.

Глава 47. Белые Трюфели

Он утратил чувство времени. Здесь, в удалении от большой жизни ничего не происходило. Какие-то мелкие местные поселковые события вносили разнообразие в жизнь, но этого было совершенно недостаточно для того, чтобы один день стал непохож на другой. Дни проходили мимо, один за другим, похожие как близнецы, и Корчак разучился их отличать.

Он не привык к безделью. Он не умел сидеть без дела. В какой-то момент он обленился настолько, что даже перестал бриться по утрам и поддерживать порядок в доме. И только тоска по Анне, которая не отпускала его и даже усиливалась с течением времени, вернула его к реальности. Он вновь стал внимательно следить за собой и за домом. Ему стало казаться, во всяком случае очень хотелось, чтобы это было так, что однажды Анна внезапно возникнет на его пороге, и он должен был быть готов к ее появлению.

Сколько времени прошло с момента его встречи с Йоганом? Недели? Месяцы? Он мог бы, наверное, глянуть в календарь, но даже это было ему теперь не интересно, так как вряд ли бы внесло какое-то разнообразие в его жизнь.

Осень постепенно сменилась зимой, и это было единственное весомое, ощутимое проявление хода времени. Впрочем, и само слово «зима» в здешнем климате, означало вовсе не то, что на его родине, в Бодайбо. Тут так же, как и летом, светило солнце, так же цвели сады, так же созревали фрукты в садах Старика Черчиля. Но исчезла дневная жара, а ночи стали совсем холодными. Не морозными, как в Бодайбо, температура ниже нуля тут никогда не падала, но теперь приходилось отапливать дом по ночам.

В поселке были в большой моде камины, но Корчак не любил открытого огня. Мирно потрескивающие поленья, вызывали у него не чувство уюта, как у многих здешних жителей, а навевали жуткие воспоминания прежних зим в Бодайбо, когда изнемогающие от усталости после изнурительной работы лагерники были обязаны еще и тащить на себе дрова для отопления барака.

Поэтому он купил в местном *супермаркете* электрические отопители и пользовался только ими. Он научился пользоваться кошельком, научился делать покупки и полюбил местный «супермаркет», место, которое совершенно очаровало его. Огромное количество разнообразных вещей, каждая из которых в любой момент могла стать твоей, достаточно было просто взять кошелек и расплатиться.

Первые дни пребывания в поселке он много времени проводил здесь. Он не делал покупок, он просто ходил, смотрел, узнавал. Он подружился с местным персоналом и часто кто-нибудь из работников сопровождал его в экскурсиях между полок, давая пояснения. Это было как музей, рассказывающий о новой, предстоящей ему жизни. Большинство представленных здесь вещей и продуктов были совершенно незнакомы ему, и узнавая об их назначении и применении он узнавал много нового и интересного о жизни в Вольном мире.

Очень хотелось купить все и сразу, но Корчак с трудом заставил себя подавить это желание. Сколько бы времени ни довелось ему провести в этом поселке, он здесь не навсегда, придется уезжать. И что тогда делать со всеми этими купленными вещами? Не с собой же тащить! И кроме того, он помнил, что количество бонусов на его кошельке не безгранично. Конечно, ареопаг, не оставит его в беде, если бонусы закончатся. В конце концов, это они настояли, чтобы он тут задержался, и Корчак не сомневался, что останься он без бонусов, ареопаг поможет. Но было бы стыдно обращаться за помощью из-за того, как ты накопил множество лишних вещей. Поэтому Корчак взял за правило покупать только то, без чего совсем нельзя было обойтись.

Единственное исключение он сделал для продуктов, потому что стоили они дешево, по сравнению с вещами, и потому, что у него появилось новое увлечение — кулинария.

Ему не хотелось выглядеть бездельником в глазах окружающих, а потому он поначалу с энтузиазмом хватался за любую работу, которая попадалась в поселке. Он научился стричь траву на газоне, ходил на сбор урожая к Старику Черчилю, принял участие в ремонте крыши поселковой школы и даже успел два раза сходить в наряд городской гвардии. Теперь в его шкафу висела новенькая гвардейская форма, а в сейфе в прихожей хранилась автоматическая винтовка: все жители городка имели боевое оружие, «на всякий случай».

Однако физическим работником он оказался неважным, сказались годы сидячей умственной работы. Его помощь принимали добродушно-снисходительно, как чудачество ученого-книжника.

— Вы бы, профессор, лучше бы в тренажерный зал, сходили, — сказал ему бригадир грузчиков на автостанции, когда он предложил свою помощь в разгрузке транспорта, — там нагрузку можно точно дозировать, а тут ненароком надорваться можете.

Так Корчак узнал, что комендант распустил о нем слух, что Корчак — ученый, вытщенный из Лагеря для того, чтобы решить важную задачу для правительства. По сути, это так и было, это был не слух, а чистая правда. И Корчаку больше не надо было доказывать окружающим и прежде всего самому себе, что он не бездельник.

Сам факт принадлежности к ученому сословию, по мнению жителей поселка, означал, что человек занят важным и полезным делом, даже если он просто сидел на балконе и пил кофе. Образование и ученость в Вольном мире ценились очень высоко и пользовались большим уважением. Теперь Корчака иначе, как «профессор», не называли.

— Добрый день, профессор, — почтительно здоровались с ним жители на улицах.

— Добрый день, — отвечал Корчак.

И сгорал от стыда. Эти люди уважали его, они думали, что он занят напряженным умственным трудом, а он просто бездельничал. День шел за днем, а он не продвинулся ни на шаг в решении проблемы. Он даже не знал с какой стороны к ней подступить.

Каждое утро он доставал листок бумаги и перечитывал его, хотя уже давно выучил наизусть его содержимое. Этот листок передал ему Йоган во время встречи. На нем

были написаны три новых заповеди Конфедерации, добавленные к прежним десяти. Эти три заповеди стали первым вкладом центра Ч в строительство будущего мира.

Их отыскала Елена Глинская в одной из древних книг. Эта книга, как многие другие книги прежних эпох восхваляла рабство, но это было рабство особого рода. В книге рабами людей были синтетические разумные существа, которые звались роботами. Для роботов были написаны специальные правила поведения, которые имели силу закона. Глинская лишь слегка видоизменила эти правила, и получились идеальные законы регулирующие отношения человека и государства.

Корчак развернул бумагу и тщательно перечитал хорошо знакомый текст, как будто старался найти в нем какой-то новый смысл.

Государство не может причинить никакого вреда человеку или своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинён вред.

Государство должно повиноваться всем приказам, которые дают ему его граждане, кроме тех случаев, когда эти приказы противоречат Первому правилу.

Государство должно заботиться о своей безопасности в той мере, в которой это не противоречит Первому или Второму правилам.

Все выглядело прекрасно — на бумаге. Но как сделать так, чтобы эти правила заработали в полную силу? Можно было бы, конечно, принять дополнительные законы, которые заставили бы жестко блюсти эти правила. Но, прав был Йоган, закон — это всего лишь слова, а слова всегда можно истолковать так, чтобы они приобрели противоположный смысл.

Нет, это должно быть нечто такое, что работало бы само по себе, не завися от слов, что сделало бы невозможным любые толкования. Что-то незыблемое и неизменное, как восход солнца, который не зависит ни от слов, ни от воли людей.

Но что!

Корчак ощутил, что у него заболела голова, как это случалось каждый раз, когда он сталкивался с проблемой, для которой не видел решения. Он отложил бумагу с заповедями и достал кулинарную книгу, подаренную ему тетушкой Антонией. Тут, в отличие от заповедей, все было просто, понятно, и результат был виден заранее.

В те дни, когда он еще только пытался доказать жителям поселка свою полезность, активно хватаясь за всякий физический труд, он обнаружил, что монотонная и необременительная физическая работа странным и удивительным образом действует на мыслительные процессы. Постоянное внимание, которого требовали физические действия, не давало возможности сосредоточиться на мыслительных усилиях, и мысли, избавившись от постоянного контроля хозяина и получив свободу, продолжали течь своим неспешным чередом, пускались в самостоятельное плавание, из которого приносили порой удивительные и неожиданные находки и открытия.

В процессе стрижки газонной травы, покраски стены или сбора апельсинов Корчака не раз осеняла блестящая идея, а иногда и само-собой приходило решение какой-нибудь проблемы, которую он не мог решить раньше. Но это были прежние проблемы, не относящиеся к его текущей задаче. Было бы глупо рассчитывать, что решение проблемы отношений государства с человеком придет к нему само-собой. Для этого надо было по крайней мере начать обдумывать ее, а Корчак даже не понимал, с чего начать это обдумывание.

Но зато он обнаружил, что его новое увлечение кулинарией дает не худший результат, нежели

физический труд. Самые лучшие озарения и самые неожиданные идеи приходили к нему в те моменты, когда он судорожно пытался поймать момент готовности мяса или нарезал овощи. И в итоге он малодушно погрузился с головой в мир плиты и сковородок, оправдывая себя тем, что это он таким образом настраивает свой мозг на решение задачи.

А началось все с этой кулинарной книги авторства тетушки Антонии. На следующий день после приезда Ньютон, как и обещал, пригласил его на ужин в таверну. Это заведение и вправду не походило на обычную столовую. Там играла негромкая, приятная музыка, причем не из репродукторов — прямо в зале сидело несколько музыкантов с настоящими музыкальными инструментами. Не надо было стоять в очереди, как в лагерьной столовой, не надо было ходить и накладывать себе еду, как в центре Ч. Надо было просто сесть за столик и специальные люди подходили и обслуживали тебя.

И центром мироздания здесь была маленькая темноволосая женщина, которая как вихрь носилась по помещению, мелькала в разных углах зала, вникала во все мелочи и ничего не оставляла без внимания.

— Это и есть — тетушка Антония, — гордо шепнул Ньютон.

Меж тем Антония увидев новых посетителей, подошла к их столику и решительно сказала девушке, что уже начала их обслуживать: «Иди, я сама!»

— Я смотрю, вы новенький, — повернулась она к Корчаку, — раньше я не видела вас в поселке. Боюсь, что вам потребуется помощь в выборе блюд, скорее всего — названия вам ничего не скажут.

— Видимо, вы правы, — улыбнулся Корчак, который уже держал в руках меню, — это как будто написано на другом языке, и этот язык — не английский.

— Бери Песто, — не прогадаешь, — посоветовал Ньютон и ткнул пальцем в строку меню.

— Тальятелле Песто, — торжественно прочитал Корчак и рассмеялся, — да, это, пожалуй, стоит заказать ради одного названия.

— Хороший выбор, — одобрила тетушка Антония, — какие бы у вас вкусы не были, песто — это то, что понравится любому.

Уже потом, когда все было съедено, когда были выпиты два бокала вина, и были выпиты две чашечки кофе, и были съедены два вкуснейших пирожных, которых они не заказывали и которые хозяйка принесла сама («это комплимент от заведения», — сказала она), на Корчака снизошло радостно-расслабленное настроение.

— Как я могу отблагодарить эту чудесную женщину за то чудо, что она для нас сотворила? — спросил он у Ньютона.

— А просто позови ее и скажи, что ты еще ничего не ел в жизни вкуснее, чем это блюдо, — ответил Ньютон. — Это будет для нее лучшая награда. Только говори так, чтобы это выглядело искренне.

— Еще бы не искренне! — воскликнул Корчак, — это и вправду — самое вкусное, что мне приходилось есть.

Тетушка Антония аж покраснела от удовольствия, хотя наверняка это была не первая похвала, которую ей доводилось слышать.

— В этом есть что-то магическое, — сказал ей Корчак. — взять самые обычные продукты и получить на выходе такой шедевр. У меня в доме есть плита для приготовления пищи, всякие кухонные инструменты, но я даже не представляю, как этим пользоваться.

— О, это любой может научиться! — воскликнула она, куда-то умчалась и вернулась с книгой. — Как ваше имя? — спросила она Корчака.

Корчак ответил.

— Яну Корчаку от автора, — торжественно провозгласила она и подписала книгу. — Автор — это я, а это моя книга,

вам в подарок! Попробуйте сами готовить, а будет что-то непонятно — спрашивайте меня, не стесняйтесь.

С этого момента Корчак попал в плен нового увлечения. Книга была посвящена кулинарии, и в ней были не только рецепты, но и всё объяснялось с самых азов: просто, доходчиво и понятно. Он стал завсегдатаем в заведении тетушки Антонии, приходя зачастую туда с раннего утра, чтобы перехватить по дороге шеф-повара и задать пару вопросов. Антония сначала отнеслась к его энтузиазму удивленно-насторожено, но потом постепенно стала разрешать ему помогать по мелочам и, в конце-концов, разрешила даже заглядывать в кухню. Австрия он уже знал, что в мире поваров это было высшей степенью доверия.

Корчак отвлекся от воспоминаний и открыл книжку на странице с закладкой. Он уже давно хотел попробовать этот сложный рецепт и сейчас наконец созрел до того, чтобы решиться. Он планировал пригласить на воскресный обед Брауна и матушку Антонию, и надо было заранее озаботиться покупкой продуктов. Многие ингредиенты были экзотическими, и не факт, что они будут в наличии в супермаркете.

Но система снабжения в поселке работала бесперебойно, и он рассчитывал, что за пару дней ему доставят все необходимое под заказ.

Так и случилось, консультант в супермаркете пробежал глазами список продуктов.

— Черной икры и белых трюфелей у нас нет, но можно доставить завтра к вечеру. Заказывать?

— Конечно! — ответил Корчак.

Консультант вдруг замялся.

— Это, конечно, не моё дело, профессор, но как бы это сказать... вы ведь из Лагеря?

— Да, из Лагеря, а в чем дело? — удивился Корчак.

— Вы не обижайтесь, пожалуйста, если я скажу какую-нибудь бестактность, но иногда лучше ее сказать, это может предотвратить грустные последствия... Просто по моему опыту, те, кто из Лагеря, они часто не понимают, что такое бонусы, что такое траты и попадают впросак. Короче говоря, профессор, мне кажется, что вы слишком много тратите...

— Много трачу, — удивился Корчак, — но я же ничего кроме продуктов и не покупаю. Продукты — это самое дешевое, что у вас есть.

— Обычные продукты, профессор. Овощи, фрукты, курятина — да, на этом точно не разоришься, а вот эти, белые трюфели, знаете, сколько они стоят? Целая семья на эти бонусы может месяц продукты покупать и еще

останется. Вы когда свой баланс в последний раз контролировали? — спросил он и, наткнувшись на недоуменный взгляд Корчака, пояснил.

— Я имею в виду, когда вы проверяли, сколько бонусов на вашем кошельке осталось?

— Никогда не проверял, — охнул Корчак, — я даже не знаю, как это делается.

— Вот видите! Может у вас там ничего уже и не осталось. Проверить просто, везде, где принимают оплату, есть терминал контроля. У нас тоже есть, но он сейчас отключен для профилактики. Давайте вот что сделаем, вы сейчас идите к тетушке Антонии и проверьте на ее терминале свой баланс. А я пока придержу ваш заказ, чтобы ненароком вас без средств не оставить.

Обеспокоенный Корчак дошел до таверны и изложил Антонии свои опасения.

— Не волнуйтесь, Ян, сейчас проверим, я вас научу, это очень просто... Вот видите, выбираем из списка пункт «остаток на счете», теперь подносите свой кошелек, как вы это делаете при оплате.

Аппарат пискнул и по экрану побежали какие-то цифры.

— Сбойнуло! — констатировала тетушка Антония, — надо перезагрузить аппарат.

Она вытащила вилку и розетки подождала немного и вновь вставила ее.

— Теперь вы, сами!

Корчак выбрал из списка «остаток на счете» и снова поднес свой кошелек. Аппарат снова пискнул и по экрану снова побежали цифры.

— Не понимаю! — воскликнула тетушка Антония, — похоже, это все же не сбой, но ведь такого не может быть.

— Что-то не так? — спросил обеспокоенно Корчак.

— Откуда же мне знать, так или не так, но у вас тут показывается остаток пятнадцать миллионов бонусов с лишком.

— А так не должно быть?

Она в изумлении посмотрела на него.

— Должно ли так быть? Да если вы закажете у меня самый роскошный ужин с самым дорогим вином, он обойдется вам в двадцать милибонусов. Мили! Милибонусов, не бонусов! А двадцать бонусов — это... — она огляделась, — видите холодильник для готовых блюд. На который я вчера ругалась, что он едва работает. Так вот он как раз двадцать бонусов стоит. Его давно пора менять, и я уже три месяца откладываю, чтобы

новый купить. Три месяца, Ян, я не могу собрать эти двадцать бонусов. Это огромная сумма для любого из жителей нашего поселка. А у вас на счету миллионы, и вы меня спрашиваете должно ли так быть. Да вы просто богач!

Волна обиды и стыда захлестнула Корчака.

Термин «богач» был ему хорошо знаком еще со школьного курса. Богачами во времена Великого Вождя называли тех, кто силой или хитростью присваивал себе излишки общественного продукта, отнимая его у других членов общества. И вот сейчас тетушка Антония приняла его за одного из этих негодяев.

Глава 48. Вы молодец, профессор!

Поселок был расположен прямо на границе миров, недалеко от Куала-Лумпура, и в непосредственной близости от воздушных трасс нацистов. И хотя, за все время его существования здесь не было ни одного чрезвычайного происшествия, жители постоянно помнили об этой близости и были готовы в любой момент встретить любые неожиданности. В каждом доме тут хранилось боевое оружие, а возле поселкового аэродрома было оборудовано убежище, готовое в любой момент укрыть самое дорогое, что было в поселке — детей.

По этой же причине, ради безопасности, поселковые компьютеры не имели никакой связи с внешним миром, чтобы присутствие поселка нельзя было определить компьютерными методами. Конечно, все компьютеры были объединены в местную поселковую сеть, но связь с внешним миром имел один единственный изолированный компьютер, расположенный в городской библиотеке. И он же был единственной точкой, с которого можно было осуществить видеосвязь с внешним миром.

Именно сюда, к этому компьютеру и торопился Корчак. У него был особый секретный код, позволявший связаться

напрямую с ареопагом, минуя всех секретарей и администраторов. Но все же о намерении выйти на связь следовало предупреждать заранее, поскольку все члены ареопага были крайне заняты, и их время было расписано по минутам вперед на несколько дней.

Но сейчас Корчаку было не до соблюдения формальностей. Гигантская сумма в пятнадцать миллионов бонусов, невесть откуда взявшаяся на его кошельке — это была та самая чрезвычайная ситуация, которую следовало решить немедленно.

Ему повезло. Один из сенаторов, Катерина была на месте.

— Что случилось, Ян? — обеспокоенно спросила она. — Или, — ее лицо озарила радостная надежда, — вам удалось продвинуться в решении нашей задачи?

Стыдясь, что вынужден разочаровать ее, Корчак быстро и сбивчиво описал ситуацию.

— Ну и что тут такого? — удивилась Катерина, — это нормально, что вы зарабатываете бонусы, так и должно быть.

— Но пятнадцать миллионов с лишим! Откуда они взялись?

— Я не владею точными цифрами, финансы Мария контролирует, но давайте рассуждать логически. Мы посчитали всю экономию и материальную выгоду от тех документов, что вы нам передали. Вам полагается законный процент от этой выгоды. Ну хорошо, не только вам, мы поделили эту сумму на всех членов вашей команды из центра Ч. Но поскольку экономия там почти миллиардная, то премия в несколько миллионов не выглядит чем-то нереальными. И кроме того, Ян, есть же еще ваша формула, которую вы нам передали, и которая уже активно применяется и нашими государственными и частными структурами. С каждого случая использования вашей формулы вам тоже полагается процент. Может быть это и немного, но поскольку ваша формула используется очень широко и уже включена во все финансовые программы, то в итоге должна набегать очень приличная сумма. А поскольку использоваться формула будет все чаще и чаще, то дальше сумма на вашем счету будет только расти. Я полагаю, — улыбнулась она, — расти она будет быстрее, чем вы будете успевать ее тратить.

— Я? Тратить? Вы хотите сказать, что я могу распоряжаться всеми этими миллионами, как мне заблагорассудится?

— Они — ваша, и только ваша собственность. Вы можете делать с ними все, что хотите, и никто не вправе вам указывать, как ими распоряжаться.

— Но, — растерялся Корчак, — я не понимаю, зачем человеку столько бонусов? Это же намного больше, чем человек может потратить. Ведь если я куплю себе все что только можно, все то, что только может мне потребоваться в жизни, и даже все то, что не потребуется, а просто захотелось купить, это все равно будут тысячные... нет, что я говорю, это будут стотысячные доли процента от той суммы, что у меня на счете. Она даже не уменьшится. Какой в этом смысл иметь миллионы бонусов в собственности?

— Бонусы, это не только для того, чтобы что-то купить для себя, — улыбнулась Катерина, — бонусы — это новые возможности, бонусы — это дополнительная власть! Подумайте, как много хороших дел, вы можете сделать, имея так много бонусов. Вы, можете, например, — она задумалась, подыскивая пример, — ну, например, можете создать свою математическую школу, нанять себе квалифицированных помощников, вы можете учредить новый университет...

— Кажется, я начинаю понимать, — сказал Корчак, — тратить свои бонусы — это не значит покупать что-то

только для себя, я ведь могу покупать что-то и для других, тратить их на то, чтобы помогать другим людям...

— И это тоже можно, покупать что-то для других, — улыбнулась Катерина, — но главное поймите, бонусы дают вам великую власть, чтобы менять этот мир, и это прекрасно, когда такая власть оказывается в руках мудрого человека, а не глупца.

Корчак вышел на улицу окрыленный. Сколько раз он мечтал устранить ту или иную несправедливость, встречавшуюся на его пути, но у него не было для этого ни сил, ни возможностей. И вот судьба дала ему в руки мощный инструмент, позволяющий с легкостью устранять эти несправедливости. Он вдруг вспомнил о том, что у них с Анной обязательно будут дети, и теперь благодаря обилию бонусов, они могли устроить их судьбу наилучшим образом. И он остро пожалел, что не может связаться с Анной, чтобы поделиться этой радостью. Но потом сообразил, что Анна должна быть в курсе. Если, как сказала Катерина, премию за их работу поделили на всех участников их группы, на счету у Анны тоже должны быть миллионы.

Конечно, не стоило принимать поспешных решений, у него будет еще время посидеть, разложить все по полочкам. Ему, наверное, надо будет еще набраться опыта в управлении финансами, и может быть, даже

найти себе опытных помощников. И в любом случае не стоило принимать важных решений без участия Анны. Но какие-то мелкие несправедливости этого мира можно было начать устранять прямо сейчас.

Корчак вернулся в библиотеку и набрал на клавиатуре компьютера код службы доставки.

В субботу он оправился в таверну с раннего утра, к открытию. Заказал себе чашечку кофе и стал с удовольствием слушать диалог тетушки Антонии с появившимися работниками службы доставки.

— Это какая-то ошибка, — волновалась Антония, — я ничего не заказывала, у меня даже бонусов нет столько, чтобы расплатиться с вами.

— Всё уже оплачено, — отвечали работники, — вам ничего не надо платить. Куда сгружать?

— Но это не моё! Это какая-то ошибка!

— Адрес ведь ваш указан? И название заведения совпадает — таверна «У тетушки Антонии»! Все верно, никакой ошибки нет.

Антония в растерянности огляделась и наткнулась взглядом на улыбающуюся физиономию Корчака.

— Так! — грозно крикнула она, — это ваша работа, профессор? Это вы заказали холодильник?

— Так сгружать или не сгружать? — спросил один из рабочих, услышав, что заказчик нашелся.

— Сгружайте! — скомандовал Корчак.

— Как вы могли, Ян! — гневно подошла к нему Матушка Антония. — Как вы могли вообразить, что я попрошайничаю и выпрашиваю у вас этот холодильник. Я же просто на примере этого холодильника объясняла вам какую ценность имеют бонусы.

Корчак почувствовал себя неловко.

— Ну что вы, — извиняющимся тоном сказал он, — клянусь вам, у меня даже мысли не мелькнуло, что вы попрошайничаете. Но ведь просто я не в состоянии потратить такую массу бонусов на себя одного, поэтому я решил, что будет правильно и справедливо, если я начну тратить их на других.

— Вы хороший человек, Ян, — смягчилась тетушка Антония, — и ваши мысли правильные и разумные. Но все же помогать финансово надо прежде всего тем, кто не в состоянии сам решить свои проблемы, или тем, кто оказался в безвыходной или тяжелой ситуации.

Она присела за столик Яна.

— Если человек сам в состоянии позаботится о себе, если у него на месте руки-ноги и работает голова, то не стоит

подносить ему такие дорогие подарки просто так, без повода. Свободного, по-настоящему свободного человека такое отношение может оскорбить. Ведь делая такие необоснованно дорогие подарки, вы тем самым как бы намекаете, человеку, что он зависим от вас, как бы встаете себя на место его хозяина. Понимаете?

— Понимаю, — огорчился Корчак, — но что же теперь делать? Не отсылать же этот холодильник обратно. Я вовсе не хотел вас оскорбить. Я просто еще не до конца разобрался во всех этих реалиях Вольного мира.

— Я не обижаюсь, — она положила свою ладонь на его плечо. Будем считать, что вы просто дали мне двадцать бонусов займа на покупку этого холодильника. И я вам их постепенно верну. Как насчет того, чтобы вы теперь весь следующий год питались у меня бесплатно? И ваш друг Браун тоже. И своих друзей приводите в гости бесплатно в течение года. По рукам?

— По рукам! — улыбнулся Корчак.

— А если вы действительно хотите кому-то помочь финансово, то поговорите с комендантом. Он в курсе, у кого какие проблемы в нашем поселке, и кому действительно требуется помощь. Вот школа, например, я знаю, уже полгода как не может достроить свой бассейн, все никак не выкроют на это дело средств.

Недавно в музыкальном кружке концерт благотворительный делали, чтобы купить хорошую скрипку одной талантливой ученице, не знаю, удалось ли им собрать нужную сумму...

— Я понял, — сказал Корчак! -- Спасибо за совет.

Он направился к выходу и вдруг остановился. Новая мысль пришла ему в голову, он вернулся и присел напротив Антонии.

— Послушайте, — спросил он, — а если я буду давать людям бонусы не как подарок, а как вы говорите, «взаймы», с тем, чтобы мне их потом возвращали — это ведь не будет расцениваться как оскорбительное отношение?

— Что вы задумали? — хитро сощурилась она, — кажется я догадываюсь! Вы хотите раздавать бонусы как бы займы, а потом вроде как забывать требовать их обратно? Не стоит этого делать, Ян. Это плохо... Это только будет воспитывать в людях плохие черты и привлекать к вам всяких нечестных людей, которые будут стремиться поживиться за ваш счет.

— Нет-нет, я имел в виду совсем другое. Вот смотрите, у вас, в вашем заведении есть много чего улучшить, усовершенствовать, например, расширить его, чтобы принимать больше людей. У вас же по вечерам тут

очереди стоят перед входом, люди по полчаса ждут пока столик освободится. И я предполагаю, что если вы до сих пор не расширились, то скорее всего из-за того, что у вас не хватает на это бонусов. Вы могли бы взять их у меня взаймы и потом кормить меня бесплатно не год, а скажем, три года.

Она весело и задорно рассмеялась. Так что даже слезы выступили у нее на глазах.

— Три года кормить бесплатно говорите? Ну вы и сказали, Ян! Прямо хоть в учебники эту фразу вноси. Нет, друг мой, тут я тремя годами бесплатной кормежки не отделаюсь. То, что вы предлагаете, это называется «инвестиции». Это дело хорошее, нужное и полезное, но очень сложное. Тут нужно специальное обучение, опыт. Просто так с ходу, без подготовки, этим не стоит заниматься.

— А вы в этом деле разбираетесь?

— Только немного. Разве что только на уровне нашего ресторанного дела, не дальше.

— Ну вот давайте и займемся пока ресторанным делом. Вот вам, конкретно вам, нужны эти, как вы говорите, инвестиции?

Она пристально посмотрела на него.

— Ну, если говорить откровенно, то я давно уже подумываю о расширении дела. Давно уже хочу запустить сеть вот таких таверн по всем городам Вольного мира. У меня уже и бизнес-план подготовлен. Но очень велики риски, скажу откровенно.

— Рисковать для меня самое привычное дело, — улыбнулся Ян, — я всю жизнь только и делаю, что рискую. Сколько вам нужно бонусов?

Он достал свой кошелек.

— Нет, Ян, не торопитесь, — снова рассмеялась она, — это делается не так. Тут все надо подготовить основательно. Я приглашу сюда грамотных экономистов, юристов, мы вместе сядем, еще раз проанализируем наш бизнес-план и составим детальный график финансовых вливаний. Организуем наше с вами совместное предприятие, пятьдесят процентов будут ваши, пятьдесят мои. С вас — финансирование, а с меня организация работы и мой кулинарный опыт. «Корчак и Антония» — неплохо звучит, по-моему.

— Нет, — твердо сказал Корчак, — «У тётушки Антонии»! Зачем менять название, которое уже однажды принесло успех. Финансы не имеют ни лица, ни имени. Имя присуще лишь искусству, в данном случае — искусству

кулинарии. Пусть название останется прежним, иначе я не согласен.

— Ну, хорошо, — улыбнулась она.

С этого дня в жизни Корчака появилось разнообразие. Он сказал коменданту, что получил от правительства крупную премию, и хочет помочь тем, кто нуждается в финансовой помощи, и теперь его день был наполнен встречами, изучением всяких смет и финансовых документов.

Его разум обогатился бухгалтерскими знаниями, а поселок обогатился его добрыми делами. В школе доделывали бассейн, а в местную клинику приехало новое медицинское оборудование. Талантливая девочка из музыкального кружка поехала на конкурс талантов с новой уникальной скрипкой, а городской клуб реставрации ирландского танца смог, наконец, заказать национальные ирландские костюмы по эскизам из старинных книг. На северном склоне долины начала строиться большая солнечная электростанция.

По городу, конечно, пронесся слух о том, что профессор наконец-то решил свою важную задачу и решил потратить полученную от правительства премию на нужды поселка. Ажиотажа это особого не вызвало, видимо подобные добрые дела были в ходу среди

жителей поселка, но тем не менее, совсем незнакомые люди периодически подходили к нему на улице, пожимали ему руку и восклицали: «Вы молодец, профессор!»

И каждый раз он испытывал чувство стыда. Уж кто-кто, а он-то точно знал, что никакой он не молодец. Что задача, которую ему доверили так и оставалась нерешенной, а те финансовые жертвы, за которые ему были благодарны жители поселка, ровным счетом ничего ему не стоили. Как и предсказывала Катерина, несмотря на все его траты на поселковые нужды, несмотря на инвестиции в ресторанную сеть тетушки Антонии, сумма на его счету не уменьшалась, а продолжала стремительно расти.

Глава 49. Капитуляция – это не измена.

Вечером, когда солнце уже клонилось к закату, раздался стук в дверь. Корчак удивился. Привычка стучать в дверь была не в ходу среди жителей поселка, все пользовались музыкальными звонками. Он встал из кресла, открыл дверь и замер в изумлении. На пороге стоял Дабл Ви, собственной персоной, а из-за его спины торчали две улыбающиеся рыжие головки, принадлежащие Елене Глинской и Жанне Д'Арк.

Корчак оторопел. Появление Дабл Ви на пороге его дома в этом поселке, это было самое невероятное событие, которое никак не могло произойти, ни при каких обстоятельствах. Но оно произошло. Корчак часто представлял себе, что однажды он распахнет эту входную дверь и за ней будет стоять улыбающаяся Анна.

И вот он распахнул ее, и за дверью стоял нахмуренный Дабл Ви, да еще в такой неожиданной компании.

— Ну что, можно войти? — спросил Дабл Ви.

— Да, да, конечно, — Корчак посторонился, пропуская всю компанию, — присаживайтесь.

В руках у девушек были большие пакеты.

— Это — жареное мясо, — сказала Глинская, — Старик Черчилль просил вам передать. Мы по дороге заехали попить у Старика Черчиля.

— Да, тут с утра пахло барбекю, на весь поселок, — растерянно подтвердил Корчак. — Я тоже было собрался съездить к нему, но дел было слишком много.

— Это так забавно, — засмеялась Жанна Д'Арк, — мы тоже учуяли этот запах издалека, а когда приехали, оказывается, они еще не начинали. Инга решила, что мы их разыгрываем. Почему так?

— Не вы первая задаете этот вопрос, — улыбнулся Корчак, — наверное, науке еще предстоит найти ответ на эту тайну. Но пока еще ни один ученый не занимался этим всерьез.

— Я — займусь, — воскликнула Жанна. — Я обожаю тайны. И теперь, когда я свободна, я буду разгадывать все тайны, что попадутся мне на пути!

— Жанна остается здесь, в этом поселке, — пояснила Глинская, — я лечу отсюда дальше, на историческую конференцию в Уадан. А Жанна будет организовывать тут у вас школу стюардесс. Конфедерация заинтересовалась нашим опытом использования дирижаблей, говорят, это экономически очень выгодно. Будут в будущем создавать флот дирижаблей,

потребуется стюардессы, а Жанна организует их подготовку.

Корчак растеряно опустил в кресло.

— Вы меня простите, — сказал он, — но я совершенно не понимаю, что происходит. Я тут жил в изоляции, информация о событиях в большом мире сюда почти не доходит. Я совершенно ничего не знаю. Что случилось, как вы оказались здесь.

— Я капитулировал! — сказал Дабл Ви. — Я выбросил белый флаг, как говорили в старину. Капитуляция — это ведь не измена! Когда противник силен настолько, что дальнейшее сопротивление не повлечет ничего кроме бесполезных жертв, даже военные уставы предписывают капитулировать. В этом случае сдача противнику рассматривается не как измена, а как проявление разумной целесообразности.

— Ой, — засмеялась Глинская, — вы не еще заметили, Дабл Ви, что каждый раз, как только вы встречаете нового человека, вы первым делом объясняете ему, что не совершили измены, когда передали Лагерь в наши руки?

— Нет, — строго сказал Дабл Ви, — я это объясняю не каждому, а только людям чести. Это вам, гражданским. без разницы, а для военных, и для тех, кто понимает, что

такое честь, подобные «мелочи» очень важны. От этого зависит, будут ли тебе подавать руку в старости или будут делать вид, что не замечают тебя.

— Это правда, --- воскликнула Жанна, — тот веселый человек, что помогал нам добраться до поселка, ему Дабл Ви ничего подобного не объяснял.

— Вот еще, — усмехнулся Дабл Ви, — вот уж перед кем я не буду отчитываться, так это перед бывшим капо барака. Я, конечно, узнал его, этого вашего друга Ньютона, Ян.

— Ньютона? — ахнула Жанна, — того самого Ньютона? Этот милый парень, что сопровождал нас, это тот самый Ньютон, о котором говорить в благих вестях?

— Он самый, — улыбнулся Корчак, — только он сменил имя, и теперь его зовут Браун. Он будет вам благодарен, если вы тоже будете звать его Брауном.

— Так вот почему он показался мне таким знакомым, Ньютон из Благих Вестей, — задумчиво сказала Жанна, — как будто я знала его много-много лет, с самого детства и только сейчас встретила после долгой разлуки.

Заиграл дверной звонок.

— О! Кто-то еще пришел,— сказал Корчак, — хотя я никого не жду.

— Это он! Ньютон! — воскликнула Жанна, — он обещал показать нам мой дом.

— Жанне департамент воздушного сообщения выделил для проживания целый дом! — сообщила Глинская. — Она не может понять, что это такое, Ян, у нее даже своей комнаты никогда не было, и вдруг — целый дом!

За дверью и правда был Ньютон. На лице его сияла какая-то совершенно нехарактерная для него дурацкая улыбка, растянутая до ушей.

— Для экскурсии все готово, милости просим! — торжественно провозгласил он.

— Я, если позволите, останусь здесь, — сказал Дабл Ви, — будто я жилых домов не видел.

Когда все ушли, он облегченно вздохнул и вытянул ноги.

— У вас не найдется чашечки кофе, Ян? Не знаю, может моя холостяцкая жизнь тому виной, --- сообщил он, — но выносить в течение двух недель непрерывное стрекотание этих двух этих рыжих сорок, для этого надо обладать невероятным терпением. Единственное, что меня сдерживало от бестактности, так это понимание того, что они только встретились после долгой разлуки.

— Да, Глинская говорила, что Жанна для нее как будто родная сестра, — подтвердил Корчак.

— Они и есть родные сестры, — сообщил Дабл Ви, — во всяком случае по матери. — Ринго Стар поднял старые регистрационные записи в клинике, и выяснилось, что у них была общая мать. А скорее всего, и общий отец, все говорит о том, что тут была постоянная привязанность.

— Что с ними? — спросил Корчак, — с их родителями?

— Отца уже не найти, а мать сгинула на шахтах. Вы же знаете, женщины там редко доживают до пятидесяти.

— И все-таки, — Корчак приготовил два кофе и уселся в кресло напротив Дабл Ви, — объясните мне, что происходит, каким образом вы все оказались здесь. Я так ничего и не понял.

— Я капитулировал, я передал власть в Бодайбо вашей шестерке... вернее пятерке, — поправился он, взглянув на Корчака. — Я не могу сказать, что мне это нравится, но это все же лучшее по сравнению с тем, что могло произойти, если бы я продолжил это глупое и бессмысленное противостояние, которое ни к чему кроме жертв не привело бы.

— То есть, — не понял Корчак, — Лагерь Бодайбо теперь под контролем Вольных территорий? И как земное правительство смирилось с этим? Неужели обошлось без столкновения?

— Они не знают! — усмехнулся Дабл Ви. — Эти дураки до сих пор не поняли, что Лагерь больше не их. Там есть комендант земного правительства, но этот комендант — ваш знакомый генерал Кидд, который с энтузиазмом и наслаждением водит столичных чиновников за нос. Лагерь под контролем ревизора Такэды Рин, но этот так называемый ревизор, — тут он скорчил пренебрежительную физиономию, — просто подписывает решения вашей компашки и никаких самостоятельных решений не принимает.

— Хотя, — Дабл Ви на мгновение остановился и задумался, — я думаю, что ревизоры-то как раз в курсе того, что происходит на самом деле, и они только делают вид, что ничего не замечают, выдерживают паузу, чтобы в нужный момент стать на сторону того, кто одержит верх.

— А вы?

— А что я! Я уже в достаточном возрасте для того, чтобы позволить себе выйти в отставку! Уеду на Безмятежные Острова, буду там рыбачить с другом Сокаку и писать мемуары.

— Сокаку! — Корчаку вдруг стало стыдно, что он не интересовался судьбой Такэды Сокаку после того, как оказался здесь. — Что случилось с Такэда Сокаку?

— А чего может статья с этим хитрым лисом, способным обвести вокруг пальца саму смерть! Сидит себе на Безмятежных островах и делает вид, что ничем не интересуется. Но, сдаётся мне, что он играет не последнюю скрипку в нынешних событиях и, думаю, готовит потихоньку себе какое-нибудь местечко в вашем новом правительстве.

— А Анна, — спросил Корчак с замирающим сердцем, — что с Анной?

— Анна? — подчеркнуто равнодушно спросил Дабл Ви, — Анна теперь важный человек! Ревизоры вдруг вспомнили, что она — единственная из их сообщества, кто знает лагерную жизнь изнутри, и им зачем-то срочно потребовалось это знание. Она теперь носится по всему миру, и ее почти не бывает в Бодайбо. Но, — он хитро посмотрел на Корчака, — каждый раз она зачем-то норовит проложить свой путь через этот ваш городок. Но не выходит пока! Регулярного сообщения нет, мы добирались две недели, и это, как сказал ваш друг Ньютон, еще быстро.

— Две недели? Но зачем? Я так и не понял, с какой целью вы-то тут оказались.

— Они благородные противники, Корчак! Когда они принимали мою капитуляцию, генерал Венк поклялся

показать мне, какой станет жизнь в Лагере под их управлением, и он выполняет обещание. Они показали мне все. Как живут здесь бывшие лагерники, как у них организовано управление городом. Они не таясь показали мне даже те боевые летательные аппараты, что гнездятся здесь, на вашем аэродроме. Страшное, убийственное оружие, которое могло бы полностью уничтожить наши Лагеря, и которое им хватило разума и благородства не пустить в ход. А дальше я полечу с этого вашего аэродрома, вместе с Глинской в город Уадан, который они называют самым древним городом Земли и который символически сделали своей столицей. Глинская летит работать, а я — продолжать мою образовательную экскурсию. А потом... потом я отправлюсь доживать свой век на Острова, потому что в вашем, новом мире, места для меня нет. Надеюсь, ваше новое правительство не станет отбирать положенную мне пенсию.

— Это неправда! — воскликнул Корчак, — для вас будет место везде. Вы — один из нас, вы — такой же гений, как любой обитатель центра Ч. Такие гениальные организаторы и руководители как вы, они нужны в любом мире.

— Руководство и организация, — усмехнулся Дабл Ви, — это прежде всего опыт! Ваша математика, Корчак, она

неизменна при любом общественном строе. Но кому в вашем новом мире нужен опыт организации рабов! Кому теперь потребуется опыт управления рабами!

Заиграла музыка звонка. Это вернулись Ньютон, Глинская и Жанна.

— Я посижу здесь у вас! — воскликнула Жанна, — мне надо прийти в себя, мой разум не в состоянии принять все это сразу. Целый дом! Столько комнат, столько вещей, огромная клумба с цветами, и все это для меня!

Она повернулась к Ньютону:

— Это все ведь для меня, правда?

Тот вновь расплылся в улыбке до ушей.

— Я же говорил вам, когда мы еще ехали сюда, что тут не хуже, чем на Безмятежных островах!

— А что вы знаете о Безмятежных островах! — усмехнулся Дабл Ви. — Как вы можете сравнивать с тем, о чем не знаете. Вас, лагерников, вывозят после школы на коротенькую демонстрационную экскурсию якобы на острова, чтобы заморочить вам мозги, но это ведь ничего общего с реальностью не имеет.

— На самом деле вы, конечно, правы, — согласилась с ним Жанна, — любой лагерник представляет Безмятежные острова, как место, где все время тепло,

где можно питаться вкусной едой без ограничений, где у тебя будет собственное спальное место, а вместо того, чтобы работать, все купаются в море. И всё! Больше он ничего не может представить, потому что ни о чем больше не знает. Он понятия не имеет, что может быть что-то еще, как здесь.

— Ну, давайте выпьем еще кофе, — и в дорогу, — скомандовал Ньютон, посмотрев на часы.

Он повернулся к Жанне:

— Мы с Яном обязательно поможем вам обустроиться, но сейчас надо проводить наших друзей в дорогу. Самолет в Уадан отправляется через два часа. Комендант попросил меня проследить, чтобы никто не опоздал.

— А следующий когда полетит? — спросил Дабл Ви.

— Через два дня!

— Тогда я лечу один! — скомандовал Дабл Ви, — а вы, Елена, полетите следующим самолетом, вам, в вашем положении не стоит напрягаться.

— В каком положении? — удивился Корчак.

— У нее будет ребенок, — пояснил Дабл Ви, — у нее и у Ринго Стара будет ребенок. Пока вас не было, Ян, центр Ч стал стремительно превращаться в семейное общежитие. Вам надо сделать паузу, Елена. Все-таки, если после двух

недель дороги у вас появилась возможность передохнуть, надо передохнуть.

— Что же вы меня не предупредили, — воскликнул Ньютон, — мы бы ехали поаккуратнее!

— Куда уж аккуратнее, — засмеялась Елена, — мы ехали с максимальным комфортом, спасибо вам. Не волнуйтесь, беременность не болезнь, а у меня даже еще ничего не видно. — Она нежно погладила свой живот.

— Оставайся, ну, пожалуйста! — попросила Жанна, — твоя конференция начинается в четверг, ты вполне успеешь. А у нас будет еще целых два дня, чтобы поговорить. Да и мне легче будет освоиться, если ты будешь рядом!

— Конечно! Даже разговора нет, она остается — воскликнул Дабл Ви, — я же вижу, что вы еще не наговорились после разлуки!

— Никуда не пускайте ее, Корчак, — скомандовал он и, ухватив Ньютона за руку, выскочил за дверь.

Глава 50. Фонд Яна Корчака

Глинская улетела следующим рейсом, и вновь потянулись похожие друг на друга дни. Визит Дабл Ви не только внес кратковременное разнообразие в жизнь Корчака, но и оставил в его сознании какую-то занозу, которая не давала ему покоя.

У Корчака было ощущение, что во время визита, произошло что-то важное, на что стоило обратить внимание, но он не обратил. Что-то ускользнуло от него в момент встречи, но зацепилось где-то в подсознании и сейчас рвалось наружу. И чем больше он носил в себе это беспокойство, тем больше укреплялся в уверенности, это эта заноза как-то связана с той задачей, что ему предстояло решить.

С Ньютоном тоже происходило что-то странное. Он стал редко заглядывать к Корчаку, а пару раз даже не заметил его на улице и прошел мимо, не поздоровавшись, с какой-то дурацкой улыбкой на лице. В другое время Корчак попытался бы разобраться, что происходит, но сейчас он всецело был занят своей занозой.

Это случилось на рассвете. Он вдруг проснулся и сел на кровати. Он вспомнил фразу Жанны, которая зацепилась за его подсознание и понял, что привлекло его в это

фразе. Он испытал облегчение и разочарование одновременно.

Облегчение, потому что он выдернул эту занозу, и она больше не беспокоила его.

Разочарование, потому что с этой занозой был связан ответ совсем на другой вопрос, не на тот, который мучил его. Но этот ответ тоже был очень важен, а потому он тут же отправил сообщение в библиотеку, с просьбой к ареопагу о встрече.

Все утро он провел, сверяя расчеты, благо с основами бухгалтерии он был уже знаком, и, когда из библиотеки пришел вызов, он был уже во всеоружии.

Все четверо членов ареопага смотрели на него с ожиданием и надеждой. Он испытал неловкость, он принес им совсем не то, на что они надеялись.

— К стыду своему, я пока еще не нашел ответ на вопрос, который мне задал Йоган, — начал он, — но я принес вам решение другой проблемы, которая тоже очень важна. Я знаю, что надо делать с теми лагерниками, которые вылечились от рака. Я знаю, как дать им их Безмятежные Острова.

— Продолжайте, — сказал Йоган, — это действительно важно. Мы сейчас вылечиваем всех заболевших узников в Бодайбо, и их скопилось уже довольно много. Мы пока

держим их в изолированном медицинском бараке, объясняя это тем, что они находятся в процессе лечения, а процесс лечения — очень длительный. Но это не может длиться бесконечно. Назревает кризис.

— У меня на кошельке огромная сумма бонусов, — сказал Корчак, — я готов пожертвовать ее на то, чтобы обустроить их жизнь после исцеления. Уверен, что Анна не будет возражать против этого.

Разочарование отразилось на лице Марии.

— Этого совсем недостаточно, Ян! Это капля в море! Необходима сумма несравнимо большая. Безмятежные острова для всех исцелившихся — это неподъемная сумма для земной экономики.

— А как вы определили эту сумму? — спросил Ян.

— Мы знаем, сколько расходуют нацисты на содержание своих островов, мы примерно знаем, сколько человек у них там живет. Делим эту сумму на количество людей и получаем сколько требуется для содержания одного человека на островах.

— Вы посчитали, не сколько требуется на содержание одного человека, а сколько требуется на содержание одного чиновника высшей касты, — ответил Корчак, — Вы посчитали его особняки и бассейны, его скаковых лошадей и его яхты, его белые трюфели на завтрак и его

черную икру на ужин. Вы посчитали многое из того, о чем бывший лагерник даже не имеет понятия, и на что не рассчитывает.

— Ведь что такое Безмятежные Острова в понимании лагерника, — воскликнул он и процитировал слова Жанны Д'Арк, — «Любой лагерник представляет Безмятежные острова, как место, где все время тепло, где можно питаться вкусной едой без ограничений, где у тебя будет собственное спальное место, а вместо того, чтобы работать, все купаются в море».

— Погодите, — прервала его Катерина, — уберите отсюда море, и получится ровно то, чем мы и сейчас обеспечиваем любого, кто освободится из Лагеря. — Она осмотрела собравшихся, — это будет, пожалуй, последний срок, когда я занимаю должность сенатора. Я давно уже заметила, что власть вышибает мозги. Как могли мы, четверо умных людей не заметить того, что лежало прямо на поверхности!

— Всего-то и нужно, — продолжил Корчак, — найти несколько свободных островов, с теплым климатом, которые, я уверен, у вас есть. Построить там простые, но удобные жилища, где у каждого исцелившегося была бы собственная комната, устроить столовую, такую же, как у нас в поселке, и позаботится, чтобы рядом был берег моря. Ну и все прочее, что необходимо: спортивные

площадки, библиотека, компьютерные классы... Это не возьмет много ресурсов.

— К востоку от Йоханесбурга в море есть огромный теплый остров, Мадагаскар, и он пока незаселен, — сказал Гюнтер. — Там можно очень быстро все обустроить, и туда ничего не надо завозить, все необходимое есть на месте. Прямо там можно наладить добычу стройматериалов, выращивать продукты питания.

— Но погодите, не будет ли это восприниматься как обман? — воскликнул воскликнула Мария, — ведь такой вариант островов будет смотреться совсем убого по сравнению с тем, что предлагают нацисты. Ведь как ни крути, но какое-то, пусть и самое минимальное количество лагерников, нацисты все же исцеляют и отправляют на свои Острова.

— Я думаю, — сказал Йоган, — что исцелившиеся лагерники имеют вовсе нет тот же самый вариант островов, что высшие чиновники нацистов. Уверен, что им предоставляют что-то похожее на то, что предложил Корчак. Думаю даже, что наш вариант Безмятежных Островов будет лучше того, что дают лагерникам нацисты.

— Но при этом, — Корчак сделал паузу, — они будут знать, о том, что рядом раскинулся наш новый свободный мир, который еще прекраснее их Безмятежных островов, и этот мир — открыт для них!

— И они не будут задерживаться на островах, — продолжила Мария, — они оправятся дальше.

— Получается, это вообще не повлечет серьезных расходов, — воскликнула Катерина.

— Ну так что? Достаточно будет тех средств, что есть на моём кошельке? — засмеялся Корчак.

— Не торопитесь, Ян, — улыбнулась Мария, — я думаю, что мы, присутствующие здесь, тоже могли бы принять участие в финансировании этого дела.

— Давайте учредим фонд, — воскликнул Йоган, — я думаю, что не будет отбоя от желающих пожертвовать в этот фонд. И назовем мы этот фонд «Фонд Яна Корчака» в вашу честь, Ян.

— Спасибо, — растеряно сказал Корчак, но я даже не знаю, что означает это слово — «фонд».

— Это такой кошелек, который принадлежит не одному человеку, а обществу. Он учреждается для решения какой-то задачи, и те, кто хочет помочь решению этой задачи, жертвуют туда свои средства.

— Это как городская казна, — догадался Корчак, — мы жертвуем туда средства, а потом городской совет и казначей тратят их на нужды города.

— Именно, — улыбнулся Йоган, — городская казна — это тоже фонд. Так что пусть Венк уговаривает депутатов от Африки, чтобы они передали фонду остров Мадагаскар, а нам остается только найти хорошего управляющего, и дальше все пойдет само собой, общественность все сделает сама.

— Я знаю хорошего управляющего, — воскликнул Корчак, — предлагаю Дабл Ви, бывшего коменданта Бодайбо.

— Еще чего! — всплеснула руками Мария. — Фондом может управлять любой бухгалтер, а вашему Дабл Ви предстоит возглавить экономическое управление бывших лагерей. Пусть превращает их в нормальные человеческие города. Он знает структуру лагерей досконально, и он чуть не единственный бывший чиновник высшей касты, кому мы можем доверять.

Корчак вышел из библиотеки на улицу в прекрасном настроении. Во-первых, он сделал доброе дело. Во-вторых, Дабл Ви снова был нужен, он был рад этому. А в-третьих, и это было самое важное, в его подсознании

появилась новая заноза, и он твердо знал, что уж на этот раз она принесет именно то решение, которого он ждал.

Что-то произошло во время диалога с ареопагом, что-то зацепилось за его подсознание, и он знал, что в глубинах его мозга уже идет нужная работа.

Его внимание привлекла необычно большая группа детей под уличным навесом. Летом этот навес защищал горожан от жаркого солнца, но сейчас в такой защите не было необходимости, и дети видимо просто воспользовались стоящими тут скамейками, чтобы разместиться большой компанией.

Он заинтересовался, подошел поближе, и заметил Жанну Д'Арк, она что-то увлеченно объясняла детям. Было видно, что она уже освоилась в поселке и даже обзавелась новым гардеробом. На ней было легкое зеленое платье, которое очень шло ей, а изящные темно-красные туфельки гармонировали с огромным букетом полевых цветов, который она держала в руках.

— Так вот, — громко обращалась она к детям, не замечая Корчака, — завтра Старик Черчилль с утра пойдет на охоту! Как думаете, подстрелит он кабана?

— Подстрелит, — закричали мальчишки, — кабаны его урожай портят, это для него дело чести.

— Вот как! Дело чести? — улыбнулась Жанна. — Ну а раз подстрелит, то будет жарить мясо! Поэтому сверяем свои хронометры и завтра с утра каждый из группы А занимает свою позицию на склоне горы. Как только до него доходит запах, фиксирует время в своем блокноте, если запах пропадает или усиливается, тоже записывает! Короче, пишем все максимально подробно. Группа Б делает все то же самое, но только предварительно затыкает ноздри теми приспособлениями, что я вам раздала. Будет неудобно дышать только через рот, поэтому в группе Б у нас исключительно мальчишеские добровольцы, готовые терпеть неудобства ради науки!

— Но как же я унюхаю запах, если заткну нос? — спросил один из мальчиков.

— Если мы чует запах, когда жаркого еще нет, — ответила одна из девочек, — значит мы чует запах, которого еще нет на самом деле. А значит, неважно заткнут нос или нет. Может быть это галлюцинация такая, тогда затычка не помешает.

— Этого мы еще не знаем, — сказала Жанна, — галлюцинация это или нет, но узнаем обязательно, завтра мы ведь делаем только первый шаг в нашей научной работе.

— Группа В, — продолжила она, — отправится с утра в усадьбу Черчилей, я с ними уже договорилась, и сделает точный хронометраж всех этапов приготовления жаркого. Вечером соберемся здесь и сверим наши записи. Составим сводную таблицу. Хотя думаю, что обработка займет не один день.

Дети сбились в кучку и стали сверять хронометры.

— Я думал вы шутите, — сказал Корчак, — когда пообещали решить загадку запаха.

— Я люблю пошутить, — ответила она, — но, когда я что-то обещаю сделать, я делаю.

— Это детишки собрали вам такой роскошный букет? — спросил он.

Она рассмеялась и спрятала лицо в цветы.

— Он такой смешной, Ньютон, — сказала она, — каждый вечер мы сидим с ним у меня на балконе, а потом он уходит вроде бы к себе домой, а на самом деле он потихоньку возвращается, кладет мне цветы на крыльцо и стоит, прячась в темноте, пока я не лягу спать. Думает, я его не вижу и не знаю, что это он приносит цветы.

Корчаку враз стала ясна и глупая улыбка, которая не сходила с лица Ньютона все последние дни, и то, что он

стал редко заглядывать к нему в гости, и то, что, заглянув, часто отвечал на вопросы невпопад.

— Ньютон — хороший человек, — сказал он.

— Да, очень хороший! — задумчиво улыбнулась Жанна.

— Я вас прошу, — вдруг сказал он неожиданно для самого себя, — если вы не намерены отвечать на его чувства, не мучьте его.

Она взглянула, как ему показалось, с обидой.

— Как вы могли сказать такое, Ян! Как вы могли подумать такое!

— Извините, Жанна, я не хотел вас обидеть, я и вправду сморозил глупость, — сказал Корчак и поспешил переменить тему.

— Откуда у вас столько хронометров? Они недешевы!

— Городской совет выделил, — ответила она.

— Городской совет? Выделил на исследование загадки запаха? — удивился он.

— Ньютон помог, — улыбнулась она, — он сделал им чудесный доклад о необходимости этого исследования. Сначала они рассмеялись, но потом подумали и сказали, что им это тоже интересно. И что если городской казначей найдет свободные средства, то они не

возражают против покупки хронометров. Этот городской казначей, он такой смешной человек оказался.

— Вас послушать, так у вас все люди вокруг — смешные и забавные — развеселился Корчак.

— Но он и вправду смешной, неужто вы сами не замечали!

Он скорчила рожу и спародировала казначея скрипучим гнусавым голосом:

— Вы, девушка, правильно сделали, что обратились ко мне. Городской совет — это конечно власть, но ни одна власть ничего не стоит, если городской казначей не найдет для нее финансовых средств!

Получилось очень похоже и Корчак искренне рассмеялся.

— Вам стоило бы подумать о карьере актрисы, — сказал он.

— Подумаю, но не обещаю, — ответила она.

Но тут Жанну отвлекли. У детей возникли вопросы по заполнению блокнотов и Корчак с ней попрощался.

Не торопясь, он отправился к своему дому. Погода была чудесная, и прогулка доставляла ему удовольствие.

«Все-таки полезно иногда взглянуть на человека не своими глазами», — подумал он.

Ну надо же, городской казначей, этот сухарь, которого он воспринимал только как сурового цербера, готового растерзать любого, кто покусится на городской бюджет, оказался мыслителем, не чуждым философии.

«Ни одна власть ничего не стоит, если городской казначей не найдет для нее финансовых средств», — повторил он про себя, и вдруг остановился, как будто налетел на стену.

«Городская Казна, — это тоже фонд», — сказал сегодня Йоган.

Корчак бережно ухватил мелькнувшую у него мысль, удержал ее, и медленно поворачивая в голове, тщательно осмотрел со всех сторон.

Решение было очевидно, оно все это время лежало перед ним на поверхности, а он был слеп, не замечая его.

Он присел на уличную скамеечку и погрузился в размышления. Раз за разом он поворачивал найденную схему решения в голове, пытаясь найти в ней изъяны. Но изъянов не находилось, а с каждым таким поворотом схема обрастала новыми деталями, которые делали ее проще и понятнее.

Наконец схема полностью выкристаллизовалась перед ним: простая, понятная и очевидная, в

работоспособности которой не оставалось ни малейших сомнений.

Он вскочил со скамейки и быстро побежал назад в библиотеку.

Глава 51. Возвращение

Ему повезло. Ареопаг еще не успел разойтись. Четверка что-то взволновано обсуждала.

— Как здорово, что вы вернулись, Ян, — воскликнула Катерина, — мы как раз хотели послать за вами, чтобы вас вызвали в библиотеку. Вы нам нужны!

— Кое-что произошло, — сообщил Гюнтер.

— В Гонконге собирается экстренное закрытое заседание всемирного съезда ревизоров, — сказала Мария, — и они связались с нами через ваш центр Ч, просят, чтобы мы прислали на их съезд свою делегацию. Они хотят начать с нами переговоры о будущем земли.

— Это прорыв, — сказал Гюнтер, — мы хотим послать к ним делегацию с самыми широкими полномочиями, чтобы, если они будут готовы договариваться и идти на уступки, можно было подписать все документы прямо на месте.

— Вы хотите, чтобы я полетел туда, в Гонконг? — спросил Корчак.

— Нет, — ответила Мария, — вам надо отправляться в центр Ч, причем срочно. Ваши друзья просили передать вам, что время пришло. Они ждут вас, чтобы вместе с вами сделать последний решительный шаг. Встреча в

Гонконге очень важна, но основные события будут разворачиваться в Бодайбо.

— Вы сказали — срочно? Но ведь до центра Ч добираться отсюда не меньше недели, — воскликнул Корчак.

— Уже нет,— сказал Йоган, — мы открыли аэродром в Бодайбо для полетов, сегодня открыли. Нет никакого смысла больше таиться. Туда уже вылетели наши истребители, чтобы обеспечить защиту лагеря в случае военного конфликта. А вас ждет пассажирский самолет. Долетите за несколько часов и станете первым пассажиром на новой линии. Поможете в Бодайбо вашим друзьям и через два-три дня вернетесь назад, чтобы завершить вашу работу здесь.

— Я уже завершил ее! — сказал Ян.

Они либо не слышали его, либо не поняли, что он сказал.

— Я решил задачу, что вы мне поставили, Йоган, — повторил Корчак.

Они все разом обернулись, и недоуменно смотрели на него.

— Вот, скажите, — спросил Корчак, — почему вас так волнует, что государство может отнять у людей свободу, и совершенно не волнует, что ее могут отнять городские

власти. А ведь от них жизнь людей зависит в большей степени.

— Ну, это понятно, — воскликнула Катерина, — в городах все знают друг друга в лицо, все на виду, контролировать местную власть намного проще.

— Погодите, Катерина, — остановил ее Йоган, — уже сейчас есть города с населением в сотню тысяч человек, где никто друг друга не знает, а скоро появятся города-миллионники. Но Ян прав, мне даже в голову не приходило, что власти города могут украсть у жителей свободу. Я просто интуитивно чувствую, что не могут, но не могу понять почему. Вы знаете, почему, Ян?

— Наш городской казначей, сегодня объяснил это. — Корчак скорчил физиономию и попытался спародировать казначея: «Ни одна власть ничего не стоит, если городской казначей не найдет для нее финансовых средств».

— Да, это правда, — рассмеялся Йоган, — Городские казначеи не относятся к городскому совету, жители избирают их напрямую, и они отчитываются в финансах не перед городским советом, а перед жителями. И если городской казначей упрется... — он сделал паузу, — Кажется я улавливаю вашу идею, Ян, но, расскажите подробно.

— Вот эта самая десятина,— спросил Ян, — которую граждане Вольного мира сдают на государственные нужды, как она распределяется? Кто определяет статьи расходов, и кто решает, сколько средств куда направить?

— Ой, — вздохнула Мария, — это сложный и долгий процесс. Сначала бюджетный комитет из финансовых специалистов формирует предложения. Потом на основании этих предложений, правительственные финансовые чиновники формируют бюджет. А потом этот бюджет рассматривают депутаты от народа и либо соглашаются с ним, либо отвергают его.

— Я так понимаю, — сказал Корчак, — что вся эта сложность устроена, чтобы избежать злоупотреблений? И как, помогает?

— Не очень, — ответила Катерина, — вся история человечества показывает, что такие злоупотребления обязательно возникают, более того, любые злоупотребления властью со стороны государства всегда начинаются со злоупотребления финансами. Ведь чтобы ограничить свободу, государству надо как-то профинансировать действия по этому ограничению.

— Ну так вот вам и решение вашей задачи! — воскликнул Корчак. — Лишите государство возможности

распоряжаться финансами, и злоупотребление властью станет очень сложным делом!

— А как вы мыслите это, Ян? — спросила Мария, — вряд ли без финансирования государство сможет выполнять свои функции, наступит анархия.

— Фонды! — ответил Корчак, — Пусть граждане по-прежнему сдают десятину на нужды государства, но только пусть эти средства идут не напрямую государству, а в специальные общественные фонды: фонд обороны, фонд жалования чиновников, фонд здравоохранения, фонд образования. И каждый человек будет сам решать, в какие фонды, на какие статьи государственных расходов пойдет его десятина, и каждый сможет в любой момент проверить, как расходовались те средства, что он доверил государству. Потому что управляться эти фонды будут не государством, а самими гражданами. Каждый будет вправе учредить фонд для тех задач, выполнение которых он сочтет нужным поручить государству.

— Это нонсенс, — воскликнула Катерина, — откуда граждане будут знать, какие фонды наиболее важны для государства, и куда надо перечислять средства в первую очередь.

— Нет, вы только вдумайтесь, что вы только что сказали, Катерина, — воскликнула Мария. — Если даже вы сейчас

забыли о том, что это государство должно служить людям, а не люди государству, то что говорить о будущих поколениях! Вот в какие фонды люди будут перечислять свою десятину, вот те фонды и будут наиболее важны, а не наоборот.

— Но все-таки, — смутилась Катерина, — согласитесь, в бюджете полно таких статей расходов, какие совершенно непонятны обычным гражданам. Эти статьи могут быть очень важны, но на них никто не будет жертвовать свою десятину, просто потому что их важность не очевидна.

— Вот и объясните гражданам смысл и важность этих расходов, чтобы они стали очевидны, — ответил Корчак.
— А если чиновник будет не в состоянии это сделать, то не значит ли это, что он сам не понимает этого?

Все рассмеялись.

— Вы, конечно, правы, Ян, — сказал Гюнтер, — но и Катерина тоже права. Вот я, например, как человек, отвечающий за развитие науки в конфедерации, не смогу объяснить людям необходимость расходов на фундаментальную науку. Она ведь не даёт никакого видимого практического результата. Конечно, ученые и высокообразованные люди понимают важность таких расходов, но их слишком мало, чтобы наполнить фонд.

— Но ведь недостаток образования не означает недостаток разума, — ответил Корчак, — общество в целом вполне разумно для того, чтобы понять, что есть вопросы, которые можно и нужно доверять решать специалистам. Не государству, а именно профессионалам, которые пользуются авторитетом.

Он быстро нарисовал на листе бумаге схему, вложил ее в сканер и отправил Гюнтеру.

— Все это решается на уровне алгоритмов, — пояснил он, — это чисто математическая задача. Как только какой-нибудь профессор перечислит свой бонус на вашу фундаментальную науку, к этому бонусу тут же добавятся сто бонусов из специальных резервных фондов, которые будут автоматически формироваться для таких случаев. Но это случится только тогда, когда общество доверяет мнению этого профессора.

— Интересно, — сказал Йоган, — а всякие секретные расходы тоже будут на уровне алгоритмов распределяться? Вот у меня, как у начальника службы безопасности конфедерации, есть такие статьи расходов, которые я не могу оглашать. Я не могу раскрывать свои секретные операции, агентурные сети.

— Совершенно верно, — подтвердил Гюнтер, — который внимательно рассматривал схему Корчака, — то, о чем

вы не сможете рассказать людям, вы можете объяснить алгоритмам, на специальном языке. Алгоритмы не будут видеть самих ваших агентурных сетей, но будут понимать смысл этих расходов. И даже если вам вдруг удастся их обмануть, спустя некоторое время алгоритмы сами это поймут через систему обратной связи, и тогда вам, Йоган, не поздоровится. Короче, вам придется только объяснить людям саму необходимость такого секретного фонда, а уж о том, чтобы его наполнить и проконтролировать, позаботятся бюджетные автоматы.

— Мне пришло в голову еще одно обстоятельство, — сказала Катерина, — состоятельный человек, такой как вы, или я, его десятина в тысячи больше, чем десятина большинства граждан. Мы можем, сговорившись, взять под контроль всю финансовую политику государства.

— Не можете, — сказал Гюнтер, поднимая глаза от схемы, — Бюджетные автоматы тут же определяют такую вашу попытку и пресекут ее.

Он вложил схему Корчака в проектор и вывел ее на экран.

— Смотрите сами, тут все разумно и очевидно. Как только влияние какого-то источника средств или группы таких источников превышает пороговый уровень,

бюджетный автомат отсекает такой источник и наполняет из него резервные фонды.

Некоторое время Ареопак изучал схему.

— Это настолько просто и понятно, — сказала наконец Мария, — что это можно даже изучать в школе.

— Это **нужно** изучать в школе, — воскликнул с нажимом Йоган, — чтобы каждый гражданин с детства понимал, каким образом его финансы регулируют работу государства.

— Решено, — сказала Мария, — как только мы уладим вопрос с этим съездом ревизоров, следующим шагом надо будет вынести идею Корчака на всеобщее обсуждение. Что-то мне подсказывает, что ее примут с восторгом, потому что голосов, недовольных распределением государственного бюджета звучит все больше с каждым годом. Спасибо за работу, Ян, а сейчас — отправляйтесь в Бодайбо, ваши друзья ждут вас с нетерпением.

Однако вылететь он смог только на следующий день. Снежный шторм завалил взлетную полосу в Бодайбо, и расчистили ее только к утру.

Мощное ускорение вдавило Корчака в спинку кресла и не прошло нескольких минут, как самолет взлетел на невиданную высоту, выше самых высоких облаков. Они раскинулись далеко внизу, напоминая обширные снежные поля, какие иногда можно было видеть в Бодайбо с борта коптера в зимний солнечный день.

Увидев эту картину, Корчак вдруг понял, что он не хочет возвращаться в Бодайбо. Он ощутил, что Бодайбо вдруг стал совсем чужим для него местом. Неприятным и отчасти даже враждебным.

Как там сказал Ньютон про Лагерь? «Как будто это не со мной было!» Очень точно! Корчак тоже почувствовал, что та прежняя лагерная жизнь отдалилась от него настолько, что он перестал воспринимать ее, как свое прошлое.

Но было в той жизни и то, что все же принадлежало ему, что было по-настоящему. Это была Анна. Он вдруг понял, что прямо сейчас увидит ее, и у него на душе стало хорошо. Ради Анны он готов был смириться с Бодайбо.

Но вместо Анны его встречал О'Нилл.

Должно быть разочарование и огорчение слишком явственно отобразились на лице Корчака, и О'Нилл понял, в чем дело.

— Анны нет в Лагере, — сказал он. — Она улетела на съезд ревизоров в Гонконг. И Стар туда же улетел. Но они вернутся уже сегодня вечером. И Глинская тоже через час прилетает. Тут сейчас почти никого нет, но все срочно возвращаются. А вас ждет Такэда Рин. С нетерпением ждет.

Они пересели в лагерный коптер. Корчака обдало вонью плохой солярки, и он удивился, неужели еще совсем недавно этот летающий ящик с пропеллером казался ему верхом комфорта.

— Как там? У них? В тех Вольных городах? — крикнул О'Нилл, перекрывая шум пропеллера, — говорят не хуже, чем на Безмятежных Островах?

— Лучше! — крикнул в ответ Корчак. — Это нельзя описать, потому что в лагерном лексиконе нет таких слов!

— Это правда, что там любой человек может открыть свое производство? — вдруг спросил О'Нилл. — И даже построить свой завод?

— Может! — ответил Корчак.

— А вот если у меня... — замялся О'Нилл, — я же с юности всякие механизмы изобретаю, у меня целый ящик чертежей. Можно там наладить производство всего этого?

— Если это нужно людям, то можно! — крикнул Корчак.
— Там все люди решают! Если люди решат, что ваши механизмы нужны и полезны для них, то ваше производство будет процветать.

— Точно нужны! — убежденно сказал О'Нилл, — я ненужных вещей не изобретаю.

— Тогда все в порядке, — улыбнулся Корчак.

— А что нужно, чтобы наладить производство? — поинтересовался О'Нилл после паузы.

— Умение, талант, трудолюбие и инвестиции!

— У меня все это есть, кроме инвестиций, я даже не знаю, что это.

— Инвестиции у вас будут! — рассмеялся Корчак. — Это я вам обещаю! С инвестициями я вам помогу, О'Нилл.

— Спасибо, Ян! — расстрогался О'Нилл. — А то я даже не знаю, как к этому подступиться. Вот и решил у вас спросить.

Они подлетели к зданию управления.

— Теперь резиденция ревизора здесь, у нас в управлении, — сказал О'Нилл, — целый этаж занимает.

Они спустились с крыши на лифте. Ревизорский этаж был совершенно пуст и лишь в коридоре дежурил одинокий

офицер ревизорской гвардии. Он поздоровался и назвал Яна по имени.

Корчак удивился, но взглядевшись, узнал бывшего сержанта Грегори Смита.

— Рад вас видеть, Ян, — сказал Грегори Смит. — Такэда Рин очень ждет вас, у меня приказ, вести вас, как вы только появитесь.

Они прошли коридором и подошли к кабинету, на котором была нарочито скромная табличка с одним только именем «Такэда Рин», без указания должности и звания.

Грегори постучал в дверь.

— Входите, Ян! — крикнул хорошо знакомый голос.

Не веря своим ушам, Корчак распахнул дверь.

Прямо на него смотрели насмешливые глаза Шарлотты Бронте.

Глава 52. И Упало слово

— Садитесь, Ян! — приветливо сказала Шарлотта.

Он опустился в кресло. Он ожидал чего угодно, только не этого. Он был ошеломлен и не знал, как начать разговор.

— Удивлены! — с удовольствием констатировала Шарлотта. — Ну ничего, сейчас я вас удивлю еще больше, и вам будет совсем не до смущения. Пока вы летели сюда, Ян, все изменилось. Вы взлетели в одном мире, а приземлились уже в другом.

Корчак продолжал молчать.

— Мы думали переговоры затянутся на много дней, — продолжила она, — но договорились обо всем за полтора часа. Ревизоры приняли сторону ваших друзей из ареопага. Они проголосовали за это единогласно. В новом мире им тоже нашлось место. Теперь они будут конституционными судьями. Будут следить за тем, чтобы ваши заповеди соблюдались, и никто не смел искажать их смысла. Им очень понравились ваши заповеди, Ян, они сочли их справедливыми, разумными и понятными.

— Это не мои заповеди, в том смысле, что это не я их сочинил, — сказал Корчак.

— Я знаю, — улыбнулась она, — неважно, кто сочинил, главное, кто принесет их в Лагерь.

Она лукаво посмотрела на него.

— А знаете, кто вошел в состав нового переходного правительства? Ах, да! Я ведь забыла сказать! Учрежден Триумвират — временное переходное правительство, которое будет действовать два года, до момента полной интеграции ЛагереЙ в Вольные территории. В него вошел — один представитель от ареопага, один представитель от ревизоров и один представитель от нынешнего земного правительства.

— Земного правительства? — изумился Корчак. — Правительства Нацистов? Оно что, капитулировало? Оно согласилось на ваши условия?

— Согласится, — засмеялась Шарлотта, — завтра согласится. Уже на рассвете у нас будет, как вы говорите, новое правительство нацистов. Мы подкупили ряд ключевых министров. Мы гарантировали им неприкосновенность от судебного преследования и передачу в вечную собственность их поместий на Безмятежных Островах, и они не будут нам препятствовать. А те, кого не удалось подкупить, те будут нейтрализованы этой ночью. Стар уже подготовил команду из молодых амбициозных чиновников, которые преданы нам. Они тут же возьмут все дела в свои руки и перехватят процесс управления. А Стар будет

представлять земное правительство в Триумвирате. Его избрали единогласно, да и больше некого было.

— А кого избрали от ареопага? — спросил Корчак.

— Мария! Ваша старая знакомая Мария!

— Это правильный выбор, — сказал, подумав, Корчак.

— Вам виднее, — улыбнулась Шарлотта. — А почему вас не интересует, кто вошел в Триумвират от ревизоров? — хитро сощурилась она.

— Такэда Сокаку! — воскликнул Корчак.

— Тепло! — засмеялась Шарлотта. — Но нет! Папа никогда не высовывается на первые роли! В Триумвирате будет заседать приемная дочь Такэда Сокаку, некая Минамото Ои! Знаете такую?

— Значит, я не увижу ее сегодня? — огорченно спросил Корчак.

— Увидите, — сказала Шарлотта, изумленно глядя на него, — она уже вылетела. Поразительная психология у вас, у мужчин! Ему сообщают, что его любимая женщина стала членом земного правительства, а его лишь интересует, как часто она будет теперь показываться дома.

— Вспомните, сколько времени мы не виделись, — вздохнул Корчак. — Каждая минута ожидания мне в мучение.

— Потерпите, — улыбнулась Шарлотта, — мы ждем их, её и Стара, с минуты на минуту. Как только все было подписано, они тут же отправились назад. Стар ведь тоже с Глинской больше месяца не виделся.

— И все же я не понимаю, — сказал Корчак, — вот наступит утро, Стар устроит государственный переворот! Рабство отменят. А дальше что? Если все рабы сразу прекратят работать, а они прекратят, если люди из мира Лагерея кинутся в Вольные города, а они кинутся, и вы не сможете их удержать даже под дулами винтовок... все рухнет в один миг.

— Вот поэтому — вы здесь! — сказала Шарлотта. — Как только наступит вечер, мы обрушим на мир наше Слово, а на рассвете в Лагеря придет Спаситель, который расскажет, что надо делать.

Она посмотрела на часы.

— Скоро в Бодайбо окончится рабочий день, и мы переключим все мировые информационные коммуникации на наш сервер. И по всему миру зазвучит наше Учение. Мы научим людей мыслить по-новому, мы дадим им новые ценности, мы выдавим рабов из их

сознания, насколько это возможно. Впрочем, зачем я вам объясняю... вы знаете.

— Может быть стоило начать это делать раньше? — нерешительно спросил Корчак.

Она отрицательно покачала головой.

— Нет, всему должно быть свое время. Надо было подготовить почву. Все это время наши стюардессы колесили по миру и несли в него благие вести от Спасителя. Они передавали эти вести обслуживающему персоналу в аэропортах, а оттуда все это попадало в Лагерь. Рассказы о сказочных городах за морем, где живут счастливые люди, где нет ни несправедливости, ни изнурительного труда, ни злого начальства. Где люди живут со своими любимыми и сами растят своих детей. Где эти свободные люди сами построили для себя такую жизнь, с которой не могут сравниться никакие Безмятежные Острова. Это были чудесные истории, Ян! И люди поверили в них. А когда они поверили, разнеслась весть, что Спаситель не погиб, что он отправился в эти сказочные города, чтобы позвать их жителей на помощь. Что он расскажет им о страшной несправедливости, которая царит в мире Лагере, об ужасной жизни лагерников. И они придут на помощь. Они прогонят несправедливую лагерную администрацию и установят

справедливую власть. Они покажут, что надо делать и научат, как вывести Лагеря из тьмы.

— Знаете, Ян, в чем сила этих благих вестей? — хитро улыбнулась она.

— Знаю, — ответил он, — в том, что всё это правда от первого до последнего слова! Тут нет ни единого слова лжи, ни единой нотки лукавства. Если бы мы попытались обмануть людей в Лагерях, заморочить им голову, их коллективный разум сразу же понял бы это. Столетия сплошной лжи, которая обрушивалась на них, воспитали в них особое чутье и научили особенно ценить правду. Чтобы завоевать их сердца, к ним надо идти только с правдой.

— Именно так, — кивнула она головой, — но вы это чудесно сформулировали, Ян, я бы так не смогла. А потому, — она встала из-за стола и потянулась как кошка, — завтра на рассвете, в Лагерь Бодайбо придет Спаситель, и с ним придет помощь от жителей Вольных заморских городов. И это будет транслироваться по всему миру, по всем Лагерям.

Она подошла к стенному шкафу и вытащила большой бумажный пакет.

— Вот тут ваша Шляпа и ваше знаменитое пальто!

Что-то не так было в ее облике, что-то непривычное. Он пытался понять, что именно, и, наконец, обратил внимание на ее необыкновенно свободное платье, под которым угадывался большой живот. Она перехватила его взгляд и рассмеялась.

— Да, Ян! Вы уж меня извините, но я не могла не попробовать воспользоваться возможностью, что подвернулась мне той ночью. Но не волнуйтесь, Анна простила мне эту маленькую шалость, с условием, что все остальные маленькие ревизорчики будут исключительно в ее исполнении.

Корчак оторопел. Когда он говорил о своих будущих детях, он думал об Анне. И вот перед ним стояла женщина, которая носила его ребенка, и эта женщина не была Анной.

— Папа хотел рассказать вам об этом, когда вы вернетесь, — улыбнулась Шарлотта, — но вы так задержались, что уже и без слов видно.

Внезапно дверь распахнулась без стука. Корчак обернулся. Это был полковник, вернее, теперь уже генерал Кидд. Но он был в гражданской одежде и выглядел очень непривычно. Корчак даже не сразу узнал его. Кидд был крайне взволнован.

— Поднимитесь на крышу, — крикнул он, — вам это нужно видеть.

— Что случилось? — спросила Шарлотта.

— Это сложно объяснить словами, лучше показать. Быстрее, на крышу.

Они поднялись на крышу, тут уже были Глинская, Тагор и О'Нилл. Сгущались сумерки.

— Вон там, на востоке, — крикнул Кидд, показывая рукой направление.

Прямо над горизонтом горела ровным светом яркая-преярая звезда.

— Она появилась прямо на глазах, ниоткуда, — воскликнул Кидд.

— Это посадочные огни самолета, — сказала Глинская, — я как раз объясняла это Тагору и О'Ниллу...

— Посадочные огни? — удивленно воскликнул Кидд. — А почему у самолета Корчака не было таких огней?

— Они были, но они хорошо заметны только в сумерках и в темноте, — ответил Корчак.

— Это Стар и Анна, — воскликнул О'Нилл, — я полечу, встречу их.

— Надо же, — задумчиво сказал Кидд, — даже если бы в Лагере кто сомневался, что завтра явится Спаситель, эта звезда прогнала бы все сомнения.

Он вдруг встрепенулся.

— Лагерь! Как же сразу не подумал! Ведь в Лагере тоже видят эту звезду. Мне надо быть там, — воскликнул он и умчался.

В Лагере, конечно же, видели. Уже неважно, кто первый заметил вспыхнувшую в небе звезду и обратил на нее внимание. В течение нескольких секунд весть разнеслась по всему Бодайбо и народ высыпал на улицы.

Остановилось производство. Люди стояли в недоумении, и на их лицах постепенно стала проступать радостная надежда.

«Спаситель!» — тихо сказал кто-то. — «Он посылает нам знак! Это правда! Он и вправду придет!»

«Спаситель», «Спаситель посылает знак!» — зашелестело по рядам.

И отряды стражников, которые выливались потоком с вахты, чтобы навести порядок, натолкнувшись на этот шелест, остановились и рассыпались.

Люди стояли повсюду и просто смотрели на опускавшуюся звезду. По щекам у многих текли слезы.

Стражники тоже стояли и смотрели. Кто-то просто смотрел, а многие, отбросив в сторону винтовку и невзирая на стоящее рядом начальство, доставали из кармана маленькие иконки и прикладывали их к сердцу.

И начальник конвоя, приготовившийся как обычно сыпать матерной руганью направо и налево, раздавая удары плеткой, вдруг остановился, да так и остался стоять с открытым ртом, прислушиваясь к новым ощущениям, охватившим его. И вдруг он осознал, непонятно каким образом, но осознал четко и неотвратно, что больше никогда в жизни ему не доведется кричать на людей и хлестать их плеткой. И он отбросил плетку в сторону, и хотел было возвратиться на вахту, но остановился и стал вместе со всеми смотреть на эту звезду.

Потом звезда плавно опустилась на землю и ее стало не видно.

— Туда! Все туда! — крикнул один из лагерников! — Найдем её! Попробуйте только нас остановить! — крикнул он ближайшему стражнику.

— Да куда ж вы в тайгу-то, — растерянно ответил тот, — там же снегу по горло.

— Ничего, затопчем, нас много!

— Стойте! — разнесся над толпой пронзительный крик!
— Куда вы собрались, дураки!

На пригорок вскарабкался другой лагерник и обратился к людям!

— Хороши мы будем, если Спаситель придет к нам сюда, а нас нет, мы в тайге топчемся! Надо ждать Спасителя здесь, он сюда придет, в Лагерь, ибо так сказано в благих вестях! Нам надо организовать и подготовиться к его приходу. Вы на себя в зеркало давно смотрели? Вот ты, — он тыкнул в ближайшего человека пальцем, — когда свой ватник последний раз чистил? Не стыдно в таком виде Спасителю показываться?

На пригорок взбежал еще один человек:

— Надо место расчистить и помост возвести! — крикнул он, — чтобы, когда Спаситель говорить будет, все его видели и слышали.

— И радистов найдите, чтобы трансляцию сделали, — крикнули из толпы.

— И вы тоже работайте, — крикнул человек с пригорка стражникам, — хоть так загладите свою вину перед приходом Спасителя.

С другого конца донеслась знакомая мелодия. Чей-то звонкий голос, громко и не таясь, запел запрещенную

песню «И придет Спаситель и развеет тьму». Ее тут же подхватили мужские и женские голоса. Песня, за которую можно было угодить в карцер и которую до сих пор пели только вполголоса, собираясь на ночные бдения, потекла над Лагерем свободно и открыто.

А Корчак стоял на крыше и вспоминал, как мчался бегом вверх по лестнице к комнате, где его ждала Белоснежка.

«Я слышала, как ты бежишь, — сказала она ему тогда, — каждый твой шаг».

Удивительное дело, он сейчас стоял на крыше и точно так же каким-то неведомым чувством ощущал ее приближение. Вот она приземлилась, вот она села в коптер, вот коптер взлетел, вот сейчас станет слышен шум его винтов... и шум действительно стал слышен. Он рванулся навстречу так, что Тагор едва удержал его, ухватив за локоть:

— Ты что, под винты попадешь!

И вот, наконец, он утонул в ее объятиях, ощутил щекотание ее локонов на своем лице. Она покрывала его лицо поцелуями и шептала: «Люблю, люблю, люблю...».

Появился Кидд.

— Все в порядке! — крикнул он. — Моим людям в Лагере удалось взять ситуацию под контроль. Они поют гимны и готовят лагерь к приходу Спасителя. Вам надо завтра затемно быть у ворот, Ян. Чтобы без опозданий, с первыми лучами солнца войти в Лагерь. Было бы неправильно заставить их ждать даже несколько лишних минут.

Он повернулся к Шарлотте.

— Весть о том, что над Бодайбо возшла новая звезда, предвещающая приход Спасителя, уже ушла в другие Лагеря. Даже без нашего участия, телеграфисты сами передали. Надо бы закрепить эффект.

— Что ж, пришла пора вбросить в мир наше Слово, — сказала Шарлотта. — Сейчас спустимся вниз, к компьютеру и запустим. Приглашаю всех поучаствовать.

Она направилась к лифту.

— Постойте, — крикнул О’Нилл. — это будет несправедливо. Вас шестеро, а кнопка у компьютера только одна. Вы все вместе должны сделать это.

— Какие пустяки, — засмеялся Тагор, — какая разница, кто из нас нажмет эту кнопку.

— Нет, — серьезно возразил О’Нилл, — это же исторический момент. О нем потом в учебниках истории

напишут. Может и меня упомянут, что я рядом стоял, — вздохнул он.

Он подошел к какой-то конструкции, накрытой чехлом, что стояла в углу и решительно сдернул с нее брезент. Под чехлом скрывалось нечто напоминавшее огромный рубильник.

— Вот, — сказал О’Нилл, — это я придумал. Вы тут это все вместе включите, а внизу компьютер сработает. Тут как раз хватит места, чтобы шестерым встать и взяться за ручку.

Их действительно было шестеро.

Трое мужчин и три женщины.

Шесть человек, изменивших мир.

Они засмеялись.

Они подошли к рубильнику.

Они дружно ухватились за ручку, и повернули ее.

И Упало Слово!

Обращение к читателям

Эта книга распространяется на условиях **PWYW** (Pay what you want) или «Плати сколько хочешь» ее автором, Андреем Шипиловым.

Это значит, что вы можете читать ее бесплатно и ничего не платить, если сочтете ее бесполезной.

Если же вы найдете ее стоящей, то можете внести в качестве пожертвования автору любую сумму, эквивалентную, по вашему мнению, ценности произведения.

Вы можете так же подписаться на Patreon автора и получить ранний доступ к новым произведениям

<https://www.patreon.com/ashipilov>

Пожертвовать автору по НЕ российским пластиковым картам
<https://www.okpal.com/shipilov/>

Пожертвовать автору по Российским пластиковым картам
<https://shipilov.com/donate.html>

Пожертвовать автору через Paypal
<https://shipilov.com/donate.html>

Вы можете свободно распространять данную книгу, при условии, что ее содержимое не будет модифицироваться.

Оглавление

И упало слово	1
Часть первая. Человек, уставший бояться.	2
Вступление к первой части	2
Глава 1. Сэндвич Сабмарин	6
Глава 2. Вы поклялись мне!	21
Глава 3. Великая Гибридная	33
Глава 4. Прощальный подарок	42
Глава 5. «С блэкджеком и шлюхами».	53
Глава 6. «Человек, уставший бояться»	70
Глава 7. Я вас запомнил	80
Глава 8. Все точки над і	90
Глава 9. Я отпускаю тебя	111
Глава 10. Исцеление.....	120
Глава 11. Это блаженное «Где-то»	130
Глава 12. Поиски наугад.....	141
Глава 13. Игры разума.....	154
Глава 14. Один раз — не обмылится.....	171
Глава 15. Главный подарок Капо.....	181

Глава 16. Белоснежка.....	190
Часть вторая. Я создал вас	205
Предисловие ко второй части	205
Глава 17. О дивный новый мир!	208
Глава 18. Женщины Минамото.....	217
Глава 19. Вначале было слово	228
Глава 20. Архипелаг ГУЛАГ.....	246
Глава 21. Города эпохи Возрождения	262
Глава 22. В зоне особого внимания.....	280
Глава 23. Восставший из прошлого	291
Глава 24. Приглашение на Казнь	305
Глава 25. Скрытая угроза.....	319
Глава 26. Тайна секретной двери.	337
Глава 27. День рождения Вождя	354
Глава 28. Империя наносит ответный удар	366
Глава 29. Его имя — Вольтер.	377
Глава 30. Враг у ворот	397
Глава 31. Мистер Октябрь	410
Глава 32. Несть ни эллина, ни иудея	429
Глава 33. Я создал вас	441
Часть третья. И упало слово.....	451

Вступление в 3-ю часть.....	451
Глава 34. Идем со мной	456
Глава 35. Своя Мата Хари.....	472
Глава 36. Мест нет	484
Глава 37. Убить Математика	496
Глава 38. Демиург.....	514
Глава 39. Слово и дело.....	528
Глава 40. И пусть Спаситель умрет	544
Глава 41. Зови меня Джон Браун.....	562
Глава 42. Десять Заповедей	575
Глава 43. Старик Черчилль.....	589
Глава 44. Тень на стене	605
Глава 45. Где загораются звезды.....	622
Глава 46. Под арестом.....	641
Глава 47. Белые Трюфели	657
Глава 48. Вы молодец, профессор!	673
Глава 49. Капитуляция – это не измена.....	686
Глава 50. Фонд Яна Корчака	698
Глава 51. Возвращение	712
Глава 52. И Упало слово	725
Обращение к читателям	739

